

НАРОДЫ РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ В ИМПЕРИЮ. IV АСФАНДИЯРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 7 декабря 2023 года)

**УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
НОЦ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН
РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН
БАШКОРТОСТАНСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ**

**НАРОДЫ РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ В ИМПЕРИЮ.
IV АСФАНДИЯРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 7 декабря 2023 года)*

Научное электронное издание сетевого доступа

**Уфа
РИЦ УУНИТ
2024**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
НЗ0

*Печатается по решению кафедры истории России, историографии
и источниковедения УУНиТ.
Протокол № 5 от 30.01.2024 г.*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор **Б.А. Азнабаев**;
канд. ист. наук, доц. **Р.Н. Рахимов** (отв. редактор);
канд. ист. наук, доцент **А.И. Уразова**;
д-р филос. наук, профессор **И.В. Фролова**;
канд. ист. наук, доцент **Э.Ю. Шиляев**

НЗ0 **Народы России в XVII – начале XX века: опыт интеграции в империю.**
IV Асфандияровские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Р.Н. Рахимов. [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. – 292 с. – URL: <https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2024/097.pdf> – Загл. с титула экрана.

ISBN 978-5-7477-5923-7

Сборник включает материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти выдающегося советского и российского историка А.З. Асфандиярова, прошедшей в Уфимском университете науки и технологий.

В докладах рассматриваются проблемы интеграции народов в империю, военной истории России, этнокультурных и демографических аспектов региональной истории, краеведения. В сборник вошли публикации аспирантов, магистрантов и бакалавров, посвященные актуальным проблемам истории России.

Материалы сборника представляют интерес для исследователей, преподавателей, музейных работников, аспирантов и студентов, краеведов, всех тех, кому интересна история России и Башкирии.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-7477-5923-7

© УУНиТ, 2024

Анвар Закирович Асфандияров

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	7
<i>Аккубеков Р.Ю.</i> Источники по истории зауральских башкир (по материалам Тюменского государственного архива).	8
<i>Алешин П.Н.</i> Государственная политика и деятельность земских учреждений в становлении и развитии начальных профессиональных учебных заведений России на рубеже XIX – XX вв.	18
<i>Аманжолова Д.А.</i> К вопросу о взаимодействии Башкирского и Казахского национальных движений в начале XX века.	28
<i>Бурангулов Б.В., Бурангулова З.Ю.</i> Экосреда, социально-экономическое и демографическое состояние башкирского села Бурангулово Белебеевского уезда в конце XIX – начале XX вв. ...	37
<i>Ваганов Р.Р.</i> Санаторно-курортное обеспечение партуправленцев «второго эшелона» в БАССР периода позднего Н.С. Хрущева.	44
<i>Валева А.Р.</i> Демографическое развитие сел Верхний и Нижний Суык-су в период с 1719 по 1816 гг.	48
<i>Гребенкин А.Н.</i> Практика зачисления представителей народов северного Кавказа и Закавказья в военно-учебные заведения Российской империи в 1-й половине XIX в.	59
<i>Григорьев С.И.</i> «Совсем нет нашего намерения иметь сей полуостров... в нашем подданстве...»: когда на самом деле в Петербурге решили присоединить Крым к России?	70
<i>Красовицкая Т.Ю.</i> О подходах советских наркомов А.Луначарского и И.Сталина к этнокультурным проблемам 1920-х годов: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания.	82
<i>Курицын А.И.</i> Проблема интеграции народов Российской империи в современной историографии черносотенного движения.	92
<i>Лукманова Р.Х.</i> Интеграционный потенциал идеи соборности в русской философии	101
<i>Рахимов Р.Н., Саитбатталов И.Р.</i> Первые бои 112-й Башкирской кавалерийской дивизии во фронтовых стихах	108
<i>Садыков А.К.</i> Актуальность дефиниции антиправительственного выступления под предводительством Емельяна Пугачева.	115

<i>Саитбатталов И.Р., Евлашкина А.Н.</i> Тюркоязычные рукописи из собрания Шамигула Бикбаева	121
<i>Сотников Е.А.</i> Проблемы кадрового обеспечения моторостроительного завода № 26 в годы Великой Отечественной войны	126
<i>Таймасов С.У., Хамидуллин С.И.</i> Каранай Муратов: уточненные подробности повстанческой деятельности	137
<i>Ульянов И.Э.</i> История легкой пехоты на страницах дореволюционных энциклопедических изданий	149
<i>Уразов А.З.</i> Теневая экономика в период хрущевской «оттепели» в работах советских исследователей	158
<i>Утягулов М.М., Бессилин Н.А.</i> К вопросу о заселении Башкирского края пришлым населением (конец XVI – начало XX вв.)	164
<i>Хазиев Р.А., Хазиева М.А.</i> Вклад БАСССР в восстановление Донбасса периода Великой Отечественной войны в мультимедийной экспозиции уфимского Исторического парка «Россия – моя история».....	173
<i>Чернышов С.А.</i> Сибирь в составе Российского государства: ретроспективный и современный дискурсы локальной исторической памяти	176
<i>Шаяхметов Ф.Ф.</i> А.З. Асфандияров и развитие исследований истории и этнографии в Башкортостане	183
<i>Шумилов Е.Н.</i> Терюхане: кто они?	192

Молодежный конвент

<i>Алпеев А.А.</i> От студента до заведующего кафедрой: профессиональная траектория жизни И.Г. Коцюбинского	201
<i>Батталов Р.Р.</i> Мелкорозничная торговля в Уфе эпохи НЭПа	204
<i>Бахтиярова З.В.</i> Башкирская музыкальная культура: от оперы Альмухаметова до этнопопмузыки Зайнетдина	208
<i>Богословский Н.С.</i> Дружины российского государственного ополчения периода Первой мировой войны в отечественной историографии	215

<i>Валеева А.Ф.</i> Покушения на Александра II: взгляд из Уфимской губернии	220
<i>Васильев М.С.</i> Новейшая отечественная историография об агитационно-пропагандистской работе на фронте и в тылу периода Великой отечественной войны.	228
<i>Гильмутдинова Р.Ш.</i> Художественная интерпретация образа Емельяна Пугачева в картинах В.Г. Перова «Суд Пугачева» и С.В. Герасимова «Восстание Пугачева»	233
<i>Горохова Е.В.</i> К вопросу о заселении белорусами территории Республики Башкортостан в XIX-XX вв.	238
<i>Гоффер П.С.</i> Теневые сделки подпольных дельцов Ленинградского экономического района в годы «Хрущевского реформизма»	242
<i>Зиннурова Д.Д.</i> Участие солдат-мусульман в организационной деятельности Уфимского гарнизона в 1917 г.	246
<i>Кильдигушева З.Р.</i> Акушеры Башкиро-мещерякского войска	249
<i>Коваленко Е.С., Малинкина И.А.</i> Образ советской женщины на страницах журнала «Башкортостан кызы» в 1970-е гг.	254
<i>Магадеев А.Р.</i> Жилищная реформа и ее реализация в БАССР периода «Хрущевской оттепели»	258
<i>Салимова Г.А.</i> Использование муниципальных архивов в научных исследованиях (на примере муниципальных архивов Республики Башкортостан)	263
<i>Суфиянова Д.М.</i> Личный дневник советского инженера как исторический источник по советско-кубинским отношениям.	269
<i>Телямбетов А.И.</i> Современная отечественная историография о повседневной жизни городских жителей БАССР в 1920-1930-х гг.	273
<i>Трезе М.А.</i> Новейшая отечественная историография о реализации новой экономической политики на периферии	377
<i>Шерман Е.К.</i> Направление деятельности Уфимского отделения Российского общества красного креста в период Первой мировой войны	281
<i>Хафизова З.А.</i> Цифровое будущее истории (на примере взаимоотношений Булгарского царства и башкир)	286
Список сокращений	291

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник, представляемый вниманию читателя, включает материалы IV Асфандияровских чтений, проводимых Уфимским университетом науки и технологий и посвященных памяти выдающегося историка и общественного деятеля, профессора Анвара Закировича Асфандиярова (1934–2014). Круг научных интересов А.З. Асфандиярова был широк. Он включал в себя вопросы социально-экономической истории Южного Урала XVIII–XX вв., демографию, историю семьи и брака, военную историю башкир, историю сел и деревень Башкирии. По каждому из этих направлений из-под пера автора вышли замечательные труды – монографии и статьи, занявшие свое место среди классических трудов ученых, писавших о Башкирии и её народах.

Анвар Закирович стал основоположником изучения поселений малой родины – его многотомная «История сел и деревень Башкортостана» на многие годы стала настольной книгой краеведов, историков, жителей края. В своих телевизионных передачах и публикациях он возродил интерес к изучению родословных. Воплощением его подвижнической деятельности в этом направлении являются праздники шежере, проводимые по всей Республике Башкортостан, внимание жителей края к истории своего рода.

А.З. Асфандияров умело сочетал в своей работе различные виды источников, прекрасно разбирался в особенностях источниковедения, выступал как публикатор наиболее выжних исторических документов. Творческое наследие А.З. Асфандиярова огромно, оно ждет своего исследователя.

В настоящем сборнике публикуются материалы традиционной конференции, проводимой Уфимским университетом науки и технологий (ранее – Башкирский государственный университет) в память об ученом. В университете многие годы плодотворно трудился Анвар Закирович, оставив о себе память блестящего лектора, преподающего историю на русском и башкирском языках, учителя многих поколений студентов и аспирантов, профессора исторического факультета.

УДК 930.25

Аккубеков Р.Ю.
канд. филол. наук
Россия, Уфа, ИИЯЛ УФИЦ РАН

Akkubekov R.Yu.
c. of philolog. s.
Russia, Ufa, IHLL UFRC RAS

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗАУРАЛЬСКИХ БАШКИР
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА)**

Аннотация: в статье приводятся архивные материалы, хранящиеся в фондах Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» о существовании по берегам рек Исети башкирских деревень XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: Башкиры, Зауралье, река Исеть, восстания.

**SOURCES ON THE HISTORY OF THE TRANS-URAL BASHKIRS
(BASED ON THE MATERIALS OF THE TYUMEN STATE
ARCHIVE)**

Abstract. The article presents archival materials stored in the funds of the State Budgetary Institution of the Tyumen region «State Archive of the Tyumen region» on the existence of Bashkir villages along the banks of the Iseti rivers of the XVII–XVIII centuries.

Keywords: Bashkirs, Trans-Urals, Iset River, uprisings.

Башкортостан и южносибирские степи тесно переплетены этническими, историческими, культурными взаимосвязями. Поэтому не случайно целый ряд документальных материалов, касающихся истории Башкортостана и башкирского народа, отложились в сибирских архивах.

В фондах Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» хранятся документы, отражающие историю жизни башкирского населения Зауралья с XVII в. до XVIII вв. В этих документах отражается история бесправного и беспокойного существования в верховьях и низовьях реки Исеть и Тобола башкирских деревень. О постоянных стычках

с русскими отрядами, а также разбойничьими шайками беглых, которые жили только за счет грабежей, убийств и угона скота у местного населения. Приведем текст одного из этих документов: «Отписка Тюменской воеводы Ивана Лодыгина Тобольскому воеводе Петру Ивановичу Годунову о посылке вверх по реке Исети казаков, для проведения о воровских людях, о расспросах в башкирских деревнях о ворах 1667 г.». Текст донесения приводим без сокращений:

«Господину Петру Ивановичу.

Иван Лодыгин челом бьет. В нынешнем господине во РОЕ - м (175-м – 1667 г.)

Августа в Д (4) день приехал на Тюмень ис Катайского острогу ис проезжие станицы тюменские реитары Иван Кириллов с товарищи и подали мне отписку Катайского острогу приказчика верхотурского стрельца Якунки Якимова. В отписке его наткано в нынешнем де во РОЕ-м (175-ом году – 1667 г.) июля в ЛА (31) день послал он в станицу катайских казаков вверх по Исяти для вестей про воинских людей к башкирцам, и они де были в четырех деревнях башкирских и сказывают де они про воинских людей не слышати и про царевича вестей нет, а есть де вор Безпелтючко в десяти человеках ворует в слободах лошадей крадут и людей бьют, а нашим де юртам след прикладывают и веснесь (прошлой весной) де наших людей русские люди побили для него Безпелтючка, а живет де он в темных лесах, а поймать де его не можем и просят русских людей десяти человек, и мы де его поймаем, а будет не можно де поймать, ино бы де его побить беспечно, а он де у царевича не бывал ворует собою, а бывал де он Безпелтючко туринского ясаку. Такова ж отписка послана с реитаром с Петром Преславским [2, л. 1–3]».

Как видим по документу, казацкие отряды вели поиски по башкирским деревням расположенных вдоль реке Исети отрядов сибирского царевича Кучука (? – 1679). Царевич Кучук, потомок хана Кучума, на протяжении всей своей жизни ввел борьбу за возвращение Сибирского ханства и после каждого разгрома был вынужден укрываться от преследований. По документу видно, что на данной территории существовала шайка воровских людей, промышлявших грабежом местного населения. По тому, как башкиры спрашивают у служивых людей разрешение на уничтожение разбойничьей шайки, мы полагаем, шайка могла иметь негласную поддержку у местных властей.

Сохранились донесения и рапорта офицеров Тобольского драгунского полка, которые неоднократно принимали участие в карательных экспедициях против народов Сибири и восставших башкир. Военные походы по усмирению бунтующих башкир

способствовали захвату башкирских земель по берегам рек Тобола и Исети, а также приобретению рабов. Вот, к примеру, отчеты командира драгунского полка полковника Павлуцкого.

«Ведомость Сибирского гарнизонного драгунского полка о полковнике Якове Павлуцком, коя сочинена 1748 года, декабря 25 дня.

1. Служит Ее Императорскому Величеству с прошлого 715 (1715 г.) года, а определен из дворян в капитаны в Сибирский гарнизонный драгунский полк, в котором и поныне служит, и бывал во многих партиях и на боях против неприятелей, тогда оказуемых киргиз-кайсаков и воров башкирцев, а особливо в 1720 году, с бывшим полковником Парфентьевым ходили в партию на киргиз-кайсацкие улусы, и во оных тех кайсаков побили и в полон взяли немалое число, причем и лучшего их Пахан-Шамамена Мурзы улусы разбили, и сына его, Сам-Мурзу, в полон взяли. И от того полку с порученными ему командами и в других многих командированиях со оногo 1715 года бывал.

2. В прошлом 1728 г., в июнь месяц, был в летней партии за неприятели киргиз-кайсаками, а в 1759 г. в марте и апреле был в зимнем походе с полковником Арсеньевым на Киргизские кочевные улусы. И в обоих тех партиях побили и в полон взяли оных кайсаков немалое число. В 1732 произведен в секунд-майоры, в 1733 в премьер-майоры, а в 1735 определен у смотрения над подушным сбором по вечным квартирам, где был более двух лет и ездил на своем коште чрез дальнее расстояние по тем вечным квартирам в Тобольской и Исетской провинциях. И по силе данной от военной коллегии инструкции и указов, во установлении на полковых дворах доброго анштальту и в сборе подушных денег и во взыскании немалой доимки (которой более 20,000 рубль.) взыскал, также и вновь взыскал на полковых дворов с прописных душ 7000 р., и во всем том порученном деле имел прилежное старание.

3. В 1736 г. в январе отправлен был из Тобольска с пехотною командою, с драгуны и с солдаты, в 400 человеках, наскоро на башкирскую границу, для выручки атакованнаго тогда внутрь Башкирии от бунтующих воров башкирцев провианта, который везен был на Верхоянскую пристань, но потом оный вышел в Течинскую с майором Шкадером благополучно. В 1736 г. был в зимнем походе с полковником Арсеньевым, для искоренения бунтующих тогда воров башкирцев, и в том походе был командирован с порученным ему командами в разны партии, и их воровских жилищ разорили и подожгли деревень больше 100, в полон взяли мужеска и женска полу с 200, побили больше 300

человек. Да того же 1736 г. командирован был легкою партией обще с подполковником Миклашевский за ворами башкирцами, кои немалым собранием приходили под Царев Курган, и оных догнав верстах во 100, чинили сильное сражение, при котором их воров побили и лошадей из под тех воров отбили немалое число. Да в 1736 же году с 1400 человек командирован для препровождения от Течинской слободы провианта во вновь построенную Чебаркульскую крепость, и для строения по Оренбургской дороге вновь крепостей, которых и построили того лета 2 земляния, одну при Миасс, другую при Чебаркуль озере, третью при Миасс же, достроили Челябинскую деревянную крепость. Да пришедших с повинною бунтующих воров башкирцев при Чебаркульской крепости привел он к Кургану 1626 ч., да главных воров и возмутителей к бунту, Юсупа и Сабана, при Чебаркуль же, призвав их, поймал, которые и представлены от него полковнику Тевкелеву и посланы в Екатеринбург к титулярному советнику Татищеву. Да в 1737 г. командирован он от Миасской крепости с 500 человек в партию, и наехал он воров башкирцев с 500 человек, идущих с Российским полоном и скотом, которые разорили Окуневского острогу 3 деревни, и со оными чинили сильное сражение, при чем тот российский полон, скот и шкарп у них отбили и их воров немалое число побили и в полон взяли 2 да лошадей 80. Да в 1737 г. с полковником Арсеньевым построили вновь, во отдалении от границы, при озере Эткуль, земляную крепость, и от той крепости командирован он, Павлуцкий, был для охранения Российских пограничных мест и верных башкирцев, при чем тогда многих верных башкирцев защищали и к сообщению с ворами не допустили. И те башкирцы и по ныне в верности состоят. В том же 1737 г. командирован он, Павлуцкой, с 1300 человек в партию для поиска и искоренения в воровстве башкирцев, кочующих тогда в дальних степных местах и в горах; и за ними шли денно и ночью с скорейшим поспешением, с немалым трудом, и нашед оных, сентября 25, на степи, разбили кочевных юрт со 100, и тут побили воров мужского женского пола, кои противились, больше 400 человек, в полон взяли 150, лошадей более 500 и несколько верблюдов и скота; и из тех лошадей годные определены вы полки под драгун, а прочие употреблены бывшим в партию в роздачу.

4. В том же 1737 г. пожалован он в полковники. В 1738 г. в летнее время был в походе по Оренбургской линии с полковником Арсеньевым, построили 2 земляные крепости, Верхояцкую и Уклыкарагайскую. И командирован был в партию за Урал в горы, обще с подполковником Бахметовым, в 2000 человек для поиска и

искоренения воров башкирцев; и оные, усмотря партию нашу с гор и в немалом собрании, например, более 2000 человек, повстречали в горах за р. Белой, и были с оными ворами три сильные сражения, и их воров с немалым уроном в горы обратили, от чего в то же время, склоняясь, оные башкирцы, пришли Ея Императорского Величества с повинною. И потом, по силе Генералитетских ордеров, он их воров при тех же новопостроенных крепостях к присяге 1000 человек приводил, со взятием с них штафных под драгун годных лошадей. А в 1739 г. послан для переписи башкирцев, живущих по сию сторону Урала, а некоторых башкирцев по реке Белой. Описывал 22 волости, в них 330 деревень, в коих 16017 душ. И описывал с немалым трудом, понеже тогда оные еще не твердо в верности состояли и в некоторых местах замешания были; и в горы за ними за Урал по кочевьям их ездил, и до возмущения к бунту многих всякими мерами недопустил. И в верности состоять утверждал. И сочиня о тех переписных башкирцах книги, подал в Исетскую Провинциальную канцелярию. 1738 г., Марта 6, правление полку Сибирского поручено ему.

5. В 1740 г. был он, Павлуцкой, с 1519 человек командирован для прекращения вновь начатого тогда, по возмущению вора Карасакала, Башкирского бунта. И ходили за Урал в горы легкими партиями, и чинили над оными бунтующими немалые поиски, и были в той зимней партии Марта с 10 Апреля по 21. И за вешним распутием и за глубокими тогда снегами и безкормицею лошадям, имели немалый труд. Да вторично от Верхояицкой ходил он Мая с 22 в легкую партию для поиску и искоренения вора Карасакала и его сообщников. А подполковник Князь Путятин с оставшею командою шел за ними. И во оной партии имели с ворами три сражения, первое у озера Чебаркуля, где было больше 1000 кибиток (Мая 25); второе Мая 28 при реке Яик, и третье Июня 4 за Тоболом рекой, на степи, близ Киргизских кочевых улусов. Также между Яиком и Тоболом сражения с ними были частыя, где их воров побито и в плен взято мужского и женского пола, а из пойманных и казнено немалое число. А расстоянием до повороту ими за ворами в степь денно и ночью, на пр., близ 1000 верст. Он же, Павлуцкой, оставя при Тобол с секунд-майором Беклемишевым команды на усталых лошадях с 900 человек, а сам по ревности своей, отважа себя, выбрал людей на лучших лошадях до 800 человек и ходил за ворами самым скорым ходом за реку Тобол, на пр., больше 100 верст; и чинили над ворами сильные поиски, и имели с ними сражение, и побили их воров больше 300, а в полон взято более 200; и были близ киргиз-кайсацких жилищ, и оттоль он, Павлуцкой, поворотил к оставшей команде при Тобол, понеже зашли весьма далеко в степь

с малым провиантом, а у команды лошади почти все стали, и за неимением провианта принуждены были в тогдашний Петров пост есть мясо. И обратно от Тобола до крепости Верхояицкой степью шли 10 дней, и в Верхояицкой получа провиант на команду и исправясь надлежащим, по секретным ордерам Генералитетским, ходил в третьичную в горы, с 22 Июня по 10 Июля, партию; и шли через камни, и горы, и топи, и леса непроходимые, по их воровским трактам, с немалым трудом более 600 воров. И с Подполковником Князем Путятиным пошли от Яику на разные тракты, и над ворами, укрывающимися тогда в Уральских горах, поиски учинили изрядные, и к убою в степь оставшего их воровского собрания не допустили, которые, видя себе от Российских войск погубление, явились к нему, Павлуцкому, в горах, а потом при Верхояицкой крепости (немалое же число) с повинною Ея Императорскому Величеству 5326 душ, и ружье свое положили, какое у кого имелось, кои и посланы, по силе ордеров генерала-лейтенанта князя Урусова, от Верхояицкой крепости с полковником Пальчиковым, с женами и с детьми и со скотом, июля 18 числа, в Оренбург. А сверх того побито командою Павлуцкого в помянутых трех, тако ж и в других легких партиях, 1630 человек, да в полон взято 1455 человек, из того числа, на страх прочим ворами, повешено 183 человека; отбито лошадей, коров и овец довольное число, и немалое число деревень сожжено воровских разных волостей 82, в них 689 дворов. Между тем же и другие легкие партии были командированы от него, Павлуцкого. В 1740 году оставлен он, Павлуцкой, был с командою в самой пограничной крепости Верхояицкой, для искоренения укрывающихся в горах воров башкирцев и для охранения от неприятельских людей верных иноверцев; и их посланными от него, Павлуцкаго, партиями выискано и переловлено немалое число.

6. В 1740 г. назначен находиться по Башкирской границе, по Тобольным и Мияским Форпостам, при том и разныя заграничныя дела ему поручены были, и находился здесь Марта по 17 числа, 1743 года. И в 1740 да 1741 выискано и побито посланными партиями, и пойманных казнено и в ссылку сослано в Россию и в Рогорвик и во флот в матросы послано, тако ж и казнено и в раздачу желающим роздано немалое число. Того ж 1740 г. произведен он, Павлуцкой, на место отставленного от службы полковника Арсеньева, в полковники.

7. В 1742 г., Мая 25, велено ему, для высочайшего Ея Императорскаго Величества интереса, прибыть с Сибирскаго полку с пятисотым числом драгун, из Течинской слободы в Орскую крепость. И обретался в Орской крепости по 6 Сентября. В то же время имелись

тут приезды киргиз-кайсацких владельцев, Абулхайр-Хана и Салтана с старшинами и батырами и прочими кайсаки, кои Его Превосходительством, т. е., Неплюевым, к присяге приведены. Между тем же, по ордеру Его Превосходительства, т. е., Неплюева, ездил из Орской к нему на встречу, для некоторых консилией, до Берской крепости. И в бытность в Орску определен к смотрению строящегося новаго Преображенского замка и правил бригадирскую должность. По возвращению из Орской к Сибирским границам, по ордеру Неплюева, все крепости осмотрел и надлежащая диспозиции учинил, и командующим в крепостях Офицерам предложил достаточные наставления. 10 Марта по 17 число Сибирскую сторону над регулярными и нерегулярными войска осматривал по инспекторской должности.

8. В марте 1743 года определен по-прежнему по сибирской границе ведомства Сибирской губернии в тобольные форпосты, для охранения пограничных мест от набегов неприятельских людей. По которым тобольным всем форпостам военные команды от него распределены и учреждены по степи отъезжие караулы и повседневные разъезды, и командующие офицеры снабжены пристойными инструкциями. И по Ее Императорского Величества из Сибирской губернской канцелярии секретным указам, все в тех тобольных форпостах вверено и поручено ему, яко пограничному командиру, в полное управление. А для лучшего охранения тобольной границы, по осмотру его, Павлуцкого, удобных мест, построено Сибирским полком и нерегулярными, состоящими в команде его, Павлуцкого, в 1743 году, со степной стороны по-за Тоболу, на 200 верстах 11 редутов, в том числе Лебяжий, на жилой стороне Тобола, по-за всем обывательским пашням и санным покосам, от прежних тобольных форпостов верстах в 20, и 30, и в 50, и определены при них пристойные команды с обери унтер-офицерами. А в 1744 году уже и роты были выведены к тем защитам в компаменты, и имели отъезжие караулы и повседневные разъезды. А потом ему, Павлуцкому, определено, по должности инспекторской, осмотреть 8 полков, а именно: Сибирского гарнизона, драгунские Сибирский и Новоучрежденный, пехотные Тобольский и Енисейский и батальон пехотный да обретающийся на китайской границе Якутский полк; токмо оный Якутский полк за дальностью смотреть ему отменено, а определено смотреть Оренбургской губернии полки. И все те полки он смотрел и мунстровал. А в октябре 1744 году секретным указом, по немаловажнейшим тогда объявленным экстрам, велено ему, с Сибирским и Новоучрежденным драгунским и из Томска

с командированным пехотным полками, и с нерегулярными городскими служивыми, следовать в верхиртышские крепости, в самоскорейшем времени, денно и ночью. И следовали денно и ночью до города Тары, и за неспособным и трудным тогда путем, за бесснежием, с немалым трудом. И в городе Таре получил из Сибирской губернской канцелярии от 12 и 25 декабря указы, по которым определено ему, по благополучным из Ямышевской крепости известиям ноября от 25, 26 и 28 числа, и за умалением в верхиртышских крепостях провианта и фуража, Сибирский и Новоучрежденный полки и 2-й пехотный батальон и нерегулярных тюменских и верхотурских казаков расположить до указа на винтер-квартиры в городе Таре и ведомства оного в уездах и в Омской крепости, а ему, Павлуцкому, с 1 батальоном и с тобольскими казаками, с 270 человек, следовать в верхиртышские крепости и там иметь главную команду. И по принятии команды и канцелярии от г. полковника Зорина, имел он, Павлуцкий, в снабжении оных крепостей артиллерией, порохом, свинцом, железом, провиантом, фуражом, и при строении во оных крепостях и форпостах вновь провиантских магазейнов и цехаусов и пороховых погребов и казарм, бастионов, надолбов и рогаток и прочего, и очищением рвов и в приготовлении довольно числа лесов и прочих надобностей, и в поставке довольно числа сена, и в расположении хлебопашества, и между крепостями в строении форпостов и станцов, коих и построено в 1745, 1746 и 1747 годах, наченши от Омской даже до Усть-Каменогорской и к Кольванскому заводу, форпостов 10, станцов 23, также и между оными маяков в каждом месте по 1 и по 2, для безопасности стоящим командам и лучшей коммуникации и чинение разездов, и для доброго ночлегу следующим разным командам, и в том во всем к лучшей пользе Высочайшего Ее Императорского Величества интереса и безопасности границы всеприлежнейшее старание имел. И притом секретные и заграничные и прочие дела с прилежностью отправлял, и во установлении в 5 крепостях доброго анштальту и в сочинении шнурованных книг прилагал надлежащие труды и старание, и ныне имеет неусыпное попечение.

9. Паки для осмотра разных полков следование имел с 3000 воинов и по возвращению в Ямышев, паки команду по Иртышской и Кузнецкой линиям, канцелярию и разные дела принял, и имел, и поныне имеет, он всеприлежнейшее старание по разным делам, яко-то приходу и расходу суммы, по артиллерии, также по добыче соли и отправлению в Тобольск на судах немалой суммы, коей и сего года и в прошедшее лето добыто до 16,000 пудов. И старание его ж,

Павлуцкого, обыскано, кроме Ямышева, другое соленое озеро близ Коряковского форпоста, на котором в садке имеется соли более Ямышева озера и соль в пищу годная. И произвождение хлебопашества и укомплектование команд ружьем, мундиром и амуницией, и исправление в крепостях строений гостиных дворов, и отправление дел с иностранными людьми, и с Российского купечества взяты пошлины, и прочие поручения ему дела имеются, которые происходят с лучшею пользою и приращением интереса, и во всем том неусыпное старание и всеприлежные труды прилагаем, о чем известно в походной его превосходительства Г.М. Киндерманан в Сибирской Губернской канцелярии. И сию ведомость оный полковник, и во свидетельство того Сибирского гарнизонного (т.е., полка) штабс офицеры подписуемся.

Полковник Яков Павлуцкий

Секунд-майор Григорий Васильев [1, с. 1–8].

Хранятся и документы о продажи в рабство иноверцев, захваченных в ходе карательных экспедиций. После удачных экспедиционных выездов казаки продавали излишки своих трофеев в сибирских крепостях, и это был не только домашний скот и утварь, но и «живой товар»: дети, молодые женщины, захваченные ими в сожженных башкирских деревнях. В XVIII веке торговля «живым товаром» в Сибири была разрешена правительственным указом, и считалась даже делом «богоугодным», так как предполагалось, что захваченные в бою «басурмане» и «идолопоклонники» в последующем будут обращены в христианскую веру. В этот период много живого товара купцы вывозили продавать и на внутренние рынки России. В 1825 г. правительство официально запретило позорную торговлю людьми. Этот документ приводим читателю полностью.

«Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2217. Копия купчей на башкирку 20 лет от роду взятую на бою жителем Богоарацкой слободы Никулой Федоровым и проданную за 5 рублей Тюменскому пешему казаку Алексею Наумову 9 марта 1744 г. – 1л.

1744 году марта 9 дня тюменский житель Иван Наумов предъявил на показанную Зыбу купчье письмо на простой бумаге, а в нем написано 1709 («0» вписан в пробеле между цифрами) году сентября 28 дня Багарядской слободы житель Никула Федоров продал есми в Арамилской слободе тюменскому пешему казаку Алексею Наумову Прибыткову женку башкирку двадцати лет, а взял я Никула у него Алексея за ту женку пять рублевъ с полтиною, а та башкирка взята на бою в степи вниз по Синаре реке у башкирцов. И он Никула ту башкирку опричь (кроме) ев(г)о Алексея никому не продана и не

заложена, а будет х(к)то в ту башкирку станет вступатца (вступаться) и своєю называть и им не Никуле ту башкирку очиш(щ)ать (доказать наличие прав собственности), а ачистя (от сл. очистить) отдат[ь] ему Алексею. В том, я Никула, ему Алексею на ту башкирку и купчую дал. За рукою Купч[у]ю писал по его Никулину велению писчикъ Кирило Черкавской. Подлинно купчей вместо Никулы Федорова по его велению писчикъ Петръ Юрьев руку приложил.

С подлинною читал под канцелярист Сав[в]а Гур[ь]ев. Подлинное письмо отдано показанному Наумову обратно. Подлинное пис[ь]мо Иван Наумов принял своеручно (собственноручно) росписалса (расписался).

Копия на гербовой бумаге [3, л. 1]».

Подводя итог обзору архивных материалов XVII–XVIII вв., хранящихся в фондах Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив Тюменской области», хочется сказать, что нашими исследователями многие материалы по истории башкирского народа, особенно история зауральских башкир, остаются малоизученными.

Литература и источники

1. Материалы для истории Сибири / собр. Г.Н. Потанин. М.: издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1867. 324 с.

2. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-47 Тюменская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 14. Отписка Тюменской воеводы Ивана Лодыгина Тобольскому воеводе Петру Ивановичу Годунову о посылке вверх по реке Исети казаков, для проведения о воровских людях, о распросах в башкирских деревнях о ворах 1667 г. 3 л.

3. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-47 Тюменская воеводская канцелярия. Оп.1. Д. 2217. Копия купчей на башкирку 20 лет от роду взятую на бою жителем Богоарацкой слободы Никулой Федоровым и проданную за 5 рублей Тюменскому пешему казаку Алексею Наумову 9 марта 1744 г. 1 л.

© Аккубеков Р.Ю., 2024

Алешин П.Н.
канд. ист. наук, доцент
Россия, Стерлитамак, УУНИТ

Aleshin P.N.
c. of h. s., associate professor
Russia, Sterlitamak, UUST

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СТАНОВЛЕНИИ
И РАЗВИТИИ НАЧАЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.**

Аннотация: на рубеже XIX – XX вв. ключевую роль в экономике России занимал аграрный сектор, однако его развитие постоянно сталкивалось с серьезными вызовами, такими как недостаточный уровень профильного образования населения, недостаток специалистов и отсутствие инфраструктуры, необходимой для самостоятельного использования фермерами. Самой важной из вышеуказанных проблем была нехватка квалифицированных кадров, специализирующихся в области сельского хозяйства. Задачами являлись также: укрепление взаимодействия с научным и экспертным сообществом, применение передовых научных знаний и доступ к передовым образцам агротехники и семенному фонду. Все это оставалось залогом стабильного и прогрессивного развития сельского хозяйства. Все проводимые изменения в государственной политике и практическая роль земских учреждений (в становлении и развитии профессиональных учебных заведений в России) на переломе XIX – XX вв. оказали влияние на развитие аграрного сектора. В связи с этим, активизация роли земств в процессе развития профессионального образования населения, занятого в сельском хозяйстве, стала одной из приоритетных для государства, но в то же время, само оно демонстрировало весьма противоречивые подходы к их деятельности.

Ключевые слова: земство, местное самоуправление, профессиональное образование, сельское хозяйство, агрономия, фермерство.

STATE POLICY AND ACTIVITIES OF ZEMSTVO INSTITUTIONS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF INITIAL PROFESSIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIA AT THE TURN OF THE XIX – XX CENTURIES.

Abstract. At the turn of the XIX – XX centuries, the agricultural sector played a key role in the Russian economy, but its development constantly faced serious challenges, such as insufficient level of specialized education of the population, lack of specialists and lack of infrastructure necessary for independent use by farmers. The most important of the above problems was the shortage of qualified personnel specializing in agriculture. The objectives were also to strengthen cooperation with the scientific and expert community, apply advanced scientific knowledge and access to advanced agricultural technology and seed stock. All this remained the key to the stable and progressive development of agriculture. All the changes in state policy and the practical role of zemstvo institutions (in the formation and development of professional educational institutions in Russia) at the turn of the XIX – XX centuries had an impact on the development of the agricultural sector. In this regard, the activation of the role of zemstvos in the development of vocational education of the population engaged in agriculture has become one of the priorities for the state, but at the same time, it itself has demonstrated very contradictory approaches to their activities.

Keywords: zemstvo, local government, vocational education, agriculture, agronomy, farming.

С учетом ряда внешних факторов (истощение семенного фонда, низкий уровень оснащённости агротехникой, итп) необходимость в развитии профессиональных учебных заведений в сельской местности становилась все более актуальной. В этом раскладе важность государственной политики в области образования и сопутствующей роли земских учреждений выделялась одними из ключевых аспектов обеспечения устойчивого развития аграрного сектора. Помимо низкого уровня специализированных знаний и отсутствия должного научного сопровождения, на состояние аграрного сектора регионов страны оказывали влияние и другие факторы, в частности местные традиции и устои, нежелание выхода из общины, и т.п.

Правительственная инициатива, направленная на активизацию роли земств в развитии аграрного просвещения, предусматривала освоение населением базовых принципов сельскохозяйственного образования и последующую консультационную поддержку фермеров

со стороны государственных структур. Это позволяло обеспечить население необходимыми знаниями и навыками для успешной индивидуальной деятельности в сельском хозяйстве, что содействовало развитию аграрного сектора [1, с. 43]. В этой связи наличие высококвалифицированных специалистов и внедрение передовых технических новинок для достижения образовательных целей становится все более очевидным. При реализации данной инициативы государством внимание, в первую очередь, уделялось обеспечению доступа к образовательным ресурсам и информации, а также формированию механизмов поддержки населения в сфере сельского хозяйства. Такой подход способствовал улучшению качества практической подготовки сельского населения и повышению производительности труда.

Со второй половины XIX в., ввиду распашки большего количества пахотных земель и увеличения населения страны, снижается регулярность высоких урожаев, что оказывает значительное воздействие на развитие сельского хозяйства. Увеличение численности населения также приводит к сокращению доступных для ведения сельского хозяйства земель, что в свою очередь ослабляет устойчивость хозяйств к внешним вызовам. Требовался такой подход, который мог бы значительно повысить компетентность самостоятельных крестьян, делая их хозяйства более продуктивными и устойчивыми к внешним вызовам, таким как неурожай, отрицательная селекция семенного фонда, борьба с вредителями и эпизоотиями домашнего скота, требует уделения внимания исследованиям в данной области [9, с. 99].

В период бурного капиталистического развития России сельское хозяйство сталкивалось с необходимостью кардинальных изменений. Негативное влияние стихийных бедствий, таких как неурожай, нашествие саранчи и иных вредителей – все это также играло значительную роль в ухудшении экономической ситуации крестьянских хозяйств, уменьшало местные доходы и подрывало стабильность общества. Кроме того, резкие изменения в экономических и экологических условиях создавали потребность в более глубоком и систематическом образовании фермеров, которых следует выделять отдельной группой. Данные изменения подхода требовалось не только для улучшения и распространения знаний среди них, но и обуславливалось необходимостью создания организационной и методической основы для систематического сельскохозяйственного образования. В ответ на все эти вызовы органы земского самоуправления приняли активные меры по стимулированию

образовательной деятельности в сельскохозяйственной сфере. Они осознали, что без повышения уровня специализированных знаний у фермеров, сельское хозяйство не сможет эффективно развиваться в новых экономических реалиях.

История развития сельскохозяйственного образования в России связана с появлением учебных заведений, направленных на изучение и практическое применение знаний в сельском хозяйстве. В этом контексте особое значение имеет роль региональных органов власти и финансовых институтов в поддержке подобных инициатив. Создание учебных заведений и курсов, ориентированных на потребности сельского хозяйства, стало одним из ключевых шагов в развитии аграрного образования. Развитие сельскохозяйственных школ было поручено местным органам самоуправления, включая земства, а также различным общественным структурам [10, с. 4.]. Ряд школ были открыты частными лицами – меценатами, которые, однако, преследовали сугубо экономические цели. Тем не менее, это позволило создать на начальном уровне учебные заведения и курсы, направленные на расширение и углубление знаний и практических навыков в области аграрных наук. Нововведения, внесенные в систему образования, предусматривали особое внимание к финансовой и материальной поддержке учебных заведений. Поэтому государство берет на себя обязательства выделять средства для стимулирования развития таких школ, что на то время было значительной суммой. Кроме того, предусматривалась выдача в бесплатное пользование земельных участков из казенных запасов, что создает благоприятные условия для организации обучения на практике. Этим решением открывались новые перспективы для развития сельскохозяйственного образования, предоставлялась возможность для всех заинтересованных сторон внести свой вклад в улучшение системы. В рамках нововведений, финансовая и материальная поддержка учебных заведений становится ключевым аспектом, способствующим развитию образования на местах. Государственные обязательства по выделению средств и предоставлению земельных участков из казенных запасов, несомненно, открыли новые возможности для роста и совершенствования сельскохозяйственного образования.

Введение в действие «Нормального положения о низших сельскохозяйственных школах» стало знаковым событием [4]. Это заложило фундамент для модернизации и укрепления системы сельскохозяйственного образования страны, способствовало повышению эффективности и производительности сельскохозяйственного труда в целом. Новые программы обучения,

современные методы преподавания и доступ к опытным участкам способствовал формированию у обучающихся не только теоретических знаний, но и практических навыков, необходимых для успешной работы в сельском хозяйстве. Это обновление также поспособствовало развитию научных исследований на местах, которые демонстрировали разного рода опыт, отработанный на основе нескольких поколений в разнообразных природно-климатических условиях страны.

В последнее десятилетие XIX в. внимание земств было акцентировано на вопросах адаптации образовательных программ к нуждам регионов. Одним из практических подходов к решению этой проблемы являлось разделение обучающих программ на различные этапы, каждый из которых предполагал продолжительность обучения до одного года. Этот подход предусматривал более глубокую индивидуализацию образования, учет специфики потребностей индивидальной территории, наличие справочных материалов на местных языках [13]. Впоследствии, для более эффективной реализации задач, было предложено разделить все образовательные учреждения на две основные категории. Первая категория включала в себя школы, предназначенные для выпускников двухклассных сельских училищ, не имеющих базовые знания. Вторая категория была нацелена на тех, кто уже имел за плечами обучение на более сложных программах обучения, предлагаемых народными училищами.

В начале XX в. в России отечественное образование и наука уже стали ключевыми сферами, играющими важную роль в продвижении и внедрении новейших достижений в экономику. Это время также возможно охарактеризовать государственным стремлением к созданию гибкой и многоуровневой системы профессионального образования страны, системы, которая бы учитывала начальный уровень грамотности населения и его дальнейшие образовательные потребности. Основываясь на делении школ на разряды и последовательном прохождении этапов обучения, земства все чаще начинают создавать опытные участки, организовывать выставки и продвигать иные формы распространения информации о последних достижениях в области сельскохозяйственной науки и техники [2, с. 89]. Это повышало уровень осведомленности населения и способствовало устойчивому развитию сельских территорий. Стимулированием подобного интереса к образовательным практикам и возможностям земства добивались укрепления потенциала образовательных учреждений в качестве инструментов для развития местных аграрных сообществ и укрепления местной экономики:

интерес к сельскохозяйственной науке и технике, формируемый через образовательные учреждения, имел для населения важное значение.

В конце XIX в. перед земскими деятелями стояла еще одна важная задача: развивать сельское хозяйство путем повышения качества образования уже частично квалифицированных специалистов, к которым можно отнести фермеров, способных эффективно вести самостоятельное хозяйство. Это было необходимо и для ускорения процесса интеграции передовых аграрных технологий и знаний в реальную практику. Результатом данной деятельности предполагалось повышение эффективности использования выделяемых земским складом ресурсов и последующее увеличение урожайности. Данную задачу частично удалось решить путем создания соответствующих учебных заведений, направленных на повышение уровня знаний в сельскохозяйственной сфере. Одним из ярких примеров таких учреждений стала Белебеевская сельскохозяйственная школа, основанная в 1896 г. при поддержке Уфимского губернского земства [3, с. 190]. Ее создание было обосновано необходимостью адаптации к уникальным местным агроклиматическим условиям различных уездов губернии, а также удовлетворения специфических потребностей местного сельскохозяйственного сообщества. Пример эффективной образовательной модели, Белебеевская сельскохозяйственная школа, основывалась на значительных ресурсах, выделенных земством. Это учреждение получило земельный участок площадью в 500 десятин, включая 50 гектаров земли, пригодной для обработки [12, с. 210]. Земство оснастило школу всеми необходимыми дидактическими и выставочными материалами, что поспособствовало созданию благоприятной образовательной среды. Это позволило учреждению не только обеспечить учащихся необходимыми учебными ресурсами, но и стимулировать интерес местных сообществ к сельскому хозяйству и новым аграрным технологиям. Благодаря выделенным ресурсам земством, школа смогла создать условия для обучения и практического применения знаний, что в итоге привело к повышению уровня образования и развитию сельского хозяйства в регионе.

Все чаще к оснащению школ подключались частные лица. Создавались специализированные помещения для животноводства, мастерские для обучения ремеслам и образцовые пасеки, что подчеркивало комплексный подход к обучению будущих аграриев. Уникальной практикой стало создание музеев кустарных промыслов, организованных земствами, такими как Московское, Нижегородское, Вятское, Вологодское, Тамбовское и другими, а также воскресных сельскохозяйственных школ. Такие наглядные экспозиции играли

значительную роль в популяризации технической грамотности [6, с. 18-26].

Региональные различия в финансировании сельскохозяйственных учебных заведений того времени являются значительными. Например, Уфимская губерния выделила 27 тыс. 681 руб. на развитие таких школ, в то время как Нижегородская губерния инвестировала около 15 тыс. 800 руб. в аналогичные нужды. В свою очередь, Харьковская губерния, имея уже четыре сельскохозяйственных учебных заведения, потратила впечатляющие 58 тыс. 311 руб., что подтверждает ее лидирующие позиции в данной сфере [5]. Это отражает разнородные приоритеты региональных властей и доступность ресурсов. Разнообразие в финансировании оказало прямое влияние на развитие сельского хозяйства в разных частях страны.

К началу XX в. сельское хозяйство играло основную роль в экономике Российской империи, и значительный прогресс был достигнут именно в развитии сельскохозяйственного образования. Для достижения равномерного уровня развития знаний в области сельского хозяйства по всей стране требовалась дополнительная работа по устранению разрывов в образовательных возможностях и финансировании между различными регионами. Тем не менее, после принятия «Положения» 1883 г., стало заметно, что разрозненность, бессистемность подходов и диспропорция выделяемого финансирования в организации учебных заведений начали оказывать существенное влияние на развитие сельскохозяйственного образования. Стандарты и нормы, заложенные в документе, оказались недостаточными для адекватного регулирования создания и эволюции учебных заведений. Это привело к затруднениям в разработке многопрофильных образовательных программ и усложнило процесс адаптации к изменяющимся потребностям фермеров. В результате, стало очевидно, что необходимо пересмотреть подходы к нормативному регулированию сельскохозяйственного образования, учитывая его специфику и потребности сельских обществ. Также возникла проблема хаотичного появления учебных заведений различных типов, не соответствующих первоначально задуманному плану регулирования, заложенному в «Положении» [10, с. 4.].

. Эти школы, расположенные в разных частях страны, не обладали единообразием и четкой структурой, что затрудняло их интеграцию, взаимодействие и обмен опытом. В этой связи одним из основных стремлений местного самоуправления, в лице земств, было не только расширение сети образовательных учреждений, но и повышение их качества, где в качестве примера возможно привести практику

перехода от общих курсов к созданию специализированных профильных центров: огородничества, пчеловодства, травосеяния и др. В целом, изначально задуманный план регулирования образования, описанный в «Положении», не предполагал профильного разнообразия учебных заведений, что и привело к несогласованному развитию системы образования. В результате возникла необходимость в интеграции и взаимодействии различных типов учебных заведений.

В конце XIX в. остро обозначилась потребность в углублении знаний и навыков в неблагоприятных климатических условиях ведения сельского хозяйства. Земствами активно проводились поиски оптимальных решений, что, впоследствии, предполагало детальную проработку учебных программ и методов обучения. В результате этих усилий, несмотря на начальные трудности, были заложены основы для последующего прогресса в сельскохозяйственной отрасли. В данный период, прежде всех, фермеры начали обращать больше внимания на самообразование, их стремление к увеличению производительности и рентабельности хозяйств стало расти. Эта тенденция была поддержана инициативой земства, которое предприняло шаги по стимулированию самообразовательного процесса среди грамотных фермеров. Одним из таких шагов было предоставление доступа к широкому спектру специализированных публикаций, содержащих информацию о передовых агротехнических методах и стратегиях, способных существенно повысить эффективность хозяйственной деятельности. Под влиянием стремления к повышению производительности и рентабельности своих хозяйств, фермеры активно обращались к передовым агротехническим методам и стратегиям, представленным в специализированных публикациях. Информация, содержащаяся в этих изданиях, стала неотъемлемой частью процесса профессионального развития и самообразования фермеров в указанный период [8, с. 18].

В 1900 г., стремясь упорядочить функционирование сети сельскохозяйственных школ, Министерство народного просвещения предложило выделить финансовую поддержку земствам для всех земских образовательных структур, однако это предложение имело свои условия: земства должны были отказаться от права самостоятельно назначать учителей, передавая эту функцию центральным властям [11, с. 47]. Это предложение вызвало решительный отпор со стороны земств – они ценили свою автономию, особенно возможность выбирать преподавательский состав, который был знаком с местными особенностями сельского хозяйства. Земские представители единогласно утверждали, что именно такой подход позволял образовательным учреждениям добиваться высоких

результатов в обучении и применении аграрных знаний на практике. В результате ни одно земское учреждение не приняло предложенные Министерством условия. Отказ земств принять условия по субсидированию образовательных учреждений привел к неожиданным последствиям: укрепилось их стремление к самостоятельности в выборе педагогических кадров, а также дополнительно было профинансировано материальное оснащение земских сельскохозяйственных школ. Так земства продемонстрировали свою приверженность качественному образованию и поддержку местных образовательных инициатив, что в долгосрочной перспективе способствовало прогрессу в аграрной сфере России. 12 июня 1900 г. правительство вынесло циркуляр, который ограничивал подобное финансирование земскими учреждениями, предоставляя им право увеличивать расходы на народное образование не более чем на 3% в год [11, с. 47]. Это серьезно затронуло те земства, которые не успели достичь необходимого уровня бюджета для эффективного развития начального образования. Помимо вышеуказанного ограничения, Министерство народного просвещения также предложило проект «Наказа уездным и губернским училищным советам», подчеркивая, что вопросы земельного хозяйства, включая народное образование, лучше решаются государственной бюрократией, чем местными земскими деятелями [10]. В 1902 г. появился еще один проект, предполагающий, что только существующие образовательные организации останутся под управлением земств, в то время как все новые будут подчинены Министерству просвещения. Таким образом, государственная политика в области народного образования противостояла усилиям и начинаниям земств, а конфликты между правительством и земствами негативно сказывались на их деятельности. В результате ограничение финансирования земельных училищ в 34 губерниях страны практически лишило земства влияния на учебную часть школ [7, с. 216].

Судьба открытых земствами учебных заведений зависела от ряда субъективных факторов, например, таких как отношения с губернским правительством, другими органами власти и меценатами. Более того, земские училища вызывали беспокойство не только у светских, но и у церковных властей: земства развернули систему подготовки учителей и выделяли средства на оплату их труда, что привело к тому, что содержание земских училищ стало более экономичным для общины по сравнению с учреждениями министерства просвещения или церковными школами.

Таким образом, деятельность губернского земства, в отличие от целей государственной политики по развитию начальных профессиональных учебных заведений, оказалась многогранной и направленной на комплексное развитие сельскохозяйственного образования и создание условий для получения самообразования. Это не только способствовало повышению уровня знаний и навыков среди фермеров, но и заложило основу для дальнейшего прогресса в аграрной сфере, демонстрируя пример успешного синтеза образовательных инициатив и практической деятельности в сельском хозяйстве.

Литература и источники

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М.: Центр оперативной полиграфии ФГ «НИКА», 1996. 166 с.
2. Алешин П.Н. Институт земства и его роль в развитии региона: на примере модели земской агрономии Уфимской губернии: Монография. М.: НИИ ИЭП, 2016. 137 с.
3. Аминов Т.М. История профессионального образования в Башкирии. Начало XVII в. – до 1917 г. М.: Наука, 2006. 259 с.
4. Высочайше утвержденное Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах от 27 декабря 1883 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Т. 3. СПб., 1886. С. 491-494.
5. Калишевский М.В. Земские школы в России. Первый опыт муниципального образования. // Обучение & карьера. М.: ООО Издательство «Деловой мир», 30.01. – 06.02.2006. № 4.
6. Карташова М.В. Кустарные музеи Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 18-26.
7. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX - начале XX в. / отв. ред. В. И. Бовыкин. М., Наука, 1988. 259 с.
8. Краткий обзор деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию: 1916 г. / Уфимская губернская земская управа. – Уфа: Издание Уфимской Губернской Земской Управы, 1917. 24 с.
9. Плаксин В.Н. История становления и развития сельскохозяйственного образования и научной агрономии в

Черноземном центре России, XVIII – начало XX вв.: дис. ...д. ист. наук / В.Н. Плаксин. Воронеж, 2002.

10. Положение о сельскохозяйственном образовании и его применение. / сост. И.И. Мещерский. Положение о сельскохозяйственном образовании и его применение. / сост. И.И. Мещерский., В.Ф., Живоздрова, С.А. Земская статистика – национальное достояние. // Социологические исследования. 1996. № 2. – С. 89-100.

11. Пономарева Ю.Ю. Участие земских учреждений в развитии низшего сельскохозяйственного образования // Вестник государственного и муниципального управления. Орел, 2012. № 4. С. 42-44.

12. Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35 лет существования. В 3 т. Т. 2. Уфа, 1915.

13. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-132. Оп. 1. Д. 44. Л. 3, 8, 11-88.

© Алешин П.Н., 2024

УДК 94(574)+323.1

Аманжолова Д.А.
д-р ист. наук, гл. науч. сотр.
Россия, Москва, ИРИ РАН

Amanzholova D.A.
d. of h. s., chief researcher
Russia, Moscow, IRH RAS

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ БАШКИРСКОГО И КАЗАХСКОГО НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Аннотация: автор обращает внимание на специфику взаимодействия башкирского и казахского национальных движений в начале XX в. Особенно активным оно было в условиях революции и гражданской войны. Быстрое развитие военно-политической ситуации,

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.).

сходство и разночтения в автономистских планах, как и коллизии взаимоотношений лидеров движений и предшествующий политический опыт оказали серьезное влияние на характер и содержание взаимодействия.

Ключевые слова: автономизм, национальное движение, революция, гражданская война, этнополитическая элита.

ON THE ISSUE OF THE INTERACTION OF THE BASHKIR AND KAZAKH NATIONAL MOVEMENTS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. The author draws attention to the specifics of the interaction of the Bashkir and Kazakh national movements at the beginning of the XX century. It was especially active in the context of the revolution and the civil war. The rapid development of the military-political situation, similarities and discrepancies in autonomist plans, as well as conflicts between the leaders of movements and previous political experience had a serious impact on the nature and content of interaction.

Keywords: autonomism, national movement, revolution, civil war, ethnopolitical elite.

Начало XX в. в России ознаменовалось достаточно быстрым ростом национальных движений, которые, начав с культурно-просветительных целей и программ, довольно быстро под давлением ускорившегося общегосударственного кризиса в стране приобрели политический характер. Доминирующим трендом в программах национальных движений стал автономизм, что было особенно ярко продемонстрировано после падения монархии в программах и заявлениях лидеров, в организационной перестройке ряда движений в партии. Взаимодействие между этнополитическими активистами происходило в ходе политических акций, в работе мусульманской фракции Государственной Думы. На I Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. были избраны Всероссийский мусульманский совет и его исполком, куда вошли в т.ч. А.-З. Валидов и два казахских деятеля – Д. Досмухамедов и В. Таначев.

Практически одновременно с провозглашением Башкирской автономии во главе с А.-З. Валидовым в декабре 1917 г. казахские автономисты приняли аналогичное решение, причем взаимоотношения с большевиками развивались различно. Весной 1918 г. в связи с провозглашением в начале марта Урало-Волжской советской автономии Сталин предпринял меры к созданию Татаро-Башкирской

республики на условиях центра. В середине марта Центральный комиссариат по делам мусульман внес в Наркомнац проект положения о создании такой республики, а 22 марта она была провозглашена и таким образом перечеркнула самостоятельность местных революционных организаций, включив к тому же в свой состав территорию объявленной Башкирской автономии [13].

В тот же день Сталин, Вахитов и ряд других деятелей Наркомнаца направили на места телеграмму с изложением Положения о Татаро-Башкирской советской республике. В нем определялись границы автономии и предполагалась организация комиссии по созыву учредительного съезда Советов республики. Революционным организациям азербайджанцев, татар, грузин, армян, киргизов [казахов – Д.А.], сартов, текинцев и другим было предложено «сообщить свои конкретные планы федерации» в связи с подготовкой аналогичного положения для них в Наркомнаце. На следующий день в «Правде» был опубликован сам документ и обращение Сталина по этому поводу. Он расценивал создание республики как образец федеративных взаимоотношений России с народами бывшей империи [7]. Однако реализовать советский федеративный проект приходилось по мере преодоления сопротивления антисоветских сил, к тому же с учетом разнообразных и противоречивых обстоятельств на местах, в том числе с учетом степени влиятельности и организованности национальных движений.

При этом неустойчивость военно-политической ситуации заставила казахских и башкирских автономистов лавировать между основными военно-политическими противниками. Попытки взаимодействия между ними были связаны с установками на самоопределение в рамках федеративной России, но альянс с противниками большевиков не мог обеспечить его достижение. Впрочем, Комуч (Комитет членов Учредительного Собрания в Самаре) как переходная форма от полицентризма к организационному единству антисоветских сил некоторое время поддерживал федеративные настроения, добываясь при этом верховенства в предлагаемой сторонниками Учредительного Собрания новой государственной системе.

Так, 26 августа 1918 г. Чрезвычайный Уполномоченный от Комуча В.В. Подвицкий созвал совещание для решения вопроса о взаимоотношениях народностей и отдельных самоуправляющихся единиц. На нем присутствовали Особоуполномоченный Комуча Ф.Тухватуллин, уполномоченный Комитета Богданович, член Учредительного собрания Фахретдинов, представитель Оренбургского

казачьего войска атаман генерал-майор Дутов, представители губернского земства – Правдухин, городской думы – Крангачев, Тургайской области – Лаванов, Башкирии – Валидов, Алаш-Орды – Испулов.

Подвицкий предложил обсудить проблему разграничения сфер компетенции самоуправляющихся единиц и согласования их деятельности, чтобы обеспечить общие действия «в проведении общегосударственных задач». Но проблема разграничения полномочий, соперничающих между собой сил давала о себе знать. Совещание приняло решение о необходимости предоставления автономии Башкурдистану и Алаш, с сохранением земств в волостях с русским населением. Было выражено пожелание подчинить Тургайскую область и Оренбургскую губернию Комучу и назначить его уполномоченных в каждую губернию и область. Все мероприятия по Тургайской области должны были проводиться через уполномоченного Комуча, что ограничивало власть Алаш-Орды. Для придания демократического характера этому решению при чрезвычайном уполномоченном от Комуча для Оренбургской губернии и Тургайской области создавалась особая совещательная коллегия из представителей всех самоуправляющихся единиц/земства, города, войскового правительства, Тургайской области, Башкурдистана, Алаш-Орды и уполномоченных Комуча. Однако к концу 1918 г. приход к власти правительства А.В. Колчака предрешил крах автономистских планов, несмотря на обсуждения в бюрократических институтах и проекты, в том числе объединения башкирской и казахской автономий с перспективой включения в него других территорий с тюркским населением. Победы Красной армии заставили этнополитическую элиту признать силу победителя и перейти на его сторону.

Переход Валидова в 1919 г. на сторону советской власти и признание Малой Башкирии советским правительством поставили под вопрос существование Татаро-Башкирского проекта, и, в конечном счете состоялось «расселение» татар и башкир по отдельным политическим «квартирам». 20 марта 1919 г. было заключено соглашение СНК и Башкирского правительства, что означало создание автономии, одной из первых в РСФСР, наряду с Туркестанской. Переход воевавших в союзе с белыми национальных движений на сторону Советов был растянут во времени и отягощен взаимным недоверием сторон, продолжающимися военными действиями на территории объявленных автономий. Немаловажное значение для понимания колебаний Алаш-Орды в связи с этим имела судьба башкирских автономистов во главе с Валидовым, которые по

договоренности с Алаш-Ордой к середине февраля вступили в переговоры с РВС 5-й армии и вскоре перевели свои части в подчинение Красной Армии. Но командование действовавшей здесь 1-й армии не сочло нужным считаться с достигнутым соглашением. Валидов был отстранен от руководства башкирскими частями и изолирован, башкирские солдаты избивались, раздевались догола и вместе с командирами массами расстреливались, насилиям подверглись и мирные жители. В специальном сообщении членов РВС Южной группы Восточного фронта В.В. Куйбышева и Ф.Ф. Новицкого от 11 июня 1919 г. говорилось по этому поводу: «Отношение к мирному башкирскому населению полно ужаса; грабежи, аресты, расстрелы, изнасилование женщин нашли себе широкое применение. Едва ли не каждая деревня облагалась контрибуцией деньгами и натурой, за невнесение денег расстреливались революционные деятели Башкирии, поэты, художники». Эти данные подтвердились и осведомительным отделом штаба колчаковских войск, не замедлившего использовать их для антисоветской агитации в массах [1].

26 февраля 1919 г. состоялись переговоры Валидова и Сталина по прямому проводу. Валидов предложил в интересах защиты бедноты сохранить башкирскую дивизию под общим советским командованием, считая, что ее расформирование явится «ударом по нашим политическим и национально-социальным завоеваниям» (в этом отношении позиция Валидова и Алаш-Орды совпадала), ухудшит взаимоотношения с русским переселенческим крестьянством и самочувствие башкирской, казахской и туркестанской бедноты. «Зачем борьба с шовинизмом и национальной розней всегда и обыкновенно велась и ведется даже социалистами в счет бедных башкир и киргиз», – вопрошал он. Валидов просил разъяснить, признает ли Советская власть национальную автономию и национальные войска. «Киргизы тоже имеют свои полки, я говорю отчасти и от их имени, они, в случае удовлетворения национальных нужд готовы последовать за нами», – подчеркивал он.

Сталин обещал обсудить поставленные вопросы с Лениным, дать соответствующие директивы штабу Востфронта, оправдывая действия армий военной целесообразностью, которая не очень считается с национальными нуждами башкир. Через два дня он предложил Валидову ускорить приезд в Москву «для решения недоуменных вопросов», о которых нельзя говорить по телеграфу. Однако «недоуменные вопросы» со лидеров национальных движений оставались. Положение перешедших на сторону Советов башкирских

частей и поведение советских войск не способствовали росту доверия и взаимопонимания между поддерживавшими связь с Валидовым алашординцами и представителями советов в крае. Не случайно политсводка по фронту от 15 августа 1919 г. отмечала: «Мусульманские народы относятся к нам враждебно».

Меж тем информация Валидова привлекла внимание руководителей страны. 2 мая в РВС Востфронта поступила телеграмма наркомвоенмора Л.Д. Троцкого, потребовавшего не чинить насилий над перешедшими на сторону красных башкирскими частями или группами, немедленно передать их в распоряжение специально созданного Башвоенкомата для политического воспитания и включения в состав башкирской армии. Троцкий потребовал немедленно дать справку о составе комиссии по расследованию случившегося и указать, «обеспечено ли беспристрастное расследование, не принимают ли в нем участие лица, которые именно и обвиняются в насилиях», включить в состав комиссии представителя БашВРК. В упомянутом обращении РВС Южной группы Востфронта подчеркивалась объективная приверженность большинства башкир Советской власти и необходимость закрепления этого благожелательного отношения. РВС потребовал «в корне изменить отношение» к ним, «подготавливать красноармейские массы к иному, человечному отношению к башкирам». В июле политотдел IV армии предписал всем подчиненным учреждениям и военкомам «принять все меры к установлению самых дружеских отношений с инородцами вообще, с башкирами в частности, в особенности оказывать самое широкое содействие советским работникам Башкирии и разъяснять красноармейским массам необходимость человеческого ко всем ним отношения» [8, л. 102; 9, л. 92; 10, л. 118; 11, л. 108].

Можно предположить, что все это оказало определенное влияние на один из эпизодов военной истории Алаш-Орды в Кустанайском и Тургайском уездах Тургайской области весной 1919 г., когда был убит известный герой восстания 1916 г. А. Иманов. Эти события имели частное значение и не оказали влияния на общий ход военных действий, но подорвали едва начавшееся сближение Алаш-Орды с Советами, на долгое время отяготив их подозрительностью и послужив впоследствии одним из важных обвинений деятелей Алаш в антисоветской позиции.

На 1919 г. приходится новая попытка башкирских и казахских автономистов встроить свой автономистский план в планы большевиков по федерализации страны. В записке Ленину от 13 декабря 1919 г. Валидов предложил объединить Киргизскую

[Казахскую – Д.А.] и Башкирскую республики (договор о создании единого государства валидовцы заключали с Алаш-Ордой еще в сентябре 1918 г.), Оренбургскую губернию с Оренбургом включить в состав Киргизо-Башкирии, а в Оренбурге создать крепкий культурно-просветительный и экономический центр. Кроме того, он был за расчленение города и губернии по областям новой республики, «дабы не оставлять места для такой русской или казачьей власти, которая могла бы конкурировать или соперничать с единой Советской Киргизо-Башкирской властью». В тот же день Политбюро ЦК постановило «предложить Президиуму ВЦИК устроить совещание» с участием представителей центра, Оренбурга, БашВРК и КирВРК, где «разрешить отрицательно вопрос о слиянии Башкирской и Киргизской Республик». Уже 15 декабря 1919 г. на совещании руководства ВЦИК и пограничных губерний под председательством М.И. Калинина рассматривался вопрос о Башкирской, Татарской и Киргизской республиках. Решение о границах Киргизии и Башкирии, а также судьбе Оренбурга было передано в административную комиссию при ВЦИК.

24 февраля 1920 г. Валидов направил телеграмму в ЦК РКП(б), Ленину, Сталину и Троцкому, в которой на основании сообщений делегации казахской молодежи из Семипалатинска просил дать распоряжение Сибревкому об оказании помощи деятелям Алаш в их приезде в Оренбург. «...ни киргизы, ни русские товарищи в Омске и Семипалатинске не знают о настоящей политике РКП по отношению к киргизам», – писал он, имея в виду объявленную амнистию. В результате «самые главные деятели киргиз Алихан Букейханов и Козбагаров» были вынуждены скрываться в аулах Семипалатинской области, местонахождение их было неизвестно [2, л. 43–44; 3, л. 67; 4, л. 34–35; 6, л. 537].

Привлечение национальной элиты в органы власти и управления было важной частью укрепления советской власти, что демонстрирует судьба лидеров Башкирии и Казахстана. Согласование границ Казахстана, например, вплоть до провозглашения автономии, происходило с участием алашординцев. 16 мая 1920 г. КирВРК принял проект положения об управлении спорными областями и уездами, подготовленный комиссией, в которую вошли Айтиев, Ермеков, Кулаков и Авдеев, и направил его в Сибирский и Челябинский ревкомы, кирпредставительство в Москве и Наркомнац. В Москву для согласования вопроса о границах был командирован А. Ермеков. При КирВРК создавалась комиссия из 3-х человек для выяснения территорий, подлежащих включению в республику в силу

этнографических, политических и экономических условий, точного установления границ и др. Она должна была подготовить заключения по спорным вопросам о границах и территориях с соседними губерниями и непосредственного решения споров, разработать проект внутреннего административного деления края. В Москву приехала целая группа бывших алашординцев и их сторонников, стремившаяся повлиять на урегулирование столь важных для автономии проблем. Активная работа по созданию советской автономии в Казахстане завершилась ее провозглашением в августе 1920 г.

Национальные деятели, вступившие на путь сотрудничества с Советской властью, болезненно воспринимали коллизии и проблемы, всплывавшие по мере роста масштабов и темпов советских преобразований. Этническое мировосприятие и оценку национальной политики в этот период отразили добавления к тезисам Ленина по колониальному и национальному вопросу на II конгресс Коминтерна от 12 июня 1920 г. Их представили партийные лидеры Башкирии, Туркестана и Казахстана А.-З. Валидов, Х. Юмагулов, Т. Рыскулов, А. Байтурсынов и А. Ермаков. Они писали, «что передовые вожди коммунистической революции, взявшие себе задачей не формально, не компромиссно, но кардинально разработать национальный вопрос, еще не могут выяснить себе, какие трудности приходится преодолевать не только при решении, но и при изучении национальных взаимоотношений и колониального вопроса в то время, когда еще революция из национальной русской не превратилась в интернациональную» [12, л. 23]. На объединенном заседании Центрального бюро коммунистов Востока, Казахского, Башкирского и Туркестанского представительств в Москве, делегации турецких деятелей в 1921 г. при обсуждении вопроса «развитие революционного движения и наше отношение к Востоку» также была выражена общая озабоченность складывающейся на местах ситуацией.

Сходство проблем становления новой государственности объединяло перешедших на сторону советской власти национальных деятелей: острейший дефицит кадров из состава коренного населения, сложившийся по понятным причинам, отягощенное различными эксцессами революционных лет и гражданской войны взаимное недоверие, крайне тяжелое социально-экономическое положение практически во всех регионах страны, радикалистские настроения среди всех участников политического процесса и многое другое характеризовало коллизии раннесоветского периода нациестроительства. Но лидеры башкирских и казахских

автономистов, имея отличающийся политический опыт, избрали разные жизненные траектории в дальнейшем.

Не отказываясь в принципе от конечной цели, большевики после прихода к власти были вынуждены серьезно скорректировать свой курс, в том числе и в национальной политике. Для Центра сохранять дробление организационных структур, имевших различный статус и подчинявшихся разным центральным органам, в условиях, когда перед ним стояла острая необходимость обеспечить жизнеспособность автономии, поддержку масс и лояльность национальных деятелей, настаивавших на реализации провозглашенного большевиками самоопределения, было нецелесообразно.

Очевидное противоречие между национальным нигилизмом в теории и необходимостью считаться с проявлениями национализма на практике выразилось в лозунге самоопределения народов на основе признания власти Советов и создания этнических государственных образований как составных частей Российской, а в перспективе – мировой федерации, всемирного «трудового братства», в котором национальности должны были раствориться. В свою очередь, сразу после взятия власти в центре и на местах перед большевиками встала масса вполне конкретных задач политического, хозяйственного, социального, культурного, административного и т.д. свойства, касавшихся повседневной жизни многоликого этноконфессионального сообщества.

Литература и источники

1. Бюллетень Осведотдела Штаба Верх. Главнокомандующего. Омск, 1919. 1, 4 июля.
2. Государственный архив Семипалатинской области (ГАСО). Ф. 72. Оп. 1. Д. 19.
3. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 17.
4. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 18.
5. ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 18.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 94. Д. 577.
7. Правда. 1918. 23 марта.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 1. Д. 551.
9. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 157. Оп. 7. Д. 22.
10. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 186.
11. РГВА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 47.

12. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 3.

13. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства (СУ РСФСР). № 30. 1918. 5 апреля. Ст. 394.

© Аманжолова Д.А., 2024

УДК 94(470.53-22)

Бурангулов Б.В.
д-р ист. наук, доцент
Россия, Уфа, УУНиТ
Бурангулова З.Ю.
начальник отдела
Россия, Уфа, НА РБ

Burangulov B.V.
d. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST
Burangulova Z.Yu.
department head
Russia, Ufa, NA RB

**ЭКОСРЕДА, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ БАШКИРСКОГО СЕЛА
БУРАНГУЛОВО БЕЛЕБЕЕВСКОГО УЕЗДА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Аннотация: в конце XIX – начале XX в. на экосистему, социально-экономическое и демографическое положение башкирского села Бурангулово Чукадытамаковской волости Белебеевского уезда оказало влияние множество факторов. Разноплановая хозяйственная деятельность населения стало основой для сохранения устойчивости демографического роста. Экономическая база башкирского села позволяла позиционировать эту местность как кумысолечебный пункт, уникальный природный ландшафт привлекал отдыхающих.

Ключевые слова: башкиры, деревня Бурангулово, Аслы куль, Белебеевский уезд.

**THE ECOLOGICAL ENVIRONMENT, SOCIO-ECONOMIC
AND DEMOGRAPHIC STATE OF THE BASHKIR VILLAGE OF
BURANGULOVO, BELEBEYEVSKY DISTRICT IN THE LATE
XIX – EARLY XX CENTURIES**

Abstract. In the late XIX – early XX centuries, many factors played on the ecosystem, socio-economic and demographic situation of the Bashkir

village of Burangulovo, Chukadytamakovskaya parish of Belebeysky county. The diverse economic activity of the population has become the basis for maintaining the stability of demographic growth. The economic base of the settlement allowed the population to actively position itself as a kumys medical center, the unique natural landscape attracted vacationers.

Keywords: Bashkirs, Burangulovo village, Asly Kul, Belebeysky district.

В конце XIX – начале XX в. башкирское село Бурангулово (Бурангол) Чукадытамаковской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии (ныне Давлекановский район Республики Башкортостан) располагалось в живописной местности при речке Шарламе. Населенный пункт Бурангулово находился в 36 верстах от станции Белебей-Аксаково» и в 40 верстах от станции Давлеканово Самаро-Златоустовской железнодорожной линии.

Деревня основана башкирами – припущенниками по договору в 1741 г. с башкирами-вотчинниками Кыр-Канлинской волости Балгазинской тюбы. Название происходит от антропонима Бурангул, имени первопоселенца, выходца из Каратабынской волости Троицкого уезда. В источниках отмечено об эпидемии холеры в д. Бурангулово Чукадытамаковской волости с 15 по 29 ноября 1830 г. [10].

Близлежащая территория исследуемого населенного пункта обладала уникальнейшей экосистемой. В течение столетий населяющая данную местность народность, благодаря своему трепетному и бережному отношению к природному наследию, сумела сохранить для будущих поколений первозданную экосистему до начала прошлого столетия. Особый интерес вызывает сырт Ташлы-Тау около ущелья Ташлы-Кул, что находится в 1,5 км на юг от Бурангуловой. Ученые утверждают, что сырт Ташлы-Тау был сплошным лесом, где хвойные породы играли не второстепенную роль. В качестве аргумента приводится план, приложенный к обыскам и опросным листам по тяжebному делу вотчинников-башкир Минской волости Ногайской дороги Уфимского уезда с башкирами Канлынкой волости Казанской дороги, составленный в 1640 г. А.Э. Линд в 1935 г. отметил, что горы, окружающие озеро Аслыкуль с юго-запада и сопровождающие правый берег р. Ачилы, в настоящее время уже не существующей, были покрыты, видимо, сомкнутым лесом [5]. Недалеко от селения в 500 м. выше Бурангуловой пробивался ключ Куянкай приток речки Шарлама, который отличался чистой водой [3]. Приумножало красоту природы, находившаяся в шаговой доступности от деревни озеро Аслыкуль. Башкиры называют озеро

«Асылыкуль». Вариантов перевода названия озера встречается несколько – «горькое озеро», «соленое озеро» и т.д. Озеро Асылыкуль нашло свое место и в башкирском фольклоре. Так, с озером связаны события башкирского эпоса «Заятулек и Хыухылу», где рассказывается о любви земного юноши и дочери подводного царя.

В конце XIX в. П.П. Сушкин оставил подробное описание озера Асылыкуль, которое «...представляет собою большое озеро, длиною около 7 верст и шириною около 5; оно совершенно не заросшее; камыш растет лишь кое-где у берегов. Южный берег озера очень высокий и обрывается круто, совершенно напоминая нагорный берег реки; подобная возвышенность есть и на противоположном берегу озера, но она ниже и имеет незначительное протяжение. Небольшая часть берега у дер. Бурангуловой представляет кочковатый луг. Остальная часть берега лежит над уровнем озера аршина на два и также круто спускается к воде, но у этих берегов озеро мелко и выстлано галькой. К озеру близко подходит Усень-Ивановская дача; говорят, что еще недавно лес доходил до самого озера, но теперь он вырублен. Неподалеку от Аслы-куля лежит болото Беркадан-камыш, длиною около 6 верст и шириною с версту; с юга оно огорожено довольно высоким холмом и состоит здесь из ряда небольших, до сажени глубиною, сриков, которые разделены полосками земли, поросшими камышом; к северному краю болото становится беднее водой и постепенно переходит в тонкое осоковое болото и кочковатый болотистый луг [11].

В начале XX в. Уфимское губернское земство инициировало изучение водных ресурсов Белебеевского уезда Уфимской губернии, в т.ч. двух больших озер: Кандры-Куль и Асли-Куль. В исследовании в частности говорится, что эти озера «...находятся в середине уезда, одно от другого на расстоянии около 50 верст. Расположены озера в местности, заселенной по преимуществу башкирами <...> воды в озерах в настоящее время сравнительно с прошлым значительно поубавилось. Первоначальная береговая линия заметна и сейчас: она отстоит довольно далеко от нынешней линии. Часть прежнего дна, - топкого или песчаного, обращена ныне в выгон для гусей и другой птицы прибрежных деревень. По этому же пространству пролегает и проезжая дорога жителей этих деревень. Насколько, значить, больше было когда-то озеро. Приблизительно на 5 верст кругом уклон к озерам – большой и озера видны, как на ладони, представляя особою великолепное зрелище. Видами рыб озера не богаты, и рыба в них мелкая. Водится в них: окунь, язь, сорожка, налим и щука» [12].

В 1920-х гг. исследователями И.В. Новопокровским и А.Э. Линдом был обследован Белебеевский кантон Башкирии [6]. Последний из них в своих работах отмечает, что «...озеро Асли-Куль, именуемое в старинных документах Ачилы-Куль, в юго-западной части подпирается невысокими острогами сырта Ташлы-Тау, именуемыми Большим и Малым Карагазом. На противоположной северо-восточной окраине озера им соответствует небольшой увальчик Нура-Тау. Северные, северо-восточные и восточные склоны слабо облесены, здесь обычно наблюдаем: лещина, береза, клен, вишня степная, дуб, местами липа, из кустарников шиповник, малина, миндаль степной. Крутые склоны, обращенные к озеру, местами сплошь заросли вышепоименованными породами и только в двух пунктах наблюдаем одинокие лиственницы – лиственница сибирская, растущие в недоступных для человека обрывистых местах. Значительное количество изб деревьев Бурангуловой, построенных из лиственных бревен, тем более, что нигде в окрестностях озера, да и во всем кантоне, нет совершенно лиственницы сибирской за исключением лесной дачи у Усень-Ивановского завода» [5].

Исследуемая местность с. Бурангулово имела особую авифауну. Особо привлекало перелетных птиц не только самое большое озеро, но и рядом расположенное болото Беркадан-камыш. В конце XIX в. П.П. Сушкин проводил исследование в течение долгого периода времени авифауны озера, мы ниже приводим в виде таблицы описание Сушкиным некоторых разновидностей птиц, обитателей озера Аслыкуль [11]:

Таблица 1

Некоторые разновидности птиц, обитатели озера Аслыкуль

Наименование птиц	Характеристика
Большая поганка	На большом озере Аслы куль (Белебеевский уезд) я (Сушкин П.П. – Б.Б., Б.З.) наблюдал в середине мая, когда пролет уже кончился, такое множество этих птиц, какого не видал нигде. Целые сотни их плавали у берега, где он порос камышом, и вся эта масса имела скорее вид громадный стан, остановившийся на пролете.
Веретенник	В очень большом количестве я (Сушкин П.П. – Б.Б., Б.З.) наблюдал их на гнездовье около озер Шунгак куль и Аслы куль. Высыхание

	почвы, однако, прогоняет их из таких излюбленных мест: так в 1891 году, благодаря очень сухому и жаркому лету, много болот пересохло и во многих местах, где веретенники прежде гнездовались десятками, в этом году с трудом можно было найти одну-две пары.
Курахтан	Они гнездятся по краям громадного болота Беркадан-камыш. О гнездовании курахтана в Белебеевском уезде указали местные охотники.
Степная чайка	К концу лета, когда молодые поднимутся, чайка-хохотунья откочевывает к большим рекам и чистым озерам и держится здесь до отлета, которые совершается очень поздно: последних чашек этого вида я наблюдал на озере Аслы куль 31 сентября.
Белокрылая болотная крачка	Эта птица встречается в Уфимской губернии редко. Я нашел ее только в трех местах, в т.ч. на громадном болоте Беркадан-камыш, в 10 верстах восточнее озера Аслы куль, в середине мая.
Чернозобик	8 сентября 1893 г. был добыт на озере Аслы куль молодой экземпляр этого вида.
Степная тиркушка	По словам местных охотников, небольшие стайки тиркушек встречаются в Белебеевском уезде.

По данным ученых в конце XX – начале XXI в. на озере Асылкуль было зарегистрировано 120 видов птиц; из которых в Красную книгу МСОП (Международный союз охраны природы – Б.Б., Б.З.) занесено 4 вида (кудрявый пеликан, кобчик, коростель и большой веретенник), а Красную книгу РФ – 5 видов: чернозобая гагара, кудрявый пеликан, сапсан, филин и серый сорокопут. В Красную книгу Республики Башкортостан всего занесено 14 видов, из которых 4 внесены в основной список (чернозобая гагара, огарь, филин и серый сорокопут), а 10 – в аннотированный (красношейная и серошекая поганка, большая выпь, лебедь-шипун, луговой лунь, серый журавль, тулес, белошекая крачка, ценочка трещотка и малая мухоловка) [2].

Итак, окрестности озера характеризуются богатством и разнообразием растительности, до конца XIX в. вокруг Асылкуля росли хвойные леса, кустарники, которые создавали благоприятный

микроклимат [1]. По берегам озера кроме Бурангулово, расположены деревни Купоярово и Янги-Турмуш.

По сведениям 1906 г. д. Бурангулово в административном плане относилась Чукадытамаковской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии, где проживали 865 башкир, из них 449 мужчин и 416 женщин. Они занимались скотоводством, земледелием и рыболовной промыслом. Населенный пункт состоял из 147 дворов, также в деревни функционировали мечеть, бакалейная лавка, кузница, мельница [7].

Об активном скотоводческом укладе хозяйствования (коневодство) жителей Бурангулово в исследуемый период свидетельствует данные В.Н. Золотницкого, который рассматривает деревню как кумысный пункт. Вот что по этому поводу он пишет: «Местные жители – башкиры, которые и сдают для помещения кумысников свои избы по 15 руб. в мес. и в счет этой же цены снабжают кумысом в количестве, какое потребует. Кумыс довольно хороший. Столуются кумысники у башкира Шайморданова, у которого обед в 2 блюда стоит 15 руб. в месяц. Некоторые устраиваются и со своим столом. Провизия здесь дешевая. Вообще кумысники устраиваются недурно и жилищные условия в Бурангулово, сравнительно с русскими деревнями, много лучше. Месячный расход может обойтись около 35–45 руб. Из развлечений кумысникам устраивают охоту и рыбную ловлю. Ближайший земский врачебный пункт в 10 верстах в селе Ивановке» [9]. У башкир-кумысоделов можно было приобрести по 40-50 коп за четверть или 8-10 коп за бутылку, что касается кумысников арендовавших гостевые дома у башкир, кумыс выдавался в неограниченном количестве. Итак, в числе лучших указаны следующие кумысные пункты: Старо-Курменкеево, Алибаево, Чукраклы, Караякупово, Алкино, Чибини и Бурангулово [9].

В 23 верстах от Бурангулово находилось старообрядческое село Усень-Ивановского заводов (750 дворов, около 5 тыс. жителей). Далее современник отмечает, что «Выше села – поля и степь, а за рекой горы, покрытые вековым сосновым бором и лиственными рощами. В общем, местность здоровая и лихорадок здесь не бывает. Окрестности замечательно живописны. Горные ручьи с прозрачной водой...» [8]. Деревня Бурангулово кумысников и путешественников в конце XIX – начале XX вв. привлекала не только сравнительно лучшие санитарно-бытовые условия гостевых домов башкир, но и расположение самой деревни в сухой степной местности и чудное купание в очень красивом солоноватом озере Аслыкуль. В окрестностях деревни встречалась и ковыльная степь.

По переписи крестьянских хозяйств Уфимской губернии за 1912 г. в д. Бурангулово насчитывался 179 хозяйств, где проживали 852 человек. Большинство хозяйств (82) обладали земельными наделами от 5 до 10 десятин, 54 – от 10 до 15, 24 – от 20 до 30. Но имелись крупные хозяйства с земельными наделами свыше 40 десятин. К сожалению 17 хозяйств оказались без земельных наделов, а 34 хозяйств вовсе не имели лошадей. Жители деревни, несмотря на удручающее положение, в связи с катастрофическим сокращением пастбищных угодий, по инерции продолжали активно заниматься скотоводством. Об этом свидетельствуют количество скота (1888): лошадей – 430, крупного рогатого скота – 645, овец – 646, коз – 167. В Бурангулово свиней не держали. Бурангуловцы являлись одной из редких деревень в Чукадытамаковской волости с развитым промысловым занятием, таких хозяйств насчитывалось 109. Зафиксированы хозяйства, занимающиеся пасечным пчеловодством [4].

Сегодня для сохранения уникальной экосистемы создан природный парк «Аслы-Куль», который находится в ведении Республики Башкортостан и располагается на землях Давлекановского, Альшеевского, Белебеевского и Буздякского районов Республики Башкортостан. Общая площадь земель в границах Природного парка составляет 47500 га. Территория и акватория парка включает в себя природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, природоохранную, научную и эстетическую ценность [1].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. на экосистему, социально-экономическое и демографическое положение башкирского села Бурангулово Чукадытамаковской волости Белебеевского уезда оказали влияние множество факторов. Разноплановая хозяйственная деятельность населения стало основой для сохранения устойчивости демографического роста. Экономическая база башкирского села позволяла позиционировать эту местность как кумысолечебный пункт, уникальный природный ландшафт привлекал отдыхающих.

Литература и источники

1. Аралбаев Р., Бикташева Ф. Озеро Асылыкуль – природное наследие Башкортостана // Ватандаш. 2013. № 5 (200). С. 11–17.
2. Валуев В.А. Авифауна природного парка «Аслы-куль» (Республики Башкортостан // Вестник охотоведения. 2017. Том. 14. № 1. С. 4–14.
3. Ведомость наиболее характерных источников подземных вод Белебеевского кантона БАССР // Хозяйство Башкирии. Ежемесячный журнал. Октябрь-декабрь 1929 г. № 10–12.

4. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Часть 2. Таблицы. Уфа, Электрическая типография Т-ва «Печать», 1914.

5. Линд А.Э. Сосны равнинной части Западной Башкирии // Землеведение. 1935. Т. 37. № 1. С. 27.

6. Новопокровский И.В. Геоботаническое обследование Белебеевского кантона в 1928 г. // Хозяйство Башкирии. 1929. № 10–12.

7. Полный алфавитный список всех населенных мест Уфимской губернии. Изд. Уфимского губернского статистического комитета. Под ред. А.П. Лобунченко. Уфа, 1906.

8. Путеводитель кумысника: подробное описание кумысолечебных санаторий, заведений, деревень и др. мест. Самарской, Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний. Золотницкий В.Н. Нижний-Новгород, 1914.

9. Путеводитель Кумысника. Подробное описание кумысолечебных санаторий, заведений, деревень и других мест Самарской, Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний и некоторых других местностей. Д-ра В.Н. Зопотницкого. Бывш директора кумысолечебного санатория «Лесное» и врача заведений «Шафраново» и г. Нагибина. 3-е издание.

10. Попов А.В. Холера 1829–1933 годов в Оренбургском крае. Оренбург: Электропаровая типо-лит. Т-ва «Каримов, Хусаинов и К», 1910.

11. Сушкин П.П. Птицы Уфимской губернии. Москва, Типография товарищества И.Н. Кушнеров и К., 1897. С. 292.

12. Шаповал И. Озера Белебеевского уезда и первые попытки к заселению их ценной рыбой // Сельскохозяйственный листок Уфимского губернского земства 15 июля 1910 г. № 6. С. 56–57.

© Бурангулов Б.В., Бурангулова З.Ю., 2024

УДК 94:353(470.57)1953/1964

Вагапов Р.Р.
ассистент
Россия, Уфа, УУНиТ

Vagapov R.R.
assistant
Russia, Ufa, UUST

**САНАТОРНО-КУРОРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ПАРТУПРАВЛЕНЦЕВ «ВТОРОГО ЭШЕЛОНА» В БАССР
ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО Н.С. ХРУЩЕВА**

Аннотация: в статье рассматривается санаторно-курортное обеспечение чиновников среднего звена Башпартаппарата. Автором на

основе анализа впервые вводимых в научный оборот различных архивных материалов освещены ряд ключевых вопросов, позволяющих составить профиль рекреационных заведений и объемы выделения путевок партуправленцам в последние годы «хрущевской оттепели».

Ключевые слова: «хрущевская оттепель», партийная номенклатура, Башкирский обком КПСС, санаторно-курортное обеспечение, финансово-хозяйственная деятельность.

SANATORIUM AND RESORT PROVISION FOR PARTY MANAGERS OF THE «SECOND ECHELON» IN THE BASSR PERIOD OF THE LATE N.S. KHRUSHCHEV

Abstract. The shadow business activities of businessmen of the era of N.S. Khrushchev in Leningrad and the Leningrad region is revealed in the article, based on the analysis of various archival materials introduced into scientific circulation for the first time. The author highlights a number of key issues that allow us to compile a profile of underground entrepreneurs who «amassed capital» during the period of Khrushchev «thaw».

Keywords: «Khrushchev thaw», party nomenclature, Bashkir regional committee of CPSU, sanatorium and resort provision, financial and economic activity.

Относительная либерализация общественно-политической и экономической жизни СССР, связанная с утверждением во власти и деятельностью Н.С. Хрущева на посту первого секретаря ЦК КПСС, вошла в историю страны как эпоха «хрущевской оттепели». Изменения не обошли стороной и БАССР, что проявилось, помимо распространения теневой экономики в регионе [7; 8], в заметном повышении статуса партийного чиновничества среднего звена национальной периферии. Одним из его позитивных моментов является улучшение социально-бытового обеспечения регионального партаппарата, в частности, санаторно-курортного обслуживания.

Ключевыми составляющими заявленного вида обеспечения являются лечебное пособие, путевка и оплата проезда до рекреационного учреждения. Так, лечебное пособие выдавалось первым секретарям райкомов, горкомов КПСС в размере твердого месячного оклада зарплаты, остальным партийным работникам в размере 80 % твердого месячного оклада зарплаты по смете [4, л. 70, 71]. Что касается путевок в санатории и дома отдыха, выделенных по фондам, то их, в соответствии с рекомендациями Башкирского совета по управлению курортами профсоюзов финансово-хозяйственному

сектору областного комитета КПСС, следовало получать от курортного совета: в южные санатории и дома отдыха не позднее чем за 10 дней и в местные санатории и дома отдыха не позднее чем за 5 дней до начала срока путевок [3, л. 136].

Согласно ведомости расходов и поступлений средств на приобретение путевок в санатории и дома отдыха в 1962 году полная стоимость выданных путевок составила: а) в санатории спецназначения – 316 шт. (51,59 тыс. руб.), б) в местные санатории – 226 шт. (24,48 тыс. руб.), в) в дома отдыха – 225 шт. (18,46 тыс. руб.), Оплата проезда в санатории – 19,79 тыс. руб. [2, л. 8]; в 1963 году: а) в санатории спецназначения – 385 шт. (66,2 тыс. руб.), б) местные санатории – 315 шт. (34,5 тыс. руб.), в) в дома отдыха – 270 шт. (22,3 тыс. руб.). Оплата проезда в санатории – 19,8 тыс. руб. [5, л. 9] Указанные количественные показатели констатируют увеличение объемов обеспечения сотрудников Башпартаппарата санаторно-курортным обслуживанием.

Стоит отметить, что рекреационные учреждения Минздрава СССР, находящиеся в ведении Управления делами ЦК КПСС, являлись многопрофильными, ориентирующимися, в первую очередь, на показания к направлению больных в санатории: «Новые Сочи» (курорт Сочи-Мацеста): 1) сердечно-сосудистые заболевания, 2) болезни суставов, костей, мышц и сухожилий, 3) болезни нервной системы, 4) болезни кожи, 5) болезни женских половых органов [1, л. 49–52]; «Россия» (южный берег Крыма): 1) сердечно-сосудистые заболевания, 2) болезни органов пищеварения и обмена веществ, 3) функциональные заболевания нервной системы, 4) болезни органов дыхания нетуберкулезного характера, 5) болезни почек, 6) болезни уха, горла, носа [1, л. 57–59]; «Горный воздух» (г. Железноводск): 1) болезни органов пищеварения, 2) болезни обмена. 3) болезни почек и мочевыводящих путей, 4) болезни женских половых органов [1, л. 60, 61]; «Пушкино» (средняя полоса): 1) заболевания сердечно-сосудистой системы, 2) заболевания нервной системы, 3) заболевания органов дыхания, 4) заболевания желудочно-кишечного тракта и обмена [1, л. 63, 64]; «Марьино» (средняя полоса): 1) сердечно-сосудистые заболевания, 2) заболевания нервной системы, 3) заболевания органов дыхания, 4) заболевания желудочно-кишечного тракта и обмена [1, л. 65, 66]; «им. 10 лет Октября» (г. Кисловодск): 1) сердечно-сосудистые заболевания, 2) болезни желудочно-кишечного тракта и обмена, 3) болезни печени и желчных путей [1, л. 67, 68]; «Форос» (южный берег Крыма): 1) болезни сердечно-сосудистой системы, 2) болезни органов пищеварения и обмена веществ,

3) функциональные заболевания нервной системы, 4) болезни органов дыхания нетуберкулезного характера, 5) болезни почек, 6) болезни уха, горла, носа, 7) болезни крови [1, л. 71–73]; «им. Калинина» (г. Ессентуки): 1) болезни желудка, 2) заболевания кишечника, 3) заболевание печени и желчных путей, 4) болезни обмена [1, л. 74, 75].

В свою очередь, в здравницы Управления ЦК КПСС «Форос», «Новые Сочи» (корпус №2), «Марьино», «им. XVII Партсъезда», «Зеленая роща», «Холодная речка», «им. 10-летия Октября» (г. Кисловодск), «им. Калинина» (г. Ессентуки), «Горный воздух» (г. Железноводск) и «Озера» (Подмосковье) направлялись все партийные работники, имеющие право на получение льготных путевок во все месяцы года. Учитывая большую потребность в отдыхе партийных работников вместе с членами семьи (жена, дети), разрешено принимать в дома отдыха «Красное знамя» (Крым) и «Холодная речка» (Гагра) партийных работников вместе с членами семьи (жена, дети школьного возраста) при наличии путевки с оплатой полной стоимости [6, л. 113].

Лимит на выделяемые путевки в санатории и дома отдыха на 1962 год Башкирскому Обкому КПСС: санатории: Новые Сочи – 44, новые Сочи, корп. 2 – 19, Россия – 17, Форос – 29, Пушкино – 26, Марьино – 43, 10 лет Октября – 49, им. Калинина – 24, Горный воздух – 38, XXII съезда КПСС – 22. Дома отдыха: Зеленая роща – 22, XVII партсъезда – 40, Холодная речка – 26, Красное знамя – 31, Форос – 21 [4, л. 85]. В свою очередь, лимит на 1963 год составил: санатории «Пушкино» (корпус №2) – 1, «Новые Сочи» – 32, «Новые Сочи» (корпус №2) – 15, «им. Фрунзе» – 31, «Россия» – 22, «Форос» – 24, Пушкино – 14, Марьино – 29, 10 лет Октября – 39, им. Калинина – 19, Горный воздух – 29, XXII съезда КПСС – 6, дачи: Мисхор – 3, Кисловодск – 1, Нальчик – 2; дома отдыха «Зеленая роща» – 12, «им. XVII партсъезда» – 42, «Холодная речка» – 20, «Красное знамя» – 19, «Форос» – 20 [6, л. 115].

Таким образом, состояние санаторно-курортного обслуживания партуправленцев Башкирской АССР «второго эшелона» периода заката «хрущевской оттепели» можно охарактеризовать следующими признаками: 1) расширение географии рекреационных мероприятий, 2) увеличение объема ассигнований, 3) расширение круга лиц (жены, дети школьного возраста), претендующих на обозначенное обслуживание.

Литература и источники

1. НА РБ. Ф. 122. Оп. 66. Д. 374.
2. НА РБ. Ф. 122. Оп. 66. Д. 377.
3. НА РБ. Ф. 122. Оп. 71. Д. 305.
4. НА РБ. Ф. 122. Оп. 71. Д. 322.
5. НА РБ. Ф. 122. Оп. 72. Д. 304.
6. НА РБ. Ф. 122. Оп. 72. Д. 305.
7. Хазиев Р.А. Практики теневого обогащения в БАССР периода «Хрущевской оттепели» // Российский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 6. С. 351–358.
8. Хазиев Р.А. «Вторая экономика» эпохи «хрущевской оттепели» в БАССР // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. № 1. С. 198–207.

© Вагапов Р.Р., 2024

УДК 94(470.41)«1719/1816»

Валеева А.Р.
канд. филол. наук, доцент
Россия, Набережные Челны, НГПУ

Valeeva A.R.
c. of philolog. s., associate professor
Russia, Naberezhnye Chelny, NCPSU

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛ ВЕРХНИЙ И НИЖНИЙ СУЫК-СУ В ПЕРИОД С 1719 ПО 1816 ГГ.

Аннотация: в статье по материалам сказок I–VII ревизий рассмотрены демографические характеристики жителей сел Верхний и Нижний Суык-су. Проанализирована динамика половозрастного, конфессионального и сословного состава, смертность и участие в миграционных процессах. Автор пришел к выводу, что за период с 1719 по 1816 год небольшие поселения стали средними селами с устоявшейся демографической структурой, присущей традиционному аграрному обществу.

Ключевые слова: Верхний Суык-су, Нижний Суык-су, ревизские сказки, половозрастной состав, сословный состав, смертность, традиционное общество.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE VILLAGES OF VERKHNII AND NIZHNIY SUYK-SU IN THE PERIOD FROM 1719 TO 1816

Abstract. The article, based on the materials of I–VII population censuses, examines the demographic characteristics of the inhabitants of the villages of Verkhniy and Nizhniy Suyk-su. The dynamics of gender, age, confessional and class structure, mortality rate, participation in migration processes are analyzed. The author came to the conclusion that during the period from 1719 to 1816 small settlements became medium-sized villages with an established demographic structure typical of the traditional agrarian society.

Keywords: Verkhniy Suyk-su, Nizhniy Suyk-su, census lists, gender and age structure, class structure, mortality rate, traditional society.

Важнейшим источником при изучении историко-демографического развития различных населенных пунктов являются ревизские сказки, исследование которых позволяет расширить представления об истории, социальном и экономическом развитии отдельных регионов и Российской империи в период с XVIII по XIX вв.

Объектом нашего исследования стали демографические данные сел Верхний и Нижний Суык-су Тукаевского района Татарстана в период с 1719 по 1816 гг., предметом исследования – основные демографические характеристики и их динамика в историческом развитии. Главным источником послужили сохранившиеся в архивах первичные и вторичные данные I–VII (1719–1816 гг.) ревизий, содержащие сведения о приписном составе жителей поселений, расположенных на речке Сукса (современное название Суксинка): Суксу, Кубада на речке Суксе устье Шоксе, деревня ниже Кубады и Мелекес. На момент первой ревизии Суксу относилась к сотне Таганая Бектимирова Зюрейской дороги Казанского уезда [1, л. 544], а остальные деревни входили в сотню Абдрезяка Келдыбекова Арской дороги [2, л. 158, 179, 193].

Выбор вышеназванных поселений для анализа демографических параметров обусловлен их близким географическим расположением на речке Суксе и результатами генеалогических исследований сел Верхний и Нижний Суык-су. По материалам I ревизии в деревне Суксу проживали 5 душ мужского пола [1, л. 545]. В переписной книге прописных и утаенных зафиксировано 6 прописных, 6 утаенных и 4 души мужского пола по высылке из Уфимского уезда, итого согласно документу 16 человек [3, л. 152]. Общее количество мужских душ в

1720 г. составило 21 человек. С учетом сведений об убиавших между I и II ревизиями можно установить окончательные данные о мужском населении в д. Суксу в количестве 25 человек, включив умерших после 1720 г., но не внесенных в список первичных и вторичных материалов [5, л. 341, 342].

По материалам I ревизии в деревне ниже Кубады проживали 46 душ мужского пола [2, л. 181], а в деревне Кубада при речке Суксе – 26 мужчин [2, л. 195]. Для анализа возрастного состава населения использована одна из распространенных в демографии классификаций [20, л. 123]. Возрастной состав мужского населения по результатам I ревизии представлен в таблице 1.

Таблица 1.

Возрастной состав мужского населения деревень Суксу, ниже Кубады, Кубада при речке Суксе в 1722 г.

Возрастная категория	Суксу	ниже Кубады	Кубада при речке Суксе устье Шоксе
До 1 года	-	2 (4,4%)	1 (3,9%)
1-4	4 (16%)	9 (19,6%)	5 (19,2%)
5-9	7 (28%)	10 (21,7%)	5 (19,2%)
10-15	2 (8%)	5 (10,8%)	2 (7,7%)
16-24	2 (8%)	7 (15,2%)	7 (27%)
25-44	2 (8%)	4 (8,7%)	3 (11,5%)
45-59	4 (16%)	2 (4,4%)	-
60-75	2 (8%)	7 (15,2%)	3 (11,5%)
75 и старше	2 (8%)	-	-
Итого	25 (100%)	46 (100%)	26 (100%)

Источники: [1, л. 544–545; 2, л. 179–181об., 193–195; 3, л. 152; 5, л. 341–342].

По данным таблицы в д. Суксу отмечается отсутствие младенцев и преобладание лиц детского и молодого возраста над взрослым населением. Вместе с тем наблюдается небольшое количество мужчин зрелого возраста и позднего зрелого возраста, наличие пожилых и лиц преклонного возраста. Согласно данным в д. ниже Кубады также преобладает количество лиц раннего, детского, отроческого и молодого возраста над количеством мужчин зрелого, позднего зрелого, пожилого возраста. Обращает на себя внимание отсутствие лиц преклонного возраста.

Анализ данных по д. Кубада на речке Суксе показал большее количество лиц детского, отроческого и молодого возраста и небольшое количество мужчин зрелого возраста и пожилых. Кроме

того, отмечается отсутствие мужчин двух возрастных категорий – позднего зрелого возраста и стариков старше 75 лет. В период между ревизиями общее число убывших в д. Суксу составило 20 мужчин, среди которых 15 умерших, 3 рекрута и 2 человека «перешедших собою» на жительство в деревню Верхний Мелекес [5, л. 341, 342].

В деревне ниже Кубада убыло 22 человека, из них умерло 16 и 6 отданы в рекруты [4, л. 331 об. – 332 об.]. Число убывших в д. Кубада на речке Суксе составило 18 мужчин, из них 17 умерших и 1 рекрут [4, л. 337–338]. Смертность между I и II ревизиями отражена в таблице 2.

Таблица 2.

Смертность мужского населения между 1720–1744 гг. деревень Суксу, ниже Кубады, Кубада на речке Суксе

Возрастная категория	Суксу	ниже Кубады	Кубада на речке Суксе устье Шоксе
До 1 года	-	-	-
1-4	-	-	-
5-9	-	-	1 (5,9%)
10-15	3 (20%)	1 (6,3%)	3 (17,6%)
16-24	3 (20%)	5 (31%)	1 (5,9%)
25-44	1 (6,7%)	3 (18,8%)	7 (41,2%)
45-59	2 (13,3%)	1 (6,3%)	2 (11,8%)
60-74	1 (6,7%)	3 (18,8%)	-
75 и старше	5 (33,3%)	3 (18,8%)	3 (17,6%)
Итого	15 (100%)	16 (100%)	17 (100%)

Источники: [4, л. 331об. – 332об., 337–338; 5, л. 341–342].

По статистическим данным в д. Суксу обращает внимание отсутствие младенческой и детской смертности, что объясняется снижением рождаемости, и тем, что в период между ревизиями не фиксировались рождение и смерть детей. Достаточно высока смертность в подростковом и молодом возрасте и выше всего в старческом возрасте. В документе д. иже Кубада также не отражена детская смертность в раннем и младшем возрасте до 9 лет. Наибольшее количество смертей отмечается среди мужчин молодого возраста и одинаковая в количественном отношении смертность мужчин зрелого, пожилого и старческого возраста.

Согласно данным в д. Кубада на речке Суксе также не зарегистрирована смертность детей до 4 лет, но высока смертность в отроческом возрасте и ожидаемо высока смертность в пожилом возрасте. Однако самая высокая смертность зафиксирована среди

мужчин зрелого и самого трудоспособного возраста. В деревне Мелекес на речке Суксе после ее расселения в 1738 г. осталось 2 мужчин, ее жители перешли в новопоселенную деревню на речку Суте (трансформированное из-за ошибки писаря название Суксе) и в деревню Абдулово той же сотни Арской дороги.

По материалам ревизской сказки 1744 г. деревня Сукусу относилась к сотне Аиткула Таганаева Зюрейской дороги Казанского уезда и в ней зафиксировано 8 мужских душ [7, л. 283 об.]. В сотню Кулмета Кутлугушева Арской дороги Казанского уезда входили д. Кубада на речке Суте, которой проживали 24 души мужского пола, д. Суте с 45 мужчинами, д. новая иже Кубады с 57 жителями мужского пола (деревня ошибочно отмечена как новая) [6, л. 31–33 об., 40 об. – 41 об., 68 об. – 71 об.]. Возрастной состав мужского населения по результатам II ревизии представлен в таблице 3.

Таблица 3.

Возрастной состав мужского населения в 1744 г. деревень Сукусу, новой иже Кубады, Суте, Кубада на речке Суте

Возрастная категория	Сукусу	Новая иже Кубады	Кубада на речке Суте	Суте
До 1 года	-	7 (12,3%)	-	-
1-4	-	6 (10,5%)	6 (25%)	5 (11,1%)
5-9	-	9 (15,9%)	4 (6,7%)	11 (24,5 %)
10-15	2 (40%)	8 (14%)	5 (20,8%)	8 (17,8%)
16-24	1 (20%)	5 (9%)	2 (8,3%)	7 (15,5%)
25-44	3 (40%)	17 (29,3%)	7 (29,2%)	11 (24,5 %)
45-59	1 (20%)	2 (3,6%)	-	1 (2,2%)
60-74	1 (20%)	1 (1,8%)	-	1 (2,2%)
75 и старше	-	2 (3,6%)	-	1 (2,2%)
Итого	8 (100%)	57 (100%)	24 (100%)	45 (100%)

Источники: [6, л. 31–33 об., 40 об. – 41 об., 68 об. – 71 об.; 7, л. 283 об.].

По данным таблицы в д. Сукусу видно преобладание лиц зрелого трудоспособного и отроческого возраста над остальными категориями мужского населения, а также отсутствие детей мужского пола до 9 лет. В целом количество мужчин уменьшилось в три раза со времени первой переписи. В статистических данных по д. Новая иже Кубады налицо преобладание лиц детского и отроческого возраста над взрослым населением. Отмечается также как самая многочисленная среди мужчин категория зрелого и самого трудоспособного возраста от 25 до 44 лет. В период между ревизиями фиксируется прирост мужского населения на 9 человек.

Данные таблицы демонстрируют в д. Кубада на речке Суте отсутствие лиц мужского пола старше 45 лет и детей до 1 года. Самую многочисленную категорию составляют мужчины зрелого возраста. Однако, в целом отмечается преобладание лиц детского и отроческого возраста над молодыми и зрелыми мужчинами. Общая численность мужчин уменьшилась на 2 человека. В д. Суте фиксируются две наиболее многочисленные категории лиц мужского пола – дети от 5 до 9 лет и мужчины зрелого возраста. Количество мужских душ детского и отроческого возраста преобладает над числом лиц от раннего, зрелого до старческого возраста.

В материалах III ревизии зафиксированы убившие между II и III ревизиями в деревне Суксу 7 мужских душ, среди них – один рекрут и один мужчина, информация о причине отсутствия которого не указана [9, л. 333–333 об]. В д. Новой иже Кубады убыло 30 мужчин, из них 3 – отданы в рекруты, 2 – сосланы в ссылку [8, л. 61–63 об]. Число убивших в д. Кубада на речке Суте составило 12 мужчин, среди них 1 рекрут и 1 сосланный в ссылку [8, л. 84-85]. В д. Суты зафиксирован 21 убивший, численность рекрутов – 3 человека [8, л. 142–143 об]. Смертность населения между II и III ревизиями отражена в таблице 4.

Таблица 4.

Смертность мужского населения между 1744–1762 гг. деревень Суксу, новой иже Кубады, Суты, Кубада по речке Суте

Возрастная категория	Суксу	Новая иже Кубады	Кубада по речке Суте	Суты
До 1 года	-	-	-	-
1-4	-	3 (12%)	1 (10%)	-
5-9	-	2 (8%)	2 (20%)	1 (5,6%)
10-15	-	-	-	2 (11,1%)
16-24	-	3 (12%)	3 (30%)	4 (22,2%)
25-44	2 (40%)	5 (20%)	4 (40%)	6 (33,3%)
45-59	2 (40%)	9 (36%)	-	3 (16,7%)
60-74	-	-	-	-
75 и старше	1 (20%)	3 (12%)	-	2 (11,1%)
Итого	5 (100%)	25 (100%)	10 (100%)	18 (100%)

Источники: [8, л. 61–63об., 84–85, 142–143об.; 9, л. 333–333 об.].

Данные таблицы о смертности мужского населения во всех деревнях демонстрируют одну тенденцию – преобладание смертности среди трудоспособного возраста от 16 до 59 лет, которая составляет от 68 до 80 %. Детская смертность в деревнях новая иже Кубады, Суты, Кубада по речке Суте несколько ниже и полностью отсутствует в д. Суксу. Значительная часть смертей приходится на 1748–1750 гг., это годы повсеместного неурожая в Российской империи [21, с. 44]. Общая численность умерших от голода 1748–1750 гг. составила в этих деревнях 25 человек или 43 %.

III ревизия зафиксировала деревню Сукусы и деревню Нижняя Кувада Сууксу тож Казанской дороги Уфимского уезда. В деревне Сукусы сотни Алексея Кириллова проживал один мужчина [9, л. 333об.]. От деревни Нижняя Кувада Сууксу тож сотни Тактамышса Саперова поданы две ревизские сказки, где зафиксированы служилые татары – 18 мужчин и 17 женщин [10, л. 995–997], приписанных к Адмиралтейской конторе, и ясачные татары – 99 душ мужского пола и 86 женского [10, л. 998–1002 об]. Следует отметить, что деревни иже Кубады, Суты, Кубада по речке Суте объединены в одну. Возрастной состав мужского и женского населения по результатам III ревизии представлен в таблице 5.

Таблица 5.

Половозрастной состав населения д. Сукусы, Нижняя Кувада Сууксу тож в 1762 г.

Возрастная категория	Сукусы	Нижняя Кувада Сууксу тож - служилые		Нижняя Кувада Сууксу тож - ясачные	
	Муж.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
До 1 года	-	2 (11,1%)	-	2 (2%)	2 (2,3%)
1-4	-	1 (5,5%)	1 (5,9%)	25 (25,3%)	14 (16,3%)
5-9	-	2 (11,1%)	3 (17,6%)	12 (12,1%)	13 (15,2%)
10-15	-	3 (16,7%)	1 (5,9%)	10 (10,1%)	10 (11,6%)
16-24	-	2 (11,1%)	2 (11,8%)	19 (19,2%)	10 (11,6%)
25-44	-	3 (16,7%)	6 (35,3%)	19 (19,2%)	34 (39,5%)
45-59	1 (100%)	5 (27,8%)	4 (23,5%)	11 (11,1%)	3 (3,5%)
60-74	-	-	-	1 (1%)	-
75 и старше	-	-	-	-	-
Итого	1 (100%)	18 (100%)	17 (100%)	99 (100%)	86 (100%)

Источники: [9, л. 333–333 об.; 10, л. 995–1002 об].

В деревне Сукусы остался один холостой мужчина 55 лет. Деревня

практически перестала существовать. Среди служилых татар в д. Нижняя Кувада Сууксу тож наблюдается почти равное количество мужских и женских душ, это шесть семей с детьми. После III ревизии служилые татары, приписанные к Адмиралтейству, вероятно были переселены. Среди ясачных крестьян этой же деревни мужчин на 13 человек больше чем женщин. Следует отметить, что цифры демонстрируют хорошую рождаемость и примерно равное количество юного (от младенцев до 15 лет) и взрослого (от 16 до 74 лет) возраста как среди мужчин, так и среди женщин. Самую многочисленную группу среди всех групп населения составили женщины в возрасте от 24 до 44 лет, что связано с мусульманской традицией многоженства. Также обращает на себя внимание почти полное (за исключением одного мужчины) отсутствие лиц пожилого и старческого возраста.

V ревизия по деревне Нижняя Кувада Сууксу тож Уфимского наместничества Мензелинской округи содержит данные о численности населения по IV несохранившейся ревизии – 118 мужских и 114 женских душ среди ясачных татар и об убывших и прибывших между IV и V ревизиями. В деревню переселились трое мужчин, отданы замуж в другие деревни 15 девушек и женщин, отданы в рекруты 7 человек, количество умерших среди мужчин – 29, среди женщин - 31 человек. Вторая сказка V ревизии содержит сведения о 5 мужчинах и 4 женщинах из новокрещен и об умерших между ревизиями 1 мужчине и 1 женщине. Третья сказка отразила состав одной семьи из служилых татар, состоящей из 2 мужчин и 2 женщин. Смертность между IV и V ревизиями отражена в таблице 6.

Таблица 6.

Смертность населения д. Нижняя Кувада Сууксу тож между 1783-1795 гг.

Возрастная категория	Нижняя Кувада Сууксу тож	
	Муж.	Жен.
До 1 года	-	-
1-4	2 (6,7%)	2 (6,3%)
5-9	2 (6,7%)	1 (3,1%)
10-15	1 (3,3%)	5 (15,6%)
16-24	1 (3,3%)	3 (9,4%)
25-44	8 (26,7%)	13 (40,6%)
45-59	11 (36,7%)	6 (18,7%)
60-74	4 (13,3%)	2 (6,3%)
75 и старше	1 (3,3%)	-
Итого	30 (100%)	32 (100%)

Источники: [11, л. 852–852 об.; 12, л. 569–584 об.; 13, 169–169 об].

Согласно данным отсутствует младенческая смертность, что, скорее всего, связано с тем, что она не всегда фиксировалась. Детская смертность от 1 до 15 лет достаточно высокая и составляет от 16,7 % среди мальчиков до 25 % среди девочек. Однако самая высокая смертность взрослого населения наблюдается среди женщин от 25 до 44 лет – 40,6 %, вероятно это смертность при родах и среди наиболее трудоспособных мужчин от 25 до 59 лет – 63,3 %.

В трех ревизских сказках 1795 г. в д. Нижняя Кувада Сууксу тож показаны ясачные татары – 122 мужчины, 134 женщины [12, л. 584 об.], служилые татары – 3 мужчины и 2 женщины [13, л. 169 об.], а также новокрещены – 4 мужчины и 10 женщин [11, л. 852 об.]. В процентном соотношении сословный и конфессиональный состав населения выглядит следующим образом: 93,1 % государственные крестьяне (ясачные татары) и 1,8% служилые татары – мусульмане и 5,1% государственные крестьяне – православные (новокрещены). Возрастной состав мужского и женского населения по результатам V ревизии представлен в таблице 7.

Таблица 7.

Половозрастной состав населения в 1795 г. д. Нижняя Кувада Сууксу тож

Возрастная категория	Нижняя Кувада Сууксу тож	
	Муж.	Жен.
До 1 года	1 (0,8%)	6 (4,1%)
1-4	19 (14,7%)	20 (13,7%)
5-9	11 (8,5%)	12 (8,2%)
10-15	20 (15,5%)	28 (19,2%)
16-24	25 (19,4%)	19 (13%)
25-44	39 (30,3%)	47 (32,2%)
45-59	11 (8,5%)	11 (7,5%)
60-74	3 (2,3%)	3 (2,1%)
75 и старше	-	-
Итого	129 (100%)	146 (100%)

Источники: [11, л. 852–852 об.; 12, л. 569–584 об.; 13, 169–169 об].

Согласно данным в деревне наблюдается высокая рождаемость, количество девочек от младенцев до 15 лет превышает численность мальчиков на 15 человек или 13%. Численность взрослых от 16 до 74 лет мужчин и женщин примерно одинакова и составляет 78 и 80 человек. Наиболее многочисленная группа населения среди мужчин и женщин приходится на возраст от 25 до 44 лет. Обращает на себя внимание отсутствие лиц старше 75 лет.

Корректные данные о смертности между V и VI ревизиями не могут быть представлены ввиду незавершенности VI ревизии и отсутствия информации о женской смертности в материалах VII ревизии.

VII ревизия зафиксировала две деревни: Нижняя Кувада Суксы тож и Старые Суксы. От д. Нижняя Кувада Суксы тож представлены три ревизские сказки, согласно которым в ней проживали ясачные татары – 88 мужчин и 106 женщин [16, л. 403], отставные солдаты – 3 человека, 10 солдатских жен и дочерей [15, л. 161] и новокрещены – 5 мужчин и 9 женщин [18, л. 167]. Деревня Старые Суксы представила также три сказки, в ней показаны ясачные татары – 60 мужчин и 61 женщина [17, л. 314], служилые татары – 5 мужчин и 9 женщин [19, л. 397], отставные солдаты – 1 мужчина и 4 солдатские жены и дочери [14, л. 148]. Возрастной состав мужского и женского населения по результатам VII ревизии показан в таблице 8.

Таблица 8.

Половозрастной состав населения в 1816 г. д. Нижняя Кувада Суксы тож, Старые Суксы

Возрастная категория	Нижняя Кувада Суксы тож		Старые Суксы	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
До 1 года	5 (5,2%)	3 (2,4%)	1 (1,5%)	2 (2,7%)
1-4	10 (10,5%)	15 (12%)	8 (12,1%)	10 (13,5%)
5-9	14 (14,6%)	13 (10,4%)	6 (9,1%)	9 (12,1%)
10-15	16 (16,6%)	27 (21,6%)	9 (13,6%)	13 (17,6%)
16-24	12 (12,5%)	13 (10,4%)	13 (19,8%)	6 (8,1%)
25-44	20 (20,8%)	37 (29,6%)	17 (25,8%)	22 (29,7%)
45-59	11 (11,5%)	10 (8%)	9 (13,6%)	7 (9,5%)
60-74	8 (8,3%)	7 (5,6%)	3 (4,5%)	4 (5,4%)
75 и старше	-	-	-	1 (1,4%)
Итого	96 (100%)	125 (100%)	66 (100%)	74 (100%)

Источники: [14, л. 147–148; 15, л. 160–161; 16, л. 392–403; 17, л. 306–314; 18, л. 165–167 об.; 19, л. 395–397].

Данные таблицы по деревне Нижняя Кувада Суксы тож демонстрируют достаточно высокую рождаемость, превышение численности девочек и женщин над мужским населением на 24 человека, что составляет 13 %. Отмечается также отсутствие лиц старше 75 лет и многочисленность мужской и женской возрастной группы от 25 до 44 лет.

В данных по д. Старые Суксы наблюдаются те же тенденции:

хорошая рождаемость, преобладание возрастной группы от 25 до 44 лет, превышение численности женского населения над мужским на 8 человек, т.е. на 5,7 %. Среди мужчин отсутствует возрастная группа старше 75 лет.

Таким образом, материалы генеральных ревизий позволяют утверждать, что в период с 1719 по 1816 годы небольшие монословные и моноконфессиональные татарские поселения на речке Суксе в ходе исторического развития сформировались в средние по численности населения деревни Старые Суксы и Нижняя Кувада Суксы тож (современные Верхний и Нижний Суык-су), хотя и незначительно, но подверглись христианизации, и благодаря процессам внутренней миграции включили в свой состав сословие служилых татар, появились отставные солдаты. Территориальная миграция населения минимальна и связана преимущественно с выходом замуж, воинской повинностью, ссылкой, припиской к корабельным работам. Этнический состав населения на протяжении исследуемого периода был стабилен. Наряду с этим можно констатировать характерную для традиционного (аграрного) общества XVIII–XIX вв. картину с незначительным числом людей пожилого возраста, с доминированием молодежных групп населения и возрастной группы от 20-ти до 44-х лет. Превышение численности душ женского пола над численностью душ мужского пола несколько больше, чем среднестатистическое, что обусловлено мусульманской традицией многоженства.

Литература и источники

1. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1084. Л. 544–545.
2. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1119. Л. 158–161 об., 179–181 об., Л. 193–195.
3. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1105. Л. 152.
4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1154. Л. 331 об. – 332 об., 337–338.
5. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1155. Л. 341 об. – 342.
6. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1140. Л. 31-33 об., 40об. – 41об., 68 об. – 71 об.
7. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1142. Л. 283 об.
8. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1188. Л. 61–63 об., 84–85, 142–143 об.
9. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1203. Л. 333–333 об.
10. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3795. Л. 995–1002 об.
11. НА РБ. Ф. И-138. О. 2. Д. 47. Л. 852–852 об.
12. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 48. Л. 569–584 об.
13. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 49. Л. 169–169 об.

14. НА РБ. Ф. И-138, Оп. 2. Д. 286. Л. 147–148.
15. НА РБ. Ф. И-138, Оп. 2. Д. 286. Л. 160–161.
16. НА РБ. Ф. И-138, Оп. 2. Д. 298. Л. 392–403.
17. НА РБ. Ф. И-138, Оп. 2. Д. 298. Л. 306–314.
18. НА РБ. Ф. И-138, Оп. 2. Д. 298. Л. 165–167.
19. НА РБ. Ф. И-138, Оп. 2. Д. 300. Л. 395–397.

20. Мотревич В.П. Историческая демография России: учебное пособие / ред. Р.Н. Кислых. Екатеринбург: УрГУ, 2000. 168 с.

21. Очерки истории СССР [Электронный ресурс] / гл. ред.: Н.М. Дружинин. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957 (2016). 866 с. Режим

доступа: <https://elibr.rgo.ru/handle/123456789/217201?ysclid=lr6e9trlj6696175590> (дата обращения: 01.12.2023)

© Валеева А.Р., 2022

УДК 94(47).072/073

Гребенкин А.Н.
д-р ист. наук, сотрудник
Россия, Орел, Академия ФСО РФ

Grebenkin A.N.
d. of h. s., employee
Russia, Orel, Academy of the FSGS of the RF

**ПРАКТИКА ЗАЧИСЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ В ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ
ЗАВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1-Й ПОЛОВИНЕ
XIX в.**

Аннотация: в статье рассмотрена практика зачисления представителей народов Северного Кавказа и Закавказья в военно-учебные заведения Российской империи в 1-й половине XIX в. Автор приходит к выводу, что главной целью пребывания горцев, лезгин, грузин, армян и азербайджанцев в кадетских корпусах была подготовка лояльных по отношению к имперской власти представителей местной администрации. Задача подготовки собственно офицерских кадров была затруднена тем, что значительное количество кадет отсеивалось по причине неспособности к учебе или вследствие болезней.

Ключевые слова: Россия, Уфа, ревизская сказка, перепись населения, социальный состав населения, этнический состав населения.

**THE PRACTICE OF ENROLLING REPRESENTATIVES
OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS AND
TRANSCAUCASIA TO MILITARY EDUCATIONAL
INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 1ST HALF
OF THE XIX CENTURY**

Abstract. This article examines the practice of enrolling representatives of the peoples of the North Caucasus and Transcaucasia in military educational institutions of the Russian Empire in the 1st half of the XIX century. The author concludes that the main purpose of the stay of mountaineers, Lezgins, Georgians, Armenians and Azerbaijanis in the cadet corps was to train representatives of the local administration loyal to the imperial government. The task of training the actual officer cadres was complicated by the fact that a significant number of cadets were eliminated due to inability to study or due to illness.

Keywords: Russian Empire, military education, cadet corps, highlanders, North Caucasus, Transcaucasia.

Первые представители народов Закавказья появились в военно-учебных заведениях Российской империи в начале XIX в., когда Грузия вошла в состав Российской империи. Обучение представителей грузинской правящей элиты в российской военной школе было средством формирования лояльной по отношению к Санкт-Петербургу местной администрации. В 1804 г. на обучение в Первый кадетский корпус были помещены сыновья грузинской царицы Марии Илья и Окропило. Их брат Жибраил также должен был стать кадетом, но по неизвестным причинам так и не появился в корпусе. В марте 1812 г. Илья и Окропило успешно окончили курс, были произведены в подпоручики и начали службу в лейб-гвардии Егерском полку. Одновременно с ними в Первом кадетском корпусе обучались три сына грузинской царевны Екатерины Ираклиевны и князя Чолокаева – Иван, Давид и Луарсаб. В марте 1812 г. последовал их перевод в Пажеский Его Императорского Величества (далее – Е.И.Вел.) корпус. Впоследствии было законодательно закреплено правило, в соответствии с которым для малолетних грузин в кадетских корпусах отводилось 10 вакансий.

Через несколько лет после начала Кавказской войны, в конце 1820-х гг., на повестке дня оказалась задача воспитания детей кавказских князей и дворян в духе преданности императору. В Дворянский полк были зачислены юноши-горцы, которые после окончания курса должны были начать службу в лейб-гвардии Кавказско-Горском взводе – подразделении императорской охраны, сформированном в 1828 г. Предпочтение отдавалось представителям княжеских фамилий. Дети в возрасте до десяти лет определялись в Александровский кадетский корпус для малолетних, находившийся в Царском Селе, мальчики постарше и подростки – в Первый, Второй и Павловский кадетские корпуса.

В общей сложности в 1829 г. в российские военно-учебные заведения было зачислено 40 представителей народов Кавказа. В течение 1830 г. в Санкт-Петербург был прислан 51 человек. Все они являлись сыновьями горских князей и узденей (дворян. – А.Г.). В Павловский кадетский корпус в 1830 г. были определены девять человек, в 1831 г. – три человека.

Правительство прилагало серьезные усилия для того, чтобы превратить кадетские корпуса в полноценный канал подготовки офицеров, способных служить надежной опорой российской политики на Кавказе и в Закавказье. Вице-канцлер граф К.В. Нессельроде сообщил 1 августа 1832 г. командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту барону Г.В. Розену «высочайшую Государя Императора волю о внушении знатнейшим мусульманам Кавказского края о выгодах помещения детей в кадетские корпуса» [2, л. 1]. Тех, чьи родители изъявляли согласие, можно было отправлять в Санкт-Петербург на казенный счет. Они помещались отдельно от прочих воспитанников, образуя в каждом из кадетских корпусов так называемое азиатское отделение.

В ноябре 1833 г. во Втором кадетском корпусе воспитывались шесть кумыков (в том числе четыре князя), один чеченец, два черкеса, один ногаец и два осетина. Кадетами Павловского корпуса являлись шесть чеченцев, четыре тагаурца, четыре абазина и один кабардинец. В Александровском кадетском корпусе находились один чеченец, один белоканец, один тагаурец и один кумык. Наконец, в Дворянском полку обучались два кумыка, один из которых (М. Дыдмов) был откомандирован в лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Таким образом, общее количество обучающихся составляло 33 человека.

В декабре 1833 г. Николай I отдал распоряжение, в соответствии с которым следовало «детей почетных мусульман Кавказского края

присылать в кадетские корпуса от 20 до 30 в год, но не более, независимо от тех из почетнейших, которые будут назначены в пажи, и тех, кои в родстве с служащими в конвое Его Величества, доставляя их вообще в год два раза, смотря по времени выпусков из корпусов в офицеры» [2, л. 6]. Таким образом, подготовка детей аристократов осуществлялась обособленно, в стенах элитарного Пажеского корпуса, а пополнение офицерами-горцами Собственного Е.И. Вел. конвоя велось путем обучения родственников уже служивших в конвое офицеров в тех же столичных военно-учебных заведениях, в которые помещались прочие горцы, но с особым учетом, вне контрольных цифр приема. При этом число пажей и «родственников конвойных Его Величества» не было точно определено.

В январе 1834 г. на Кавказе было собрано 74 сына горских князей и первостепенных узденей, предназначенных для помещения на воспитание в военно-учебные заведения. Их предполагалось прислать в Санкт-Петербург до окончания зимы. Генерал-адъютант граф А. Х. Бенкендорф ходатайствовал перед Главным начальником Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка великим князем Михаилом Павловичем, чтобы «сообразно возрасту их сделать им распределение таким образом, дабы по прибытии их сюда (т. е. в Санкт-Петербург. – А.Г.) каждый из них мог быть отправлен прямо в тот корпус, в который благоволите Ваше Высочество назначить» [3, л. 1 об]. Со своей стороны, Бенкендорф отмечал, что если корпуса будут в затруднении принять сразу такое большое количество детей, то он распорядится впредь присылать их в меньшем количестве, поровну распределяя между заведениями.

В списке значились два закубанца, 13 первостепенных узденей (в том числе два «народа чирченейского», три – хамышейского, два – сапеугского, два – гатукайского, два – темиргойского, один – нагайского, один – дигорского), четыре сына княжеских и узденских из чеченских деревень (один – из Елдаровой, один – из Староюртовской, два – из Брагунской), 22 узденя (в том числе два из Новоюртовской, восемь из Староюртовской, один из Мундаровой, два из Алхасовой, один из Кожаконской и восемь без указания места происхождения). Остальные были представителями кумыков: один князь, шесть первостепенных сала-узденей, один андреевский князь, 16 андреевских узденей, четыре костековских князя, один костековский уздень, четыре аксаевских узденя. Средний возраст абитуриентов составлял примерно девять с половиной лет (у четырех возраст не был указан). Самым старшим было по 13 лет, самому младшему – пять.

Великий князь Михаил Павлович в своем рапорте военному министру графу генералу от кавалерии А.И. Чернышеву отметил, что помещать горцев в кадетские корпуса необходимо: «Воспитание в военно-учебных заведениях империи, и в особенности под личным высочайшим надзором, малолетних дворян земель, к России присоединенных, я признаю мерой чрезвычайно полезной и долженствующей, со временем, принести благие плоды несомненно» [3, л. 4 об]. Вместе с тем, по мнению главы военно-учебного ведомства, внезапные присылки большого числа кандидатов ставили руководство отдельных заведений в крайне затруднительное положение, так как приходилось полностью пересматривать схемы размещения воспитанников в спальнях и классах. Кроме того, на содержание столь значительного количества новых воспитанников у корпусов не хватало денежных средств.

Поэтому великий князь Михаил Павлович просил графа А.И. Чернышева ходатайствовать перед императором о том, чтобы присланные 74 горца были распределены по столичным кадетским корпусам сообразно их возрасту; «если же сего в точности выполнить будет невозможно, то, невзирая на возраст, по местным удобствам» [3, л. 5]. На содержание как этих горцев, так и прочих сверхкомплектных кадет, по мнению великого князя, следовало отпускать дополнительные суммы, если не полные по штату, то хотя бы в размере не менее 500 р. в год на каждого воспитанника, в противном случае кадетские корпуса войдут в долги или же будут вынуждены экономить в ущерб делу воспитания. Глава военно-учебного ведомства предлагал отделить для «почетнейших азиатцев» в Пажеском корпусе и для родственников горцев Собственного Е.И.Вел. конвоя в кадетских корпусах определенное количество вакансий (либо общее, либо по четыре, пять или даже 10 для каждого разряда, в зависимости от воли императора), с тем, чтобы общее количество воспитанников никогда не выходило за рамки комплекта. Эти вакансии должны были быть созданы исключительно в столичных военно-учебных заведениях «той целью, дабы малолетние дворяне присоединенных к России земель получили воспитание под непосредственным Высочайшим надзором и чтобы они привыкали с юных лет к отеческим милостям Государя Императора и возвращались впоследствии на родину с чувствами благодарности и преданности Его Императорскому Величеству» [3, л. 6 об].

Николай I повелел зачислить всех 74 абитуриентов в кадетские корпуса, а на будущее время присылать не более 30 человек ежегодно, отправляя их в Санкт-Петербург три раза в год. Все горцы должны

были числиться сверх комплекта, а на содержание каждого из них в дополнение к штатным суммам отпускалось по 400 р. в год. Грузинские дворяне и азербайджанцы включались в постоянный комплект Первого, Второго и Павловского кадетских корпусов, где для них отводились особые вакансии.

Исполняя высочайшую волю, великий князь Михаил Павлович предписал распределять вновь поступающих в кадетские корпуса горцев между отдельными заведениями следующим образом: в Первый, Второй и Павловский корпуса – по шесть человек, а в Александровский для малолетних – 12. Исходя из данного соображения, Михаил Павлович просил Чернышева приказать принять за постоянное правило, чтобы 18 ежегодно присылаемых в Санкт-Петербург горцев были в возрасте от 10 до 18 лет, а 12 – моложе 10 лет. Грузины распределялись по корпусам так: в Первый и Второй корпуса – по четыре человека, а в Павловский – два. Правила помещения сыновей аристократов в Пажеский корпус и родственников офицеров конвоя в кадетские корпуса изменений не претерпели.

В 1830-е – 1840-е гг. через систему имперского военного образования прошло 315 горцев. Как уже говорилось, в 1834 г. в корпуса были зачислены 74 человека, в последующие годы ежегодный прием составлял около 30 человек. Из-за значительного отсева, речь о котором пойдет ниже, число представителей кавказских народов в каждом конкретном заведении было невелико. Так, в январе 1840 г. на воспитании в Первом кадетском корпусе находился 21 малолетний горец, из которых один по причине болезни числился неявившимся; лезгин же в корпусе не было совсем.

Поскольку воспитание следовало начинать как можно раньше, в Санкт-Петербург присылалось много детей в возрасте до 10 лет. В феврале 1834 г. в Александровский кадетский корпус были определены 29 кадет. В их числе находились: один закубанец, восемь первостепенных узденей (в том числе один хамышенского народа, два сапеугского, два гатукайского, два темир-гойского и один дигорского), один чеченец из Староюртовской деревни, девять узденей (в том числе один из Староюртовской), один андреевский князь, четыре андреевских узденя, три костековских князя, два костековских узденя. У четырех аксаевских узденей возраст не был указан, поэтому начальство не знало, куда их следует определить – в Александровский корпус или же в Первый. Чины отцов были указаны лишь у некоторых абитуриентов. Двое были сыновьями подпоручиков, один – сотника, один – капитана. Средний возраст детей составлял семь лет десять месяцев. Самым старшим было девять лет, младшим – пять.

Переводы кадет из одного заведения в другое были достаточно распространенным явлением. В сентябре 1834 г. два семилетних горца (Умар Аджиев и Даут Бек Исаков) по причине большого роста и возмужалой наружности, препятствовавшей их пребыванию в Александровском кадетском корпусе, были переведены в Дворянский полк. Магомед Актулаев, который был отправлен в Первый кадетский корпус, напротив, из-за своего малолетства был перемещен в Александровский корпус. Впоследствии неоднократно фиксировались случаи перевода из Первого и других кадетских корпусов в Дворянский полк 10–11-летних горцев, чей «взрослый» облик резко диссонировал с внешностью большинства их товарищей.

Лишь небольшая доля абитуриентов, зачисленных в корпус, доходила до выпуска и удостоивалась производства в офицеры. Далеко не все новоиспеченные кадеты добирались до столицы с далекого Кавказа. Так, в Павловский корпус в 1834 г. было определено четверо сыновей горских князей и первостепенных узденей, причем один из них, Б. Шевлухов, так и не прибыл на учебу [5, л. 5 об]. В том же году чеченцы А. Мундаров, К. Темеркин и М. Мурин, предназначенные к определению в Первый кадетский корпус, не были отправлены в Санкт-Петербург из-за несогласия их отцов.

Достаточно большие потери были вызваны болезнями, от которых страдали многие горцы ввиду неблагоприятных погодных условий, обычных для столицы. При этом некоторые официальные отчеты могут ввести исследователей в заблуждение. Так, в марте 1841 г. в Штаб военно-учебных заведений из Первого кадетского корпуса была отправлена сравнительная ведомость о числе воспитанников, поступивших в Первый кадетский корпус с 1830 по 1841 гг., с указанием, сколько горцев поступило в заведение и сколько умерло. Согласно данному документу, в Первый кадетский корпус в 1830–1840 гг. было определено 44 горца (в 1830 г. – три, в 1834 г. – 18, в 1835 г. – семь, в 1837 г. – четыре, в 1838 г. – один, в 1839 г. – шесть, в 1840 г. – пять). В 1838 г. два горца умерли. Следовательно, соотношение умерших к поступившим составляло 1:22.

Для сравнения: за этот же период в корпус поступило 1066 человек, из них умерло 90, соотношение умерших к поступившим составило 1:12 [1, л. 17]. Таким образом, если судить по данной справке, шансы горцев не стать очередными жертвами сырого петербургского климата, вопреки широкому распространению среди них легочных болезней (в частности, туберкулеза), были в почти в два раза выше, чем у обычных кадет.

Однако сведения о кадетах, досрочно исключенных из корпуса вследствие болезни, заставляют нас скорректировать сделанный выше вывод. Согласно именным спискам кадет, направленным в июне 1841 г. директором Первого кадетского корпуса П.П. Годиным в Штаб военно-учебных заведений, в 1838-1840 гг. в Первом кадетском корпусе воспитывался 41 горец и четыре лезгина. Из числа горцев 11 человек поступили в 1834 г. (расхождение с указанными выше цифрами объясняется тем, что семь человек были исключены до 1838 г.), десять – в 1835 г. (данные также расходятся с указанными выше, и, по всей видимости, цифра в справке о заболеваемости занижена. – А. Г.), четыре – в 1837 г., один – в 1838 г., шесть – в 1839 г., девять – в 1840 г. (здесь также видим занижение данных в справке о заболеваемости). Все четыре лезгина поступили в корпус в 1840 г.

Из 18 поступивших в 1834 г. к 1840 г. в корпусе оставалось только четыре человека. Абдул Ахмет Алдиев и Мурза Бек Кечев были исключены по болезни в 1838 г., Маган Чирей уволен по этой же причине в 1839 г., Умар Аджиев умер в 1838 г., Кармиш Сауров в 1838 г. за леность в науках и дерзкое обращение с товарищами выписан урядником в Сборно-линейный казачий полк, Крым Гирей Сага Чиреев и Карабудак Культиев в 1838 г. произведены в офицеры в Кавказское линейное казачье войско, князь Чон Арслан Ахтулаев в 1839 г. произведен в корнеты и также начал службу в Кавказском линейном казачьем войске. При этом, ходатайствуя об отправлении Алдиева, Кечева и не упомянутого в статистике Мамат-Бека на родину, старший врач корпуса доктор медицины надворный советник Сольский отмечал, что они страдали от серьезных болезней, долго находились в лазарете, не подавали надежды к полному выздоровлению и что возвращение на Кавказ могло оказать благотворное воздействие на расстроенное здоровье воспитанников.

Из десяти горцев набора 1835 г. в корпусе в 1840 г. обучалось шесть человек. Айдемир Хасалов в 1839 г. был исключен вследствие болезни и отправлен на родину, Исмаил Анзоров в августе 1840 г. был выпущен юнкером «по тупости понятий и лености» и уволен на попечение родителей, Ар-сланбек Хасаев в 1840 г. переведен в Дворянский полк для совместного воспитания со своим братом, Карашая Седаков в 1839 г. произведен в корнеты и отправлен в Кавказское линейное казачье войско. Из четырех горцев, зачисленных в корпус в 1837 г., остались двое. Биберд Тассов Кондуков и князь Мисост Атажукин в 1839 г. были исключены по болезни и отправлены на родину. Из шести кавказцев набора 1839 г. через два года в корпусе осталось пять. Умар Бек Мурзаев в 1841 г.

был отправлен по болезни на родину. Таким образом, относительно низкая смертность горцев объясняется тем, что значительное их количество вследствие болезней было исключено из корпуса и отправлено на родину.

Достаточно много горцев исключалось из корпусов по причине неспособности к учебе или за дурное поведение. Из еще одного списка, составленного по требованию Штаба военно-учебных заведений в декабре 1838 г., мы видим, что в корпусе в разное время обучались 27 горцев. Из них 13 человек (Ш. Адналиев, А. Дударуков, А. Мундаров, К. Темеркин, М. Мурин, М. Ду-жанкишин, Ш. Муртазальев, Е. Тепсурков, У. Батырмурзин, Е. Магоматов, А. Батырмурзин, У. Бекмурзин и С. Магомат-Гирей) были исключены в 1834 г., один (М. Актулаев) в том же году по причине малолетнего возраста был переведен в Александровский кадетский корпус, два (А. Алдиев и М. Кечев) исключены по неспособности к учебе, четыре (М. Иманаков, С. Мусакаев, А. Курумов и князь К. Амзаев) по причине большого роста переведены в Дворянский полк, один (князь Б. Махтиев) переведен в Дворянский полк без указания причины, один (У. Аджиев) умер и еще один (П. Аббатов) исключен по желанию родителей. Как уже упоминалось выше, К. Сауров в 1838 г. был исключен из корпуса за дурное поведение) и в чине урядника начал службу в Сборном линейном казачьем батальоне. Лишь двое (К.-Г. Чиреев и К. Культиев) успешно окончили курс наук и были назначены к производству в офицеры в Кавказское линейное казачье войско.

В 1830-е – 1840-е гг. корпуса достаточно активно пополнялись представителями народов Закавказья. В апреле 1839 г. по представлению командира Отдельного Кавказского корпуса Николай I высочайше повелел зачислить в кадетские корпуса и Дворянский полк детей мусульман (т. е. азербайджанцев. – А.Г.) и карабахских армян в количестве 21 человека, доставив их в Санкт-Петербург к 1 августа, а затем «отправлять впредь в кадетские корпуса и Дворянский полк, с детьми почетных мусульман, и детей почетных армян Кавказского края, в том самом числе, какое уже определено, доставляя их один раз в году к 1 августа» [4, л. 1 об]. В список были включены дети офицеров, старшин, заседателей, магальных начальников, а также двух карабахских беков. Средний возраст составлял 12 лет. Младшими из поступивших были восьмилетние Абдул-Кадыр-Искендер Дужурмутский, сын тальского старшины Мирзы-Искендера-Абдурахмана-Оглы, и Абакар-Байрам-Ага, сын дужарского магального начальника Наиба Байрам Муллы, старшими – прибывший из Карабахской провинции племянник подпоручика Долуханова

Саркис и сын умершего карабахского бека Давида Лазарева Яков. В список был включен 9-летний сын тальского магального (магал – низшая административная единица, аналогичная волости. – А.Г.) начальника Али-Бека Араблинского – девятилетний Бала-Киши-Али-Бек, впоследствии дослужившийся до генерала [6, с. 78].

2 августа 1839 г. начальнику штаба военно-учебных заведений Я.И. Ростовцеву был отправлен список 15 малолетних детей мусульман и карабахских армян, отправленных из Тифлиса в Санкт-Петербург. Вместо восьмилетнего Абдул-Кадыр-Искендера Дужурмутского, который заболел, с разрешения корпусного командира в столицу был отправлен его ровесник Исмаил Кардаш, сын известного своей преданностью правительству джарского старшины Кардаша Муллы Магомеда Нухлинского. Остальных дети, еще не прибывших в Тифлис, предполагалось отправить в столицу позже с особым чиновником.

В августе 1840 г. в Первом кадетском корпусе обучались девять последователей Армянской апостольской церкви. Из них восемь принадлежали к грузинским княжеским родам (Д.Р. Туманов, Ап.Р. Туманов, Ал.Р. Туманов, И.А. Аргутинский-Долгоруков, А.Е. Аргутинский-Долгоруков, Е.Д. Аргутинский-Долгоруков, Л.М. Бебутов, П.Я. Абабеликов). Служебный статус отцов кадет был невысок: среди них мы видим титулярного советника, губернского секретаря, чиновника XII класса, коллежского регистратора (отца трех братьев Аргутинских-Долгоруковых), прапорщика. У двух кадет чин отца указан не был. Воспитанники армянского вероисповедания были гораздо старше, чем горцы (в среднем 16 лет), причем старшему из них, князю Дмитрию Туманову, было 20 лет. Младшему, князю Павлу Абабеликову, исполнилось десять.

Удостоенные производства в офицеры кавказцы, как правило, выпускались в кавалерию. Так, в мае 1835 г. из Павловского кадетского корпуса были выпущены 11 горцев, а из Дворянского полка – два горца с производством в прапорщики и с назначением состоять по кавалерии для прикомандирования к казачьим полкам Отдельного Кавказского корпуса. В 1839 г. из Первого кадетского корпуса были выпущены четыре горца (двое в июне и двое в августе). Все они были произведены в корнеты в Кавказское линейное казачье войско.

В 1845 г. общее количество обучающихся горцев составляло 128 человек, окончили корпуса с производством в корнеты 22 человека. По окончании учебы молодые офицеры должны были прослужить в России в течение пяти лет, и лишь затем им разрешалось перевестись на Кавказ [7, с. 11].

Таким образом, в первой половине XIX в. сложилась практика зачисления представителей народов Кавказа и Закавказья в военно-учебные заведения Российской империи. Главная задача пребывания малолетних горцев, лезгин, армян, азербайджанцев и пр. в кадетских корпусах заключалась в воспитании лояльных по отношению к имперской власти представителей местной администрации. Отдельными направлениями являлись обучение в Пажеском корпусе представителей элиты и подготовка в кадетских корпусах офицеров Собственного Е.И. Вел. конвоя. Этнический состав обучающихся был исключительно пестрым. При этом коэффициент полезного действия практики зачисления малолетних кавказцев и представителей народов Закавказья в кадетские корпуса с точки зрения их подготовки к офицерской службе был не очень высок. Значительное количество кадет отсеивалось по причине неспособности к учебе или вследствие болезней. Немногие дошедшие до выпуска производились в офицеры кавалерии, причем действительная служба мыслилась как продолжение политики воспитания представителей северокавказских и закавказских народов в духе преданности российскому правительству.

Литература и источники

1. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5460.
2. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 425.
3. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 433.
4. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 500.
5. РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2903.
6. Халаев З.А. Джаро-белоканцы на военной службе Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2022. № 2 (46). С. 72–84.
7. Шигабудинов Д.М. Формирование иррегулярных частей из горцев Дагестана в период Кавказской войны // История, археология и этнография Кавказа. 2008. № 1. С. 10-16.

© Гребенкин А.Н., 2024

Григорьев С.И.
канд. ист. наук, научный сотрудник
Россия, Санкт-Петербург, Государственный
мемориальный музей А.В. Суворова

Grigoriev S.I.
c. of h. s., research fellow
Russia, Saint Petersburg,
A.V. Suvorov State Memorial Museum

**«СОВСЕМ НЕТ НАШЕГО НАМЕРЕНИЯ ИМЕТЬ СЕЙ
ПОЛУОСТРОВ... В НАШЕМ ПОДДАНСТВЕ...»: КОГДА НА
САМОМ ДЕЛЕ В ПЕТЕРБУРГЕ РЕШИЛИ ПРИСОЕДИНИТЬ
КРЫМ К РОССИИ?**

Аннотация: В статье анализируется процесс формирования и последующих изменений взглядов императрицы Екатерины II и высшего руководства России на «Крымский вопрос» в 1770-е гг.: от стремления к провозглашению независимого государства в Крыму (1769), через утверждение фактического протектората Российской империи над Крымским ханством (1777) – к принятию стратегического курса на присоединение Крыма к России в скором будущем (1779). Также рассматриваются общие причины кризиса и краха Крымской государственности периода независимости 1771–1783 гг.

Ключевые слова: Российская империя, Крымское ханство, Екатерина II, хан Шахин-Герай, политическая независимость, история дипломатии

**«THERE IS ABSOLUTELY NO INTENSION OF OUR HAVING
THIS PENINSULA... IN OUR CITIZENSHIP...»: WHEN DID ST.
PETERSBURG ACTUALLY DECIDE TO ANNEX CRIMEA TO
RUSSIA?**

Abstract. The article analyzes the process of formation and subsequent changes in the views of Empress Catherine II and the top leadership of Russia on the "Crimean question" in the 1770s: from the desire to proclaim an independent state in Crimea (1769), through the approval of the actual protectorate of the Russian Empire over the Crimean Khanate (1777) – to the adoption of a strategic course for accession Crimea to Russia in the near

future (1779). The general causes of the crisis and collapse of the Crimean statehood of the period of independence of 1771–1783 are also considered.

Keywords: The Russian Empire, the Crimean Khanate, Catherine II, Khan Shahin-Gerai, political independence, history of diplomacy

Представление о том, что властители Российской империи неизменно желали уничтожения Крымского ханства и при Екатерине II в 1770-е гг. целенаправленно и последовательно шли к присоединению земель этого своего векового врага – являлось общим местом, как в советской, так и постсоветской историографии, посвященной данной тематике. Наибольшее распространение получило мнение, что после заключения в июле 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира вхождение Крыма в состав Российской империи было предопределено – а конкретные перипетии этого процесса особого интереса для изучения не представляют. В изданиях, рассматривавших международные отношения при Екатерине II, крымским событиям 1770-х гг. уделялось совсем мало внимания: считалось, что они были на далекой периферии европейской политики и не имели особого значения [6, с. 144; 2, с. 125; 4; 9, с. 216; 12; 10, с. 186–187]. Единственное обнаруженное нами историографическое исключение [10] лишь подтверждает этот общий подход.

Между тем, как показало наше исследование, намерение присоединить Крымское ханство возникло у императрицы Екатерины II далеко не сразу, став итогом определенной эволюции подходов. История того, как менялись в Петербурге взгляды на крымский вопрос, представляет, по нашему мнению, огромный интерес, и является темой данной статьи.

Для России черноморская проблема всегда имела огромное геополитическое значение, заняв ключевое место во внешней политике второй половины XVIII в. Быстрое экономическое развитие Российской империи привело к резкому росту производства на продажу сельскохозяйственных продуктов (прежде всего, зерна). В связи с этим возросла и заинтересованность производителей-дворян к приобретению земель на юге и юго-востоке страны, где выращивалась основная масса товарного хлеба. Однако значительная часть плодородных приазовских и причерноморских степей – низовья Дона, Днепра и Буга – принадлежала Османскому государству и Крымскому ханству. Прежде всего, требовалось наладить морскую торговлю со странами Южной Европы и Ближнего Востока. Для этого стране был необходим выход к Черному морю, строительство там торговых портов и свободный транзит русских товаров через турецкие проливы. Однако

Османская империя успешно блокировала любые попытки России укрепиться на юге, рассматривая Черное море в качестве своего «внутреннего» водоема. Существовал и официальный запрет на появление русских судов в южных водах, зафиксированный Прутским мирным договором 1711 г. Позднее он был подтвержден Белградским договором 1739 г. – основным документом, регулирующим российско-османские отношения до 1774 г. [14, с. 162]. Согласно ему, России запрещалось иметь военный флот на Азовском и Черном морях, а торговля с Южной Европой могла вестись только с использованием турецких кораблей.

Хотя черноморская проблема состояла из двух неразрывных звеньев – крымского и кавказского вопросов, главным все же оставался крымский: именно ханство выполняло и в Причерноморье, и на Кавказе основную отвлекающую роль в рамках османской стратегии глобального сдерживания России. Таким образом, без нейтрализации (тем или иным способом) ханства Российской империи нельзя было рассчитывать на открытие пути к Средиземному морю.

Российское правительство и сама императрица Екатерина II вполне осознавали значение Крыма для геополитических судеб Российской империи. Еще в июле 1762 г., вскоре после воцарения государыни, канцлер М.И. Воронцов представил ей всеподданнейший доклад «О Малой Татарии», в котором говорилось: «Полуостров Крым местоположением своим столько важен, что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений; доколе он останется в турецком подданстве, то всегда страшен будет для России, а напротив того, когда бы находился под российскою державою, или бы *ни от кого зависим не был* (Здесь и далее курсив наш – С.Г.), то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ея властью...» [8, с. 66]. Геополитическое обоснование дополнялось не менее важным эмоциональным посылом, который хорошо выразил в одной из работ военный историк П.М. Сакович: «...не забудем, что к борьбе с Татарами нас обязывала наша история. Притом, будущность Государства требовала уничтожения притона хищников, от которых тогдашние наши Украинские губернии не имели никакой защиты. Индия от Албиона отделена океанами; а Крым лежит на наших южных пределах, и жители Малороссии, ложась спать сегодня, не могли с уверенностью поручиться, что завтра не попадут в неволю и не понесут разорения от хищников-соседей» [17, с. 11]. При Петре I и его преемниках крымский вопрос решить не удалось, и он остался в

наследство императрице Екатерине II. Ситуация с Крымом изменилась только в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Как известно, поначалу на крымском направлении предполагались лишь оборонительные действия – основным театром военных действий должны были стать дунайские княжества. Однако после неожиданного набега (последнего в истории) хана Къырым-Герая на окрестности Елисаветграда¹ в январе-феврале 1769 г., повлекшего большие потери среди мирного населения, первоначальный план решили изменить. 16 (27) октября 1769 г. в высочайшем рескрипте на имя командующего 2-й армией графа П.И. Панина императрица повелела: «Мы заблагоразсудили сделать испытание, не можно будет Крым и все Татарские народы поколебать в верности к Порте внушением им мыслей *к составлению у себя ни от кого независимого правительства*» [19, стб. 578]. Тогда и была впервые поставлена стратегическая задача, определившая всю российскую политику на южном направлении на ближайшие годы: создать у границ Российской империи одно (или несколько) татарских государственных образований, которые находились бы под влиянием России, и могли бы стать реальными буферами между ею и Османским государством.

Стратегические основы крымской политики были определены Советом при высочайшем дворе 15 (26) марта 1770 г. – этот орган направлял все военные и дипломатические действия в период войны [1, стб. 43–44]. Цель предстоящей кампании была поставлена в высочайшем рескрипте от 2 (13) апреля 1770 г., отправленном на имя командующего 2-й армией генерал-аншефа графа Петра Ивановича Панина (брата Никиты Ивановича Панина, руководившего тогда российской внешней политикой). Главный вывод, к которому пришла Екатерина II и ее Совет, – не следует добиваться включения Крыма в состав России. Оптимальное решение государыня видела в другом: «Совсем нет Нашего намерения иметь сей полуостров и Татарские орды, к оному принадлежащие, в Нашем подданстве, а желательно только, чтоб они отторгнулись от подданства Турецкого и остались навсегда в независимости» [5, с. 1–2]. Это решение мотивировалось, во-первых, тем, что крымские татары «...по свойству их, они никогда не будут полезными Нашей Империи подданными; [поскольку] никакие порядочные подати не могут быть с них собираемы; они же и к обороне границ ее служить не будут; ибо с той стороны... уже

---

¹ Елисаветград – до 1924 г.; до 1934 г. Зиновьевск; до 1939 г. Кирово; до 2016 г. Кировоград; соврем. Кропивницкий.

никакого соседа, который бы покусился на Российские границы». Второе – дипломатическое – объяснение этой стратегии лишь упоминалось (хотя и было, надо думать, главным): императрица отметила, что присоединением татарских территорий «...возбудилась бы общая и не обоснованная зависть и подозрение, о беспредельном намерении умножения областей, скипетру Нашему подверженных, от чего, однако ж, предостерегаться благоразумие научает...». Как видим, императрица вполне осознанно стремилась избежать обвинений Европы в агрессивной политике. К тому же в Петербурге отдавали себе отчет в большой разнице национальных менталитетов: проектом по присоединению «...никакой знатной и существенной пользы обещать себе не возможно, будучи Татарские народы такого свойства, что они за одно имя подданства считают иметь право всего требовать в свою одну пользу, для других же услуги свои и пользу в том только поставляют, что живут спокойно и не разбойничают». Очень знакомая позиция – в российской истории так вели себя жители и других окраин империи...

По заключению Совета, наилучшим выходом для России было бы провозглашение независимости Крыма: «Но сколь ни мало для России пользы из подданства Крыма и Татарских орд, но, напротив того, велико уже и знатно быть может приращение силам и могуществу Российскому из их от власти Турецкой отторжения, и в независимости и собственной свободности утверждения...» Этим средством Порта «...претворится в небытие моральное, по тому что ей не кем и ни с которой стороны неудобно будет делать никаких важных предприятий на Российские границы, да и тем же самым положится навсегда новое и довольно важное препятствие переводить ей свои войска и чрез Дунай, имея тогда в правом боку независимых от нее Татар». Как видим, цели ставились на разных уровнях: как стратегические, так и тактические. Исходя из этого, Совет утвердил главную цель предстоящей крымской кампании: «...не полагать оружия... пока Порта не признает торжественно, в своем с Нами мирном договоре, независимую область Крыма с принадлежащими к нему ордами...» Панину предписывалось незамедлительно начинать «негоциацию» (переговоры) с татарами, чтобы «...склонять их не к нашему подданству, но только независимости и отложению (отделению – С.Г.) своему от Турецкой власти, обещая им торжественно наше ручательство, покров и оборону...».

Однако этому смелому плану не хватало ключевого элемента – лица, которому в Петербурге смогли бы доверить его реализацию. И вскоре нужный человек был найден... В январе 1771 г. в Крыму

случилось происшествие на первый взгляд совсем незначительное, но оказавшее, как позже выяснится, определяющее влияние на историческую судьбу ханства. Командующий 2-й армией генерал-аншеф князь В.М. Долгоруков послал в Бахчисарай на переговоры своего уполномоченного Мавроени и двух перешедших на сторону России знатных ногаев. В отсутствие хана (тот воевал с русскими на Дунае) посольство принимал калга Мехмед-Герай. Но что-то в татарской столице пошло не так, и российских эмиссаров посадили под стражу, где они просидели целых 22 дня. Им грозила смертная казнь – если бы не 24-летний ногайский сераскер Шахин-Герай, который неожиданно вступился за русских и убедил калгу отпустить неудачливых визитеров восвояси [19, стб. 735–736]. Столь неожиданная лояльность молодого султана далекой православной державе сразу обратила на себя внимание российского высшего командования. Это и было первое появление на международной арене человека, которому предстояло сыграть столь трагическую роль в политической судьбе своей нации, – будущего последнего легитимного хана в крымской истории.

Вскоре начался его путь к верховной власти. В ходе переписки Шахин-Герай и предводитель Едисанской ногайской орды Джан-Мембет-бей (и раньше выражавший симпатии русской стороне) выяснили общность взглядов на будущие судьбы их народа. 4 (15) марта 1771 г. ногайские старшины всех четырех орд заявили Веселицкому, что желали бы выбрать себе хана, независимого от Крыма. У них уже имелся и кандидат – знакомый русским Шахин-Герай: «...из всех Гиреев один этот султан всем народом любим» [11, с. 41]. Екатерина II не возражала – Шахин-Герай был, по ее мнению, «человек надежной и благонамеренной». 10 (21) мая она повелела: «...Мы весьма на избрание его соизволяем, с тем, чтоб он избран был и дал от себя обязательство быть Ханом над всеми Татарскими народами, отложившимися от Порты Оттоманской, обязываясь сверх того на всегда остаться в независимости и союзе с Нашею Империею, *управляя Татарами по древним их обыкновениям и законам...*» [5, с. 48]. Обратим внимание на высочайшую оговорку, выделенную в тексте: Екатерина рассчитывала на успех этого проекта в полной уверенности, что ее ставленник будет свято соблюдать все традиционные татарские устои и обычаи – как религиозные, так и светские. И она никак не могла заподозрить тогда, что юный султан, заняв, наконец, бахчисарайский дворец, окажется настоящим «революционером на троне», взяв за пример самого Петра Великого. Кто знает, если бы Шахин-Герай не захотел, во что бы то ни стало

реализовать на практике собственные идеалы государства, а следовало бы вековым традициям своего народа, – возможно, все в истории Крыма было бы по-другому...

Выступая за избрание Шахин-Герая ногайским ханом, Екатерина имела в виду создание в ближайшем будущем под его началом дружественного России ногайского племенного объединения, независимого от Крыма и Османской империи. Эта екатерининская идея будет воплощена в жизнь, несмотря ни на какие препятствия, но на это потребуется долгих шесть лет... Многого произошло за эти годы: с Османской империей был заключен Кючук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1768–1774 гг.; в середине апреля 1775 г. в Крыму произошел государственный переворот, в ходе которого хан Сахиб II Герай был отстранен от верховной власти новым ханом Девлет IV Гераем – последним реально независимым и от русских, и от турок крымским властителем; в декабре 1776 г. Шахин-Герай был признан ногайскими ордами на Кубани крымским ханом; наконец, 21 апреля (2 мая) 1777 г. нового хана признали и крымские элиты.

В Петербурге было решено предоставить Шахин-Герая полную самостоятельность во внутренних делах. Главным сторонником такого подхода выступил глава российского внешнеполитического ведомства Н.И. Панин. Тем не менее, внешняя политика ханства должна была согласовываться с российским посланником. Таким образом, можно говорить об установлении в мае 1777 г. фактического протектората Российской империи над Крымским ханством – поскольку, как известно, важнейшим признаком подобных двусторонних отношений считается именно делегирование государству-протектору своих внешнеполитических прав опекаемым государством, при сохранении прочих признаков государственности.

Вступив на крымский престол, Шахин-Герай энергично принялся воплощать в жизнь свои самодержавные идеалы. В цели автора не входит рассмотрение новаций молодого хана, равно как их фатальных для крымской государственности последствий. Следует признать, что многие из мер, предпринятых правительством Шахин-Герая, с экономической точки зрения были вполне разумны. Тем не менее, как представляется, его политика ускоренной тотальной модернизации в целом была обречена на провал, и тому имелись как субъективные, так и объективные причины. Можно заключить, что полная экономическая и социальная необеспеченность реформ Шахин-Герая не оставляла его прогрессивным начинаниям никаких шансов на успех. Более того, за считанные месяцы правления хан умудрился восстановить против себя

почти всех прежних сторонников, приближенных и даже родственников – не говоря уже о простолюдинах. В итоге 3 (14) октября в Мангупе началось татарское восстание против хана Шахин-Герая, которое сразу же переросло в страшную гражданскую войну, продолжавшуюся до середины февраля 1778 г.

Екатерина II вполне осознавала всю серьезность сложившейся в Крыму обстановки, но не считала возможным отказываться от своих планов. В критической ситуации государыня планировала эвакуировать Шахин-Герая из Крыма на Кубань «...не изверженным (не низложенным. – С.Г.), а действительным ханом, и удержать там под его началом значную часть татар в образе и лице независимой области». Туда же будет разрешено свободное переселение крымцев, «...кои искренне привязаны к настоящему их владетелю (Шахин-Герая. – С.Г.)». Этим путем Екатерина планировала достигнуть «...хотя для одной части границ Империи, прежнюю нашу главную цель в удалении от себя непосредственной смежности владений турецких» – т. е., говоря современным языком, учредить на Кубани буферное государственное образование между российскими и османскими границами. Выделенный курсивом фрагмент заслуживает самого пристального внимания, поскольку позволяет сделать важнейший вывод: в конце 1777 г. Екатерина II еще не планировала в ближайшее время присоединять Крым. Государыня видела его зависимым, но формально самостоятельным государством, выполняющим функцию барьера между историческими противниками – Российской и Османской империями.

В Петербурге между тем боролись два взгляда на крымскую проблему. Первый продвигал статс-секретарь императрицы А.А. Безбородко. Еще в 1776 г. он подал императрице «Записку о Крымских Татарах», в которой настаивал на ликвидации ханства: «...нужно есть принять добрые меры противу сих наших вечных неприятелей, дабы однажды навсегда привести себя от них в безопасность, и чрез то доставить отечеству нашему надежное навсегда спокойствие» [18, с. 45]. В конце 1777 г. Безбородко писал члену Коллегии иностранных дел П.В. Бакунину (Меньшому), что «...независимость Татар в Крыму ненадежна для нас и что надобно помышлять о присоединении сего полуострова...» [18, с. 93]. Сходно мыслил и фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский, также пришедший к выводу, что далее сохранять независимость Крыма невозможно. С ним был согласен и командующий Крымским корпусом А.А. Прозоровский. Как видим, неприятелями крымской независимости были, прежде всего, люди военные, пребывающие в

шоке от неожиданного и сокрушительного татарского восстания и непосредственно занятые его подавлением.

Напротив, персоны гражданские, кто не занимался текущими отношениями с Крымом, считали целесообразным сохранение, несмотря ни на что, формально независимого ханства в качестве буфера между Российской и Османской империями – разумеется, как российского протектората. Основным сторонником этого подхода всегда выступал руководитель Коллегии иностранных дел граф Н.И. Панин (курс на присоединение Крыма будет взят лишь после его устранения от дел в конце 1780 г., и начатого Екатериной II сближения с Австрией) [3, с. 111]. В начале же 1778 г., когда татарское восстание пошло на спад, на сторону Панина встал и Г.А. Потемкин, и с мнением светлейшего князя согласилась и императрица. В Петербурге решили, что политическая игра с крымским ханом будет пока что продолжена: «плод» должен был созреть. Но со временем отношение Екатерины к крымской проблеме начало меняться: она смотрела на личность хана, его способности к управлению государством, да и на перспективы крымской государственности в целом, все более и более критично. Новый подход обозначился в ходе подготовки Айналы-Кавакской изъяснительной конвенции, заключенной Российской и Османской империями 10 (21) марта 1779 г.

Позиции российской стороны на предстоящих переговорах были определены в двух высочайших рескриптах на имя российского полномочного представителя в Стамбуле А.С. Стахиева. В первом из них, от 16 (27) января 1779 г., говорилось: «Не место здесь да и поздно уже входить в разбирательство о выборе Шагин-Гирей-хана. Взаимные между обеими империями дела дошли до такой крайности, что без признания его ханства, никак полюбовной развязки места иметь нельзя. Российский императорский двор остается по сей статье непоколебимо при своем ультимате; но с другой стороны готов ныне условиться с Портою ясным и торжественным образом, *чтоб впредь ни та, ни другая империя ни явно, ни тайно не мешалась в будущие выборы ханов крымских*» [16, с. 20–21].

Отмеченный момент исключительно важен: перед нами не что иное, как официальная декларация возврата к традиционной системе выборной монархии в Крыму (и, значит, отказ от упрочения режима абсолютной монархии после ухода Шахин-Герая). Между тем напомним: с апреля 1777 г. требование признания Портой наследственного самодержавия в Крыму (несовместимого с выборным началом) являлось, наряду с формальным утверждением султаном именно Шахин-Герая в качестве хана, одной из главных

стратегических задач российской дипломатии в Стамбуле. Тем не менее, в проекте конвенции, апробированном императрицей в январе 1779 г. (эти пункты вошли в принятый документ без изменений), говорилось лишь о том, что султан должен «...признать ханом Шагин-Гирея и снабдить его по условленной же форме благословительными грамотами...» [16, с. 29–30]. О самодержавной же природе власти хана, равно как и о наследных правах его потомков, там также не было сказано ничего – упоминался только переход верховной власти в Бахчисарае «...при случае законной вакансии добровольно избранного и возведенного хана...». Таким образом, российская сторона тихо и без каких-либо обсуждений, еще до переговоров, сняла одно из основных своих прежних требований – об утверждении наследственной монархии в Крыму. Действительно, впоследствии об этом больше не упоминалось ни в одном из российских дипломатических документов.

Таким образом, императрица отказалась от отстаивания одного из приоритетов Шахин-Герая, символа его нового «самодержавного» статуса, – идеи наследственного преемства, не говоря уже о его горячо желаемом праве лично назначать себе преемника. В чем же причина столь резкого изменения российской позиции? К сожалению, обнаруженные документы не дают возможности однозначно ответить на этот вопрос. Как представляется, можно выдвинуть три взаимодополняющие версии. Во-первых, резонно предположить, что Екатерина настолько стремилась в тот момент заключить долгожданное соглашение с Портой, что решила заранее отступить во всех непринципиальных для нее вопросах. Во-вторых, молчаливое согласие государыни на возвращение к институту выборной монархии в Крыму вполне могло оказаться ее реакцией на разочарование в своем протеже – его действиях во время последнего мятежа (и особенно допущенных жестокостях при подавлении), да и в безрассудно проводимой им внутренней политике в целом. В-третьих, можно предположить и еще одну возможную причину, по которой императрица перестала отстаивать самодержавные амбиции Шахин-Герая.

Понятно, что российские представители в Крыму (командующий Крымским корпусом и резидент) ни в коем случае не смогли бы воздержаться от вмешательства в будущие ханские выборы – без риска потерять этот протекторат. В таком случае связывать себя сейчас, да еще и по собственной инициативе, «ясным и торжественным» обещанием перед Портой воздержаться от такого вмешательства – выглядит на первый взгляд нелогично и недальновидно. Но все становится на свои места, если предположить, что императрица

именно к этому времени (т. е. к началу 1779 г.) уже пришла к стратегическому решению присоединить Крым к своей империи рано или поздно – но при правлении Шахин-Герая. А если ему суждено стать последним крымским ханом и никаких новых ханских выборов в Крыму больше никогда не будет – то сейчас можно обещать османам все что угодно...

Итак, исходя из всей совокупности имеющихся данных о генезисе крымско-татарской государственности периода независимости (1771–1783), можно сделать следующий важный вывод: 1777–1779 гг. оказались определяющими для исторической судьбы Крымского ханства. Именно в эти годы отношение Екатерины II к вопросу о присоединении Крымского ханства к Российской империи принципиально изменилось. К моменту воцарения на бахчисарайском троне Шахин-Герая (апрель 1777 г.) эта возможность даже не обсуждалась – еще с 1771 г. оптимальным признавалось существование сильного союзного буферного татарского государства между двумя Империями. Однако ко времени заключения Айналы-Кавакской конвенции (март 1779 г.) присоединение уже рассматривалось в Петербурге как вполне реальная перспектива – пусть и не близкого будущего. Об этом свидетельствует отказ от одного из основных прежних требований российской стороны – утверждения Портой наследственной монархии в Крыму. Дальнейшая судьба Крыма известна. После череды кровопролитных восстаний и еще более кровопролитных их подавлений на обезлюдевшем полуострове воцарилась полная хозяйственная разруха; к весне 1783 г. крымский плод «созрел». В феврале 1783 г. Шахин-Герая вынудили отречься от престола, а 8 (19) апреля Екатерина II подписала знаменитый манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу» [15, № 15708].

Основные причины кризиса, а затем и краха Крымской государственности были, по нашему мнению, внешними. В этой связи совершенно справедливым представляется вывод видного современного исследователя истории Крымского ханства Р.Т. Дейникова: «Десятилетний период независимости не принес ханству благоденствия. В условиях противостояния Российской и Османской империй в регионе нельзя было рассчитывать на сохранение независимости государства, занимающего столь важное геостратегическое положение» [7, с. 54].

Однако имелась и другая принципиально важная причина кризиса – внутренняя. Как известно, очень сложно ветру сломить здоровое

дерево, но куда легче, если оно трухляво внутри. Следует согласиться с другим известным отечественным историком, С.Ф. Орешковой, отметившей: «Крымская государственность оказалась не столь зрелой и гибкой, она искала над собой единоверной власти, а не независимости и внутренней самостоятельности. <...> Десятилетие независимого существования Крымского ханства показало, что оно не готово ни к независимости, ни к модернизации своего общества. <...> У ханства не оказалось ни способности, ни готовности, ни государственной зрелости, ни сил, чтобы воспользоваться независимостью» [13, с. 45, 47–48]. «Татарская область» в 1770-е гг. так и не смогла совершить шаг в будущее, куда ее (против воли населения) влек последний легитимный крымский хан Шахин-Герай. По сути, татарское общество не смогло соответствовать масштабу личности своего государя...

Литература и источники

1. Архив Государственного Совета: В 2 т. Совет в царствование Екатерины II. 1768–1796 / ред. И.А. Чистович. СПб., 1869. Т. 1. 932 с.
2. Бажова А.П. Россия и Балканские земли // История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона) / ред. Г.А. Санин. М., 1998. С. 125–129.
3. Вернадский Г.В. Записки о необходимости присоединения Крыма к России. (Из Тавельского архива В.С. Попова) // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). 1919. № 56.
4. Виноградов В.Н. Война 1768–74 гг. – неизбежная, но несвоевременная // Век Екатерины II. Дела балканские / ред. В.Н. Виноградов. М., 2000. 296 с.
5. Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам крымским. Из семейного архива графа Виктора Никитича Панина. Ч. I // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). М., 1871. Кн. 4. Разд. II. С. 1–168.
6. Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989. 172 с.
7. Дейников Р.Т. Основные этапы и хронологические рамки истории присоединения Крымского ханства к России // Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым. М., 2012. С. 8–54.
8. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года: его подготовка и заключение. М., 1955. 368 с.
9. Каменский А.Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. 287 с.
10. Королев С.В. Екатерина II и образование «независимого» Крымского ханства // Екатерина Великая: эпоха российской истории. Тезисы докладов

международной научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. / ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 1996. С. 186–187.

11. Лашков Ф.Ф. Шагин-Гирей последний крымский хан // Киевская старина. Киев. 1886. № 9. С. 37–80.

12. Мадариага де И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. 976 с.

13. Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция: проблемы формирования границ. М., 2006. 256 с.

14. Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990. 280 с.

15. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года (ПСЗ-1). Т. XXI. С 1781 по 1783. СПб., 1830.

16. Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения. В 4 т. / сост. Н.Ф. Дубровин. СПб., 1885–1889. Т. 3.

17. Сакович П.М. Исторический обзор деятельности графа Румянцева-Задунайского и его сотрудников: князя Прозоровского, Суворова и Бринка, с 1775 по 1780 год // Русская беседа. М. 1858. Т. II. Кн. 10. Разд. «Науки». С. 1–86.

18. Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО). СПб., 1879. Т. 26.

19. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1851–1879. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX.

© Григорьев С.И., 2024

УДК 93/94

Красовицкая Т.Ю.
д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник
Россия, Москва, ИРИ РАН

Krasovitskaya T.Yu.
d. of h. s., professor, chief researcher
Russia, Moscow, IRH RAS

О ПОДХОДАХ СОВЕТСКИХ НАРКОМОВ А. ЛУНАЧАРСКОГО И И. СТАЛИНА К ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ 1920-х ГОДОВ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ К ДЕКОЛОНИЗАЦИИ МЫШЛЕНИЯ И СОЗНАНИЯ¹

Аннотация: Иосиф Бродский как-то остроумно заметил: пространство иерархически ниже времени, подчиненней,

---

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности. Программа рассматривалась и утверждена, протокол совместного заседания Межведомственной рабочей группы по вопросам межнациональных отношений и Экспертного совета при Межведомственной рабочей группе по вопросам межнациональных отношений под председательством Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.Н. Чернышенко от 1 марта 2023 г.

несущественной. Это с точки зрения поэтической. С точки зрения конкретно-исторической – это глубочайший разлом. Ставка на пространство характеризует кочевника, завоевателя, разрушителя; ставка на время - цивилизатора, философа, поэта. Ставку на ресурс пространства осваивал нарком по делам национальностей И. Сталин, ответственный за сохранение территорий бывшей империи создавая разного уровня республики. Нарком просвещения А. Луначарский сделал ставку на время, подхватив интересную мысль И. Канта о времени, которое тот считал формой «интуиции», соответствующей нашему внутреннему чувству, благодаря которому мы существуем во времени. Кант показал, что время (как и пространство), по существу, имеет отношение к деятельности ума, а не к «вещам в себе».

Ключевые слова: политическая деколонизация, ресурс пространства, ресурс времени.

ON THE APPROACHES OF SOVIET PEOPLE'S COMMISSARS A. LUNACHARSKY AND I. STALIN TO THE ETHNOCULTURAL PROBLEMS OF THE 1920s: FROM POLITICAL DECOLONIZATION TO TOWARDS THE DECOLONIZATION OF THINKING AND CONSCIOUSNESS

Abstract. Joseph Brodsky once wittily remarked: space is hierarchically lower than time, subordinate, unimportant. This is from a poetic point of view. From a concrete historical point of view, this is the deepest fault. A bet on space characterizes a nomad, a conqueror, a destroyer; a bet on time characterizes a civilizer, a philosopher, a poet. J. Stalin, the People's Commissar for Nationalities Affairs, who was responsible for preserving the territories of the former empire by creating republics.

Keywords: political decolonization, space resource, time resource.

Дискурс неокOLONИализма занимает в последние годы все большее внимание в историографиях бывших советских республик, не только центрально-азиатских, кавказских и др. Пост(нео)колониальные теории изобретаются и в других странах имперского и постимперского мира, захватывая разные тематические сферы, сосредоточиваясь на размывании традиционного суверенитета в разных хронологических этапах и периодах. Процессы советской модернизации в молодых государствах объясняются идеологическими мотивами «взаимозависимости» и «взаимодополняемости», другими неокOLONИалистскими формулами конструирования образа, например,

«наказанного народа» или народа-жертвы, «интеллектуального» террора и пр. При анализе нарративов видно: неокOLONиальная идентичность – это конструкт. И как любой конструкт, понятие страдает некоторым упрощенчеством, унификацией и не всегда оправданным стремлением к обобщению. Не идет ли речь о попытке увести спор от осмысления новых аспектов конкретно-исторических проблем советской модели, забыть голоса тех, кто перестал существовать для мира извне с уходом последней «великой» социальной утопии XX века?

Неоколониальную «констатацию нашего общего человеческого удела, его специфическую конфигурацию, – утверждает М. Тлостанова, – мы не в силах изменить» [11, 12]. Но в наших возможностях продолжать искать ответы в непростом опыте советской модерности, ее нелинейном процессе, ее определенных правах, благах, уровне модернизации, распределении ролей – интеллектуальных, культурных, художественных. Тлостанова видит «человеческий удел тех, кто принадлежит к колониальной стороне модерности», опирается на ценный анализ А. Эткинды, который подробно рассмотрел границы применения западных понятий колониализма и ориентализма к русской культуре, формирования языка самоколониации у российских историков [13]. Пострадавших от сталинских репрессий джаидов и алашистов как колониальных интеллектуалов порицает А. Бисенова с соавторами за сведение их многоплановой сложной истории к «ложным дихотомиям» прогресса / регресса, модернизации / отсталости, за их колониальную конфигурацию в силу полученного образования в российских университетах и своего вклада как колониальной элиты в сохранение, по сути, колониального общества [5].

Но фактически насыщенная интересная история людей XX в., полная драматизма, ошибок и побед на разнообразных этнокультурных пространствах бывшего СССР требует беспристрастного и объективного разбора. Этот опыт российских народов, результат их модернизации, касается не только полезных ископаемых, но и культуры, языков, традиционных космологий, вариантов борьбы с неравенством в ситуациях, всегда практически по-разному отчаянных. В нем зияют колоссальные лакуны, нераскрытые ответы на загадки и вызовы современности [2, 3, 4, 6, 7].

Этот опыт критически осмыслиется на основе ранее недоступных источников, новых теорий и исследовательских технологий. В последнее время деконструкция базовых идей империи с помощью модной ныне археологии знания о них позволяет отчетливой видеть

результаты успехов в заимствовании политических практик. Принцип свободной организации обществ, дающий возможность быть «на равных», археология знания позволяет использовать как инструмент борьбы за ту или иную политику, программу, проект и пр. Так концепция евразийства, феноменальных проектов интеллектуалов русского зарубежья первой половины XX в., специфического движения общественно-политической мысли, возникнув в 1920-е гг. прежде всего как ответ на экспансию западных держав и попытки навязать этническим культурам либеральные ценности и стереотипы мировосприятия, на самом деле является неокOLONIALНЫМ дискурсом эмигрантских элит. Притязаний на их удел – на этнокультурное российское множество, которым после 1917 г. распоряжались, считалось, новые советские хозяева. С укреплением советского режима и разработкой советского метаязыка евразийство предприняло попытку занять на пространстве этой культурной сложности идеологическую нишу, причем не всегда безуспешно. Евразийцы, настаивая на равенстве народов Евразии, провозглашали участие неславянских народов в общей государственной и политической жизни Евразии чтобы повернуть Россию на путь современного мультикультурализма в целях сохранения единого государственного пространства. Но современная оценка алашевцев «брокерами» и «производителями знаний о степи» субъективно-обидна. На Северном Кавказе имеются аналогичные факты сформулированных в ранние сроки оценок вернувшихся в горы «гостей в пиджаках, принесшие гостинцы горцам». Речь шла о всех, кто не понял неотвратимости сделать судьбоносный выбор: их ожидает то, что «лоно матери» забудет их. Их ждет «хаос без просвета», «гроб, уготованный историей», «могила» с «группным запахом» и пр. [1].

Культурные нарративы играют огромную конститутивную роль, но вклад в антиколониальные подходы А.-З.Валидова – показательный пример наряду с первостепенной задачей: создавать и укреплять доказательные точки зрения на историю цивилизационного развития на жизненных просторах башкирского этноса в данном случае.

Постколониальная теория и ее базовые нарративы могут упрощать сложные истории, требующие альтернативных прочтений ценностного аспекта проблемы федерализма, свидетельствуют уральские историки и философы). Постколониалистская модель, созданная для исследования отношений угнетения и сопротивления (или их гибридного взаимодействия) не предоставляет аналитических инструментов для интерпретации более сложных мотиваций. Высказывается мысль об обоюдном недоверии языка и репрезентации,

неизбежном в ситуации, когда политическая (включая постколониальную) риторика и идеологические дискурсы оказываются бесконечно далеки от личного травматического опыта отдельных людей и целых народов.

Постколониализм превращается в своего рода интеллектуальное поветрие, становится расхожим модным словом, а сработанные нарративы находят путь к сердцу современных брокеров научной биржи, терминология быстро проделывает путь от специфической научной (политологической и культурологической, далеких от конкретно-исторических) до популярной нехудожественной литературы, медиа и массовой культуры – нередко в донельзя упрощенном виде, теоретический вокабуляр распространяется и семантически расширяется.

Научная интеграция постколониальной теории в евразийские конкретно-исторические исследования еще не породила сопоставимых по сложности дискуссий. На данный момент мы пользуемся этим дискурсом без должной строгой самокритичности. Общий консенсус сводится к тому, что постколониальная теория потенциально продуктивна для нашей области, но только в том случае, если воспринимать ее критически и адаптировать к специфике материала.

В частности, Илья Кукулин предположил, что величайший риск внедрения постколониальной методологии может заключаться в повторной ориентализации бывших российских колоний, на сей раз при помощи нового и якобы заслуживающего доверия методологического аппарата [8]. Клавдия Смола описывает постколониализм как «мультидискурсивный и порой противоречивый академический нарратив, в рамках которого атрибут "постколониальный" часто используется как троп политического и культурного неравенства и тем самым как категория чистой риторики» [9]. Преувеличенное внимание к постколониальному дискурсу в постсоветском Казахстане показывает: постколониальная риторика больше используется политическими элитами.

«Синкретизм» евразийства своим смешением практик различных школ мысли умножал стремление к целостности имперского пространства. Неоколониальный мотив своей исторической миссии в строительстве Новой России евразийцы видели во включении происшедшего в революции – в рамки русской и евразийской исторической традиции, не будучи консерваторами, поскольку мыслили в категориях прежде всего народов как живых существ, а не «элит», иногда заинтересованных и даже пытающихся «остановить историю».

«Мы, – справедливо указывает В. Тишков, оценивая неокOLONIALИСТСКИЕ подходы, – привыкли говорить о пользе истории, но редко, когда – о злоупотреблении историческими аргументами». Он разбирает пример с Чечней, неадекватное и амбициозное обращение с историей и этнографией как «кардинальное расхождение с тезисом о «российской интервенции как об ошибке колониальной этнографии», под которой Анатолий Ливен имеет в виду прежде всего незнание, непонимание или игнорирование культурной природы чеченского общества» [10]. НеокOLONIALИСТСКАЯ по своей сути «симпатизирующая этнография» делает плохую услугу народу, который становился предметом демонстративной любви внешних сил.

В настоящей статье попробуем увидеть новые нюансы практик лидеров общенационального уровня, рассмотреть причины, побудившие большевиков привлечь опыт авангардистских практик, использовать их мощный протест против имперских проектов колонизации нерусских этносов. Любопытно, что историки стыдливо обходят как имперский колониальный российский опыт, так и авангардизм культурной политики первых революционных лет, обходясь и в том, и в другом случае разными эвфемизмами. Российское общественное сознание к 1917 г. представляло собой духовно-интеллектуальный сплав идей разной степени радикализма: символистской «третьей духовной революции», «нового религиозного сознания» Д. Мережковского, богостроительства А. Луначарского и М. Горького, философии «общего дела» Н. Федорова, теософии Е. Блаватской, христианского социализма С. Булгакова, экуменизма В. Соловьева, космогонических фантазий Э. Циолковского, христианского анархизма Л. Толстого и, конечно, марксизма в разных изводах его исповедовавших. Немало разнообразных идей накопили теоретики джадидизма в тюркском сообществе. Авангардизм впитывал идеи, которыми жила культура того времени, ее веру в особую миссию и предназначение России, которая была в равной степени свойственна как представителям культуры Серебряного века, так и леворадикальным политикам во главе с В. Лениным. Широкое культурное движение авангарда захватило все искусства, философию, богословие и науку, затронув и социальную жизнь, и новое государственное устройство. Большевики и деятели русского авангарда разными путями шли к одной цели: к кардинальному разрушению старого (общества, искусства), чтобы на его руинах строить новый мир. Авангардизм представлял собой совокупность движений в культуре, для которой характерны разрыв с предшествующей традицией, экспериментальный поиск новых форм и путей.

Конечно, авангардизм вышел из той общественно-политической и художественной ситуации, которая сложилась в конце XIX в. Из плавильного котла Великих реформ 1860-х гг., в котором имперство доживало последние дни. Доминировавшее до них утверждение об унифицирующей и репрессивной имперской колониальной стратегии этнокультурных практик на окраинах создавало ложное представление о привилегированной метрополии и неизбежно ущемленной в правах периферии. Установка на эксперимент и новизну, оригинальность – одна из отличительных черт авангарда. В нем отсутствовала выстроенная система эстетических постулатов (правил, законов), но была характерна подвижность границ и плюрализм, множественность подходов к осмыслению сути бытия, картин мира, притязание на уникальность предложенного пути. Все эти постулаты, правила и законы давали в руки средства борьбы с колониальным прошлым.

Осмелев к 1917 г., авангард нес в себе жажду жизнестроительства, бескомпромиссность, пафос борьбы, устремленность к новому в образе гордого пророка-творца. Большевикам нравилась мессианская роль, они выступали посредником между наднациональной целью коммунистической революции (областью трансцендентного) и потребностью в локальной, привычной культуре (наличной действительностью). Этот род творческой деятельности, являлся и искусством, и политикой, и философией, и публицистикой, и наукой, и религией и еще много чем. Цель ее – построить новое общество путем радикального изменения мира, для чего нужно радикально изменить сознание населения. Движение стремилось к борьбе за свободу в реальности, за право свободно мыслить.

Требовался концептуальный аппарат для перевода конструкций пространства, времени, вещного фона, point of view (точек зрения), ролевой структуры героев, норм репрезентации реальности — в практики, на которые можно опираться. Национальные и партийные лозунги и темы: «человек с творческим потенциалом», новое общество, нации, национальная идентичность преобладали. Это политическое поле после 1917 года занял Наркомнац И. Сталина, за «организационные» его плоды в культуре отвечал Наркомпрос А. Луначарского.

Опыт двух стратегий советских наркомов: по просвещению (А.В. Луначарского) и по национальным делам (И.В. Сталина) важен для понимания использования авангарда в исследуемом контексте, тем более он лишь по традиции называется русским (определение появилось в 1950-х годах). Авангард открывался политикам, если смотреть на него не только как на искусство, как совсем не на

искусство, а как на практики людей, работающих в суровом политическом жанре. От руководителей советских наркоматов, призванных упорядочить и освоить «проблемные» поля, за которые они несли ответственность, требовалась огромная эрудиция, знание исторических, ментально-культурных, языковых и религиозных подоплек и причин формирования или отказа от тех или иных управленческих конструкций. Должностные обязанности наркомов, отвечающих за стратегию развития государства, пересекались в поле сложных этнокультурных проблем. Через кабинеты возглавляемых и Сталиным, и Луначарским наркоматов проходили разнообразные сотрудники, прибывавшие со всех концов разрушаемого (в том числе и ими самими или их соплеменниками) государства. Среди них были как образованные и умные, так и те, у которых на лбу написана святая наивность.

После Октябрьской революции российский авангард состоял из радикальных представителей культурной элиты разных этносов, резко политизированной. «Левые» деятели культуры шли на службу новой власти, становясь ее сообщающимися сосудами, наполняя их содержание даровитостью, талантом политических практик в атмосфере бурного развития этнокультурных процессов, их авангардных импульсов.

С первых лет советской политической риторики освобождение угнетенных народов служило одним из главных тропов новой власти. В 1917 г. Совнарком опубликовал ряд деклараций и обращений, например, Декларацию прав народов России, «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в последней говорилось: «...Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно». Власти появившихся республик провозглашали право угнетенных народов на самоопределение своим безусловным приоритетом: «Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках».

Национализм и интернационализм – две версии западной прогрессивной парадигмы модерна – противостояли друг другу, активно обсуждались в кругах партийных и этнических элит, представлений народов о себе и о других. Национальную политику "отец народов" (это название в данном контексте далеко не случайно) мыслил именно в категориях прав народов, хотя декреты большевиков не считались окончательными или даже долговременными – они

содержали больше вопросов, чем ответов.

Механизм успеха взаимодействия с этнокультурными пространствами и их ресурсами коренился в многослойном комплексе идентичностей. Большевики с энтузиазмом подхватили знамя российского континентального экспансионизма, придав ему коммунистическую окраску и глобальный масштаб. Менялись системы коммуникаций, очертания административных и государственных границ, ареалы расселения, ментальные ориентиры и поведенческие стратегии народов и их элит. Заявленное право самоопределения наций вовсе не прекрасный лозунг, но границы цивилизации были довольно размыты. Казалось, на глазах стремительно стирались границы между «цивилизованным» и «нецивилизованным» мирами, но каждый в 1920-е гг. оставался странным и многоукладным в переходном, подвешенном состоянии. Люди вне зависимости от конкретных судеб и политических убеждений, были уроженцами старого мира.

Для наркома просвещения А. Луначарского важным было наполнить новыми ресурсами политическую модернизацию сложного этнокультурного пространства. Ему предстояло «перекроить» амбициозные традиционные ресурсы и, перекроив их, встроить в вариант европоцентристской культурно-образовательной модели. За границей он видел: широкое движение авангарда захватило все сферы искусства, философии, даже богословия, науки, высшей школы, педагогики школы, затронуло и социальную жизнь.

У каждой этнической группы элит имелись представления и проекты встраивания своих интересов в обновляемое не только государственное пространство, в новую картину мира. Но повсеместно элиты выдвигали требования сохранить локальную самобытность народов. Идеологическим обоснованием служил тезис (усилен революционными движениями 1917 г.) о том, что только народ страны образует законный источник суверенной власти, его решения являются приоритетными. Этой позиции соответствовала форма федерации как союз государств. Авангардисты, их ресурсы меняли мировой канон главным требованием: во-первых, изменить историческую динамику (лозунг авангарда: «Время, вперед!»), предъявить современные продукты, во-вторых, изменить язык времени, отразить в нем новые вызовы. Авангард предложил себя инструментом, при помощи которого можно менять общество. Деятелей авангарда сближала с политиками общая цель, но разными путями шли они к ней.

Литература и источники

1. Алаг Ирский. Путь горской интеллигенции: беглые очерки анализа // Горская мысль. 1922. № 2.
2. Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность Советской России. Идеология и практики управления 1917–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2020.
3. Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е гг.: идеология и практика. М.: Новый хронограф, 2021.
4. Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности, 1917–1941 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
5. Бисенова А., Мукашева А. Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительской ролью // Новое литературное обозрение. 2020. № 6.
6. Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля – октября 1917 г. М.: Новый хронограф, 2015.
7. Красовицкая Т.Ю. Идеи и практики в советской национально-культурной политике. 1917–1929 гг. М.: Кучково поле, Музеон, 2023.
8. Кукулин И. Внутренняя постколонизация: Формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
9. Смола К., Уффельманн Д. Постколониальность постсоветских литератур: конструкции этнического / Новое литературное обозрение. 2017. № 2.
10. Тишков В. Конструирование чеченцев из этнографического мусора / Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука. 2001.
11. Глостанова М. Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. X. № 5–6.
12. Глостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1.
13. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

© Красовицкая Т.Ю., 2024

Курицын А.И.
преподаватель
Республика Беларусь, Минск, средняя школа № 175

Kuritsyn A.I.
teacher
Republic of Belarus, Minsk, Secondary school № 175

**ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ЧЕРНОСОТЕННОГО ДВИЖЕНИЯ**

Аннотация: в статье рассматривается ряд вопросов, связанных с интеграцией народов Российской империи сквозь призму взглядов черносотенцев в современной историографии. Особое внимание уделяется общим принципам, которыми правые руководствовались в данном вопросе. Вместе с тем анализируется видение правых политического и социально-экономического положения окраинных регионов империи на взгляд современных исследователей.

Ключевые слова: черносотенцы, правые, монархисты, национальный вопрос, окраины.

**THE PROBLEM OF INTEGRATION OF THE PEOPLES OF
THE RUSSIAN EMPIRE IN THE MODERN HISTORIOGRAPHY
OF THE BLACK HUNDRED MOVEMENT**

Abstract. The article examines a number of issues related to the integration of the peoples of the Russian Empire through the prism of the views of the Black Hundreds in modern historiography. Particular attention is paid to the general principles that guided the right in this matter. At the same time, the right-wing vision of the political and socio-economic situation of the outskirt regions of the empire is analyzed in the opinion of modern researchers.

Keywords: Black Hundreds, rightists, monarchists, national question, outskirts.

Вопросы интеграции народов России в начале XX в. в политическое и социокультурное пространство империи представляются довольно важной частью современной историографии, посвящённой черносотенному движению.

Анализ исследовательской литературы, по данной проблематике, позволяет выделить несколько наиболее заметных тенденций. Во-первых, проблема интеграции народов Российской империи виделась черносотенцами в контексте окраинной политики государства, предусматривавшей не только формирование межнациональных отношений на территории той или иной окраины (Кавказ, Средняя Азия, Финляндия и т.д.), но и хозяйственное освоение названных регионов.

Во-вторых, большое значение для правых имело и поиск оптимального места для народов России в общеимперском политическом пространстве, что в некотором смысле, представляло значительную проблему. Связано это было с тем, что в империи действовали ограничительные меры против некоторых наций, в частности евреев.

Исходя из этого, черносотенцы, считали необходимым выработку такой политики по отношению к окраинам, которая бы соответствовала интересам России и русского народа в том смысле, как их понимали черносотенцы. То же самое можно отметить и в случае взаимодействия правительства (и в некотором смысле правых), с тем или иным народом. Существенное значение здесь играли идейно-политические представления черносотенцев, а также распространенные мифологемы, присущие данной идеологии.

Признавая своеобразие тех или иных народов России, правые, как правило, считали, что они могут существовать в империи на определённых условиях, невыполнение которых автоматически ставило тот или иной народ в положение «враждебного».

Среди данных ключевых условий, правые, как правило, отмечали важность следующих компонентов: принятие русской культуры (в том числе и языка) и православия, как важнейших факторов консолидации общеимперского фундамента. В этом смысле политические представления черносотенцев были тесно связаны с политикой правительства как в рассматриваемый период – 1905–1917 гг., время существования черносотенного движения, так и в более ранних. В частности ещё в XVIII в., как справедливо указывал А.З. Асфандияров, проводилась насильственная христианизация башкир, встречавшая упорное сопротивление, что объясняется «борьбой против их духовного и социального порабощения», а вовсе не религиозным фанатизмом [3, с. 375]. Такого рода действия правительства Российской империи, как правило, вызывали у столичных черносотенцев понимание и слова поддержки.

Вместе с тем, как справедливо замечает А.В. Аверьянов, правые, будучи наследниками русского консерватизма XIX в., и в частности славянофилов, существенно сместили акценты по сравнению со своими предшественниками в понимании специфики этноконфессиональной проблематики. Автор в своей диссертации «Национальный вопрос в доктрине и политической практике русского консерватизма в конце XIX – начале XX вв.», указывает, что если для консервативных мыслителей XIX в. важным условием влечения того или иного народа в политическую ткань империи служил религиозный фактор, то черносотенцы «зачастую абсолютизировали этнический аспект консервативной идеологии» [1, с. 22]. Это в свою очередь, по его мнению, приводило к компрометации консервативной идеологии как таковой. Весьма неоднозначное впечатление на широкие слои населения производила ставка правых на «крайний шовинизм, преимущественно антисемитизм», бывший, по мнению В.Л. Шаровой, «идейным «общим знаменателем» черносотенных организаций» [18, с. 124]

Вместе с тем, А.В. Аверьянов пишет о том, что одним из важнейших принципов национальной политики черносотенцев являлся «принцип сопричастности отдельных народностей к судьбе и деятельности русского народа и российской государственности» [1, с.22]. Данное положение понималось правыми в том смысле, что народы России смогут успешно существовать только в том, случае, если их судьба будет неразрывно связана с жизнью русского народа, который будет иметь направляющее и руководящее значение в империи. Как отмечает М.Л. Размолодин, достичь этого, по мнению черносотенцев, можно было только путём соблюдения следующих принципов. Во-первых, вне зависимости от региона, главным языком межнационального общения и делопроизводства должен был выступать русский язык. Во-вторых, должна была соблюдаться «строгая унитарность государственного устройства, единоначалие и твердый порядок как основа существования разноплеменного государства». В-третьих, следовало придерживаться «борьбы с «инородческим засильем» (т.е. со стремлением инородцев к сепаратизму и одновременно к захвату высших этажей социальной иерархии в империи)». В-четвертых, признавалось «право инородцев на ограниченную политическую и экономическую свободу» [14]. Естественно, последовательное и неотступное исполнение данных принципов, возможно, было только под сенью царского скипетра, иными словами при существовании самодержавия, без каких-либо ограничений.

Анализируя проблему сосуществования окраин и центральной власти, А.В. Аверьянов считает, что, несмотря на то, что окраины Российской империи имели между собой существенные отличия, правые искали возможности «интеграции инородческих областей в единое экономическое, культурное и политическое пространство» на основании единого универсального подхода, вне зависимости от местного контекста [1, с. 22].

В связи с этим, трудно не согласиться с мнением Е.М. Михайловой, которая указывает, что «парадигмальной моделью воплощения принципа единства страны для правых выступала имперская модель» [13, с. 70]. Именно данная форма государственного устройства должна была бы содействовать наиболее оптимальной интеграции народов Российской империи, с точки зрения правых. Вместе с тем, как отмечает исследователь, для правых представлялось невозможным существование каких-либо проектов, направленных на федеративное устройство России, а те регионы страны, которые фактически имели как таковую автономию – Финляндия, например, должны были её лишиться.

В связи с этим глубокий интерес вызывает тонкое наблюдение М.Л. Размолодина, отмечавшего, что неприятие «федерализации и автономизации России», было тесно связано с тем, что черносотенцы воспринимали это «как предательство памяти русских воинов» [15, с.107]

Крупнейший исследователь правомонархического движения Ю.И. Кирьянов в своей работе «Правые партии в России 1911–1917 гг.», указывает, что под окраинами черносотенцы понимали «Финляндию, Привислинье, Литву, Прибалтийский край и Закавказье, а также «Среднеазиатские владения» [8, с. 307]. Вместе с тем, их программные положения зачастую были несколько двусмысленны. Например, в «Основном положении Союза русского народа» отмечалось, что «все нерусские народности, имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа, он признает равными себе, своими верными и добрыми соседями, друзьями, сородичами» [10, с. 145]. Вместе с тем, в этом же документе указывалось, что против народов, являющихся, по мнению правых враждебными русскому народу, необходимо ввести ряд ограничительных мер, реализация которых привела бы к серьёзному поражению их в правах. Прежде всего, это касалось евреев, их политическое и экономическое положение должно было быть существенно изменено. Однако, как отмечают в своей работе А.А. Иванов и А.Э. Котов «Экономическая публицистика газеты

«Окраины России» (1906-1912 гг.)), «на Кавказе и в Закавказье эта роль отводилась армянам» [6, с. 52].

Важным уточнением следует признать то, что черносотенцы многократно подчёркивали, что «национальные вопросы должны разрешаться «сообразно готовности каждой отдельной народности помогать России и русскому народу в достижении общегосударственных задач» [8, с. 306]

При этом, по мнению Е.А. Осиповой и А.А. Турыгиной, население таких регионов как Поволжье, Сибирь и Средняя Азия «воспринималось черносотенцами как лояльное самодержавию: прочной основой для союза здесь выступали защита универсальных традиционных ценностей, социального строя и общественных устоев, а также неприятие западных либеральных идей» [9, с. 47]. В то же время, «в населении Финляндии, Польши, Прибалтики и Кавказа черносотенцы видели угрозу имперской целостности», в результате чего правые совершенно по-иному выстраивали своё отношение к жителям данных регионов [9, с. 47].

В.П. Жабоедов-Господарец, анализируя материалы правой печати, в том числе одной из главных газет черносотенцев – «Русского знамени», отмечает, что среди правых было популярным мнение, согласно которому, население Финляндии, «постоянно стремилось к расширению привилегий вплоть до полного отделения Финляндии от России, что в свою очередь привело к появлению революционного движения» [5, с. 72]. Исходя из этого, для оптимальной интеграции финнов в состав Российской империи, по мнению черносотенцев, они должны были потерять данные привилегии. Как отмечает А.В. Аверьянов, правые тесно увязывали данную проблему также и с тем, что «Финляндия стала опаснейшим очагом революции в России», что, по их мнению, может привести к падению самодержавия и гибели Российской империи [1, с. 22].

Как отмечает С.А. Степанов, сильнейшим образом волновала черносотенцев национальная проблематика на территории польских губерний. В частности, правые депутаты сыграли существенную роль в выделении Холмской губернии из состава Люблинской и Седлецкой губерний, с целью ослабить польское влияние в регионе [16, с. 287]. Более того, как указывает А.В. Аверьянов, по мнению наиболее видных деятелей черносотенства, польское национальное движение, традиционно находящееся в оппозиции к российской государственности, должно было «посредством жестких репрессивных» разгромлено, и только после этого была бы возможной интеграция поляков в единое имперское пространство [1, с. 23].

Весьма характерно, что обращаясь к проблемам Прибалтийского края, правые большое внимание уделяли тому, что в регионе слабо представлено русское землевладение, в котором виделось основа того, что интересы России будут защищены должным образом. Следовательно, интеграция народов, населяющих Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую губернии, не может быть признана успешной [6, с. 58]. Средством, способным изменить ситуацию, помимо увеличения числа крупных и мелких земельных собственников, должна была стать, как отмечает А.В. Аверьянов, русификация. Это должно было помочь в борьбе с сильным общественно-политическим и социально-культурным влиянием остзейских немцев. Непосредственным выражением данной политики должно было стать открытие «русских школ, православных церквей, а также к введению русского языка в области судопроизводства, законодательства и правопорядка» [1, с. 23].

Особое внимание правых вызывало положение Кавказа, и народов его населяющих, в составе России. Как отмечает А.А. Иванов, «большинство русских правых во многом связывали проблемы экономического развития Кавказа и Закавказья с национальным фактором» [7, с. 126]. Особую неприязнь у черносотенцев вызывали армяне, они признавались извечными противниками русских интересов на Кавказе. Вместе с тем, к остальным народам отношение было несколько иным, правые с симпатией писали о грузинах, отмечая их родственность русскому народу. Более того, в тюрках и горцах-мусульманах правые видели «склонность к твердой самодержавной власти», представлявшейся несомненной ценностью [6, с. 52]. В тоже время, по мнению ряду исследователей, отношение правых к мусульманскому вопросу представляется не столь однозначным, в частности Н.Е. Марков, глава СРН в 1910–1917 гг. считал, что «культурная и религиозная близость кавказских мусульман и султанской Турции служила вечным источником нестабильности в регионе» [1, с. 24]. Таким образом, можно выявить определённую амбивалентность в отношении правых к жителям Кавказа, что предусматривало как введение репрессивных мер в отношении одних народов (армяне), так и поиск точек соприкосновения (мусульманские народы).

Сложным было отношение правых и к проблемам Средней Азии. Как указывают исследователи, правые подходили к оценке социально-экономического положения края не только с сугубо хозяйственной точки зрения, но и сквозь призму своих взглядов на национальный вопрос. В частности, они весьма по-разному оценивали вклад

различных народов в благосостояние края, положительно относясь к таджикам и киргизам, и неодобрительно отзываясь об узбеках и бухарских евреях [Иванов, Котов, с. 54]. Анализируя проблему экономического освоения региона, А.В. Мамаев отмечает, что Н.Е. Марков прямо указывал на необходимость предоставления представителям русского народа необходимых привилегий, «и назвал другие народы «вторым сортом», нуждающимся в обрусении» [12, с. 76].

Особым было отношение правых к проблемам белорусских (Северо-Западный край) и украинских (Юго-западный край) губерний. Как указывает А.В. Аверьянов, одной из главных целей черносотенцам виделось ограничение польского влияния на судьбы региона, а также борьба с католичеством. Этому должно были содействовать церковно-приходские школы и принятие широких запретительных мер в отношении поляков [1, с. 23]. Как отмечают А.А. Иванов и А.Э. Котов, правыми «все надежды на экономическую русификацию края возлагались ... на государственную власть», как единственно правильном способе интеграции региона в политическое и социально-экономическое пространство империи [6, с. 60]. Резко отрицательно правыми воспринималось белорусское и в особенности украинское национальное движение. Как отмечает К.М. Бондаренко, распространённой точкой зрения были, например, взгляды одного из лидеров Русского окраинного общества П.А. Кулаковского. Он считал белорусский народ «частью русского и выступал против признания равноправия белорусского языка с русским в образовании и литературе» [4, с. 5].

Небезынтересными представляются взаимоотношения мусульманского населения Поволжья и Урала с правым монархическим движением, результатом чего стало появления такого феномена как Царско-народное мусульманское общество (ЦНМО) в Казани и сотрудничества «уфимских монархистов с мусульманскими консерваторами» во время избирательной кампании в I Государственную Думу [11, с. 76]. Несмотря на то, что ЦНМО было зарегистрировано в декабре 1908 г., уже летом-зимой 1909 г. оно прекратило свою деятельность в силу ряда причин [2, с. 17]. Таким образом, не будет преувеличением утверждение, что представители черносотенного движения на местах искали пути взаимодействия с различными консервативными силами, стремясь найти возможности для диалога и компромисса, что, безусловно, их отличает «от подхода их столичных единомышленников» [11, с. 77].

Вместе с тем важно отметить, что правые были резко отрицательно настроены по отношению к евреям. Составной частью черносотенной идеологии был «антисемитизм, оправдываемый утверждением о «всемирном еврейском заговоре» с целью установления мирового господства» [8, с. 46]. Соответственно, предполагалась не интеграция их в единое политическое и правовое поле России, а создание таких условий их жизни (путём принятия ряда ограничительных мер), которые бы вынудили евреев покинуть Российскую империю.

Таким образом, для правых было весьма характерным разделение народов России «на лояльных Российской государственности, таких, которые «чувствовали себя сынами общего Отца Монарха, младшими братьями русской народности и детьми Великой России» (башкиры, татары, калмыки, грузины, чуваша, эстонцы, латыши и немцы), и нелояльных (евреи, финны, поляки, армяне и др.)» [17, с. 26]. Исходя из этого, весьма разным был и подход по интеграции различных народов и регионов в единое политико-правовое поле России. Как отмечают современные исследователи, если для одних правые считали это возможным, пусть и на определённых условиях, то для других (прежде всего евреев), это путь был принципиально невозможен. Вместе с тем, предлагаемые способы интеграции, безусловно, требовали принятия ряда ключевых условий. Во-первых, признания русского языка и культуры как важнейших составных частей новой идентичности. Во-вторых, важное внимание уделялось религиозному фактору, выражавшемуся в признании ценностей православия и его культурно-этических норм. Вместе с тем, как показывает современная историография, посвящённая взаимодействию правых и мусульманского сообщества, были определённые попытки создания правомонархических организаций на синтезной основе, которая бы включала в себя как сохранение мусульманской идентичности, так и принятия ценностей самодержавного государства. Исследования в данной области, убедительно показали, что если столичные правые зачастую занимали в данном вопросе довольно ограниченную и бескомпромиссную позицию, отрицавшую зачастую возможность нахождения какого-либо приемлемого для обеих сторон варианта, то местные черносотенцы в Поволжье и на Урале были гораздо более открытыми к поиску возможностей для совместных выступлений.

Однако третьим, существенно важным условием для интеграции того или иного народа, как показывают работы постсоветских авторов, являлась лояльность самодержавию. Важным проявлением этого служило отсутствие организованного национально-освободительного

движения или неучастие в общероссийской революционной борьбе. Серьёзное недовольство правых вызывало и существование тех или иных автономных прав, что воспринималось черносотенцами как вызов существующему строю. Особое их недовольство вызывало положение Великого княжества Финляндского.

Анализ имеющейся литературы убедительно показал, что черносотенцы в вопросе интеграции народов России в единое имперское пространство, отдавали предпочтение поиску универсального решения, пригодного для использования в различных регионах империи, вне контекста национальных и культурно-исторических особенностей. Как справедливо показали современные исследователи, правые даже при рассмотрении сугубо хозяйственных вопросов, предпочитали их видеть сквозь призму национальных противоречий, что придавало их оптике всегда довольно специфический взгляд.

Литература и источники

1. Аверьянов А.В. Национальный вопрос в доктрине и политической практике русского консерватизма в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис...канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 27 с.
2. Алексеев И.Е. Татарский след в черносотенном движении // «Мусульманский мир». 2014. № 3. С. 7–21.
3. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
4. Бондаренко К.М. Русское окраинное общество: возникновение, политические цели и задачи // Романовские чтения: сб. трудов Международной научной конференции 21 октября 2004 года, г. Могилев. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. С. 27–34.
5. Жабоедов-Господарец В.П. Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 – февраль 1917 гг.: дис...канд. ист. наук. СПб, 2017. 214 с.
6. Иванов А.А., Котов А.Э. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.) // Вопросы истории. 2019. № 8. С. 50–63.
7. Иванов А.А. Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX – начало XX веков // Научный диалог. 2018. № 6. С. 124–142.
8. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России, 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 461 с.
9. Осипова Е.А., Турыгин А.А. Образ Российской империи и имперских границ в представлении правомонархических консервативных партий накануне 1917 года // Вестник КГУ. 2019. № 1. С. 45–49.
10. Основоположения Союза русского народа // Русские и белорусские монархисты в начале XX века. Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. С. 141–146.

11. Максимов К.В., Файзуллин Н.Н. Союз русского народа с мусульманами: о мусульманском вопросе в программе правых партий и участии мусульман в монархическом движении Уфимской губернии начала XX века // Образование и духовная безопасность. 2018. № 1 (3). С. 72–78.

12. Мамаев А.В. Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной думы // Клио. 2018. № 11(143). С. 73–82.

13. Михайлова Е.М. Национальный вопрос в политической идеологии правого консерватизма: имперский и региональный дискурс // Исторический поиск. 2020. Т. 1, № 4. С. 69–76.

14. Размолодин М.Л. Имперская проблематика в идеологии Черной сотни // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 61(07): <http://ej.kubagro.ru/get.asp?id=1220&t=1> (дата обращения: 11.01.2024)

15. Размолодин М.Л. Русский вопрос в идеологии черной сотни. Ярославль: Ньюанс, 2013. 480 с.

16. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.

17. Стогов Д.И. Предисловие // Гроза врагов русского народа. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 704 с.

18. Шарова В.Л. Праворадикальная идеология в России – истоки и преемственность // Политико-философский ежегодник. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 120-135.

© Курицын А.И., 2024

УДК 281.93

Лукманова Р.Х.
д-р филос. наук, профессор
Россия, Уфа, УУНИТ

Lukmanova R.Kh.
d. of ph. s., professor
Russia, Ufa, UUST

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕИ СОБОРНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

Аннотация: Статья посвящена анализу интеграционного потенциала идеи соборности в русской религиозной философии. Автор обращается к трудам А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, Н.О. Лосского,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28- 01474 «Солидарное общество: от дискурсивного анализа - к социальной практике», <https://rscf.ru/project/t/23-28-01474>

С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка и других мыслителей, а также к трудам современных российских авторов. Рассматривается взаимосвязь и взаимозависимость понятий «соборность», «солидарность», «всеединство».

Ключевые слова: соборность, солидарность, интеграция, русская религиозная философия.

INTEGRATION POTENTIAL OF THE IDEA OF CONCILIARITY IN RUSSIAN PHILOSOPHY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the integration potential of the idea of conciliarity in Russian religious philosophy. The author turns to the works of A.S. Khomyakov, V.S. Solovyov, N.O. Lossky, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev, S.L. Frank and other thinkers, as well as to the works of modern Russian authors. The interrelation and interdependence of the concepts “conciliarity”, “solidarity”, “universality” are considered.

Keywords: conciliarity, solidarity, integration, Russian religious philosophy.

Сплоченность и согласие, социальная координация и порядок, готовность к совместным действиям больших групп людей — это те краеугольные камни, в которых сегодня испытывает потребность российское общество. Не случайно проблемы солидарности, консолидации и интеграции находятся в фокусе исследовательского интереса как отдельных авторов, так и исследовательских коллективов [9; 10; 18; 19]. Важнейшим интеллектуальным ресурсом для поисков основ солидарного мышления и действия выступает отечественная философская традиция.

В русской философской мысли существует адекватное солидарности понятие, а именно «соборность», которое всегда находилось в фокусе исследовательского интереса российских авторов [6; с.75-76]. Трактовка соборности в современной справочной литературе предполагает акцент на том, что это проявление органического единства членов общества, в основе которой – их принадлежность к Церкви как к «телу» Иисуса Христа. Церковь выступает здесь как духовный организм, целостная духовная реальность, органически, а не внешне, объединяющая своих членов друг с другом. Соборность имеет уникальную особенность - в основании которой лежит подлинная любовь к ближнему - состоящую в том, что сохраняется индивидуальность и свобода каждой отдельной личности. В результате истина веры достигается в целом, так как в

полной мере она принадлежит всей Церкви, а не отдельному человеку, а люди в своем соборном единстве посредством праведной, богоугодной жизни ищут путь к спасению [11; с.196].

Смысловое содержание понятия солидарность, подчеркивает В.И. Потапчук, имеет корреляцию с понятийным рядом религиозной философии, и может анализироваться в русле понятий «соборность» и «всеединство» [12, с. 196]. Это можно проиллюстрировать на примере взглядов представителя славянофильской идеологии А.С. Хомякова, к которым он обращается. Для него соборность выступает как особая разновидность человеческой общности, которой органически присущи свобода, вера и любовь. Воплощая в себе свободное объединение свободных индивидуальностей, соборность предполагает, что достигнутое единство интересов и взаимопонимание базируется на любви к абсолютным ценностям, которые для славянофилов сопоставлялись с ценностями православия. А.С. Хомяков сопоставляет соборную солидарность с механическим единством, присутствующим в неживой природе, которое есть ничто иное, как внешняя цельность, сохраняющая разобщенность компонентов. В отличие от подобного механического единства, соборность предполагает интегративное напряжение, создающее реальную общность. В то же время, существенно важной из всех составных частей соборности философ считает свободу [14; с. 175-176].

Размышления о солидарности получили отклик и в русской религиозно-философской традиции «серебряного века». Они нашли отражение и в философии «положительного всеединства» В.С. Соловьева. Принцип всеединства в его социально-философском контексте означает добровольную взаимодополнительность свободы и единства, их непротивостояние. Философ полагал, что на смену несовершенному государственному состоянию должна прийти всемирная теократия, основанная на осознании всеми людьми общечеловеческих ценностей. Результатом объединения на основе нравственной общности станет общественная солидарность. [15, с.171-181].

По мнению М.К. Зверева, русская философская мысль содержит две проекции понимания соборности. Первая и них, представленная трудами и взглядами Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого и Е.А. Левицкого, это своего рода иерархический (органический) персонализм. Вторая, которая проявляется в работах Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Вячеслава Иванова, это антииерархический персонализм [6, с.75-76].

В основе иерархического персонализма лежит понимание социальных и политических образований через призму личности. Эти идеи нашли отражение в произведениях Н.О. Лосского, считавшего, что существует некая социальная личность, которой подчинены входящие в нее отдельные люди (члены нации, граждане государства). Он полагает, что можно увидеть аналогию между тем, как служит гражданин государству, и тем, как органы человека служат целостному человеческому «Я». При этом ценность целостности организма такова, что отдельные органы и части организма могут принести себя в жертву для сохранения организма в целом, что происходит, например, с красными кровяными шариками, гибнущими в борьбе за освобождение тела от вредоносных микробов. Гражданин государства во имя его сохранения готов жертвовать своей жизнью, защищая идеалы и интересы Отечества, которые становятся для него самыми дорогими и возвышенными целями [8, с.77].

Современный исследователь В.Т. Жалкиев обращает внимание на то, что этот тезис Н.О. Лосского, с одной стороны, восходит к православию, с другой – к органической социальной теории Г. Спенсера – в части того, что признается принципиальное отличие человека как элемента общества от клетки как части человеческого тела в силу разумности первого [5, с.311-314]. Но если для Г. Спенсера абсолютными ценностями, обуславливающими принципы солидарности, выступают патриотизм и чувство общности с социальным организмом, то Н.О. Лосский отстаивает характерные для россиян единства во Христе, снова апеллируя к биологической аналогии, он пишет о том, что клетки человеческого тела (деятели, как их называет мыслитель), объединенные в органы, составляют органическое целое, образующее человеческое «Я», которое участвует в жизненном потоке. Подобным же образом люди, входящие в Тело Церкви, представляют собой органы Церкви, и тем самым участвуют в полноте Богочеловеческой жизни. Телесные деятели на основе своего рода «интимного» участия в жизни человека «воспитываются» к человечности. Философ полагает, что так же и отдельный человек в теле Церкви на основе «интимных» воздействий приближается к той величественной цели – цели обожения, которая уже была единожды достигнута и воплощена в лице Сына Божия – Иисуса Христа [8, с.209].

Взгляды Н.О. Лосского близки позиции С.Н. Булгакова, который разделяет представления о человечестве как организме, который, с одной стороны, связан посредством политики, экономики, морали, с другой – дезорганизован в силу эгоистического самоутверждения.

Философ делает вывод о том, что для человечества всегда было характерно стремление к организованной общественности и искание ее, причем в ходе исторической эволюции и общественного развития эти поиски становились все более напряженными, поскольку жизнь становилась все более социальной. Все утопии были построены на стремлении к торжеству солидарности и поисках способов нейтрализации человеческого эгоизма. Однако движение к общественному идеалу приводит в итоге к тому, что свобода вступает в противоречие с подчинением, равенство – с различием, сплоченность – с иерархизмом. По мнению С.Н. Булгакова, к делам мира сего нужно относиться без страсти, без энтузиазма, во имя послушания. Истинная солидарность может быть достигнута исключительно в атмосфере церковной любви, так как «в переживании таинств церковных совершается это преодоление нашей обособленности, а коллективизм уже не закрывает соборности. Здесь становится ясна вся относительность социального неравенства перед фактом духовного равенства людей», - пишет мыслитель [8, с.344-345].

Разделяя в целом взгляды Н.О. Лосского и С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкой полагает, что богопознание возможно посредством воссоздания целостности и единства рода человеческого. Отдельному человеку как индивиду истинное богопознание не доступно в силу того, что обожение есть ничто иное, как общее призвание всех. Познание Бога – это процесс приобщения отдельного человека к собранному в Боге духовному опыту человечества [16, с.179]. Иначе говоря, только коллективный, соборный опыт может привести к истинному Богопознанию. Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что для органического персонализма характерно понимание солидарности в контексте идеи соборности, во взаимосвязи с пониманием единства русского народа во Христе.

Принципы антииерархического персонализма нашли отражение в работах Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Вяч. Иванова, смысловой акцент которых заключается в том, что общество – это не сверх-организм, а лишь абстракция, объективированная сознанием личности. Наиболее ярко этот подход проявляется в творчестве Н.А. Бердяева, который утверждал, что «личность есть микрокосм, целый универсум. Только личность и может вмещать универсальное содержание, быть потенциальной вселенной в индивидуальной форме... Личности коллективные, личности сверхличные в отношении к личности человеческой суть лишь иллюзии, порождения экстериоризации и объективизации. Объективных личностей нет, есть лишь субъективные личности. Таков антииерархический персонализм, который и есть

единственный последовательный персонализм. Никакой целостности, тоталитарности, универсальности вне личности нет, есть лишь в личности, вне ее есть лишь частичный, объективированный мир» [1, с.12, 24-25]. Н.А. Бердяев, разрабатывая тему солидарности, предложил ее собственную интерпретацию, которая предполагает дифференциацию категорий «коллективизм» и «коммунотарность» (она же – соборность). Суть позиции мыслителя заключается в том, что коллективизм не знает ценности личности и носит антиперсоналистический характер, а коммунотарность, будучи своего рода «общинностью личностей», напротив, по определению персоналистична.

В.И. Потапчук отмечает, что смысловое содержание понятий «всеединство» и «соборность» получает развитие в философии С.Л. Франка. Полагая, что именно солидарность выступает одним из начал, лежащих в основе социальности, он использует понятия «соборность» и «всеединство». Будучи основана на сходстве интересов и близости людей, солидарность выступает принципом, конституирующим социальное взаимодействие, которое проистекает из соборности как первичного единства. В этом отношении противоположность «я» и «мы» выступает у С.Л. Франка как противостояние между началами свободы и солидарности. Возможность «снятия» этого противоречия лежит в понимании своего бытия как исполнения должного, служения Богу, а не как пассивного подчинения обществу или индивидуальной воле [12, с. 197]. Согласно С.Л. Франку, в основу соборности заложено сочетание нравственности и личности, поскольку «изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком». К числу поборников так называемого неорганического, антииерархического персонализма относится также В.И. Иванов. Используя метафору Легиона в качестве антитезы соборности, философ отмечает, что первый состоит из не из живых монад, а из мертвых душ; в соборном же единстве личности «достигают совершенного раскрытия и определения своей единственной, неповторимой и самобытной сущности, своей целокупной творческой свободы, которая делает каждую изглаголаным, новым и для всех нужным словом. ... Соборность – задание, а не данность; она никогда еще не осуществлялась на земле всецело и прочно, и ее также нельзя найти здесь или там, как Бога» [17, с.54]. Говоря иначе, представители неорганического персонализма исходит из противопоставления соборности как православной солидарности и мирского сообщества.

Наработки русских религиозных философов на долгое время оказались не только невостребованными, но и не доступными для отечественного читателя. Однако в постсоветский период интерес к отечественной религиозной философии серебряного века усилился и привел к появлению плеяды исследователей, занимающихся, в частности, переосмыслением концепта соборности. К их числу относятся такие авторы, как В.М. Пронягин, М.М. Дунаев, И.А. Есаулов и другие [13; 3; 4], общей чертой позиции которых является то, что они усвоили не только ценные зерна теорий своих предшественников, но и их недостатки, включая оторванность рассуждений от повседневной действительности (риторика о «единстве в теле Церкви», «устремлённости к всечеловечеству» и т.п.). Тем не менее, российский концепт соборности наиболее близок западному концепту солидарности, но при этом соборность понимается как «солидарность истинная» (в отличие от ложной, в основе которой не заложена православная идея).

Таким образом, проведенный нами анализ трудов представителей русской религиозной философии и современных отечественных авторов демонстрирует, что интеграционный потенциал идеи соборности может и должен быть востребован как в современном российском социо-гуманитарном дискурсе, так и в общественной практике.

Литература и источники

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. М.: Республика, 1994.
3. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII– XX вв. М.: Изд. совет РПЦ, 2002.
4. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995.
5. Жалкиев В.Т. Соотношение солидарности и соборности в концепциях представителей органического персонализма: Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого// Общество и право. 2011. № 3 (35). С. 311-314.
6. Зверев М.К. Особенности социальной солидарности в современном российском обществе. Диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 - Социальная философия. Иркутск, 2009.
7. Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
8. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991.
9. Лукманова Р.Х. Основания типологий солидарности//Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р.Х. Лукманова, И.В. Фролова. Уфа, 2023. С. 26-35.

10. Лукманова Р.Х., Фролова И.В. Основания социальной солидарности для современной России //Российский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 4. С. 221-228.

11. Новейший философский словарь. Минск, 2001.

12. Потапчук В. И. Идея солидарности как смысловая составляющая русской социальной философии// Вестник ТОГУ. 2011. № 2 (21).

13. Пронягин В.М. Православные традиции и новые подходы в их художественном осмыслении в русской прозе второй половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.

14. Салимгареев М. В. Принцип солидарности в социально-философской концепции А.С. Хомякова// Христианское чтение: научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии: Теология. Философия. История. № 1. Январь-Февраль 2018. С. 171 – 181.

15. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. 2-е изд. М., 1990. Т.2. С. 635-763.

16. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994.

17. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.

18. Фролова И.В. Современный российский социально- гуманитарный дискурс проблем солидарности: мозаика подходов// Солидарное общество как идеал и проект: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редакторы Р.Х. Лукманова, И.В. Фролова. Уфа, 2023. С. 15-25.

19. Фролова И.В., Лукманова Р.Х., Фролов К.А. Солидарное общество: от истории - к современности // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 1013-1021.

УДК 94(470) “1941–1945”

Рахимов Р.Н.

канд. ист. наук, доцент

Сайтбатталов И.Р.

**канд. филол. наук, ведущий специалист
Россия, Уфа, УУНИТ**

Rakhimov R.N.

c. of h. s., associate professor

Saitbattalov I.R.

**c. of philolog. s., leading specialist
Russia, Ufa, UUST**

ПЕРВЫЕ БОИ 112-Й БАШКИРСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ ВО ФРОНТОВЫХ СТИХАХ

Аннотация: выход из Дебальцевского рейда в феврале 1943 г. для 7-го гвардейского кавалерийского корпуса был трагическим. Корпус

понес серьезные потери. Впоследствии он продолжил свой боевой путь, завершив его взятием Бранденбурга в 1945 г. В феврале 1943 г. на поле, где корпус выходил с боем, осталось множество убитых. Местные жители похоронили павших воинов, собрали разбросанные личные вещи, сохранившиеся до сегодняшнего дня в музеях. В одном из них обнаружен текст на арабской графике. Сотрудники музея считали его молитвой солдата-мусульманина, поскольку в составе корпуса сражалась 112-я Башкирская кавалерийская дивизия. Перевод текста показал, что это стихи, написанные одним офицером по случаю награждения другого офицера орденом Красная Звезда. В статье дается анализ этого стихотворения, рассматриваются основные этапы в биографиях офицеров, показывается место фронтовой поэзии в военной повседневности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, освобождение Донбасса, Дебальцевский рейд, 112-я Башкирская кавалерийская дивизия, военная повседневность, фронтовая поэзия

THE FIRST BATTLES OF THE 112TH BASHKIR CAVALRY DIVISION IN FRONT-LINE VERSES

Abstract. The exit from the Debaltsevo raid in February 1943 was tragic for the 7th Guards Cavalry Corps. The corps suffered serious losses. Subsequently, he continued his combat path, ending it with the capture of Brandenburg in 1945. In February 1943, many were killed on the field where the corps was fighting. Local residents buried the fallen soldiers and collected scattered personal belongings, which have been preserved to this day in museums. In one of them, text in Arabic script was found. The museum staff considered it the prayer of a Muslim soldier, since the 112th Bashkir Cavalry Division fought in the corps. A translation of the text showed that these were poems written by one officer on the occasion of awarding another officer with the Order of the Red Star. The article provides an analysis of this poem, examines the main stages in the biographies of officers, and shows the place of front-line poetry in military everyday life.

Keywords: Great Patriotic War, liberation of Donbass, Debaltsevo raid, 112th Bashkir Cavalry Division, military everyday life, front-line poetry

В феврале 2023 г. на Донбасс из Башкортостана выехала экспедиция, посвященная 80-летию начала освобождения Донбасса и гибели командира 112-й Башкирской кавалерийской дивизии Героя Российской Федерации генерал-майора М.М. Шаймуратова. Она была организована АНО по развитию общественно-культурных инициатив

«Центр межкультурного партнерства» (директор В.В. Латыпова) при поддержке и участии Уфимского университета науки и технологий, Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Института стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Регионального отделения Российского военно-исторического общества в Республике Башкортостан.

Экспедиция организовала две научно-практические конференции и круглый стол в Торезе (Донецкая Народная Республика) и Луганске (Луганская Народная Республика). Ее участники посетили места боев 8-го кавалерийского корпуса, и входившей в его состав 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, встретились с местными жителями, краеведами, учеными.

22 февраля 2023 г. в поселке Петровский (ЛНР), при посещении школы № 22 имени Героя Российской Федерации М.М. Шаймуратова правительственной делегацией Республики Башкортостан и участниками экспедиции, директор Республиканского музея Боевой Славы И.И. Утяев в экспозиции школьного музея выявил текст на арабской графике, написанный на отдельном листке. В самом школьном музее считали, что это молитва, принадлежавшая погибшему солдату-мусульманину. Листок относился к бумагам собранным жителями на поле боя после 23 февраля 1943 г.

В рамках Гранта Главы Республики Башкортостан при участии Фонда содействия гражданскому обществу по проекту «Возвращенные имена» (№ 22-2-000044) доцент Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий кандидат филологических наук И.Р. Сайтбатталов сделал транслитерацию на современный татарский язык и перевел на русский язык, вновь выявленный текст.

Оказалось, что это стихи, написанные одним из офицеров 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, посвященные другому офицеру, в связи с награждением последнего орденом Красной Звезды. Автор подписан как Файзи Гафаров, а посвящены они некому Мустафину. Поиск среди офицеров кавалерийской дивизии показал двух из них, служивших в 294-м кавалерийском полку [5, с. 80, 103]. Это Файзи Галеевич Гафаров и Мударис Габдрахманович Мустафин.

Мостафингә

Матурлыдыр күкрәгенче

Ямьле чәчәк.

Гайярлыкка биргәнләр сиңа аны.

Күкрәк киреб, Ватан өчен
Сугыш, дустым,
Дошманыңны аяк аста табтагын.

Халык өчен көрәшдең син, батыр егет,
Кызганмадың тәнең, жаның бу
Сугышда.
Үтәдең атаклы халкыңның теләген,
Калдырмыйча дустларыңны зур сагышка.

Син алда бул, үрнәк биреб
Башкаларга.
Батырлыгың күчә барсын ибтәшләргә.
Алар да күкрәгенә чәчәк кадаб,
Мәжбүр булсун гайярларча
Сөйләшергә.

Фәйзи (Гафаров). 4.9.42

Мустафину

Украшает твою грудь
Красивый цветок.
За отвагу его тебе дали.
С широкой грудью, за Родину
Сражайся, друг,
Врага ногами потопчи.

Ты сражался за народ, джигит-батыр,
Не жалел ни тела, ни души
На этой войне,
Исполнил желание своего великого народа,
Не заставил друзей тосковать.

Будь впереди, пример подавая
Другим.
Пусть твой героизм перейдет на товарищей,
Чтобы и они, приколов к груди цветы,
Вынуждены были, как отважные,
Говорить.

Файзи (Гафаров) 4.9.42

Стихотворение написано на татарском литературном языке арабской графикой в так называемой «новой орфографии» (тат. *яңа имля*), введённой в обязательное употребление в 1925 г. [4, с. 41]. Эта орфография характеризуется последовательной передачей всех гласных в слове, включая сверхкраткие [ы] и [е], отказом от этимологического принципа в написании арабских и персидских заимствованиях, стремлением к точной передаче фонетического облика тюркского слова. Она продолжала бытовать среди людей, получивших образование в 20-е гг. XX в. в течение долгого времени после официального перехода тюркских языков Советского Союза на латинский алфавит на рубеже 20–30-х гг.

Ряд орфографических особенностей сближает стихотворение с языком *тюрки* — общим литературным языком тюркских народов, исповедующих ислам, функционально предшествовавшим национальным литературным языкам советских республик [3, с. 3]. К ним относятся сохранение звонкого [б] в абсолютном финале слова (в тексте все такие слова представлены деепричастиями): *киреб* ‘выпятив’, *биреб* ‘дав’, *кадаб* ‘приколов’; а также на стыке корня и аффикса и в неразложимых основах: *табта* ‘топтать’, *ибтәш* ‘товарищ’. Реликты орфографии *тюрки* сохраняются также в отсутствии ассимиляции на стыке корня, заканчивающегося носовой согласной, и аффикса множественного числа: *биргәнләр* вместо *биргәннәр* ‘дали’, и архаичном употреблении губной гласной в аффиксе императива 3-го лица: *булсун* вместо *булсын* ‘пусть будет’. В стихотворении присутствует один морфологический диалектизм — императив 2-го лица единственного числа – *гын*: *табтагын* ‘растопчи’. Этот аффикс характерен для говоров западного (мишарского) диалекта, распространённых к западу от Волги [2].

Теперь несколько выявленных биографических данных автора и героя, которому он посвятил стихотворение. Автор – майор Файзи Галеевич Гафаров. Он был заместителем командира 294-го кавалерийского полка. Погиб в бою 8 февраля 1943 г., похоронен в районе станицы Успенская Ворошиловградской области Украинской ССР (современная Луганская Народная Республика) [6, Ф. 33. Оп. 11458. Д. 46]. Он родился в 1906 г. в Западном Казахстане с. Кушуй Зеленовского района (ныне Байтерек). Службу в Красной армии начал 1 октября 1924 г.

До 112-й кавалерийской дивизии служил в 228-м кавалерийском полку 79-й кавалерийской дивизии. Она была сформирована в августе 1941 г. в Ташкенте и имела многонациональный состав: русские, таджики, казахи, украинцы, узбеки, татары, туркмены – ранее

служившие в Красной армии. Дивизию составляли 228-й, 233-й, 239-й кавалерийские полки, 76-й конноартиллерийский дивизион, 76-й артиллерийский парк, части обеспечения. Командовал дивизией полковник В.С. Головский. В октябре дивизия вошла во вновь сформированную 57-ю армию. Прибыла на фронт 10 декабря в составе 5-го кавалерийского корпуса. С 22 января 1942 г. в Барвенково-Лозовской операции. Кавалерийский корпус прорывал оборону противника, но неудачно. 23 января двумя спешенными полками корпус атаковал противника и выдвинулся вперед. 28 января он был контратакован немецкой пехотой при поддержке танков. Корпус выдвинулся далеко вперед, его фланги не соприкасались с другими частями Красной армии. Противник контратаковал корпус, вынудив его 12 февраля отойти на новые позиции. В марте дивизия вела затяжные кровопролитные бои. 79-я кавалерийская дивизия была расформирована 18 апреля 1942 г. После расформирования Гафаров оказался в Казани и был направлен в 112-ю Башкирскую кавалерийскую дивизию из Татарской АССР. Поскольку Гафаров погиб во время начала рейда, то листок со стихами был утерян, скорее всего, Мустафиным во время выхода из рейда, 23 февраля 1943 г.

Посвящено стихотворение Мударису Габдрахмановичу Мустафину. Он остался жив, и даже не был ранен за всю войну [6, Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6854]. Мустафин родился 15 мая 1915 г. в с. Старый Ирюк Кировской области, закончил военную службу подполковником в 1956 г., умер 2 августа 1980 г. Мустафин был призван Малмыжским районным военкоматом Кировской области 29 ноября 1939 г. Начинал войну в 67-м артиллерийском полку 18-й стрелковой дивизии, затем попал в 813-й артиллерийский полк 296-й стрелковой дивизии (расформирована летом 1942 г.). Член ВКП (б) с 1942 г. Служил военкомом артиллерийской батареи 294-го кавалерийского полка в звании младшего политрука, затем, после выхода из рейда – заместителем командира по политчасти батареи 45-мм пушек 60-го гвардейского кавалерийского полка.

Орденом Красной Звезды, о котором идет речь в стихотворении, младший политрук был награжден приказом Военного совета Брянского фронта № 68/н от 31 июля 1942 г. [6, Ф. 33. Оп. 682524. Д. 39. Л. 4]. Награда была за летние бои, в которых 112-я кавалерийская дивизия приняла участие и показала свою отвагу. В этих боях погиб командир 294-го кавалерийского полка майор Г.А. Нафиков [1, с. 63]. После гибели командира, полком командовал автор стихов, майор Файзи Гафаров. Орден Мустафин, скорее всего, получил в сентябре 1942 г.

Медалью «За отвагу» Мустафин был награжден 28 февраля 1943 г., будучи в звании старшего лейтенанта. Эта награда была, вероятно, связана с боевыми отличиями, проявленными в ходе рейда в тыл противника. В дальнейшем, с июня 1943 г., проходил службу в 672-м артиллерийском полку 205-й стрелковой дивизии, завершив войну в его составе капитаном, заместителем командира дивизиона.

Интересно, что Гафаров в своем стихотворении писал, чтобы Мустафин был «впереди, пример, подавая другим...». И это пожелание Мударис Габдрахманович выполнил. В наградном листе на награждение орденом Отечественной войны II степени 12 апреля 1945 г. командиром полка полковником Барановским описано как он подавал пример своим боевым товарищам.

«24 февраля 1945 года при прорыве обороны противника в районе Мариенфельде, личным примером сумел мобилизовать своих подчинённых на выполнение боевого задания. Находясь непосредственно на огневой позиции орудий прямой наводки, он умело воодушевлял орудийные расчёты на мужество и отвагу.

В боях 2 и 3 марта 1945 года, когда противник неоднократно бросался в атаки гвардии капитан Мустафин вместе с расчетами успешно отбивал эти контратаки противника огнем прямой наводки, в результате чего был подавлен огонь 3 станковых пулеметов противника и рассеяна колонна пехоты до 2 рот.

Во всех этих боях он служил для своих подчиненных примером самообладания, выдержки и умелого руководства» [6].

Всего Мустафин был награжден тремя орденами: Отечественной войны II степени (1945 г.), Красной Звезды (1942 г., 1955 г.), медалями: «За отвагу» (1943 г.), «За боевые заслуги» (1950 г.), «За победу над Германией» (1945 г.) и юбилейными.

Выскажем предположение, что находясь в одном полку, два офицера прошедшие с боями 1941–1942 гг., попавшие в дивизию в один полк делились подробностями своей боевой биографии. Общее воспоминания о тех трудных месяцах на фронте, вероятно, могли их сблизить.

Литература и источники

1. Ахмадиев Т.Х. Башкирская гвардейская кавалерийская. Боевой путь Башкирской 112-й – 16-й гвардейской кавдивизии. 1941–1945 гг. Уфа: Китап, 1999. 368 с.

2. Карта № 104. Формы повелительного наклонения на -(ы)гын/-(ы)ын и –ың // Атлас татарских народных говоров [Электронный

ресурс]. URL: <https://atlas.antat.ru/atlas/maps.html?mapnom=104#> (Дата обращения: 12.04.2024)

3. Сайтбатталов И.Р. Старотюркский словарь. Вып. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 200 с.

4. Сальникова А.А., Галиуллина Д.М. «Считая вопрос разрешённым»: латинизация тюркских алфавитов и татарский национальный букварь конца 1920-х – 1930-е гг. // Проблемы современного образования. 2012. № 5. С. 39–56.

5. Шаймуратовцы – воины легендарной 112-й Башкирской кавалерийской дивизии: биографический справочник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / сост. К.И. Аглиуллина и др. Уфа: Китап, 2022. 472 с.

6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Материалы архива представлены с портала «Память народа».

© Рахимов Р.Н., Сайтбатталов И.Р., 2024

УДК 94(470.57)

Садыхов А.К.
старший преподаватель
Россия, Уфа, УУНиТ
Sadykov A.K.
senior lecturer
Russia, Ufa, UUST

**АКТУАЛЬНОСТЬ ДЕФИНИЦИИ
АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОД
ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА**

Аннотация: попытки осмысления и определения Пугачевского движения всегда находились под идеологическим давлением. Дискуссии специалистов простирались в диапазоне оценок от злодейского бунта до крупнейшей Крестьянской войны в истории нашего государства. Целью исследования является дефиниция рассматриваемых событий на основе современных подходов к восстанию 1773–1775 гг.

Ключевые слова: дефиниция, восстание, бунт, крестьянская война, гражданская война.

**HERELEVANCE OF THE DEFINITION OF AN ANTI-
GOVERNMENT PROTEST LED BY YEMELYAN PUGACHEV**

Abstract. Attempts to comprehend and define the Pugachev movement have always been under ideological pressure. The discussions of experts

ranged from a villainous riot to the largest Peasant war in the history of our state. The purpose of the study is to define the events under consideration on the basis of modern approaches to the uprising of 1773–1775.

Keywords: definition, uprising, rebellion, peasant war, civil war.

Дефиниция описываемых событий всегда зависела от господствующей идеологии. Концепция дворянской историографии практически единодушна во мнении, что это был «злодейский бунт Емельки Пугачева», их исследования насыщены ненавистью к восставшим. Буржуазные историки либерально-народнического направления были более спокойны и не столь категоричны, в диапазоне от «самое многозначительное явление в жизни русского народа» до «ужасный пожар». Советская историография, стоявшая на формационной методологической базе классовой борьбы крестьянства в эпоху феодализма, немало подискутировала по этому вопросу. По утверждению Б.Ф. Поршнева, политический кругозор крестьян в эпоху феодализма не поднимался до национальных масштабов, поэтому нельзя считать крестьянские войны общенациональными, что «всякое вооруженное восстание уже в какой-то мере есть «война», поэтому нельзя проводить грань между крестьянскими войнами и другими формами классовой борьбы, что всякое крестьянское восстание есть крестьянская война [1, с. 292–306]. Авторы книги «Переход от феодализма к капитализму в России» утверждали, что в крестьянских войнах в России ставился вопрос лишь о смене существующего варианта феодальных отношений другими феодальными отношениями, более желательными для восставших крестьян [2, с. 42–43]. Группой историков во главе с В.В. Мавродиным, были определены следующие критерии крестьянской войны: крестьянская война является гражданской войной; крестьянская война направлена против всей крепостнической системы в целом, против всего класса феодалов и крепостнического государства, а не против отдельных феодалов и чиновников; наличие единого центра, более или менее общие лозунги; наличие обширной территории; крестьянская война ведет борьбу не за отдельные уступки, а за слом всей крепостной системы; борьба за власть, но в ее старой форме, отсюда наивный монархизм, «царистская» тенденция; наличие единого военно–политического руководства, вносящего известные элементы организованности в стихийное движение; крестьянская война есть высшая форма классовой борьбы крестьянства в эпоху феодализма, когда борьба ведется за власть в общегосударственном масштабе на значительной части территории страны [3, с. 336–341; 4, с. 35–51; 5, с. 44–60].

По мнению Ю.Н. Смирнова, в настоящее время недостаточно исследованы и требуют современных подходов вопросы интерпретации и дефиниции событий 1773–1775 гг., перестройка властных органов и «роль местного самоуправления в районах восстания, не проявлены до конца политические идеалы движения, требует восстановления традиция изучения наряду с повстанческой армией также и правительственных сил» [6, с. 159]. Современные исследователи продолжают попытки осмысления исторически значимого события, но окончательно определиться не могут, находясь в так называемой «методологической растерянности» [7, с. 126].

По нашему мнению, применение определения «бунт» к рассматриваемым в исследовании событиям не совсем корректно, так как, во-первых, несмотря на близость понятий «бунт» и «восстание», ключевая разница в том, что бунт это малый по времени, стихийный и неорганизованный протест; во-вторых, он практически никогда не приводит к кардинальным изменениям в обществе. Напомним, что определение изучаемого нами исторического события как бунта пошло в первую очередь именно от представителей правящих кругов, напуганных размахом и жестокостью волнений, прежде даже не допускавших мысли что «чернь» способна на такое масштабное и что отмечают практически все исследователи организованное выступление. К тому же бунт это неподготовленное или малоподготовленное возмущение. То, что Пугачев пришел к яицким казакам является важным фактом того, что это и была, по сути, подготовка восстания. Во-первых, это территория с опытными в военном деле, вооруженными и умеющими самоорганизоваться людьми; во-вторых, они не забыли свои обиды после восстания 1772 г., и их легче было объединить единой целью с привлекательными лозунгами; в-третьих, Оренбург как место сосредоточения ненавистной им государственной власти находился рядом, и разгромив его можно было если и не добиться своих целей, то по крайней мере как-то отомстить за чинимые притеснения. Именно поэтому Пугачеву и не потребовалась длительная многомесячная подготовка. Таким образом, локальное казацкое недовольство, имевшее предпосылки так и остаться в масштабах бунта, сумело в считанные дни добиться успеха, эволюционировать в восстание и на этой волне привлечь тысячи других участников.

Термины «крестьянская война» и «гражданская война» так же не совсем соответствуют характеру и масштабам описываемых событий. Согласно словаря «Война и мир в терминах и определениях», крестьянская война – это «особый вид гражданской войны», а

гражданская (внутригосударственная) война в свою очередь это «организованная вооруженная борьба за государственную власть или господствующее положение в обществе между различными классами и социальными слоями (группами) внутри государства» [8, с. 18, 22.]. В нашем случае мы никак не можем утверждать о том, что именно крестьяне вели войну подобного рода. По мнению Е. Трефилова, повстанцы выступали за усовершенствование, а не против существующих порядков [9, с. 29].

Безусловно, участие крестьян в продолжение восстания на правобережной Волге стало преобладающим. Вместе с тем отметим, что само появление Пугачева на этой территории стало вынужденным, он просто не выдерживал постоянных ударов правительственных войск под командованием Михельсона, действия которого «...можно назвать долгой погоней за Пугачевым и его соратниками» [10, с. 43]. Управление повстанческими войсками, стихийное движение которых больше напоминало бегство, было потерянno. Пугачев, как многие казаки не доверял крестьянам и не воспринимал всерьез «мужицкое войско». Тот факт, что лишь два из более 200 манифестов и указов «мужицкого царя» были адресованы крестьянам, и это произошло только летом 1774 г. в Саранске и Пензе говорят о многом. Вопреки неким своим планам похода на Москву он вероятнее всего пытался уйти в земли, населенные близкими ему по духу казаками, с которыми и связывал возможность продолжения восстания. Народное движение в этот момент напоминало именно «пугачевщину без Пугачева» и являлось в силу сложившейся обстановки апофеозом «крестьянской войны» [6, с. 161] именно на этом этапе, но не восстания в целом.

Мы считаем, что главной движущей силой восстания с осени 1773 г. до лета 1774 г. являлось местное иррегулярное военно-служилое сословие. Застрельщиками восстания стали яицкие казаки, главной ударной силой вплоть до ухода Пугачева на правобережье Волги являлись в первую очередь башкиры, крестьяне же были скорее ведомым, а не ведущим звеном механизма восстания. По мнению доктора исторических наук, профессора В. Мауля, крестьянским можно назвать только тот период восстания, когда оно перешло за Волгу [11, с. 15]. Мы не отрицаем тот факт, что деятельность ряда отрядов, чисто крестьянских по составу, отвлекала на себя часть правительственных сил, но справедливо будет заметить, что существенной роли в общей картине в это время они не сыграли, так как главные силы правительственных войск были направлены в районы, контролируемые повстанцами из военно-служилого

сословия, в числе которых были и казаки, руководившие восстанием на заводах Южного Урала.

Трактовка Пугачевского восстания как гражданской войны, на наш взгляд также требует определенного уточнения. Максимальная численность повстанческих войск достигала 120 тысяч и около 40 тысяч в январе и весной-осенью 1774 г. соответственно. Это составляет около 5 % от 2,9 млн. жителей губерний, охваченных восстанием [12]. В свою очередь население неспокойных территорий составляло 13 % от 23,2 млн. жителей Российской империи [13, с. 73]. Степень участия регулярной армии, направленной на подавление вооруженного сопротивления повстанцев составляет 12,5 % (30000 человек от 239000 общего количества личного состава). Проправительственные ополчения, отряды дворян и т.д. несколько увеличивают эту цифру, но кардинально ее не меняют. Таким образом, военно-научная оценка событий позволяет утверждать о восстании формата внутреннего вооруженного конфликта среднего масштаба по размаху боевых действий и низкого коэффициента вовлеченности регулярных войск. Наряду с этим, мы не можем игнорировать тот факт, что в орбиту восстания помимо непосредственного участия в боевых действиях в составе повстанческих войск было вовлечено более миллиона человек населения изучаемых территорий [14]. Вместе с тем, справедливо будет отметить наличие обстоятельств, а именно утрату доверия населения к власти и девальвацию социальной ответственности государства, выделяемых современными исследователями как основные причины гражданской войны [15, с. 134–135]. В свою очередь А.Г. Палкин, используя классификацию революций, считает, что следует определять Пугачевское восстание как региональное, ограниченное «юго-восточной границей и примыкавшими к ней землями» или крупное региональное восстание пограничного и казачьего характера «с ограниченными возможностями, не переросшее в революцию» [16, с. 247].

В силу вышеизложенного, мы считаем, что это было крупнейшее антиправительственное восстание, имевшее реальные предпосылки перехода в полномасштабную гражданскую войну и принятия общенационального характера при условии его продвижения в западные, более густонаселенные губернии.

Восстание конечно не добилось облегчения жизни именно крепостного крестьянства, но принесло определенные результаты, вынудив Екатерину II срочно провести административно-управленческую (губернская и городская) реформу, ликвидировать Запорожскую Сечь (с последующим восстановлением за заслуги

в правах и награждением кубанскими землями). Манифест «О свободе предпринимательства» и указ от 22 марта 1779 г. отменили монополии, ослабили налоговое бремя на ряд промыслов и видов предпринимательской деятельности, гарантировали прощение «всем вообще беглым», в том числе и крестьянам [17, с. 45–47]. Изданные в 1785 г. «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» стали законодательной основой «золотого века» российского дворянства и очередной попыткой создания «третьего сословия» соответственно. Стремлению Екатерины II к усилению государства на основе самодостаточных и сильных сословий должно было послужить и «Сельское положение», оставшееся только в виде проекта и не реализованное по ряду причин в формате «Жалованной грамоты государственным крестьянам». Яицкое казачье войско, переименованное в Уральское, получив впоследствии ряд привилегий, в том числе права на офицерские чины и дворянское звание, стало надежной опорой государства. Царское правительство, наделив башкирскую и татарскую аристократию преимуществами российского дворянства, среди которых владение крепостными из мусульман, тем не менее не решилось закрепить все нерусское население края, оставив башкирам и мишарам военно-служилый статус.

Литература и источники

1. Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. 520 с.
2. Переход от феодализма к капитализму в России. Отв.ред. Н.И. Павленко. М., 1965. 416 с.
3. Андрущенко А.И. Первые призывы повстанцев Крестьянской войны 1773–1775 гг. (К вопросу об идеологии восстания) // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 336–341.
4. Мавродин В.В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: Проблемы, поиски, проблемы. М.: Наука, 1974. С. 35–51.
5. Буганов В.И. Об идеологии участников крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 44–60.
6. Смирнов Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник СамГУ. 2007. №5/3 (55). С. 158–166.
7. Мауль В.Я. Методологические проблемы междисциплинарного изучения русского бунта: достоинства и недостатки // Вестник Томского государственного университета. 2005. Вып. 289. С. 125–143.
8. Война и мир в терминах и определениях. Военно-технический словарь / под ред. Рогозина Д.О. М.: Вече, 2017. 272 с.
9. Трефилов Е.Н. Государство Емельки Первого // Историк. 2023. № 9 (105). С. 26–29.
10. Тростин Е. Победители бунта // Историк. 2023. № 9 (105). С. 38–43.
11. Мауль В.Я. Именем государя // Историк. 2023. № 9 (105). С. 12–17.

12. Административно-территориальное деление Российской империи. URL: <http://rusempire.ru/rossijskaya-imperiya...imperii.html> (дата обращения: 05.06.2023).

13. Важнин С.Г., Сухих В.В. Завоевание доверия к российскому государству как способ решения демографических проблем в царствование Екатерины II // Сборник статей VIII Уральского демографического форума. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017. Т. 1. С. 72–77.

14. Смирнов А. Русский бунт // URL: <https://topwar.ru> (дата обращения: 14.11.2023).

15. Стожко Д.К. Гражданская война как политический феномен (к 100-летию начала Гражданской войны в России) // Век глобализации, 2018. № 4. С. 125–136.

16. Палкин А.Г. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачёва (1773–1775) в государственно-правовой концепции региональной (Южно-Уральской) идентичности (к 240-летию начала войны) // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 5(43). С.246–249.

17. Мавродин В.В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России// Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 35–51.

© Садыков А.К., 2024

УДК 801.82

Саитбатталов И.Р.

канд. филол. наук, ведущий специалист

Россия, Уфа, УУНиТ

Евлашкина А.Н.

студент

Россия, Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

Saitbattalov I.R.

c. of philolog. s., leading specialist

Russia, Ufa, UUST

Evlashkina A.N.

Student

Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ РУКОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ ШАМИГУЛА БИКБАЕВА¹

Аннотация: статья посвящена количественной и качественной характеристике рукописных источников на языке тюрки из собрания рукописей и старопечатных книг, принадлежавших религиозному

---

¹ Работа выполнена в рамках экспедиции «Дорогами мистиков Башкирии» (2–11 октября 2023 г.), поддержанной всероссийским проектом «Открываем Россию заново» в рамках программы «Больше, чем путешествие»; наставники экспедиции – канд. филол. наук И.Р. Саитбатталов (УУНиТ) и канд. ист. наук И.А. Лебедева (Царегородцева) (НИУ ВШЭ).

деятелю и целителю Ш.Б. Бикбаеву. Авторами дана общая характеристика рукописного собрания, описано соотношение старопечатных и рукописных источников в его составе, представлено соотношение языков в коллекции. Тюркские рукописи из собрания описаны с точки зрения жанровой и тематической принадлежности, хронологии создания и бытования. Специально отмечены списки крупных художественных произведений.

Ключевые слова: археография Башкортостана, башкирская литература, ислам в Башкортостане, суфизм в Башкортостане, частные книжные собрания, язык тюрки.

THE TURKIC MANUSCRIPTS FROM THE COLLECTION OF SHAMIGHUL BIKBAEV

Abstract. The article is devoted to the quantitative and qualitative characteristics of handwritten sources in the Turkic language from the collection of manuscripts and early printed books that belonged to the religious figure and healer Sh.B. Bikbaev. The authors give a general description of the manuscript collection, describe the ratio of early printed and handwritten sources in its composition, and present the ratio of languages in the collection. Turkic manuscripts from the collection are described from the point of view of genre and thematic affiliation, chronology of creation and existence. Copies of large literary texts are specially marked.

Keywords: Archeography of Bashkortostan, Bashkir literature, Islam in Bashkortostan, Sufism in Bashkortostan, personal book collections, Turkic language.

В октябре 2023 г. участниками экспедиции «Дорогами мистиков Башкирии» была обследована и оцифрована коллекция рукописей и старопечатных книг, принадлежавших религиозному деятелю, целителю и мистiku Шамигулу-хальфе. Коллекция в настоящее время хранится у внука целителя в д. Бустубаево Кугарчинского района Республики Башкортостан и находится в удовлетворительном состоянии.

Согласно воспоминаниям хранителей коллекции, её формирование непосредственно связано с жизнью и деятельностью Шамигула-хальфы. Исследований документальных источников, связанных с его биографией, не предпринималось, однако вокруг этой личности сформировался устный нарратив, содержащий большое количество подробностей. Одни из них представляются достоверными,

другие — находят прямые параллели в классических сюжетах о чудесах (ар. карамат) мусульманских святых (ар. авлия) [См. 2, с. 130 – 139; 7, с. 34 – 39, 48 – 50].

Шамигул (на надгробии использовано написание Шамгун) Бадретдинович Бикбаев родился в 1876 г. в с. Саиткулово, большую часть жизни проживал в д. Бустубаево. Умер в 1957 г. Оба населённых пункта относятся ныне к Кугарчинскому району Республики Башкортостан [3]. Согласно устным преданиям, он получил традиционное мусульманское образование в Бухаре либо в ташкентском медресе Кукельдаш, а также 9 лет обучался под руководством великого суфийского шейха Зайнуллаха Расули¹ (1833–1917) [7, с. 31–32]. С именем этого наставника информанты связывают приобщение Шамигула к мусульманскому мистицизму. Титул хальфа (ар. халифа) может указывать на его статус наместника шейха. Другие предания связывают Шамигула-хальфу с шейхом Сахиуллахом ал-Джиргани, проживавшим в с. Зирган современного Мелеузовского района [2, с. 147]. Ниже, при обсуждении рукописных источников из собрания Ш. Бикбаева, эти сведения будут уточнены.

Практики духовного исцеления занимали особое место в жизни Шамигула Бадретдиновича и представляют собой один из самых ярких нарративов о его жизни. По заверению родственников, именно с ними связан его переезд в д. Бустубаево. Когда началась эпидемия тифа, Шамигул-хальфа приехал с тем, чтобы лечить заболевших. Духовное исцеление людей посредством специальных молитв стало делом жизни Шамигула, благодаря чему, вероятно, он получил признание в качестве авлия [1, с. 80].

Если такие стороны деятельности Ш. Бикбаева, как целительство и духовное наставничество нашли отражение в устном нарративе и научных публикациях, то его связь с книжной культурой привлекла внимание исследователей совсем недавно [7, с. 40 – 44]. По словам потомков Шамигул-хальфы, все хранящиеся у них старые книги принадлежали ему, он много читал и делал пометки на полях. Наличие во многих обследованных изданиях владельческих надписей второй половины XIX – 40-х гг. XX в., выполненных арабицей, башкирской латиницей и кириллицей, с упоминаниями имён и фамилий, не знакомых современным хранителям коллекции, позволяет предположить, что собрание продолжало пополняться в течение всей жизни целителя, и в ходе своих многочисленных поездок тот принимал

---

¹ При упоминании мусульманских деятелей, живших до середины XX в., авторы используют арабское написание и произношение их имён.

в дар или приобретал рукописи и дореволюционные издания. В 60-е гг. XX в. коллекция пережила пожар, в результате которого некоторые издания из её состава утратили целостность. Несмотря на это, общая сохранность рукописей и старопечатных книг хорошая.

Проведённое сплошное обследование коллекции выявило в её составе 80 единиц, среди которых как целые издания, так и их фрагменты разного объёма. Каждой единице был присвоен номер. Эта нумерация используется при дальнейших упоминаниях рукописей. Старейшая датированная рукопись (в составе композита 13) создана в 1826 г., один рукописный фрагмент переписан на советской жёлтой бумаге простым карандашом, таким образом, хронологические рамки коллекции устанавливаются как первая треть XIX – середина XX в.

По характеру книг и документов всю коллекцию можно разделить на пять категорий: старопечатные издания (55 единиц, 68,75%), рукописи (22 единицы; 27,5 %), официальные документы (1 единица, 1,25 %), композит из печатного издания и рукописи (1 единица, 1,25 %), россыпь – уцелевшие при пожаре части разных книг (1 единица, 1,25 %). Тематика коллекции широка: в ней представлены фрагменты казанских печатных изданий Корана, печатные и рукописные толкования Корана, трактаты по арабской филологии, арифметике, логике, мусульманскому праву, сборники молитв. Коллекция включает в себя издания на арабском, персидском и старотюркском (тюрки) языках; три документа составлены на русском языке.

Тюркские рукописи составляют меньше половины всех найденных рукописей: 9 единиц. Пять из них представляют собой сборники молитв небольшого (от 7,5*8 до 8*10 до см) формата, включающие обращения к Богу и рецепты действий в разных жизненных обстоятельствах — при тех или иных болезнях (tiş ağırıǵı üçün ‘при боли в зубах’; 16, л. 1; eger un tubuqı tartsa özi tilekin tabǵay ‘если тянет правое колено, то сам найдёт желаемое’, 21, л. 2), трудностях и потребностях (sihr-ü câdû bâtil bolǵay ‘колдовство и чары да пройдут впустую’; 68, л. 32), экстремальных погодных условиях (yel reǵı üçün ‘при ветре, [вызванном] пэри’, 14, л. 25об) и др. Язык этих сборников обладает ярко выраженными среднеазиатскими чертами (о дифференциации изводов тюрки см. [4]), что может косвенно подтверждать устные рассказы о получении Ш. Бикбаевым образования в Бухаре и/или Ташкенте. Рукописи 14 и 16 имеют обновленную пагинацию арабскими цифрами и многочисленные рукописные пометки на полях в тексте, что свидетельствует об их использовании в ходе целительской практики. К ним примыкает и

единственный в коллекции композит (№ 22), состоящий из механически соединенного печатного издания и рукописи. Ближайшими аналогами этих рукописей представляются №№ 323, 327 и 337 из собрания ИВР РАН [6, с. 124–128].

Две тюркоязычных рукописи, сильно фрагментированные в результате пожара, представляют собой трактат о правилах выплаты милостыни (№ 21) и молитвы (№ 70). Рукопись 77 представляет собой фрагмент стихотворного текста о загробном пути человеческой души. Рукопись 7 представляет собой разрешение (icâzetnâme (на чтение и толкование некоторых суфийских сочинений, выданное имамом 3-й мечети г. Орска (ныне Оренбургская область) ‘Абдуллахом б. ‘Арифуттахом ал-Ма‘ази (Габдуллою Магазовым) имаму с. Юлдыбай (населённые пункты с таким названием есть в Кугарчинском и Зилаирском районах Башкортостана) ‘Арифуттаху б. Мухаммад-Джамилу.

В исследованных композитных рукописях, в составе которых находится несколько сочинений, нередко переписанных разными руками и в разное время, значительный объем также составляют тюркоязычные сочинения. Среди них дидактические сочинения с упоминанием многих мусульманских праведников и святых (в составе рукописей 3 и 26), сборник проповедей (в рукописи 26), фрагмент сборника молитв, аналогичного описанным выше (в рукописи 17), художественная поэзия и проза.

Обращает на себя внимание неполный (отсутствует первый лист) список поэмы «Кисса-и Йусуф» Кул ‘Али, на 52 листах в составе рукописи 26, переписанный в 1846 году. В списке отсутствует имя переписчика, однако есть владельческая надпись некоего Мухаммад-Карима б. Мухаммад-Шарифа. Почерком, аналогичным почерку «Кисса-и Йусуф», переписана также повесть «Кисса-и Кахраман Катил» (Повесть о Кахраман Катиле), находящаяся в составе композита 17.

В россыпи фрагментов, уцелевших при пожаре, был выявлен документ на арабском и тюрки, написанный рукой самого Ш. Бикбаева (его почерк известен современным хранителям собрания), с цепью духовной преемственности суфийского ордена Накшбандийа по линиям, ведущим от Файиз-хана Кабули через Сахиуллага ал-Джиргани и его сына Ахмадуллаха и от Ахмада Дийа ад-Дина Кумушханави через Зайнуллаха Расули к Шамигулу-хальфе. Этот документ подтверждает устные рассказы о преемственности с шейхами из с. Зирган и с великим башкирским духовным наставником Зайнуллахом Расули.

Собрание рукописей Шамигула Бикбаева представляет собой достаточно редкий случай частной мусульманской библиотеки, практически в неизменном виде сохранившейся с середины XX в. до наших дней. Соотношение старопечатных и рукописных книг, а также жанрово-тематический репертуар представленных в ней сочинений типичен для подобных собраний Урало-Поволжья [см. 5, с. 29 – 33], однако количество экземпляров литературы, связанной с практиками духовного исцеления, прямо коррелирует с родом занятий башкирского праведника. Более глубокое изучение этого книжного собрания способно пролить свет на ранее неизвестные страницы бытования мусульманской книжности в Башкортостане в XX в.

Литература и источники

1. Аминев З.Г., Ямаева Л.А. «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние. М.: ООО «Издательство ТРИУМФ», 2020. 224 с.
2. Башкортостан — страна святых / сост. С.А. Кильдин, С.Ш. Ярмуллин, Ф.Ф. Гайсина. Уфа: Китап, 2012. 334 с. (на баш. яз.)
3. Булатов А.С. Шамигул-хальфа [Электронный ресурс] // Региональный интерактивный энциклопедический портал «Башкортостан»: [сайт]. URL: <https://bashenc.online/ru/articles/74780/> (Дата обращения: 30.12.2023).
4. Булгаков Р.М. Предложения к методике определения изводов тюркских рукописей Урало-Поволжья // Из прошлого и настоящего башкирской письменной культуры и языка: сборник научных трудов. Уфа: БНЦ УРО АН СССР, 1988. С. 7–19.
5. Бустанов А.К. Библиотека Зайнаб Максудовой / отв. ред. А.А. Хасавнех, Ш.Ш. Шихалиев. Казань, 2019. 464 с.
6. Дмитриева Л.В. Каталог тюркских рукописей Института восточных рукописей Российской академии наук / отв. ред. О.Ф. Акимускин. М.: Восточная литература, 2022. 616 с.
7. Исхакова Н.Х. Биография и религиозная деятельность Ш. Бикбаева: исследовательская работа. Мелеуз: ИП Ахмедов И.А., 2022. 64 с.

© Саитбатталов И.Р., Евлашкина А.Н., 2024

УДК 94(47).084.8

Сотников Е.А.

начальник военного учебного центра

Россия, Уфа, УУНиТ

Sotnikov E.A.

head of the military training center

Russia, Ufa, UUST

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОТОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА № 26 В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы кадрового обеспечения авиастроительного завода № 26 в годы Великой

Отечественной войны, проводится анализ обеспечения рабочей силой по годам и пути решения проблем укомплектованности кадрами руководством завода, принимаемые меры по повышению квалификации работающего персонала.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Башкирская автономная советская социалистическая республика, моторостроительный завод, рабочие, квалификация, обучение.

THE PROBLEMS OF STAFFING THE ENGINE-BUILDING PLANT No. 26 DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article examines the issues of staffing of aircraft engine plant No. 26 during the Great Patriotic War, analyzes the provision of labor by the war years and ways to solve the problems of staffing by the plant's management, measures taken to improve the skills of working personnel.

Keywords: The Great Patriotic War, Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, engine-building plant, workers, qualifications, training.

На территорию Башкирской АССР в начальный период Великой Отечественной войны были эвакуированы многие крупные заводы, но самым большим из них являлся авиамоторостроительный завод № 26, который перебазировался на территорию завода № 384, который являлся его заводом-дублёром. А в пяти километрах от завода № 384 строился ещё один авиамоторный завод № 338. Поэтому выбор на Уфу, как на место эвакуации самого крупного авиамоторного завода в стране, был не случаен.

До начала эвакуации Уфимский завод № 384 располагал установленным и действующим оборудованием, в количестве 1423 единицы и 8891 рабочих, ИТР и служащих. С начала проведения эвакуации и до момента слияния Уфимского завода № 384 с заводом № 26 (17 декабря 1941 г.) в состав завода № 384 были включены: а) вновь строившийся авиамоторный завод № 451, эвакуированный из г. Ленинграда в июле 1941 г. в составе 1116 человек всего персонала (по состоянию к 1 августа 1941 г.); б) действовавший авиамоторный завод № 234, эвакуированный из г. Ленинграда в августе месяце 1941 г. в составе 6487 человек всего персонала (по состоянию к 1 октября 1941 г.); в) вновь строившийся авиамоторный завод № 338 в составе 322 человек всего персонала; г) часть действующего алюминиево-литейного завода № 219 эвакуированная из г. Москвы в ноябре-декабре 1941 г., в составе 304 рабочих, ИТР и служащих. (по состоянию к 20 декабря 1941 г.) [1].

Завод № 26 до эвакуации в г. Рыбинске имел 33409 чел. работающих, в т.ч. 26615 чел. рабочих, 3439 чел. ИТР и 2261 чел.

служащих. Всего в ходе эвакуации было отправлено из г. Рыбинска 2019 вагонов в номерном исчислении, 6 пароходов и 38 барж с людьми, оборудованием и имуществом. На 12 января 1942 г. прибыло в г. Уфу 16674 человека работающих. В т.ч. прибыло и на 10 января 1942 г. приступило к работе на заводе рабочих 11334 чел. или 42,6 % к числу рабочих завода № 26 до эвакуации, ИТР 3026 чел. или 93,2 % и служащих 1739 чел. или 76,9 % [2]. Уфимский моторный завод для размещения прибывающих рабочих жильем не был обеспечен и вынужден был расселять их в окрестностях завода и в городе, а семьи работающих в сельской местности. Это обстоятельство имело отрицательное влияние на дисциплину и производительность труда рабочих, а также послужило причиной дезертирства значительного количества рабочих. В дальнейшем с вводом в эксплуатацию жилплощади, стало возможным, часть работающих, расселить около завода и постепенно перевести семьи из района.

Предполагая, что объединенный завод-гигант после выхода на полную мощность будет испытывать недостаток в рабочей силе Особое Заседание СНК БАССР от 6 декабря 1941 г. приняло Постановление № 263 «О внеочередном призыве городской молодежи в школу ФЗО при ремесленном училище № 3». Согласно данного Постановления в целях обеспечения завода квалифицированной рабочей силой проводился по г. Уфе внеочередной призыв (мобилизация) городской, в т.ч. и эвакуированной молодежи в школу ФЗО при ремесленном училище № 3, в количестве 2000 человек [3].

Нехватка рабочей силы была большим вопросом не только этого конкретного завода. На конец 1941 г., в целом в авиационной промышленности работало 110 тыс. человек, при этом НКАП испытывал нехватку еще 219 тыс. человек, в т.ч. – 137 тыс. квалифицированных рабочих [4, с. 216].

В связи с развертыванием производства и большой текучестью рабочей силы завод на всем протяжении 1942 г. ощущал недостаток в рабочей силе и вынужден был его пополнять новыми кадрами. С начала 1942 г. на завод было принято вновь всего 11763 чел., в т.ч.: рабочих – 8304 чел., ИТР-343 чел., служащих – 863 чел., МОП – 103 чел., ВОХР – 77 чел., непромышленная группа – 2073 чел. Всего – 11763 чел. Источниками пополнения недостающих рабочих были: военные комиссариаты – 1800 чел., трудрезервы – 1960 чел., по мобилизации – 2650 чел., по вольному найму – 5353 чел. За 1942 г. уволено с завода 8800 чел., в т.ч. по призыву в РККА – 1840 чел., дезертиры – 2600 чел. [5].

13 февраля 1942 г. вышел Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Это дало возможность руководству НКАП развернуть широкомасштабный набор рабочей силы на авиазаводы в районах размещения эвакуированных предприятий, что в известной мере снимало остроту нехватки рабочей силы [6, с. 259].

Слившиеся коллективы заводов имели разный ритм в работе, различные производственные навыки, вместе с тем, поступившее на завод пополнение в основной своей массе – люди, никогда не работавшие на производстве, поставили перед руководством завода и ИТР сложнейшую задачу организационного порядка – правильно расставить по рабочим местам и дать квалификацию вновь поступившим на завод. С этой задачей завод в течение 1942 г. справился.

Кадровое обеспечение в 1942 г.

Таблица № 1

Среднесписочное число работающих на заводе в 1942 г.

Наименование категорий	По контр. цифрам	По отчету	% к плану
Рабочие	28000	27869	99,6
ИТР	4720	4837	102,4
КСП	2210	2175	98,3
ВВО	545	549	100,6
Ученики	685	601	87,6
МОП	280	266	95

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 16. Л. 30

Несмотря на то, что списочное количество рабочих почти полностью соответствовало плану, однако, при наличии большого процента потерь рабочего времени, достигнутого в среднем за год до 10,1 %, всё время ощущался недостаток в рабочих, который приходилось восполнять путем применения значительно количество сверхурочных работ. В отдельные дни невыхода рабочих составляли внушительную цифру. Главная причина невыходов – болезнь.

Таблица № 2

Невыходы на работу по отдельным дням 1942 г.

Месяц Число	Июль		Август		Сентябрь		Октябрь	
	15	23	1	12	1	21	10	30
Кол-во чел. не вышедших на раб.	2483	2678	2250	2561	2229	2400	2461	2600
В т.ч. по болезни	1974	2075	1672	1796	1405	1512	1414	1545

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 16. Л. 30

Таблица № 3

Прошедшие через сеть производственно-технического обучения, курсы повышения квалификации, стахановские школы и индивидуальное обучение в 1942 г.

Виды обучения	Количество обученных	В т.ч.	
		женщин	В % к количеству обученных
Подготовка новых рабочих кадров с отрывом и без отрыва от производства	4525 чел.	2455 чел.	53,5
Пов. квал. раб.	3391	1732	51,8
Подготовка транспортных кадров	106	20	18,6

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 16. Л. 29

Кадровое обеспечение в 1943 г.

Таблица № 4

Среднесписочное число работающих на заводе

Наименование категорий	1943 г.			% среднеспис. числу 1942 г.
	По контр. цифрам	По отчету	% к плану	
Рабочие	28350	27605	97,4	99,1
ИТР	4545	4629	101,8	95,7
КСП	1725	1596	92,5	73,4
ВВО	700	590	84,3	107,4
Ученики	400	164	41,0	27,3
МОП	275	277	100,7	103,3

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 23. Л. 27

В связи с ростом объема производства и большой текучестью рабочей силы, выразившейся в размере 15,01 % завод в течение всего 1943 г. ощущал недостаток в рабочей силе и вынужден был его пополнять новыми кадрами.

Таблица № 5

Источники пополнения рабочей силы

Свободн. набор	РУ и ФЗО	НКО	По мобил. местного населения	Перевод из ОРСа	Итого
2882 чел.	1120 чел.	1235 чел.	84 чел.	75 чел.	5396 чел.

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 23. Л. 28

В течение 1943 г. совершено 3093 дезертирств и 3828 прогулов.

Сравнивая с отчетными данными 1942 г. видим, что число прогульщиков значительно снизилось (в 1942 г. было привлечено к судебной ответственности за это нарушение 7216 чел.). Количество же дезертиров с завода не снижалось. Наиболее сильная текучесть среди рабочих наблюдалась из числа поступающих по нарядам из военкомата и освобождаемых из ИТК, так как эти рабочие в большинстве своем были связаны с сельским хозяйством в районах БАССР.

Подготовка кадров. Новое пополнение, впервые переступившее порог завода, нуждалось в овладении техникой, в освоении производства. Война потребовала исключительно высоких темпов подготовки кадров – быстро и качественно готовить квалифицированную рабочую силу. Поэтому завод отказался от длительных форм обучения и развил сеть краткосрочного обучения. Обучение новых рабочих производилось на рабочих местах в течение 1-го, 2-х или 3-х месяцев, исходя из сложности выбранной специальности. Кроме производственного обучения, ученики проходили краткий теоретический курс. Через такую сеть обучения в течение 1943 г. было пропущено 905 чел.

Другим видом обучения являлись созданные стахановские школы и школы качества. Они явились, по количеству обученных, основными видами учебы на заводе в 1943 г. В первую очередь на указанный вид обучения были привлечены невыполняющие нормы. В стахановских школах за 1943 г. было обучено 6077 чел. Для борьбы с браком на заводе были организованы школы качества, они организовывались по принципу стахановских школ и отличались от них лишь целевой установкой. Средний показатель результатов обучения в школах качества за 1943 г.: брак в работе у обучающихся до обучения 0,47 %, после обучения 0,2 %. В школах качества в 1943 г. обучалось 3633 чел.

Если стахановские школы и школы качества получили на заводе должный размах, то к числу слабых мест в подготовке кадров следует отнести сравнительно малое развитие теоретического обучения. Курсы техминимума за 1943 г. прошли обучение – 2037 чел. Также незначительно развито было обучение мастеров и бригадиров, хотя обучение их диктовалось насущной потребностью производства. Сетью обучения мастеров и бригадиров в 1943 г. охвачено и прошли обучение – 312 чел.

Помимо указанных форм обучения завод занимался подготовкой шоферов, трактористов и т.д. и вел большую работу по проведению непрерывно-производственной практики студентов ВТУЗов и техникумов. За 1943 год непрерывно-производственную практику прошли 1171 чел. [7].

Кадровое обеспечение в 1944 г. В течение всего 1944 г. завод также испытывал большие затруднения в обеспечении рабочей силой.

Таблица № 6

Среднесписочное число работающих на заводе:

Наименование категорий	1944 год			% к среднесписочному числу за 1943 г.
	По контр. цифрам	По отчёту	% к плану	
Рабочие	25600	25145	98,2	87,6
ИТР	4560	4551	99,8	95,8
КСП	1440	1339	93,0	80,0
ВВО	540	500	92,6	84,7
Ученики	200	185	92,5	110,8
МОП	325	324	99,7	98,8

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 36. Л. 43

В связи с высоким процентом текучести рабочей силы, когда количество принятых рабочих не покрывает убыли, недостаток рабочих из месяца в месяц увеличивался.

Таблица № 7

Источники покрытия потребности в рабочей силе

Отчет. период	Источники покрытия						Итого
	Своб. наем	РУ ФЗО	Из РВК	Моб. райсовет	Восстан.	Перевод	
1944 год	438	814	475	23	173	47	1970

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 36. Л. 43

Таблица № 8

Распределение уволившихся с завода рабочих по причинам увольнения

Отч. период	Причины увольнения											
	По обст.	По сем.	Уход в РККА	Уход в др. предпр-я	Перевод на др. Статья 47 КЗОТ	Уход на учёбу	Перевод на инвалид.	Болезнь	Смерть	Дезертиры	Прочие	Итого
1944 г.	453		209	340	229	81	315	93	210	3777	10	5717

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 36. Л. 44

Рабочие кадры на заводе в 1944 г. распределялись следующим образом:

Таблица № 9

Рабочие кадры по возрасту

Кат.	Года	М.	Ж.	До 16 л.	До 18 л.	До 20 л.	До 25 л.	До 30 л.	До 40 л.	До 50 л.	Свыше 50 л.
Раб.	1944 г.	59,6	40,4	1,8	5,3	5,0	31,7	15,7	0,4	12,3	7,8

	1943 г.	58	42	1,8	6,6	14,7	23,5	15,3	6,7	8,5	2,9
ИТР	1944 г.	85	15	-	0,1	0,4	11,1	21,6	4,2	20,0	2,6
	1943 г.	87	13	-	0,2	1,3	10,8	23,9	2,0	8,4	3,4
КСП	1944 г.	10,3	89,7	1,6	6,7	5,0	36,1	22,5	7,7	8,6	1,8
	1943 г.	9,6	90,4	0,9	3,3	12,8	29,0	20,0	1,0	8,1	4,9

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 36. Л. 44.

Таблица № 10

Рабочие кадры по стажу

Кат.	Года	До 1 г.	До 2 л.	До 3 л.	До 5 л.	До 10 л.	До 15 л.	Свыше 15 л.
Раб.	1944 г.	6,9	7,9	19,4	40,9	17,9	6,4	0,6
	1943 г.	22,1	33,2	14,5	13,4	15,4		1,4
ИТР	1944 г.	0,8	2,0	6,6	42,0	27,9	19,0	1,7
	1943 г.	1,1	4,7	27,0	16,4	27,6	23,2	
КСП	1944 г.	7,3	9,5	17,5	43,1	17,9	4,5	0,2
	1943 г.	5,4	13,7	35,0	19,7	20,7		5,5

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 36. Л. 44.

Использование наличной рабочей силы в значительной мере снижалось высокими невыходами рабочих в основном по болезни и высокими потерями рабочего времени на производстве.

Таблица № 11

Потери рабочего времени в процентах к отработанному времени

Отч. период	% потеря	В том числе						
		Госуд. обяз.	Очеред. отпуск	Болезнь	Адм. отпуск	Прогнозы	Отп. по берем.	Прогноз
На 1944 г.	12,06	0,6	0,15	7,7	0,9	0,57	0,18	1,96
На 1943 г.	13,3	0,4	0,06	8,9	0,54	0,52	0,26	2,6

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 36. Л. 45

Удлиненный рабочий день (11 часов), недостаток рабочей силы на протяжении года вызвали необходимость работать сверхурочно. Хотя количество отработанных сверхурочных часов по заводу в 1944 г.

сократилось против 1943 г. на 2125 тыс. часов или на 18,0%.

Состояние трудовой дисциплины на заводе также оставалось неудовлетворительным. Текучесть рабочей силы на заводе за 1944 г. достигла 19,1%. Одной из основных причин текучести являлось дезертирство. В течение года заводом было привлечено к ответственности за нарушение трудовой дисциплины: за прогулы – 3027 чел., за дезертирство – 4088 чел.

Таблица № 12

Состав нарушителей трудовой дисциплины по стажу на заводе и по возрасту

Вид нарушения дисциплины	По полу		По возрасту			По стажу		
	М.	Ж.	До 16 л.	До 20 л.	Свыше 20 л.	До 1 г.	До 3 л.	Свыше 3 л.
Прогульщики	56,8	43,2	3,5	35,4	61,1	19,4	55,3	25,3
Дезертиры	62,0	32,0	5,6	33,4	61,0	30,3	47,1	22,6

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 36. Л. 46

Рассматривая состав дезертиров и прогульщиков по стажу работы на заводе видим, что нарушителями указов являлись, главным образом, молодые рабочие, имеющие низкую квалификацию со стажем на заводе до 3 лет. Кроме указанных мер по борьбе с дезертирством на заводе, непосредственно в цехах проводились показательные суды [8].

Подготовка кадров. 1. Подготовка новых кадров для основного производства в 1944 г. проводилась исключительно методом индивидуального ученичества. Этим видом обучения за год подготовлено 569 чел. производственных рабочих при среднем сроке обучения в 42 дня, средний разряд окончивших 2,92, средний процент выполнения технических норм ко дню выпуска – 101,2. Кроме этого было обучено курсовым методом: шоферов – 79, трактористов – 27, счетоводов – 8. Т.о. всего было подготовлено новой рабочей силы 683 человека при общем плане 3573 чел. Невыполнение плана объясняется исключительно отсутствием притока новой рабочей силы.

2. Повышение квалификации рабочих и ИТР осуществлялось через: стахановские школы и школы качества; курсы техминимума; обучение 2-м специальностям и повышение в разряде; курсы целевого назначения.

1) Стахановские школы и школы качества получили наиболее широкое распространение среди других видов обучения на заводе. Имели своей основной целью повышение выполнения технических норм и снижение брака. Обучением в первую очередь и в обязательном порядке охватывались рабочие, не выполняющие технических норм и

имеющие брак в работе. Обучение проводилось на рабочем месте в рабочее время путем показа-инструктажа. В качестве инструкторов привлекались квалифицированные рабочие, сменные мастера и бригадиры. Продолжительность обучения составляла 12–20 дней. За 1944 г. через стахановские школы было пропущено 6532 чел. За 1944 г. было организовано 111 школ качества, через которые прошли обучение 1030 чел., в результате чего средний процент брака с 0,66 % был снижен до 0,17 %. Т.о. среднее снижение брака, в результате обучения, выразилось цифрой 0,49 %.

2) Курсы техминимума. 1944 г. был годом, когда впервые в обстановке военного времени было положено начало этой форме повышения квалификации рабочих. За год прошли обучение 1001 чел. На 1 января 1945 г. обучалось 681 чел. Условия работы основных цехов производства: 11 часовой рабочий день и отсутствие учебно-материальной базы, сильно затрудняло широкое развитие этого весьма ценного и необходимого вида обучения рабочих.

3) Обучение 2-м специальностям и повышение в разряде. Исходя из требований производственных участков цехов, за 1944 г. закончили обучение по 2-м специальностям и смежным операциям 354 человека. Кроме этого, без учета лиц, повышенных в разрядах вследствие окончания курса техминимума, окончили обучение с целью повышения разряда 110 человек, подавляющее большинство которых являлись рабочими универсальных цехов.

4) Курсы целевого назначения. Основная цель курсов – изучение новых видов оборудования, технологических процессов, новых методов организации труда, освоение узких мест производства и т.д. За 1944 г. этим видом обучения было охвачено 3531 человек. В т.ч. ИТР – 905 человек. Т.о. план по повышению квалификации утвержденный НКПА на 1944 г. в количестве 12695 чел. выполнен заводом в количестве 12711 чел., что составляет 100 % (с небольшим перевыполнением).

Также на заводе были организованы безотрывные вечерние отделения авиационного института и техникума. В вечернем отделении института на 1 января 1945 года обучается 117 чел., в техникуме – 40 чел. В 1944 г. был проведен первый выпуск инженеров, в количестве 7 человек, успешно закончивших безотрывное отделение и защитивших дипломы на звание инженера. За 1944 г. прошли производственную и преддипломную практику на заводе 239 человек – студентов ВТУЗов и техникумов. Кроме указанного, отдел подготовки кадров завода в течении 2-х лет вел систематическую переподготовку техсостава фронтовых частей. За это время прошли обучение 222 чел. [9].

Среднесписочное число работающих на заводе:

Наименование категорий	1945 год			% к среднесписочному числу за 1943 год
	По контр. цифрам	По отчёту	% к плану	
Рабочие	23955	23719	99	94,3
ИТР	4407	4375	99,3	96,1
КСП	1216	1144	94,1	85,4
ВВО	458	453	98,9	90,6
Ученики	195	146	74,9	78,9
МОП	325	313	96,3	96,6

Составлено по: НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 53. Л. 67.

Потери рабочего времени в процентах к отработанному времени до самой Победы оставались в тех же пределах, что и в 1944 г. До июня месяца завод работал на 2-х сменном графике при 11-ти часовом рабочем дне. В конце июня завод перешел на 8 часовой рабочий день при 2-х сменной работе. После окончания войны, в связи с уменьшением объема производства и переводом завода на изготовление гражданской продукции, образовался излишек рабочей силы, позволивший удовлетворить просьбы рабочих об освобождении их от работы на заводе [10]. Подготовка кадров на заводе до окончания войны проводилась отделом подготовки кадров завода по тем же принципам и направлениям, что и в 1944 г.

Таким образом, проведя анализ кадрового обеспечения деятельности крупнейшего авиамоторного завода в годы Великой Отечественной войны можно сделать вывод, что, на предприятии всю войну существовала постоянная нехватка квалифицированной рабочей силы из-за высокой текучести кадров. Несмотря на это руководством завода принимались все возможные меры для решения кадровых проблем, а недостаток рабочей силы компенсировался сверхурочными

работами и повышением производительности труда рабочих, благодаря чему завод №26 все военные годы наращивал выпуск двигателей и считался лучшим авиамоторным заводом в стране.

Литература и источники

1. НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 6. Д. 122. Л. 3.
2. НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 6. Д. 187. Л. 3.
3. НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 6. Д. 15. Л. 27.
4. Самолетостроение в СССР. 1917–1945. Кн. 2. М., 1994. 472 с.
5. НА РБ. Ф.Р-1336. Оп.5. Д.16. Л. 28.

6. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2011. 352 с.

7. НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 23. Л. 34–35

8. НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 36. Л. 43–46

9. НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 36. Л. 50–52.

10. НА РБ. Ф.Р-1336. Оп. 5. Д. 53. Л. 68–69.

© Сотников Е.А., 2024

УДК 94(47)

Таймасов С.У.

канд. ист. наук, независимый исследователь

Россия, г. Стерлитамак

Хамидуллин С.И.

канд. ист. наук, ведущий специалист

Россия, Уфа, УУНТ

Taimasov S.U.

c. of h. s., independent researcher

Russia, Sterlitamak

Khamidullin S.I.

c. of h. s., leading specialist

Russia, Ufa, UUST

КАРАНАЙ МУРАТОВ: УТОЧНЕННЫЕ ПОДРОБНОСТИ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: Каранай Муратов – сотник и походный старшина Бурзянской волости Ногайской дороги Башкирии, ставший в годы Пугачевщины главным повстанческим полковником – хорошо известен исследователям. Входя в число ведущих фигур повстанческого движения, он находился в эпицентре событий, почему его деятельность нашла отражение во множестве документов. Однако, их обилие не стало препятствием для появления ряда ошибок, историографических клише и даже табу. Авторы данной статьи предлагают разбор некоторых из них.

Ключевые слова: Каранай Муратов, Пугачев, восстание, Мензелинский повстанческий район, П.С. Потемкин, П.М. Голицын, Екатерина II.

KARANAY MURATOV: CLARIFIED DETAILS OF THE INSURGENCY

Abstract. A centurion and military foreman of the Burzyan volost of the Nogai Road of Bashkiria, who became the major insurgent colonel

during the Pugachev's rebellion, is well known to researchers. Being one of the leading figures of the rebel movement, he was at the epicenter of events, which is why his activities were reflected in many documents. However, their abundance has not become an obstacle to the appearance of a number of errors, historiographical clichés and even taboos. The authors of this article offer an analysis of some of them.

Keywords: Karanay Muratov, Pugachev, the uprising, Menzelinsk insurgent district, P.S. Potemkin, P.M. Golitsyn, Catherine II.

«Издревле изменник и злодейский начальник»

Каранай Муратов до середины 50-х гг. XVIII в. обитал в районе хребта Ирэндик на территории Бурзянской волости [16, с.188]. Однако, затем переехал на западную сторону Уральских гор и поселился в вотчинах башкир Меркитской волости в верховьях Уршака как припущенник [2, с. 133]. По преданиям, сохранившимся среди жителей д. Каранай Стерлибашевского района РБ, причиной тому стали конфликты с казаками Оренбургской линии, воздвигнутой в 40-х гг. XVIII в. [17]. Как полагает С.У. Таймасов, Каранай Муратов был участником башкирского восстания 1755–1756 гг., получившего народное название «Бурзянского бунта» [11, с. 99, 143]. На это, по мнению исследователя, указывает характеристика, данная Караная Муратову со стороны «верного» башкирского старшины Уршак-Минской волости Ибрагима Мрясова 21 мая 1774 г. (в монографии Таймасова рапорт последнего по случайной ошибке датирован 20-м мая) – «издревле изменник и злодейский начальник» [16, с. 116]. Подобная аттестация в контексте событий Пугачевщины могла означать лишь участие в предыдущем восстании.

Однако, другой известный исследователь Пугачевского восстания Н.М. Кулбахтин безосновательно отвергает достоверность приведенных С.У. Таймасовым сведений, поскольку в опубликованном рапорте Ибрагима Мрясова мещеряцкому старшине Муксину Абдусалямову за 20 июня 1774 г. она отсутствует [8, с. 152–153]. Почему-то полагая, что Таймасов цитирует именно этот рапорт, он пишет: «В документе говорится: «Бурзянской волости с начала злодейскую толпу вожак сотник Каранай Муратов». И в рапорте Ибрагим Мрясов не называл Караная Муратова «издревле изменником». Следовательно, данная весьма желаемая версия никакими сведениями в источниках не подтверждается» [10, с. 174].

Дело в том, что Ибрагим Мрясов почти одновременно написал четыре рапорта, в частности, 20 июня – Муксину Абдусалямову, 21 июня – мишарским старшинам Мендею Тупееву с Аблаем

Исмаиловым. В последнем говорится: «20 числа сего живущий на реке Дёме Сарыш-Кипчатской волости деревни Мрясовой башкирец, именуемый Бабай, приехав, нашим деревенцам сказывал, якобы, Бурзенской волости издревле изменник и злодейский начальник сотник Каранай Муратов и разоритель народа... (далее – фрагмент текста, приведенный в книге Таймасова [16, с. 116–117]) ... Вышеписанный же башкирец Бабай о всем том при многих людях говорил. И так мы вас нижайше и слёзно просим обо всем в Уфимскую провинциальную канцелярию отрепортовать и сей наш беднейший репорт, вложив в ваш, отправить. Через чтоб, конечно, и нам полехче было. Предварительно прошу из милости вашей меня не оставить. Из наряженных же мной к старшине Аблею в поход людей десять человек Бегеняшской волости через помянутое устрашивание, уведены к злодеям. Пожалуйста, возьмите попечение. И мы уже пришли в робость. Зделайте вспоможение. И в которую сторону нам поехать не знаем. И за сим остаемся покорными слугами известные вам Ибрагим Мрясев и есаул Сапуш Араслангулов. Мая 21 дня 1774 года» [13, л. 473–439 об].

Каранай Муратов в историографии Татарской АССР

Пугачев готовил поход в центральные губернии России. Делясь своими замыслами, он говорил: «Если де мне удастся взять Оренбург и Яик (Яицкий городок – *авт.*), то я с одною конницей пойду в Казань, а по взятии оной в Москву и в Петербург и тамо государыню постригу в монастырь, а боярам отплачу их хлеб и соль» [12, с. 188]. Каранай Муратов должен был сыграть в его стратегическом плане одну из ключевых ролей. Когда началась осада Оренбурга и Уфы, башкирский предводитель был отправлен в Прикамье, чтобы разжечь пламя восстания и, тем самым, проложить дорогу к Казани. Предание аула Каранай гласит: «Царь Пугач пригласил Караная к себе и несколько дней подряд угощал его лучшими винами и блюдами. Дал ему чин полковника. Затем отправил его в сторону Казани, приказав: «Очисти путь моим войскам». Царь Пугач называл правой рукой Салавата и Караная...» [3, с. 239–240]. Действительно, двигаясь от Оренбурга на север, в начале декабря 1773 г. Каранай Муратов находился под Уфой, где какое-то время собирал силы для дальнейшего движения по намеченному пути [7, с. 116]. Оттуда он отправился в Прикамье.

По донесению крестьян, 1 декабря 1773 г. в деревню Подымалову¹, «приехали неприятельской толпы во многом числе башкирцов партия», которая, распустив знамя, привела здешних

---

¹ Ныне село Подымалово Уфимского р-на РБ.

крестьян «за имя бывшего императора Петра Третьяго и его императорскаго высочества государя цесаревича и великого князя Павла Петровича к присяге». Командовал отрядом некий «полковник иноверческой нации» [8, с. 63]. 18 декабря после занятия Ангасякского завода¹ его отряд вступил в Касёво², о чем было доложено управителю Сарапульской дворцовой волости, к которой относился указанный населенный пункт: «...многочисленная партия с Ангастинского завода во оную волость в деревню Касеву сего числа под предводительством якобы полковника башкирского старшины Караная Шратова (т.е. Мратова. – *авт.*) вступила по обладании многими дворцовыми жителями, где насильно записали в казаки с пяти дворов человека, коим де приказано иметь ружья, луки и стрелы, копья и сабли. И требуют фуража и всякого припасу» [9, с. 88]. Повстанцами были заняты села Каракулино, Сарапул, Терси (имение помещиков Тевкелевых), а также Ижевский, Воткинский и Варзино-Алексеевский заводы. Взбунтовав Удмуртский край, Каранай Муратов двинулся к Мензелинску – ключевому стратегическому пункту на пути к Казани и важнейшему звену Закамской засечной линии. 23 декабря 1773 года состоялся первый штурм города. Из Мензелинской округи восстание перекинулось в Казанскую губернию. В распоряжении исследователей имеется множество документов, свидетельствующих о главенствующей роли Караная Муратова в событиях декабря 1773 г. – января 1774 г. в Прикамье.

Отражение событий Пугачевщины на территории будущей Татарской АССР имеет определенную специфику. Из книги автора едва ли не единственной монографии по данному вопросу С.Х. Алишева контекстуально вытекает признание Караная Муратова главным предводителем восставших, действовавших под Мензелинском и в Казанском крае, хотя прямо об этом не говорится. К сожалению, очевидность этого факта стала причиной утаивания упомянутым исследователем «неудобных» анкетных данных о последнем, в частности, о занимаемой им до начала войны должности (походный старшина Бурзянской волости), что могло бы безошибочно атрибутировать его как башкира. Некий «полковник Каранай Муратов» кочует со страницы на страницу монографии С.Х. Алишева в окружении лиц, чье социальное положение, в отличие от их начальника, указано вполне определенно. Один из них – ясачный татарин деревни Наратлы-Кичу Казанской дороги Уфимской

---

¹ Ныне село Ангасяк Дюртюлинского р-на РБ.

² На месте села Касёво возник г. Нефтекамск.

провинции Сянфин, которому автор совершенно бесосновательно приписывает равную с Каранасом Муратовым роль в командовании осадой Мензелинска и даже боевыми действиями в целом повстанческом районе [1, с. 98–100]. На самом деле, Сянфин (как выяснил Таймасов, Сянфин – это личное имя, тогда как отчеством было Юсупов, которое, по всей видимости, так и осталось неизвестным Алишеву [16, с. 303]) был эпизодической фигурой, не имевшей никакого значения для повстанческого движения в Прикамье.

Однако, это не помешало казанскому историку – опять же без ссылок на источник – сделать фантастическое заключение: «...под Мензелинском усилился отряд Сянфина, который в марте 1774 г., объединив татар, башкир и русских, осаждал Мензелинск» [1, с. 141]. На самом деле, уже в конце января 1774 г. главные повстанческие силы во главе с «главным армейским полковником» Каранасом Муратовым, атаманом Василием Торновым-Персияниновым, полковниками Бузаном Смаковым¹, Нагайбаком Асановым², Тойгужой Мамыковым³ и др. потерпели поражения от войск карательной экспедиции генерал-аншефа А. И. Бибикова и откатились на восток к Бакалам и Нагайбаку. Именно здесь в начале марта развернулись последние сражения между отрядами названных предводителей и корпусом генерала А. Ларионова. Последний, отбив у мятежников Бакалы, остановился в нерешительности, так как опасался идти вглубь Башкирии, почему был смещен с должности и заменен подполковником Санкт-Петербургского карабинерного полка И. Михельсоном. 18 марта последний прибыл в Бакалы и начал свой победоносный поход, заслужив, в конце концов, славу «сокрушителя Пугачева».

*Сражение с генералом П. Голицыным 5 июля 1774 года:
участники и оценки*

Неудачные осады Оренбурга, Уфы и Мензелинска сковали повстанческие войска и затормозили динамику движения. План похода на Москву через Казань на данном этапе сорвался, но не был забыт. Правительство оправилось от шока и к концу марта 1774 г. разгромило пугачевских командиров по отдельности. Сам «царь» с группой приверженцев отступил вглубь Башкирии. Начался второй этап

---

¹ Башкирский сотник Куль-Минской волости Ногайской дороги Уфимской провинции, живший в с. Азнаево нынешнего Бижбулякского р-на РБ.

² Башкирский старшина Юрминской волости Казанской дороги Уфимской провинции, живший в селах Урсаево и Чалпы нынешнего Азнакаевского р-на РТ.

³ Башкирский старшина Байлярской волости Казанской дороги Уфимской провинции, живший в с. Ургуда нынешнего Тукаевского р-на РТ.

Пугачевщины. В мае, едва завершилась весенняя распутица, Каранай Муратов стал рассылать жителям башкирских волостей по рекам Белой и Дёме приказы о новой мобилизации. И.М. Гвоздикова, говоря о повстанческом движении южнее Уфы в этот период, пишет: «С конца апреля ударной силой повстанцев выступают здесь отряды полковника Караная Мратова» [6, с. 394]. 18 мая близ деревни Каркалы¹ он разгромил дивизион (три эскадрона) подполковника И. Рылеева, а в июне вел бои с отрядом командира Санкт-Петербургского карабинерного полка полковника П. Шепелева.

Предание аула Каранай гласит: «Говорят, позднее Каранай-батыр держал в своих руках земли между Оренбургом и Уфой. Враги боялись его как огня. Только что его видели в одном месте, а через некоторое время он неожиданно появлялся со своими летучими конниками в совершенно другой стороне. Мгновенно окружал он вражеский отряд и уничтожал до последнего. Таков был батыр Каранай!» [3, с. 239]. Действительно, после ряда удачных операций Каранай Муратов прервал сообщение между Уфой и Оренбургом. Доставленный в Уфу пленный повстанец Кутлумет Тойметев показывал, что в д. Ишлы вступил отряд «человек з 200, ис которых де главным предводителем мешеряк Кинзефер Усеев, вторым – ясашной татарин Аллагул Акаев... А они де поедут в главную толпу, которой де под командою предводителя Караная Мратова более будет 9 тысяч с пушками к Стерлитамацкой пристани, а оттоль де поспешать будут к городу Уфе. Тамо ж де соединиться с ними может» сам Пугачев, а также полковник Качкын Самаров, «с которым де две тысячи калмык и башкирцов с тысячу» [8, с. 380]. Однако, готовившийся комбинированный поход на Уфу сорвал Михельсон, который 3 и 5 июня 1774 г. у деревень Киги и Месягутово соответственно сразился с объединенным войском Пугачева и Салавата Юлаева. Сражения, закончившиеся вничью, вынудили Михельсона отступить к Уфе для восстановления сил, а повстанцев – отказаться от идеи взятия центра провинции. Пугачев, вспомнив про свой стратегический план похода на Москву, взял курс на Казань.

11 июня главнокомандующий карательными войсками генерал-поручик князь Ф.Ф. Щербатов, сетуя на непрекращающийся бунт, предлагал оренбургскому губернатору И. Рейнсдорпу отправить в Башкирию дополнительные войска, чтобы «стремительно напасть на кочевья башкирцев для забрания их жен и детей, надеясь сим только одним средством поколебать зверство сего грубого народа и привести

---

¹ Ныне с. Большие Каркалы Миякинского р-на РБ.

их к повиновению...» [8, с. 391]. Вероятно, с этой целью к Стерлитамаку и двинулся корпус генерал-майора князя П. Голицына, прежде разбившего Пугачева в сражении под Татищевой 22 марта 1774 г. Он двигался от Оренбурга на север очень медленно, пока не получил несколько настойчивых требований Щербатова ускорить движение. Так, в одном из писем, датированном 4 июля, сообщалось: «...теперь всё зло из Оренбургской губернии в Казанскую проливается, ибо злодей Пугачев пошел в Кунгурский уезд и, завладев пригородком Осою, переправился уже через Каму» [8, с. 202]. Угроза прорыва Пугачева к Казани, вынудила Голицына двинуться «форсированными маршами». Однако, совершить стремительный бросок мешало то, что он «имел немалая остановки от скопищ злодейских, встречающихся на моем пути...» [8, с. 206]. Одно из таких «скопищ», численностью 2 тысячи человек, 5 июля 1774 г. напало на левую колонну корпуса генерала близ Аллагуватского яма недалеко от Стерлитамака, но было наголову разбито.

Кулбахтин пишет: «Опытные военные предводители, совершенно не используя традиционную партизанскую тактику башкирской конницы, опрометчиво бросились всей массой на хорошо вооруженное регулярное соединение, вследствие чего потерпели страшное поражение и понесли огромные потери. За всю Крестьянскую войну ни один башкирский отряд так безалаберно не вступал в бой и не терпел такого поражения» [10, с. 201–202]. Вряд ли можно согласиться с такой оценкой сражения. Его исход был очевиден обеим сторонам с самого начала: численное и огневое превосходство корпуса Голицына не оставляло башкирам ни малейшего шанса на успех. Их отчаянная, но изначально обреченная на поражение атака была, конечно же, не следствием тактических просчетов или «безалаберности». В стратегическом плане ее необходимость диктовалась задачей во чтобы то ни стало задержать «форсированный марш» Голицына, шедшего на перехват Пугачева. Что, по личному признанию генерала, им вполне удалось. Неся большие потери, башкиры самоотверженно препятствовали движению правительственных войск.

Еще составители сборника документов «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» (1975 г.) задались вопросом: как же случилось, что колебавшиеся в ходе восстания башкирские старшины Алибай Мурзагулов, Кыдрач Муллакаев, Каип Зиямбетев, Аслай Курмекеев, Ильчигул Таймасов, Турумбет Урускулов приняли участие в этом сражении? И в целом верно ответили на него: временный переход названных старшин в лагерь восставших был связан с активизацией деятельности «таких последовательных

сторонников Пугачева, как Салават Юлаев, Канзафар Усаев, Каранай Муратов, Бахтияр Канкаев, Качкын Самаров и др.» [8, с. 396]. Следует сказать, что для получения законченной картины произошедшего 5 июля 1774 г. сражения им не хватило некоторых важных деталей. Свой список участников, затем без изменений продублированный в работах И.М. Гвоздиковой и Н.М. Кулбахтина [6, с. 415; 10, с. 201], они составили на основе рапорта генерала Голицына от 17 июля 1774 г., в котором тот приводит имена перечисленных выше старшин, явившихся к нему в лагерь у реки Кармасан «с испрошением прощения, признаваясь в прежних преступлениях» [8, с. 396]. Однако, нет оснований полагать, что пришедшие с повинной старшины были настоящими организаторами нападения. Скорее наоборот: капитуляция была признаком пассивной роли последних в указанных событиях. Кто же был диктовал им свою волю?

Ясачные татары, жившие в «на Уфимской дороге на Аллагуватском яме в новопоселенной деревне Аллагуватовой», показывали: «...Голицын, проезжая с войском в сторону Стерлитамака, взял 19 лошадей и 10 коров, 15 овец и обещал выдать квитанции». Но приехать за распиской в Стерлитамак они не смогли, так как «воры и злодеи башкирцы между нашей деревни и пристани войском ея императорского величества разбиты в прах. И злясь за то, приехали под предводительством башкирца Караная в наше жилище и пограбили, не оставя в домах наших никакого имущества, исключая лошадей и рогатого скота, но и гусей и то же кур перевели без остатку. Некоторых съели сами, а многих заколов и убив бросили, приговаривая то что, для чего мы российской армии дали лошадей и на пищу скота?» [14, л. 275–276 об]. С аналогичными жалобами обращались к властям жители татарских деревень Зирган и Ашкадар, также помогавшие Голицыну и за это также разоренные Каранаем Муратовым [14, л. 291–293; 15, л. 155–156 об]. Ясно, что последний не только участвовал в сражении 5 июля 1774 г., но и был его инициатором, вынудившим перечисленных старшин кровью доказать свою приверженность «императору Петру Федоровичу». Каранай еще в мае, по сообщению Кыдрача Муллакаева, собирався «полковника Шепелева разбить, а потом живущий по реке Дёме, держащий мою, Кедрячеву, сторону народ вырубить...» [8, с. 379]. Как видим, угрозы сделали свое дело. Другое дело, что насильно мобилизованные старшины сражались не слишком рьяно, что не могло не сказаться на результатах боестолкновения.

Рейд к Казани

После сражения с Голицыным Каранай Муратов, вероятно, получил приказ Пугачева немедленно двигаться на штурм Казани,

состоявшийся 12 июля 1774 г. Как писал полковник Бахтияр Канкаев¹, некие мусульмане, ночевавшие 21 июля в деревни Богатые Сабы Арской дороги Казанской провинции², сообщали, что, при возвращении из Оренбурга, «действительно видели войска, которые собрались дать отпор врагам его величества милостивого государя нашего Петра Федоровича, из предводителей их видели главного атамана Караная Муратова сына и других разных командиров с бесчисленными войсками при них» [4, с. 181]. К сожалению, в рапорте не указана дата их встречи с предводителем, но известно место – это деревня Кутлуметово³, стоявшая на Ново-Московской дороге. Последняя соединяла Оренбург с Казанью.

В литературе утвердилось ошибочное мнение, что отряд Караная Муратова, «подойдя к левому берегу Камы, не смог переправиться на правый берег» и, следовательно, принять участие в штурме Казани и в последующих сражениях 12, 13, 15 июля. Это мнение, высказанное в 1975 г. авторами сборника документов «Документы ставки Е.И. Пугачева...» [7, с. 447], затем неоднократно без всякой критики повторялось другими авторами [4, с. 422; 10, с. 204]. Оно основано на рапорте Бахтияра Канкаева и есаула Гаврилы Лихачева от 22 июля 1774 г., в котором со ссылкой на жителя деревни Сабы Арской дороги сообщалось о том, что «по Закамье стоит армия со старшиной Каранаем...Токмо не уведомясь о вашем императорском величестве, они собой чрез Каму переправляться не могут» [7, с. 342]. Следует заметить, что Бахтияр Канкаев был большим любителем эпистолярного жанра и больше известен своими многочисленными письмами, воззваниями и пропагандистскими «объявлениями» (например, о том, что турки захватили Москву; что Пугачев взял Оренбург; что на помощь к «царю» идет цесаревич Павел и т.п.), чем подвигами на поле брани. Судя по количеству написанных писем различным лицам, о местонахождении которых он имел весьма смутные представления, его мало заботила проблема доведения содержания посланий до адресатов. Поэтому, чтобы решить поставленный вопрос, на чашу весов следует положить, с одной стороны, приведенное выше письмо Бахтияра Канкаева, а с другой – два давно опубликованных документа, красноречиво говорящие о том, что Каранай Муратов в июле 1774 г. все же находился на правом берегу Камы.

---

¹ Мишар Кушинской (Кушчинской) волости Сибирской дороги Уфимской провинции, живший в с. Большая Ока нынешнего Мечетлинского р-на РБ.

² Ныне пгт Богатые Сабы Сабинского р-на РТ.

³ Ныне с. Старокутлумбетьево Матвеевского р-на Оренбургской области.

Первый документ. Повстанческий есаул Гаврила Лихачев, действовавший на Зюрейской дороге Казанской провинции, 16 июля 1774 г. писал «господину Караная Муратовичу»: «...находящиеся полка вашего высокородия на розъезде казаки Ульян Иванов, Яков Иванов же явились в партию ко мне и объявили о вашем высокородии, что нынешнюю ночь изволили вы ночевать в деревне Янсовары» [12, с. 240]. Названная деревня – это с. Янцевары Пестриченского р-на Татарстана, находящаяся на правом берегу Камы примерно в 60 км к востоку от Казани по прямой. Лихачев просил Караная Муратова как можно быстрее выступить, чтобы, соединив силы, идти к Казани. Создается впечатление, что есаул не был в курсе того, что после взятия Казани и трех неудачных сражений с Михельсоном Пугачев с остатками своей армии ушел к Кокшайску, где в день написания письма, т.е. 16 июля, осуществил переправу на правый берег Волги. Но самое поразительное заключается в том, что Бахтияр и Гаврила вплоть до 22 июля продолжали слать послания аналогичного содержания, призывая «атаманов» Алибая Мурзагулова, Качкына Самарова, Караная Муратова, а также неких «калмыцких вельмож» и «киргизских ханов» следовать, «не задерживаясь ни на час, в город Казань» [4, с. 177–178]. Похоже, указанные повстанческие деятели, находившиеся в это время в деревне Карашурма¹, потеряли всякую связь с реальностью. Поэтому вряд ли стоит без должной критики принимать на веру все обстоятельства, сообщаемые в письмах Бахтияра Канкаева.

Второй документ. В начале июля 1774 г. Пугачев, двигаясь по правой стороне Камы в сторону Казани, прошел через Елабугу и Мамадыш. В селе Котловка², расположенном между ними, он назначил полковником местного крестьянина Карпа Степанова по прозвищу Карась. Через несколько дней после отбытия «царя» крестьяне соседнего села Мурзиха доставили к нему своего приказчика Михайлова, требуя казнить за то, что он «их понапрасну бьет и разоряет». Карась, не решаясь преступить строжайший запрет Пугачева творить самосуд либо боясь уголовной ответственности в случае восстановления прежней власти, наказал приказчика лишь кнутом, а затем «велел им, чтоб они ево отвезли к злодею (т.е. к Пугачеву – *авт.*) в толпу, где оную застанут». После этого «дни через три оные крестьяне, Яков Егоров с товарищи, приехали к нему, Карасю, в Котловку и объявили, что де показанного прикащика, не доехавши

---

¹ Вероятно, ныне дер. Кара-Ширма Тюлячинского р-на РТ.

² Ныне село Котловка Елабужского р-на РТ.

деревни Комаровки¹, к злодейскому полковнику Каракаю² представили, и по прозвбе оной приказик от тово полковника повешен» [5, с. 57–61]. К сожалению, по данному документу невозможно составить точную хронологию событий. Также неясно, в какую сторону двигался Каранай: к Казани или в обратном от нее направлении после участия (или неучастия) в штурме города. Совершенно очевидно лишь одно: в первой половине июля 1774 г. Каранай побывал в двух местах на правобережье Камы – в деревне Янцевары и близ села Мамадыш³.

Разобранные здесь сюжеты показывают, что в биографии одного из выдающихся предводителей Пугачевщины много белых пятен, требующих дальнейшего изучения. По преданию аула Каранай, которое, как было показано выше, во многих деталях перекликается с данными архивных документов, башкирский батыр, отправленный в Москву, имел встречу с Екатериной II, из любопытства приказавшей доставить знаменитого бунтовщика к себе на аудиенцию в Петербург. Предание гласит: «Вокруг нее находилось много рослых генералов, но все они перед Каранаем выглядели подростками. Абей-батша⁴ повелела Караная сыграть на курае и была зачарована незнакомой мелодией. Не причинив Караная вреда, велела отпустить его на свободу» [17]. На гипотетическую возможность встречи императрицы и батыра указывают некоторые строки из «увещевания» П.С. Потемкина к башкирскому народу: «А мне препоручено от ея императорского величества усмирение сего края, а равно и башкирского войска... Я сие уведомление творю, что ежели башкирский народ усмирится и пришет ко мне старшин своих, дабы я мог их представить пред лице монархини с повинованием их, тогда отпустятся их вины...» [8, с. 224].

Поездке в Москву предшествовала кулуарная борьба за голову Караная, как ранее за Пугачева, когда право приписать себе заслугу поимки последнего оспаривали друг у друга представители двух придворных партий – начальник секретных комиссий генерал-поручик П.С. Потемкин (троюродный брат фаворита) и главнокомандующий карательными войсками генерал-аншеф П.И. Панин. 12 ноября 1774 г., когда Каранай под наблюдением соглядатаев тайно ехал в Казань к Потемкину, последний в рапорте Панину сознательно солгал,

---

¹ Вероятно, ныне дер. Комаровка Мамадышского р-на РТ.

² Так в тексте. Очевидно, имеется в виду Каранай.

³ Н. М. Кулбахтин ошибочно относит эпизод казни мурзихинского приказчика к декабрю 1773 – январю 1774 г. [10, с. 177–178].

⁴ Эбей-батша – башк. «Магушка-царица», стереотипное название русских императриц (Елизаветы, Екатерины II и др.) у башкир.

написав, что его подопечный умер: «Я уповаю, милостивый государь, что буду всех иметь в руках, а равным образом славного Кинзю и Салавата, Каранайка умер, а Канзафара, слышал, что уже поймали...» [8, с. 262]. В то же время совершенно иную информацию 20 ноября 1774 г. он сообщил Екатерине: «...в Казань доставлен главнейший бунтовщик Каранай Муратов и также скоро будет Салават с отцом...» [8, с. 411]. Цель отправки в столицу «главнейшего бунтовщика» была сформулирована им так: «...привезен сей Каранай был в Москву, во-первых, для того, чтоб видел под стражей и в узах того, коего идолом они представляли, а потом бы и казни был мнимого идола своего, злодея Пугачева, очевидным свидетелем...» [8, с. 274].

10 января 1775 г. в Москве на Болотной площади состоялась казнь Пугачева. По замыслу П.С. Потемкина, башкирский народ для убедительности должен был узнать о гибели самозванного царя из уст его самого авторитетного из оставшихся на свободе соратника. Судя по документам, в 1788 г., т.е. 13 лет после Пугачевщины, Каранай Муратов был еще жив и по-прежнему отправлял должность походного старшины Бурзянской волости.

Литература и источники

1. Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань: Татарское книжное изд-во, 1973. 214 с.
2. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
3. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды / сост., автор вступ. статьи и комм. Ф.А. Надршина. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1987. 576 с.
4. Воззвание и переписка вожakov Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье/ Сост. М.А. Усманов, С.Х. Алишев, И.А. Гилязов, Ф.М. Хисамова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 464 с.
5. Восстание Емельяна Пугачева. Сборник документов / Подготовлен к печати проф. М. Мартыновым. Ленинград: ОГИЗ, 1935. 215 с.
6. Гвоздикова И.И. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Китап, 1999. 512 с.
7. Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений (1773–1774 гг.) / Сост. А.И. Аксенов, Р.В. Овчинников, М. Ф. Прохоров. М.: Наука, 1975. 522 с.

8. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов / сост. Р.В. Овчинников, И.М. Гвоздикова, А.П. Николаенко. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1975. 496 с.

9. Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Сборник документов и материалов / Сост. А.А. Александров. Ижевск: Удмуртский НИИ истории, экономики, литературы и языка, 1974. 355 с.

10. Кулбахтин Н.М. Башкиры и башкирские предводители в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Исторические очерки. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2020. 536 с.

11. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802. 338 с.

12. Пугачевщина. Из следственных материалов и официальной переписки. Т. 2. М.; Л.: Госиздат, 1929. 494 с.

13. РГАДА. Ф. 6. Д. 592.

14. РГАДА. Ф. 1100. Кн. 12.

15. РГАДА. Ф. 1100. Кн. 13.

16. Таймасов С.У. Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. 376 с.

17. Таймасов С.У. Легенда о Каранае-батыр и его брате Рысае-батыре // Стерлитамакский рабочий. 1991. 24 апреля

© Таймасов С.У., Хамидуллин С.И., 2024

УДК 94(47)

Ульянов И.Э.
соискатель ученой степени кандидата наук
Россия, Уфа, УУНТ

Ulyanov I.E.
degree applicant
Russia, Ufa, UUST

ИСТОРИЯ ЛЕГКОЙ ПЕХОТЫ НА СТРАНИЦАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Аннотация. В статье анализируется осмысление российскими военными и военными историками история частей легкой пехоты – егерей, на страницах энциклопедических изданий, вышедших в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: военная история, российская императорская армия, пехота, егеря, энциклопедии

HISTORY OF LIGHT INFANTRY ON THE PAGES OF PRE-REVOLUTIONARY ENCYCLOPEDIA PUBLICATIONS

Abstract. The article analyzes the understanding by Russian military and military historians of the history of light infantry units - rangers, on the pages of encyclopedic publications published in the 19th - early 20th centuries.

Key words: military history, Russian imperial army, infantry, rangers, encyclopedias

В истории российских военных энциклопедий, выходявших до революции известны четыре больших проекта, вернее три, учитывая, что один из них переиздавался. Если в XVIII – первой четверти XIX в. публиковались в основном «словари», один из них был двухтомный «Военный словарь» С.А. Тучкова вышедший в 1818 г., то «Военный энциклопедический лексикон» вышедший в 1837–1850 гг. насчитывал 14 томов. В 1852 г. вышел дополнительный том «Прибавление к Военному энциклопедическому лексикону». Проект был результатом большой работы коллектива, объединенного редактором – бароном Л. И. Зедделером. В его коллективе были известные военные деятели и ученые: К.Ф. Багговут, М.И. Богданович, К.М. Базили, А.В. Висковатов, Н.С. Голицын, А.Н. Греч, Д.А. Милютин, А.И. Михайловский-Данилевский, П.И. Рикорд и др. [14]. В 1852–1858 гг. было осуществлено второе исправленное издание под общим руководством М.И. Богдановича [15]. Труд получил высокую оценку современников. Ему Академией наук была присуждена полная Демидовская премия.

В 1880-х гг. Военное министерство посчитало необходимым переработать популярное, но уже устаревшее издание. Редактором выступил известный военный ученый, генерал от инфантерии Г.А. Леер. Этот проект вошел в историю как «Энциклопедия военных и морских наук» вышедший в 1883–1895 гг. [15].

В начале XX в. известный книгоиздатель И.Д. Сытин предложил выпустить новую военную энциклопедию. Эта идея была поддержана военными, в авторский коллектив вошли известные военные и ученые. Его возглавил генерал К.И. Величко. Из запланированных 23 томов в 46 полутомах удалось выпустить лишь 18 в 36 полутомах. Начавшаяся Первая мировая война прервала процесс издания этого проекта.

В данной работе мы проанализируем то, как рассматривали авторы энциклопедических статей – российские военные историки и офицеры армии, существовавшие ранее подразделения легкой пехоты – егерские части, историю их появления и развития. Большой интерес вызывает «Военный энциклопедический лексикон» поскольку первое издание выходило в период, когда егерские полки были упразднены, но сохранялись карабинерные егерские в гренадерских дивизиях. Второе, уже в период смены представлений о необходимости егерских частей, что привело в 1856 г. к упразднению и карабинерных егерских полков. Некоторые интересующие нас статьи, опубликованные в первом и втором издании «Военного энциклопедического лексикона» идентичны, поэтому для удобства, в случае тождественности текста мы будем опираться на второе издание. В том случае, когда статьи различаются, были сокращены, мы отметим отдельно.

В статье «Армия» анализируя современное состояние европейских армий, указывается, что пехота состоит из «линейной и легкой, или егерей [2, с. 518]. Относительно России указывается, что если в европейских армиях линейная и легкая пехота имеют неравное количество, то в российской армии эти два рода пехоты находятся в равном числе, исключая гвардейский и гренадерский корпуса, где егеря составляют треть линейной пехоты [2, с. 518]. Вооружение их и обучение почти одинаково, поэтому они могут взаимно заменять друг друга на войне.

Статья «Егеря» (охотники) указывает, что так принято называть в ряде государств легкую пехоту, чтобы отделить ее от линейной. Автор добавляет, что на самом деле различие между ними заключается в «цвете воротников и амуниции и в большей опытности в обязанностях рассыпного строя, аванпостной службы и меткости стрельбы» [4, 332; 5, с. 322]. В ряде стран легкая пехота именуется фузилёрами, вольтижерами и непосредственно лёгкой пехотой. В Австрии и некоторых немецких государствах егерями называют стрелков, вооруженных штуцерами или винтовками. В России это стрелки.

Автором большой статьи «Егеря в России» был Александр Васильевич Висковатов [7; 8]. В ней он дал историю появления егерей в российской армии и развития легкой пехоты в ее составе. Основателем егерей в России он считал генерал-аншефа, графа П.И. Панина. Учитывая опыт Семилетней войны, где у пруссаков была легкая пехота он, будучи командиром войск, расквартированных в Финляндии в 1763–1764 гг. учитывая горнолесной ландшафт, не позволявший использовать легкую кавалерию решил заменить ее отсутствием егерями. При своей дивизии он сформировал особый

егерский отряд в 300 человек, взяв по пять солдат от роты каждого пехотного полка, находившегося под его начальством [8, с. 322]. Военная коллегия, отметив это нововведение, в 1765 г. учредила при каждом пехотном полку Лифляндской, Эстляндской, Финляндской и Смоленской дивизий команды в 60 рядовых, что в 25 полках составило 1500 рядовых, 100 унтер-офицеров, 25 барабанщиков и 25 обер-офицеров. Затем, в 1769 г. такие команды учредили при всех полках армейской пехоты, в 1770 г. в гвардейских полках.

В 1775 г. в Сибири были учреждены 1-й и 2-й Сибирские егерские батальоны. В статье «Легкие полевые команды» А.В. Висковатов уточняет, откуда появились в Сибири первые егерские батальоны [10; 11]. Первоначально, в Оренбургской и Астраханской губерниях в Сибири в 1771 г. были учреждены части, включавшие в себя две роты мушкетеров и команды егерей, драгун и артиллерии. Они назывались легкие полевые команды и имели свою нумерацию. Большая часть легких полевых команд воевала против Е. Пугачева, но показала неудовлетворительный результат и в 1775 г. они были упразднены. Егерские команды и сформировали 1-й и 2-й батальоны Сибирского корпуса.

В 1777 г. егерские команды от полков отчислили и составили шесть егерских батальонов: Белорусский, Бугский, Кабардинский, Горский, Днепровский, Финляндский из четырех рот каждый. В 1784 г. к ним добавились 1-й и 2-й егерские батальоны и Кубанский егерский корпус из 4-х батальонов. В 1785 г. по этому образцу составили Кавказский, Таврический, Бугский, Белорусский, Финляндский, Лифляндский егерские корпуса. Прежние батальоны егерские, кроме Сибирских, упразднили. В 1787 г. дополнительно сформировали Екатеринославский, в 1788 г. Эстляндский егерские корпуса. В 1790 г. учрежден Олонецкий егерский батальон, в 1795 г. Литовский егерской корпус [8, с. 323].

Таким образом, в конце правления Екатерины Великой в российской армии насчитывалось девять егерских корпусов и три егерских батальона. Корпуса состояли из четырех батальонов, батальон из шести рот.

При Павле I всех егерей преобразовали в пяти ротные батальоны (20), в 1797 г. они стали полками. Полки переформированы в двух батальонный состав. Александр I егерские полки имевшие имена шефов стал называть по номерам. В 1802 г. полки преобразованы в трех батальонный состав. К 1812 г. число егерских полков выросло до 50 армейских и 2 гвардейских: лейб-гвардии Егерского и лейб-гвардии Финляндского. Во время боевых действий против Наполеона в

1813–1814 гг. шесть егерских батальонов переименованы за отличия в гренадерские егерские, после войны они стали называться карабинерные. В 1817 г. был сформирован еще один гвардейский егерский полк – лейб-гвардии Волынский. Он имел двух батальонный состав. При кончине Александра I в армии было 60 егерских полков – три гвардейских, 7 карабинерных, 50 егерских. Кроме лейб-гвардии Волынского все они имели по три батальона.

Последнее преобразование пехоты 1833 г. направило карабинерные и егерские полки на усиление гренадерских и пехотных полков. В это время примерная пропорция пехотных и гренадерских полков против карабинерных и егерских была почти равной. Карабинерные полки стали четвертыми полками в гренадерских дивизиях. Егерские полки – третьи и четвертые в пехотных дивизиях [8, с. 323]. В резервной гренадерской бригаде отдельного Кавказского корпуса карабинерный полк – второй. Каждый карабинерный полк состоял из трех действующих и одного резервного батальона. Гвардейские полки имели трех батальонный состав.

Статью «Пехота» написал барон Людвиг Иванович Зеддлер [12; 13]. Во втором издании она была сокращена. В ней относительно действий пехоты в XVIII в. было отмечено, что Силезская и Семилетняя война не изменили состав и образ действий пехоты. Она по-прежнему искала совершенства в быстроте и правильности пальбы и эволюций. Победы пруссаков надо приписывать не их превосходству, а таланту Фридриха Великого. Самые главные изменения пришли со временем войн эпохи Великой французской революции. По мнению автора, французы позаимствовали по примеру американцев («Северо-Американцев»), употребление застрельщиков, наносивших вред линейному построению британцев. Пруссаки позаимствовали теперь уже от французов рассыпной строй, быстроту движения. Все это привело к смене тактики, когда линии заменились колоннами, прикрытыми цепью стрелков. Пехота сражалась одинаково и на открытой, и на пересеченной местности в сомкнутом строе и в рассыпную [13, с. 41].

Сокращению во втором издании подвергся абзац, в котором идет пояснение разделению пехоты на два рода: легкую (фузилеры, вольтижеры, егеря, стрелки) и тяжелую, или линейную (мушкетеры и гренадеры). Во втором издании пропущено то, что было в первом. А именно, что каждый из этих родов некоторые военные делят еще на два: «1) легкую пехоту на войска, вооруженные по примеру линейных, и отличающиеся от сих последних только одеждою и тщательным обучением к действию и службе легких войск, и на стрелковые

батальоны, вооруженные штуцерами, или винтовками, и действующие преимущественно рассыпным строем; 2) линейную же пехоту делят на простую армейскую, и на резервную (гренадеры, гвардия и пр.)» [12, с. 210]. Автор, в статье первого издания добавляет, что такое разделение условно, нежели действительно, поскольку в случае надобности, каждый из вышеупомянутых родов войск должен также исполнить все обязанности других, например, стрелки сражаться в колоннах и штыками, а гренадеры рассыпаться в стрелки [12, с. 210].

Таким образом, идея легкой пехоты, искусных стрелков, рассыпанных в цепях, по мнению Зедлера была заимствована французами у американских колонистов, воюющих с британцами, а от французов пруссаками.

В «Энциклопедии военных и морских наук» статью «Егерские» написал полковник, профессор Николаевской академии Генерального штаба Михаил Александрович Газенкамф [3]. При составлении словаря, его авторы отказались от термина «егеря» как устаревшего, рассматривая его как производное от «егерских войск». В ней так раскрывался этот термин: «егерские (стрелковые) войска, егеря, – легкая пехота» [3, с. 130]. Автор считает, что егерские (стрелковые) войска сохраняются в силу традиций, ради уважения к их прежней боевой славе, но разница между ними и линейной пехотой только в обмундировании, иногда в вооружении.

Историю егерей он начинает с Тридцатилетней войны с появлением егерских рот. Как постоянное войско в армии Фридриха Великого во 2-й Силезской войне (1740 г.) и формирование первого егерского батальона (1756 г.). В Австрии егеря с 1808 г., во Франции с Семилетней войны. В России егеря появляются в 1763 г. у графа Панина в Финляндии. Переформирования второй половины XVIII – первой трети XIX в. в целом пересказывают информацию известную из прежних энциклопедий. Новым было указание на то, что при Николае I егерские батальоны существовали как стрелковые. Далее в статье рассматривалась подробно история стрелковых батальонов. Реформу 1833 г. автор представил как переименование пехотных полков в егерские (всего 60), а в 1856 г. все егерские полки были переименованы в пехотные. Карабинерные полки стали гренадерскими.

Объяснение, когда и почему появляются в армиях XVIII в. легкие войска, приводится в статье Евгения Станиславовича Шимановского «История пехоты» [9]. Во время 1-й Силезской войны австрийцы были вынуждены выставить на усиление армии отряды кроатов и пандур. Они были пограничной стражей на границе с Турцией и, представляя отличную легкую пехоту, не были способны к сомкнутому строю.

Прикрывая австрийцев, они беспокоили своим огнем пруссаков. Против них во время Семилетней войны Фридрих Великий учредил вольные батальоны, но они оказались малоэффективными. Лучше воевали егеря, вооруженные нарезными ружьями. Австрийцы выставили корпус немецких егерей и тирольских вольных стрелков [9, с. 496]. Таким образом, вновь появилась легкая пехота, но она представляла собой пехоту малой войны. Под влиянием американской войны за независимость возник вопрос о важности стрелкового боя. Армия революционной Франции, оснащенная более удобным ружьем, начала воевать рассыпным строем и беспорядочным ружейным огнем. Но затем Моро, Макдональд, Журдан, Клебер, Лефевр соединили стрелковый огонь с действием сомкнутых масс. С 1805 г. Наполеон учредил вольтижерские роты, употреблявшиеся для стрелков [9, с. 497].

В сытинской «Военной энциклопедии» была опубликована статья «Егеря» [6]. Ее автор относит к легкой пехоте и отмечает, что она появляется в Тридцатилетней войне. В 1674 г. в армии великого курфюрста Бранденбургского при каждой роте было несколько егерей. Далее, вначале XVIII в., с введением в армиях гладкоствольного ружья со штыком, разделение на легкую и тяжелую пехоту уничтожилось.

Легкая пехота возрождается во время борьбы Марии-Терезии с Фридрихом Великим. Далее пересказывалась история кроатов, пандур и тирольцев известная по статье Е.С. Шимановского. Добавлялась информация о том, что у пруссаков егеря имели на вооружении винтовки и кинжалы и увеличивались в численности. В 1740 г. их было 60 человек, в 1756 г. уже батальон в 400 человек. Егеря действовали в рассыпном строю, отличались меткой стрельбой, набирались из сыновей лесников, получая после службы место лесничего [6, с. 284]. У австрийцев в 1758 г. формируется корпуса немецких егерей и тирольских стрелков. В Семилетней войне формируются егеря во Франции. В России егеря появляются при П.А. Румянцеве, который во время Семилетней войны, заметив у пруссаков батальон егерей, сформировал в 1761 г. из охотников особый пяти ротный батальон, действовавший по егерской тактике. Его егеря отличались вооружением и внешним видом.

В статье цитировались выдержки из документов о том, что для действий егерей приказано было избирать места «наиудобнейшие и авантажнейшие, в лесах, деревнях, на пасах», сидеть в засадах тихо, храня молчание «имея всегда перед собой патрули пешие впереди и по сторонам» [6, с. 285]. У Румянцева егеря служили также для поддержки легкой конницы. Далее идею егерей подхватил граф

П.И. Панин, формировавший свою команду в Финляндии. Далее пересказывалась уже известная история, приведшая к созданию егерского корпуса. Здесь следовало дополнение о том, что офицеров для егерей требовалось назначать таких, которые отличаются особою расторопностью и «искусным военным примечанием различностей и всяких военных ситуаций и полезных, по состоянию положений военных, на них построений» [6, с. 285]. Егеря содержались наравне с гренадерами, вооружались лучшим оружием. Сообщалось, что для боевых действий егеря строились не в три, а в две шеренги, попарно, сажень в двух пара от пары. Все построения делались беглым шагом, рассыпались они в одну шеренгу, «содержа в подкрепление рассыпанным некоторое число оставшихся в сомкнутом фронте» [6, с. 285].

В 1769 г. егерские команды введены во всех пехотных полках. В 1770 г. созданы батальоны. Отличились егеря в войне против польских конфедератов и в русско-турецкой войне, когда они придавались подвижным колоннам. Также егеря вели боевые действия на Кавказе. Румянцев использовал егерей на аванпостах с легкой кавалерией, также применял егерей и А.В. Суворов. Благодаря егерям зародился новый тип боевого порядка. Автор сообщает, что в 1788 г. Г.А. Потемкин составил для обучения егерей особую инструкцию. Ее анализ показывает, что тактика рассыпного строя в российской армии относилась исключительно егерям. Последующая история формирования егерских частей повторяла информацию уже известную из предыдущих энциклопедических изданий. Новым был анализ наставления для обучения егерских полков изданное М.Б. Барклаем де Толли в 1818 г. В нем указывалось, что «рассыпное действие присвоено егерям преимущественно пред остальной пехотой», егеря должны были уметь «преодолевать все препятствия, какие только встретиться могут» [6, с. 285]. Сообщалось, что в каждой линейной пехоте часть людей должна быть обучена егерской тактике. Наставление указывало боевой порядок, состоящий из рассыпного строя, в котором егеря построены в одну линию, попарно, в некотором друг от друга расстоянии. Резерв егерей составляли третьи шеренги взводов, расставленные в цепи.

Далее в статье сообщалось, что при Николае I число егерских полков было увеличено, во всех армейских дивизиях вторые бригады состояли из двух егерских полков. Но в это же время начали появляться новые пехотные части, которые играли роль легкой пехоты – стрелковые батальоны. В 1856 г. все егерские пехотные полки, за исключением двух на Кавказе, переименованы в пехотные.

Таким образом, российские военные энциклопедические издания эпохи Николая I, Александра III и Николая II, так или иначе, осветили тему легкой пехоты, ее появление и развитие, как в европейских армиях, так и в российской. Можно отметить и эволюцию представлений о причинах появления легкой пехоты. Если «Военный энциклопедический лексикон» считал, что появление легкой пехоты в европейских армиях было связано с опытом американских колонистов, периода войны за независимость усвоенного французами, а от них пруссаками, в России егерей формировал граф П.И. Панин в 1763 г., то «Энциклопедия военных и морских наук» и «Военная энциклопедия» фиксировали зарождение егерских команд в XVII в. в Тридцатилетнюю войну, появление егерей в эпоху Силезских войн между Австрией и Пруссией XVIII в. В дальнейшем егеря становятся частью армий Австрии, Пруссии, Франции, а в 1761 г. России, благодаря П.А. Румянцеву.

История егерских частей в российской императорской армии конца XVIII – первой половины XIX в. сообщается всеми изданиями примерно одинаково. Авторы отмечают, что в середине XIX в. егерей в качестве легкой пехоты сменяют стрелковые батальоны, а также то, что в России практически не было разделения между егерями и линейной (тяжелой) пехотой, поскольку они были вооружены одинаково и равно умели действовать как в рассыпном строю, так и в сомкнутом. Это и послужило, по мнению авторов, к упразднению егерей. «Военная энциклопедия», аккумулируя накопленные знания о егерях и в целом, легкой пехоте обратила внимание и на наставления по егерской службе 1788 и 1818 гг., а также влияние егерей на формирование нового типа боевого порядка.

Литература и источники

1. Армия // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 1. СПб.: в тип. Академии наук, 1837. С. 523–529.
2. Армия // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Изд. 2-е. Т. I. СПб.: в тип. Штаба военно-учебных заведений, 1852. С. 516–521.
3. Егерские // Энциклопедия военных и морских наук. Т. III. СПб.: в тип. В. Безобразова и К, 1888. С. 130–132.
4. Егеря // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 5. СПб.: в тип. Академии наук, 1841. С. 332–333.
5. Егеря // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Изд. 2-е. Т. V. СПб.: в тип. Штаба военно-учебных заведений, 1854. С. 322.

6. Егеря // Военная энциклопедия. Т. 18. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 284–285.

7. Егеря в России // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 5. СПб.: в тип. Академии наук, 1841. С. 333–335.

8. Егеря в России // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Изд. 2-е. Т. V. СПб.: в тип. Штаба военно-учебных заведений, 1854. С. 322–324.

9. История пехоты // Энциклопедия военных и морских наук. Т. III. СПб.: в тип. В. Безобразова и К, 1888. С. 496–498.

10. Легкие полевые команды // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 8. СПб.: в тип. Академии наук, 1844. С. 480–481.

11. Легкие полевые команды // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Изд. 2-е. Т. VIII. СПб.: в тип. Штаба военно-учебных заведений, 1855. С. 132.

12. Пехота // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 11. СПб.: в тип. Академии наук, 1847. С. 207–210.

13. Пехота // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Изд. 2-е. Т. XI. СПб.: в тип. Штаба военно-учебных заведений, 1856. С. 38–41.

14. Энциклопедии военные // Советская военная энциклопедия. Т. 9. М.: Воениздат, 1976. С. 602–603.

15. Энциклопедии военные // Военная энциклопедия. Т. 8. М.: Воениздат, 2004. С. 508–509.

© Ульянов И.Э., 2024

УДК 94 (470)

Уразов А.З.
Россия, Уфа

научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Хазиев Р.А.

Urazov A.Z.
Russia, Ufa

scientific supervisor – d. of h. s., professor Khaziev R.A.

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу советской историографии теневой экономики в 50–60 –е гг. XX в., известного в литературе как период хрущевской «оттепели». Рассматриваются труды советских

историков, проделавших огромную работу по изучению экономики СССР данного периода и собравших богатый фактический материал. Изучение негативных тенденций функционирования социалистической экономики было фрагментарным в силу господства марксистско-ленинской методологии и жесткого контроля партийного аппарата над работой историков.

Ключевые слова: советская экономика, экономическая политика, марксистско-ленинская методология, советская историография

THE SHADOW ECONOMY DURING THE KHRUSHCHEV «THAW» IN THE WORKS OF SOVIET RESEARCHERS

Abstract. The article is devoted to the analysis of Soviet historiography of the shadow economy in the 50-60s. XX century, known in literature as the period of Khrushchev's "thaw". The works of Soviet historians who have done a great job of studying the economy of the USSR of this period and collected rich factual material are considered. The study of negative trends in the functioning of the socialist economy was fragmentary due to the dominance of Marxist-Leninist methodology and the strict control of the party apparatus over the work of historians.

Keywords: Soviet economy, economic policy, Marxist-Leninist methodology, Soviet historiography

Развитие теневого сектора экономики в Советском Союзе с середины 1950-х гг. был ярким симптомом нарастающего кризиса социалистической системы и предвестником ее скорой гибели. В связи с этим, выделим ряд проблем, которые сегодня нуждаются в глубоком изучении в этой сфере: существование в той или иной мере развитой «теневой экономики» является последствием практически любой экономической модели или системы; либерализация, наступившая в годы «оттепели», способствовала росту этого явления в СССР; развитие советской экономики и её возросшие возможности, в том числе благодаря использованию достижений научно-технической революции, стимулировали стремление значительной части людей к увеличению заработков с целью повышения качества своего благосостояния, что порождало предприимчивость, не вписывающуюся в традиционно разрешенные при социализме нормы и мотивы экономической деятельности; происходил рост спроса населения на товары, в связи с этим государственной промышленности все сложнее было его удовлетворять, особенно по качественным показателям, что создавало питательную и благоприятную почву для

теневиков-производственников и спекулянтов; предложение различного рода услуг для населения, с которыми не справлялся неповоротливый и незаинтересованный в конечном результате государственный сектор.

В целом, историографию по рассматриваемому вопросу мы можем условно поделить на советскую, современную отечественную и зарубежную. Подобное деление обусловлено как кардинальными изменениями векторов экономического и политического развития страны, так и существенной корректировкой методологических подходов к изучению отечественной истории.

В нашем исследовании советский период ограничивается хронологическими рамками 1953-1991 гг. Это время характеризуется господством в исторической науке марксистско-ленинской методологии и жестким контролем партийного аппарата над работой историков в СССР. В литературе по данной проблематике существует мнение, что до конца 1980-х гг. XX в. данная проблема не рассматривалась в отечественной историографии должным образом, а все материалы, касающиеся негативных сторон функционирования советской экономики, были засекречены от исследователей. На самом деле это не так.

Начиная со второй половины 1950-1960-е гг. в свет выходят первые работы, отображающие изучение целого ряда вопросов развития социалистической экономики. Монография Г.Л. Марьяхина «Налоги и сборы с населения» стала одной из первых обобщающих трудов, в которой автор освещает налоговую политику партии и правительства как составную часть общей экономической политики [12]. В 1960-е гг. выходят в свет целый комплекс трудов, посвященных экономической истории СССР. Необходимо выделить работы таких ученых, как И.В. Дьячков, В.Б. Островский, С.Г. Струмилин, Г.М. Сорокин, Г.И. Шмелев и др. [7, 13, 18, 20, 23]. Более поздняя работа Г.И. Шмелева под названием «Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством» была издана позднее, в 1971 году [24]. Особняком стоит работа Ш.Я. Турецкого, в которой автор рассматривал политику ценообразования в СССР и пришел к выводу, что снижение цен в период «хрущевской оттепели» происходило частично закономерно, а частично - в популистских целях. Автор отмечал, что снижались цены на товары, которых и по старым высоким ценам в стране не хватало [21].

В целом, работы, вышедшие в свет в 1960-е гг. характеризуются наличием информативного материала, обработка которого дает понимание того, что авторы далеко не всегда имели возможность

отображать реальное положение дел в государстве и не только в сфере экономики. В то же время, вопреки идеологическим ограничениям они смогли обоснованно показать не только положительные, но и некоторые отрицательные стороны в развитии советской экономики. Многие работы того периода страдали субъективизмом в интерпретации документов и фактов. В угоду официальной идеологии, пропагандировавшей нарастание успехов в деле строительства социализма, авторы нередко выдавали желаемое за действительное, умаляли недостатки и трудности, которые испытывала в те годы экономика страны.

В 1970-1980-е гг. появляется большое количество научных трудов, в которых исследуется экономика и экономическая политика советского государства. Необходимо выделить труд А.А. Адамеску и Д.В. Белорусова «Развитие и размещение производительных сил СССР в десятой пятилетке», в котором авторы сделали структурный анализ советской хозяйственной системы в 1960-е гг., осветили наиболее важные действия советского правительства в экономической сфере [1].

Появление в 1972 году многотомной «Истории социалистической экономики СССР» было ярким проявлением идеологизированности фундаментальных исследований советского периода. Экономическое развитие 1950-1960-х гг. рассматривается в ней с точки зрения неуклонного движения к экономике коммунизма [9]. В этот период вышло в свет большое количество исследований, посвященных изучению отдельных отраслей экономики, в которых авторы подробно исследуют узкую тему и воспроизводят яркую картину положения дел в какой-либо отрасли или регионе страны [2, 3]. Такой подход позволяет реально оценить воздействие центральной власти в экономической сфере на изменение ситуации на местах, а именно: что планировало добиться правительство принятым решением и к чему эта мера привела на деле. В исторических исследованиях поднимались вопросы социально-экономических проблем развития советского села и сельскохозяйственного производства, в которых рассматривались как теоретические, так и практические вопросы экономического развития деревни [5, 6, 14, 16, 17, 19, 25]. Не стояло на месте исследование партийной политики на селе. Анализируя данные работы, можно почерпнуть некоторый объем сведений, касающийся целей и задач, которое ставило центральное партийное руководство перед местными органами власти, какие проблемы считало первостепенно важными¹.

---

¹ Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1980; Завгородний А.П. Опыт специализации сельского хозяйства. М., 1072;

Представляет особый интерес в литературе советского периода монография А.Н. Малафеева «История ценообразования в СССР», которая является добротным изучением ценовой политики советского государства [11]. Автор рассуждает о том, что регулирование цен являлось инструментом экономического давления в руках власти, с помощью которого правительство регулировало ситуацию в промышленности и сельском хозяйстве страны.

Промежуток времени с 1985 по 1991 гг., который в историографии принято обозначать термином «перестройка», стал периодом демократизации общественного сознания и, соответственно, новых веяний в науке, которые существенно скорректировали подходы к изучению истории. Появилась серия работ, написанных в своеобразном историко-публицистическом стиле, которые содержат большое количество фактического материала, но в них нет подкрепления источниковой базой. Резкой критике подвергалось все, что было связано с советским периодом истории, в частности, экономическая политика СССР в послевоенный период. Отдельно необходимо упомянуть монографию Г.Б. Поляка «Послевоенное восстановление народного хозяйства», в которой автор не допускает бесосновательной критики, проводит комплексный анализ действий партии и советского правительства, направленных на восстановление и развитие экономического потенциала СССР [15].

Подводя итог анализа историографии советского периода, нельзя не упомянуть работы лидера советского государства, изучение которых также необходимо для полного понимания мотивов тех или иных решений, определяющих экономику государства [26, 27, 28, 29]. Многие цитаты из работ Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева принимались к исполнению партийными и государственными органами власти в СССР.

Теневая экономика функционировала на принципах противоположных социалистическим. В той или иной мере, она была связана с коррупцией, хищениями государственного имущества, получением нетрудовых доходов, нарушением законов или использованием «дыр» в законодательстве.

Таким образом, в советский период развития отечественной историографии историками была проделана большая работа по изучению экономики СССР периода хрущевской «оттепели» и собран богатый фактический материал, который впоследствии стал опорой

Макарова И.В. Подсобное хозяйство колхозников. М., 1973; Тюрина А.П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946-1958. М., 1973 и др.

российским исследователям при анализе сходных проблем. Тем не менее, изучение экономики и ее негативных тенденций не может считаться разработанным вопросом, поскольку многие проблемы оказались вне внимания исследователей по различным причинам, в том числе и в результате прямого запрета на изучение того или иного вопроса. Кроме того, даже фундаментальные труды советской эпохи нуждались в существенных поправках с учетом источников, рассекреченных в 1990-е гг., и новых методологических разработок в исторической науке.

Литература и источники

1. Адамеску А.А., Белорусов Д.В. Развитие и размещение производительных сил СССР в десятой пятилетке. М., 1977.
2. Андросов М.С. Эффективность энергетического хозяйства СССР. М., 1975.
3. Ануфриев А.Н., Калинина А.А. Топливо-энергетическая база на европейском Северо-Востоке СССР. Л., 1973.
4. Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1980.
5. Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951-1958. М., 1972.
6. Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972.
7. Дьячков И.В. Общественное и личное в колхозах. М., 1968.
8. Завгородний А.П. Опыт специализации сельского хозяйства. М., 1972.
9. История социалистической экономики СССР. М., 1972.
10. Макарова И.В. Подсобное хозяйство колхозников. М., 1973.
11. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М., 1984.
12. Марьяхин Г.Л. Налоги и сборы с населения. М., 1969.
13. Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967.
14. Плешков Б.Н. Специализация и кооперирование в сельскохозяйственном производстве. М., 1976.
15. Поляк Г.Б. Послевоенное восстановление народного хозяйства. М., 1986.
16. Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе. М., 1984.
17. Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946-1970 гг). М., 1972.
18. Сорокин Г.М. Планирование народного хозяйства СССР. М., 1961.
19. Староверов В.И. Деревня в условиях интеграции: социальные проблемы. М., 1979.
20. Струмилин С.Г. На путях построения коммунизма. М., 1959.
21. Турецкий Ш.Я. Цены и тарифы. М., 1969.
22. Тюрина А.П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946-1958. М., 1973.
23. Шмелев Г.И. Распределение и использование труда в колхозах. М., 1964.
24. Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971.
25. Чинчиков А.М. Историография трудового подвига советского крестьянства (1941-1976). Саратов, 1977.
26. Хрущев Н.С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР. М., 1953.

27. Хрущев Н.С. Об увеличении производства продуктов животноводства: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 г. М., 1955.

28. Хрущев Н.С. В ближайшие годы догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения. М. 1957.

29. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: В 8 т. М., 1962-1964.

© Уразов А.З., 2024

УДК 94 (470.57)

Утягулов М.М.

канд. ист. наук, доцент

Бессилин Н.А.

канд. ист. наук, доцент

Россия, Уфа, УУНиТ

Utyagulov M.M.

c. of. h. s., associate professor

Bessilin N.A.

c. of. h. s., associate professor

Russia, Ufa, UUST

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ БАШКИРСКОГО КРАЯ ПРИШЛЫМ НАСЕЛЕНИЕМ (КОНЕЦ XVI– НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация: в статье рассматриваются и характеризуются основные этапы переселения населения из различных губерний российского государства в башкирский край в конце XVI – начале XX в. Также на основе анализа источников и научной литературы анализируются причины, ход и последствия внутренней политики царского правительства, связанной с переселенческим движением в указанный период. Авторы отмечают, что нерешенность вопросов землевладения и землепользования во многих регионах России привело к малоземелью и обнищанию крестьянского хозяйства в районах выхода. Пути ликвидации сложившихся проблем царское правительство видело в переселении части крестьянства на новые земли.

Ключевые слова: аренда земли, башкиры, земледелие, крестьянство, переселенец, башкирский край, Оренбургская губерния.

ON THE QUESTION OF SETTLEMENT OF THE BASHKIR TERRITORY BY ALIEN POPULATION (END OF THE XVI – BEGINNING OF XX CENTURIES)

Abstract. The article examines and characterizes the main stages of population resettlement from various provinces of the Russian state to the

Bashkir region at the end of the 16th – beginning of the 20th centuries. Also, based on an analysis of sources and scientific literature, the causes, course and consequences of the internal policy of the tsarist government related to the resettlement movement during this period are analyzed. The authors note that the unresolved issues of land ownership and land use in many regions of Russia have led to a shortage of land and impoverishment of the peasant economy in the areas of origin. The tsarist government saw ways to eliminate the existing problems in the resettlement of part of the peasantry to new lands.

Keywords: land lease, bashkirs, agriculture, peasantry, migrant, Bashkir territory, Orenburg province.

Башкирский край в конце XIX – начале XX в. стал одним из крупных регионов Российской империи с большим количеством сельских населенных пунктов во многих из которых вместе с коренным башкирским населением проживали различные этнические группы пришлого крестьянства. Появление в Башкирии большого количества переселенцев, отличающихся хозяйственной деятельностью, организацией быта, этнической культурой, вероисповеданием и сословной принадлежностью – это результат масштабных и длительных миграций, которые берут начало во второй половине XVI – началу XVII в. Эти значительные по размаху миграционные процессы были характерны и для всего обширного района Урало-Поволжья. Заметим, что контакты и взаимодействия различных этнических потоков, часто совместно проживающих в одних и тех же населенных пунктах, не стерли существенные элементы этнических культур. Даже в отрыве от материнского этноса представители различных народов, несмотря на длительное взаимодействие с другими этносоциальными группами, сохранили язык, конфессиональную принадлежность, традиции и обычаи.

Башкирский край, в первую очередь Приуралье, всегда, в силу своего географического положения, военно-стратегического значения, благоприятных климатических и почвенных условий для ведения эффективного сельского хозяйства, был районом пристального внимания царских властей. На протяжении многих столетий российское государство стремилось максимально упрочить свое положение, поощряя многочисленные миграции пришлого населения на вотчинные земли башкир. Заселение башкирских земель пришлым населением можно разделить на несколько этапов.

Первый этап начинается после присоединения Башкортостана к Российскому государству (вторая половина XVI – начало XVII в.) и

продолжается до 1736 г. В этот период идет формирование администрации царских властей с центром в г. Уфе, где были расквартированы воинские команды, приказы и другие его структуры. Основательно обустраиваются на новых местах и начинают свою деятельность купечество, ремесленники. В этот период значительную долю пришлого населения составляют беглые люди, особенно в Зауралье [2, с. 77]. На первоначальном этапе идет заселение башкирских земель на основе взаимовыгодных для договаривающихся сторон условий. Пока нет притеснений коренного населения. Начиная с XVII в. в башкирском крае наблюдается значительный рост беглого крестьянства из центральных районов России. Интенсивное заселение Башкирии осуществлялось царскими властями также путем перевода на службу стрельцов, пушкарей, приказных людей, казаков зауральских приграничных острогов, крепостей и слобод, солдат и драгунов воинских команд. За службу им полагалось денежное и хлебное жалованье и земельные наделы. Кроме надельной земли, полученной от казны, им предоставлялось право брать от башкир в оброк (в аренду) места рыбной ловли, леса, сенокосы и другие угодья [3, с. 34–79].

В конце XVII в. в Башкирии из представителей различных разрядов служилых людей, проживающих в Уфе и других крепостях, окончательно сложилось русское дворянство. Так, к концу XVII в. в крае насчитывалось 168 дворян, представлявших 57 фамилий. Они имели небольшие поместья (125–500 дес. пашенной земли) и владели 2–9 дворами крестьян [9].

Местные власти, представлявшие царское правительство в башкирском крае, до 30-х гг. XVIII в. старались не принимать никакого участия во внутренней жизни башкирских общин. Свою политику царские власти проводили преимущественно через башкирскую знать и старейшин. Так как открытое вмешательство во внутренние дела башкирского населения, налоговые злоупотребления сборщиков ясака, посягательство и насильственное изъятие вотчинных земель башкир неоднократно приводили к грозным восстаниям (1633–1635 гг., 1662–1664 гг., 1681–1684 гг., 1704–1711 гг. и тд.) [см. подр. 2, с. 44–80]. Однако, по мере укрепления российского абсолютизма, центральные власти переходят к более жесткой политике по отношению к башкирскому населению, таким образом, полностью изменяя ее курс. Как пишут авторы труда по истории рода Табын: «Ни одна империя не стала бы мириться с существованием в своем составе полунезависимой провинции, постоянно угрожавшей ей мятежами» [2, с. 80].

Царизм приступает к решению первостепенных административных, военно-политических и хозяйственных задач, не принимая во внимание интересы коренного населения, в первую очередь, в земельных отношениях. Царское правительство решилось на постепенное массовое изъятие у башкирского населения вотчинных земель как для строительства Новой Закамской линии, так и для передачи пришлому населению. Наиболее остро стоявшую проблему земельных отношений властями было решено ликвидировать кардинальным образом – путем изъятия вотчинных земель из владений участников башкирских восстаний.

Второй этап, массового притока пришлого населения, как мы полагаем, начинается в годы очередного мощного башкирского восстания 1735–1740 гг., после принятия царского Указа от 11 февраля 1736 г., который разрешил башкирам продавать свои земли и выводил из подчинения башкир арендаторов их земли – мишарей, тептярей и бобылей [о перес. нерусского крестьянства в Башкирию см. 1, 4]. Этот второй этап массовой миграции пришлого населения продолжался до середины XIX в. Вероятно, принятие Указа от 11 февраля 1736 г. было обусловлено стремлением окончательно подавить возможность сопротивления башкир царскому правительству посредством привлечения к борьбе с восставшими башкирами не только правительственных войск, но и всего нерусского населения башкирского края [2, с. 89]. Указ, разрешавший башкирам продавать свои вотчинные земли, открыл и российскому дворянству достаточно благоприятные возможности по аренде земельных угодий, но и предоставления права приобретения их в собственность. Эти положения Указа привели к расширению дворцового и монастырского землевладения, что стало причиной более интенсивного заселения башкирского края помещичьими, дворцовыми, государственными и монастырскими крестьянами. Заметим, что в этот период наблюдается интенсивное заселение Приуралья и начало освоение казачеством лесных и лесостепных районов Южного Зауралья.

Царское правительство, обеспокоенная событиями в башкирском крае, провела новое администрирование территорий и в 1744 г. была создана Оренбургская губерния, куда вошли земли башкир. Особенно быстро возрастает численность пришлого крестьянства в 40–60-е годы XVIII в., когда население Оренбургской губернии выросло почти на 20,8 %. Значительно вырос удельный вес русских, чувашей и мордвы, достигнув 39,6 %. В целом же, в 50–60-е гг. XVIII в. южное Приуралье выбирают местом постоянного жительства большое количество крестьян из центральных губерний России. В результате миграций ко

второй половине XVIII в. в Оренбургской губернии русское население превысило численность коренного и приблизилось к общей численности башкир и пришлого нерусского населения. Если в начале XVIII в. (1719 г.) более 2/3 жителей края составляли башкиры, а удельный вес русских равнялся 15 %, татар – 13%, чувашей – 0,03 %, то к началу XIX в. удельный вес русских поднялся до 37 %, татар – 27 %, чувашей – 5,5, мордвы – 4,9 %, а башкир снизился до 23,5 % [10]. Во внутренних районах региона русские переселенцы ранних миграций концентрировались вдоль бывших укрепленных линий и вокруг городов – крепостей. Позже русские крестьяне старались селиться по берегам рек. Так выросли поселения по рр. Белой, Уфимке и др.

В конце XVIII – начале XIX в. поток переселенцев в Башкирию несколько слабеет. Но в первой трети XIX в. наблюдается новый приток притока казенных крестьян из малоземельных губерний, получивших разрешение от министерства финансов. Они получили земли в восточных районах Оренбургской губернии (Зауралье), заселились вдоль рек Миасс и Уй, а также на юго-западе губернии.

Таким образом, на втором этапе расселение пришлого населения, первоначально служилого люда, а затем и крестьян: беглых, заводских, посессионных, происходит, как мы указали, в течение длительного времени, и обуславливалось экономическим состоянием хозяйства в районах выхода, земельной обеспеченностью крестьянского двора и внутренней политикой царского правительства.

Третий этап заселения пришлого населения и крестьянства в Башкирию связан с отменой крепостного права (1861 г.). Царское правительство на этом этапе переходит к планомерному и целенаправленному заселению башкирского края, который был поделен на Оренбургскую и Уфимскую губернии.

Для руководства к действию на местах заселения пришлого населения центральными органами власти были приняты и направлены циркуляры от 13 апреля и 4 мая 1868 г., положение от 9 апреля 1869 г. и законы от 6 февраля 1871 г. и 13 июля 1889 г. В этих законодательных документах были определены условия и основные положения выхода крестьян из общины и получения разрешения на переселение. Губернские и уездные власти в районах водворения переселенческого населения были обязаны обеспечить и контролировать все условия размещения пришлых крестьян. Для уточнения вопросов переселения обратимся к содержанию первых циркуляров от 1868 г. Фактически, они есть первые законодательные акты, устанавливающие правовые нормы переселения крестьянства.

Крестьянам всех категорий, подавших прошения на переселиться в Самарскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии, не требовалось предоставление приемного приговора. Местным органам государственных имуществ предписывалось выдавать переселенцам разрешение на осмотр земли только в явочном порядке, и выбранные земельные участки сохранялись за ними в течение одного года. Это право закреплялось в особом свидетельстве, где указывалось местоположение и площадь участка, сумма оброка, число водворяющихся домохозяев. И свидетельство обязательно должно быть согласовано в управлении государственных имуществ. Оговаривалось, что переселение больших групп и сельских обществ полного состава (целая деревня) допускалось только с разрешения правительства [5, л. 24].

Обнаружение циркуляров вызвало быстрый рост количества прошений от желающих переселиться, а местами и самовольный выход крестьян в указанные губернии, которые стремились занять участки для заселения. Это вынудило правительство ввести ряд ограничений, для чего был издан новый циркуляр, затрудняющий применение предыдущих положений о переселении. Согласно этому новому циркуляру губернаторам предписывается строго соблюдать условия выхода переселяющихся из обществ, не допускать распродажу имущества до получения разрешения, а самовольных переселенцев возвращать на прежние места выхода [5, л. 22].

Деятельность правительства по разработке государственной политики по ликвидации малоземелья крестьянства стала причиной создания специальных комиссий. Наиболее известна Особая комиссия при Министерстве внутренних дел, которая выработала совместно с министерством государственных имуществ и финансов ряд проектов по переселению крестьянства. Заметим, что она не смогла внести в российское законодательство новые предложения. Принятию новых положений препятствовало, видимо, временнообязанное состояние крестьян, которое должно было отменить в 1870 г. К тому же правительство опасалось потерять контроль над крестьянами, которые в массовом порядке могли начать переселение на новые места жительства, подрывая, таким образом, экономическое состояние помещичьего хозяйства.

Особая комиссия совместно с министерствами и губернскими властями рассматривала также ходатайства крестьян уездным и губернским органам по устройству сельского состояния, коим дозволено водвориться окончательно в Оренбургской губернии [5, л. 15]. Запреты и ограничения, введенные правительством на

переселение крестьянства, начинает принимать широкий размах. Так, «крестьян, согласно полученным им разрешениям, проживающих по паспортам...и переселенцев из бывших помещичьих крестьян, не имеющих увольнительных свидетельств в 1868 г....насчитывалось в губернии до 10 тысяч душ» [5, л. 23]. Всего, по данным министерства государственных имуществ и Особой комиссии, только с 1870 по 1880 г. в «вся нечерноземная степная, часть черноземной полосы дали за 10 лет значительно более 100 000 переселенцев» [5, л. 25 об]. Основная масса переселенцев исходила из густонаселенных центральных губерний: Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Курской и Пензенской. Значительное количество переселенцев вышли также из поволжских губерний. Несколько меньшее количество переселенцев водворились в башкирский край в эти годы из малороссийских губерний (Черниговская, Полтавская, Харьковская, Киевская, Подольская, Вольнская).

Царское правительство уделяло серьезное внимание переселению крестьян в Башкирский край. Опираясь на результаты Генерального межевания башкирских земель (1765–1861 гг.), которое с большим размахом проводилось в Башкирском крае, с целью ликвидации вотчинного права башкир на землю, царизм принимает ряд законов, что стало основанием к увеличению самовольных переселенцев, которые водворялись на новых местах в законном порядке. Кроме этого, они могли выбрать любое место для нового жительства как в Оренбургской, так и в Уфимской губерниях. На насильственно изъятых в пользу государства землях местного коренного населения начинается планомерное заселение пришлого земледельческого крестьянства. Так по данным 1876 г. в Уфимской губернии 63 мононациональных поселений, в которых проживало 27 938 человек обоого пола и 16 многонациональных деревень с населением 3768 душ [7, с. 81–82]. Водворение и расселение крестьян – переселенцев было связано с наличием свободных земель на переселенческих участках в районах водворения. Подготовкой участков занимались чиновники Переселенческого управления при содействии местных властей.

Царские власти, узаконив проживание самовольных переселенцев в башкирском крае, не могли оказать содействие в их обустройстве и приписке на новом месте жительства. В результате этого губернские власти были вынуждены смириться с большим количеством переселенцев, живущих вне закона, вне всякого надзора местных властей и не платящих налогов и податей.

Более того, в старых земледельческих районах возникла угроза резкого уменьшения числа дешевых рабочих рук, а в районах

водворения, наоборот, – избыток безземельных крестьян-переселенцев. Эту ситуацию должна была решить созданная комиссия, которая вынесла решение о том, что губернские власти не против заселения башкирских земель крестьянами-переселенцами. Но заселение должно проводиться постепенно, не вызывая массового движения пришлого населения и не затрагивать интересы помещиков в районах выхода. Численность переселенцев, прибывших по выданным разрешениям МВД в Уфимскую и Оренбургскую губернии в 1861–1897 гг., составила по неполным данным 49 228 семей (294086 чел.) [11]. Как указывалось ранее, число самовольных переселенцев была намного выше. В последнее десятилетие XIX в. шла интенсивная распродажа башкирских земель и поэтому старожильческое население, богатые переселенцы закупали их большими участками, а менее состоятельные использовали аренду [8, с. 84–87].

Четвертый этап переселения крестьянства в башкирский край связан с проведением столыпинской аграрной реформы в 1906–1914 гг. Эта была целенаправленная программа царизма, которая должна была путем разрушения общины внедрить институт частной собственности на землю, ослабить крестьянское малоземелье и интенсифицировать сельское хозяйство, тем самым снизить остроту земельной проблемы, грозящей крестьянскими бунтами. В 1907–1914 гг. в Уфимской губернии вышли из общины 48,3 тыс. домохозяев (15 % наделных дворов), а продали свои наделы 20,2 % крестьян. В Оренбургской губернии вышли – 47,8 тыс. (30 % наделных дворов), продали наделы – 11,3 %. За этот период на заселение в башкирский край получили официальное разрешение 109 459 человек [11]. Но местные власти не смогли полностью обеспечить их земельными участками, поэтому часть переселенцев отправилась далее в Сибирь или вернулись в прежние места жительства. Следует заметить, именно в эти годы произошло самое интенсивное и массовое заселение пришлым русским, украинским, чувашским, мордовским населением. Появились марийские, удмуртские, латышские, немецкие поселения. Только за пять лет с 1908 г. у башкир-вотчинников, при содействии Крестьянского поземельного банка, было выкуплено 195 тыс. десятин земли под заселение и устройство хозяйств [11].

Таким образом, переселение крестьянства в Уфимскую и Оренбургскую губернии происходило неравномерно. Основной причиной оставалась неорганизованность и непродуманность переселенческой политики. На местах выхода крестьянства местные органы власти, как земские начальники, так и губернаторы, в целях скорейшего избавления от малоземельных и безземельных крестьян

часто отправляли их на новые места жительства, обнадеживая их о подготовленности участков и благополучности переезда. Проходные свидетельства, выдаваемые на земельный участок, часто игнорировались или были недействительными, так как к моменту прибытия переселенцев на эти земли они могли быть уже проданы. По этой причине многие крестьяне-переселенцы самостоятельно занимались поиском земельных участков и в большинстве случаев временно арендовали их у башкирского населения, нанимались на работу к старожилам или состоятельным и зажиточным крестьянам. Но нередко они возвращались к родным местам. Так, за 10 лет, с 1904 по 1914 г., в среднем из Уфимской губернии вернулись обратно 9 251 чел., или 21,3 %, а из Оренбургской – 21 649 чел., т.е. 33 % к общему числу переселившихся в губернию крестьян [11].

Литература и источники

1. Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Асфандияров А.З., Абсалямов Ю.М., Роднов М.И. Уфа: Китап, 2001. 712 с.
2. История башкирских родов. Табын. Т. 28. Ч. 3. / С.И.Хамидуллин и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Китап, 2018. 616 с.
3. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. М., 1956. 494 с.
4. Николаев В.В., Сафин М.Х. История возникновения и развития деревни Чуваши Карамалы. Генеалогическое древо первопоселенца Никиты Авдокима. Книга II. Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2002. 552 с.
5. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 15, 22, 23, 24, 25.
6. Сборник журналов. 1912.
7. Утягулов М.М. К изучению истории образования чувашских поселений на юго-востоке Башкортостана // Материал научной конференции Сибайского института БашГУ «Неделя науки». РИЦ БашГУ, Сибай, 2001. С.81–82.
8. Утягулов М.М., Бессилин Н.А. Переселение крестьянства в Башкирию на рубеже XIX–XX веков // Евразийский юридический журнал. 2023. №10 (185). С. 84–87.
9. <https://bashkiria-ufa.narod.ru/enciclopedia/53.html> (Дата обращения 14.01. 2024).
10. https://his95.narod.ru/oren/istor_2_3.htm (Дата обращения 19.01.2024)
11. <https://ufagid.com/encyclopedia/pereselen.html?ysclid=lrkacgxxjv258057205> (Дата обращения 19.01.2024)

© Утягулов М.М., Бессилин Н.А., 2024

Хазиев Р.А.
д-р ист. наук, профессор
Россия, Уфа, УУНиТ
Хазиева М.А.
канд. ист. наук, доцент
Россия, Уфа, БИФК

Khaziev R.A.
d. of h. s., professor
Russia, Ufa, UUST
Khazieva M.A.
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, BIFK

**ВКЛАД БАССР В ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОНБАССА ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ УФИМСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРКА «РОССИЯ – МОЯ ИСТОРИЯ»**

Аннотация: в публикации характеризуется тематический контент – вклад БАССР в восстановление Донбасса в 1943–1945 гг., как составная часть информационно-насыщенной региональной экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне, созданной в уфимском Историческом парке «Россия – Моя история».

Ключевые слова: визуальная история, мультимедиа, БАССР, Донбасс, Великая Отечественная война, Исторический парк «Россия – Моя история».

**THE CONTRIBUTION OF THE BASSR
TO THE RESTORATION OF DONBASS DURING THE GREAT
PATRIOTIC WAR IN THE MULTIMEDIA EXPOSITION
OF THE UFA HISTORICAL PARK «RUSSIA – MY HISTORY»**

Abstract. The publication characterizes the thematic content – the contribution of the BASSR in the restoration of Donbass, 1943–1945, as an integral part of an information-rich regional exposition dedicated to the Great Patriotic War, created in the Ufa Historical Park «Russia is My Story».

Keywords: excursion, multimedia, science, BASSR, Donbass, Great Patriotic War, Historical Park «Russia – My History»

Мультимедийные экспозиции 26 Исторических парков «Россия – Моя история», расположенных в различных регионах страны, не зря называют «живым учебником» по истории России. Мультимедийный контент Исторических парков, включая и региональный компонент, содержательно согласуется с «Концепцией преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы» [1].

Особое внимание в Исторических парках, включая и уфимский Исторический парк, уделяют обновлению регионального контента. Важно учитывать, что, например, мультимедийный региональный контент уфимского Исторического парка активно используется для проведения внеурочных занятий по истории родного края со школьниками Уфы, а также с учащимися из других городов и районов Башкортостана. Актуальность данной внеурочной деятельности заключается еще и в том, что с 1 сентября 2025 г. в школах Башкортостана запланировано введение нового курса «История нашего края. Башкортостан». В целом, мультимедийный региональный контент уфимского Исторического Парка методологически и содержательно нацелен на то, чтобы концептуально сформировать «в сознании ученика конкретную зримую связь между малой Родиной и Россией, тем самым создавая целостную картину мира, в которой его место проживания является закономерной частью общероссийской истории» [2, с. 163].

Анализ отзывов учителей школ Башкортостана, проводящих внеурочные занятия в уфимском Историческом Парке, позволяет прийти к выводу, что мультимедийный контент, посвященный Великой Отечественной войне, в большей степени позволяет выполнить в рамках исторического образования важнейшую миссию – патриотического воспитания обучающейся молодежи. Обращение на внеурочных занятиях к региональному контенту целеполагающе формирует у школьников понимание о Башкортостане как об одном из важных тыловых центров страны, в котором «ковалась Победа». Учащиеся получают возможность в полной мере узнать, понять и осознать, что такое братская самоотдача Башкортостана периода Великой Отечественной войны, оказавшего существенную поддержку в восстановлении дружественного Донбасса. В БАССР был образован специальный орган – республиканский комитет. Он отвечал за организацию адресной помощи Донбассу. 13 сентября 1943 г. из БАССР на братский Донбасс и соседние области отбыл первый

«продуктовый эшелон». Было отправлено 15 тыс. лошадей, 18 тыс. овец, 9 тыс. свиней и 7 тыс. голов крупного рогатого скота [3].

Башкортостан в годы Великой Отечественной войны целенаправленно оказывал Донецкой и Луганской Народным Республикам и материально-техническую помощь. В октябре 1943 г. из БАССР ушел новый гуманитарный эшелон, в 60 вагонов которого находились товары первой необходимости, промышленное оборудование, инструменты и другие различные материалы. Через несколько месяцев из Уфы на Донбасс был снова отправлен гуманитарный эшелон, состоящий из 31 вагона. Также на Донбасс выехали специалисты и рабочие, которые оказывали помощь в возрождении региона.

Республика принимала активное участие в реанимировании угольного Донецкого бассейна. Комсомольцы республики оказались среди первых, кто откликнулся на Всесоюзный почин о возобновлении деятельности 120 шахт на Донбассе. 26 ноября 1943 г. Башкирский обком ВЛКСМ принимает постановление «Об участии комсомольских организаций в восстановлении промышленности Донбасса». Молодежные организации республики в качестве шефов помогали восстанавливать взорванные в ноябре 1941 г. шахты двух трестов: «Советскуголь» и «Сергоуголь». Оперативно отреагировали и промышленные предприятия БАССР. По «боевым нарядам» для Донбасса было изготовлено 50 металлообрабатывающих станков, электропровода, электромоторы, переносные горны, пневматические молоты, специнструменты, оборудование для электростанций и т.д. На Донбасс отгружался лес, предметы хозяйственно-бытового назначения, собирались денежные средства на строительство школ для детей шахтеров [4].

Таким образом, в уфимском Историческом парке «Россия – Моя история» имеется содержательный региональный тематический контент о БАССР периода Великой Отечественной войны. Региональный контент создан на принципах оптимального сочетания средств цифровой наглядности с целями индивидуального и группового просвещения, воспитания и обучения школьников. Такой подход, способствует пониманию объекта и предмета изучения, формированию прочных знаний, умений и навыков у школьников по истории Башкортостана периода Великой Отечественной войны.

Литература и источники

1. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы (утверждена решением Коллегии Министерства просвещения Российской Федерации, протокол от 23.10.2020

№ ПК-1вн) // Банк документов. Министерство просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/download/3243/> (дата обращения 19.02.2024).

2. Любичанковский С.В. Опыт преподавания истории родного края в вузе в контексте подготовки будущего учителя истории // Историческое и обществоведческое образование: ресурсы, проблемы и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Улан-Удэ, 10–11 июня 2021 г.) / науч. ред. М.Г. Цыренова. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. С. 162–170.

3. Помощь пострадавшим от войны регионам // Региональный контент экспозиции «Великая Отечественная война (1941–1945)» / Исторический Парк «Россия – Моя история» (Уфа). Зал 35.

4. Сулейманова Р.Н. Всем миром: Башкирия помогала Донбассу и в годы Великой Отечественной войны // Республика Башкортостан («РесБаш»). Уфа, 2022 [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://resbash.ru/articles/cotsium/2022-05-02/vsem-mirom-2788618?ysclid=lano53v95l977571055> (дата обращения 10.11.2023).

© Хазиев Р.А., Хазиева М.А., 2024

УДК 94(474.2)

Чернышов С.А.
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Россия, Томск, НИ ТГУ

Chernyshov S.A.
c. of h. s., senior researcher
Russia, Tomsk, NR TSU

СИБИРЬ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРСЫ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

Аннотация: в статье анализируются основные нарративы локальной исторической памяти жителей Сибири о существовании этого макрорегиона в составе российского государства (Российской империи, СССР, современной России). Делается вывод, что, начиная с 1860-х годов (работы «областников») нарративы локальной исторической памяти в основном неспецифичны и репрезентируют историю Сибири как производную от национальной истории. Жители

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>

Сибири воспринимают локальную историю как слабо связанный между собой набор событий, где на смену абстрактным «древним племенам» внезапно приходит цивилизатор-Ермак, а затем через какое-то смутно представляемое время – советское индустриальное развитие. В таком восприятии локальная историческая не может служить основанием для развития специфической территориальной самоидентификации.

Ключевые слова: региональная идентичность, историческая память, Сибирь, сибиряки.

SIBERIA AS A COMPOSITION OF THE RUSSIAN STATE: RETROSPECTIVE AND MODERN DISCOURSES OF LOCAL HISTORICAL MEMORY

Abstract. The article analyzes the main narratives of the local historical memory of the inhabitants of Siberia about the existence of this macro-region as part of the Russian state (Russian Empire, USSR, modern Russia). It is concluded that starting from the 1860s (the work of the «regionalists»), the narratives of local historical memory are mostly non-specific and represent the history of Siberia as a derivative of national history. Residents of Siberia perceive local history as a loosely connected set of events, where abstract «ancient tribes» are suddenly replaced by the civilizer Ermak, and then, after some vaguely imaginable time, by Soviet industrial development. In such a perception, local history cannot serve as a basis for the development of specific territorial self-identification.

Keywords: regional identity, historical memory, Siberia, Siberians.

Локальная историческая память о включении того или иного региона в состав Российского государства и о его существовании в этом государстве в современной России оценивается противоречиво. С одной стороны, плюралистические практики коллективной памяти традиционно воспринимаются как одна из составляющих специфического российского регионализма, основание для общероссийской гордости: разнообразие костюмов, локальной кухни, говоров, художественных произведений и даже исторического фольклора. С другой стороны, любые проявления локальной исторической памяти за пределами лубочного извода исследователи традиционно интерпретируют как проявления сепаратизма и основания для дезинтеграционных процессов национального значения. Особенно ярко это противоречие проявляется в отношении «мега-регионов» – Сибири, Кавказа и других.

Вот характерный пример. Социологи Е.Е. Дутчак и В.В. Каштур, исследуя сибирскую региональную идентичность и выявив в ходе соцопросов «тенденции противостояния русских и сибиряков» делают следующий вывод: «в российском обществе на уровне субъективных представлений проявляются феномены децентрализации страны и разрушения единой формы гражданской идентичности, включающей в себя этническую компоненту» [7, с. 126]. Поэтому «должен возникнуть отвечающий современным реалиям вариант «сибирского мифа», который объяснял бы, почему Сибирь должна оставаться в составе России» [7, с. 127].

В России нет конституционно оформленного национально-территориального образования «республика Сибирь» – хотя в логике советского национального строительства таковая вполне могла бы возникнуть наряду с полиэтническими на первом этапе своего существования республиками Дагестан, Алтай, Башкортостан и другими. Тогда с большой долей вероятности локальная историческая память Сибири включала бы в себя героический дорусский фольклор, прогрессивное по своему значению включение региона в состав России, национальную литературу, национальные «сибирские» музеи и так далее. Однако «республики Сибирь» в составе России нет, поэтому локальная историческая память о существовании региона в составе российского государства имеет специфические, нетиповые черты.

Первые практики осмысления существования Сибири в составе России следует отнести к 1860-м гг., что совпадает по времени с аналогичными процессами во многих странах Европы и мира. Правда, конструкт, который они продвигали в публичном пространстве, оказался предельно неконкретным. В 1864–1865 годах в «Томских губернских ведомостях» (в неофициальной части) нарративы локальной исторической памяти о существовании Сибири в составе России сводились к утверждению трех идей: отсталость Сибири по отношению к России и Европе, негативные характеристики развития Сибири в прошлом (например, ссылка) и позитивные перспективы в будущем, «особые черты» в характере сибиряков («завоеватели», «открыватели новых стран», «дух авантюризма» и т.д.) [13, с. 92]. Последняя идея об особом антропологическом типе «сибиряка», кстати, предельно актуальна для своего времени – по всей Европе ученые тогда пытались найти объективные физиологические отличия между этносами.

Как видно, в этом наборе идей нет ничего, связанного с специфическими региональными нарративами исторической памяти – например, «мифа о происхождении» сибиряков, находящегося вне

пределов классического колониального дискурса о покорении Сибири пассионарными представителями «метрополии». В этом аспекте «областники» были плоть от плоти своего времени и окружающих обстоятельств. Исторические аспекты сибирской жизни местному населению, по всей видимости, были малоинтересны. В начале XX века, например, в Восточной Сибири работало всего порядка 1,5 тысяч общеобразовательных учебных заведений, в которых училось около 85 тысяч человек – не более 5% соответствующей возрастной страты [9, с. 517]. Первая «сибирская летопись» была издана только в 1821 г. Г.И. Спасским, но и в начале XX в. сибирские исследователи констатировали, что работу над изучением края (в том числе, историческому) необходимо было начинать фактически с нуля. Так, в протоколе собрания Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества за 1901 г. читаем: «собрание высказывается за то, чтобы задачей своей поставить собрание библиографии по Енисейской губернии» [4]. Здесь же приведен подсчет источников по истории и природе Сибири в одном из крупнейших сибирских городов – Красноярске – всего 97 изданий, включая ведомости, журналы и различные ежегодники.

Как и локальная история в целом, обывателям было totally неинтересно и само «сибирство». В газете «Сибирь» от 9 октября 1877 г. один из апологетов сибирского областничества Н.М. Ядринцев прямо это признает, описывая свои опасения по поводу празднования грядущего 300-летия присоединения Сибири к России. Он опасается, чтобы это празднование (намеченное тогда на 1881 г.) «не вышло сухим археологическим праздником без всякого отношения к современной жизни» [12]. Об этом же в своей известной статье «Нужды Сибири» писал другой известный областник Г.Н. Потанин: «какую картину будущего благополучия области ни нарисуй, она не увлечет сибирского общества, не заставит его задуматься над судьбой своей области» [5, с. 35]

Послереволюционное развитие нарративов локальной исторической памяти о Сибири в составе России (СССР) следует связать прежде всего с получившими массовое распространение медиаресурсами (в первую очередь, кино). Уже в одном из первых советских фильмов, посвященный Сибири, – «Золотое озеро» (1935 г., режиссер В. Шнейжеров) зрителям демонстрируется образ и нарратив, который на десятилетия вперед определит представления советских граждан о жителях восточной части страны, и во многом повлияет на самоидентификацию самих сибиряков [11, с. 16]. По сюжету в сибирскую тайгу (нарратив «первозданная природа») приезжают

геологи – почти идеальные люди (колониальный нарратив «идеальных колонизаторов»), которые борются не только с природными, но и с антропными трудностями в виде банды золотоискателей (нарратив «свой-чужой»).

Исследователи, специализирующиеся на анализе кинематографических нарративах о Сибири, отмечают, что сконструированный на экране образ типичного «сибиряка» полон «пафоса свершений», колониальных идей (вместе с русскими в Сибирь пришло могущество и прогресс), представлений о суровом климате, который формирует «уникальный сибирский характер» – стойкость, выдержку, решительность. Вне зависимости от сюжетных линий, такова матрица значительного количества фильмов о Сибири: от «Ермака» до «Во глубине сибирских руд...», от «Парня из тайги» до «Ждите писем» и «Люди на мосту». Е.В. Головнева и И.А. Головнев в своей статье, посвященной анализу нарративов о Сибири и кинематографе, констатируют: «эти сюжеты способствовали формированию гетеростереотипов и автостереотипов, связанных с Сибирью и «сибирской тематикой», стали эффективным средством конструирования образа Сибири у зрительской аудитории разных поколений и продолжают воспроизводиться до сих пор в современном массовом сознании» [3, с. 122].

В этих идеях не было ничего оригинального – аналогичные нарративы конструировали в своих работах конца XIX в. и сибирские областники. Другое дело, что «сибиряк советский» — это такой житель востока страны, который благодаря медиа массово поверил, что он именно такой, а никакой другой.

Ренессанс сибирской идентичности в следующий раз стал наблюдаться в начале 2000-х гг. По данным лонгитюдных исследований, самоидентификация «сибиряк» была справедлива в 1994 г. для 19% жителей Сибири, в 2000 г. – для 32 процентов, в 2010 – для 75 процентов [8, с. 57] (при этом, не обязательно эта самоидентификация являлась и является доминирующей и единственной). Апофеозом этого процесса, очевидно, стала Всероссийская перепись населения 2010 г., на которую многие акторы проекта «национальность «сибиряк» (читай – сибирская идентичность, доминирующая над общероссийской) делали ключевую ставку. Действительно, по сравнению с 2002 г. по итогам переписи 2010 г. «сибиряками» по национальности назвали себя в 412 раз больше россиян – правда, в абсолютных цифрах таковых оказалось всего 4166 человек [10, с. 165]. Перепись в очередной раз продемонстрировала,

что исторические нарративы локальной идентичности – главная проблема сибиряков.

Если интегрировать ключевые нарративы, которые за последние 10–15 лет были выявлены в качестве составляющей сибирской идентичности, перечень будет недлинный. Во-первых, это все та же суровая природа и обширная территория [8, с. 59]. Во-вторых, локальный колониальный дискурс – уже упоминавшийся Ермак и в целом пафос колонизации края, противопоставление Сибири и России [2, с. 99], в том числе, специфическое – например, «сибирских труженников» и «московских торгашей» [14, с. 120] и другие. В-третьих, специфический характер местного населения, составляющими которого респонденты чаще всего называют упорство, искренность, благожелательность, толерантность, коллективизм [1, с. 30]. Этого, как мы определили ранее, недостаточно для формирования полноценных локальных коммеморативных практик о прошлом и настоящем региона в составе страны. Некоторые исследователи, понимая это, пытались стимулировать возможные зачатки нарративов общей исторической памяти сибиряков. Однако, вспоминая о локальных исторических событиях, жители сибирских регионов в самых разных опросах называли в основном события советского периода истории, все того же Ермака, или, скажем, нечто специфическое – например, провозглашение суверенитета Республики Алтай для жителей этого региона или «тюркское наследие» для южных республик Сибири [6, с. 28].

Локальная историческая память (если таковая как стройное и непротиворечивое явление существует в регионе) непременно должна иметь внутри своего стройного нарратива миф об общей исторической судьбе, миф о происхождении, миф об основателях, миф о преемственности нынешней социально-территориальной общности и ее предшественников и прочие. В самоидентификации сибиряков в прошлом и настоящем не уделяется никакого внимания, либо его нарративы предельно поверхностны и неспецифичны.

История Сибири репрезентируется местными жителями как слабо связанный между собой набор событий, где на смену абстрактным «древним племенам» внезапно приходит цивилизатор-Ермак, а затем через какое-то смутно представляемое время – советское индустриальное развитие. В таком восприятии локальная историческая память представляется производной от общенациональных практик коммеморации и не может служить основанием для развития специфической территориальной самоидентификации.

Литература и источники

1. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.
2. Бочаров А.В. Сибирская региональная идентичность в контексте исторического сознания (по результатам контент-анализа томских СМИ) // Вестник РУДН, серия Социология. 2011. № 4. С. 93–100.
3. Головнева Е.В., Головнев И.А. Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. №1 (159). С. 114–123.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф. 217. Оп. 1. Д. 9.
5. Дело об отделении Сибири от России. Томск, ТГУ, 2002. 288 с.
6. Дерендяева А.Д., Чернышов Ю.Г. Региональная идентичность в контексте политики исторической памяти: опыт Алтайского края и Республики Алтай // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2021. № 6 (122). С. 24–31.
7. Дутчак Е.Е., Кашпур В.В. «Русский сибиряк» или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116–129.
8. Жигунова М.А., Ремнев А.В., Суворова Н.В. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. №2 (12). С. 48–63.
9. Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. 1912. № 7. С. 505–534.
10. Нам И.В., Харусь О.А., Шевцов В.В. Практики конструирования сибирской идентичности (региональные и общероссийские интересы) // Интеграционный и дезинтеграционный потенциал идентичности в истории и современности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2023. С. 112–176
11. Савельева Е.П. Художественно-образная модель Сибири и «Сибирская идентичность» в отечественном кино XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 4. С. 14–24.
12. Сибирь. 1877. 9 октября.
13. Шевцов В.В. Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 3. С. 92–99.
14. Щербаков А. Все перемелет Сибирская мельница // Край большого будущего. История, действительность, перспектива. Материалы конференции «70 лет Красноярскому краю: итоги и перспективы развития». Красноярск, 14 апреля 2004 г. Красноярск: Изд-во ООО «Электробыттехника», 2004. С. 118–120.

© Чернышов С.А., 2024

Шаяхметов Ф.Ф.
канд. ист. наук, доцент
Россия, Уфа, УУНИТ

Shayakhmetov F.F.
c. of h. s., associate professor
Russia, Ufa, UUST

А.З. АСФАНДИЯРОВ И РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ В БАШКОРТОСТАНЕ

Аннотация: статья посвящена вкладу историка А.З. Асфандиярова в развитие исторической науки в Башкортостане. Показано, что труды ученого способствовали развитию в республике таких направлений исторической науки, как археография, история, этнография, историческое краеведение.

Ключевые слова: А.З. Асфандияров, археография, история, этнография, локальная история.

A. Z. ASFANDIYAROV AND THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC RESEARCH IN BASHKORTOSTAN

Abstract. The article is devoted to the contribution of historian A.Z. Asfandiyarov to the development of historical science in Bashkortostan. It is shown that the scientist's works contributed to the development of such areas of historical science in the republic as archeography, history, ethnography, historical local lore.

Keywords: A. Z. Asfandiyarov, archeography, history, ethnography, local history.

А.З. Асфандияров – один из выдающихся башкирских историков, наш современник, учитель и коллега. Вклад Анвара Закировича в развитие исторической науки в Башкортостане поражает свои размахом, вызывает искреннее восхищение трудоспособностью великого ученого. А.З. Асфандияров – автор 320 научных работ, в т.ч. 20 монографий и книг. Он был разносторонним ученым: его труды касались таких направлений исторической науки, как археография, история и этнография, в каждом из которых он достиг огромных результатов. Асфандияров стал известен как один из ведущих

представителей локальной истории в республике, подняв на более высокий уровень славные традиции предыдущих поколений исследователей родного края – Н.Н. Барсова, Г.Ф. и З.И. Гудковых, М.Г. Рахимкулова, Ю.А. Узикова и др. Вклад А.З. Асфандиярова в развитие исторической науки находит отражение в ставшей традиционной научной конференции «Асфандияровские чтения», которую проводит Уфимский университет с 2017 г., в появлении все большего количества научных публикаций об ученом [1; 15; 16; 21].

Поколения историков, вышедших из стен Башкирского государственного университета с 1974 г., со времени преподавательской деятельности Асфандиярова, получили первые знания по истории СССР/России, Башкирии и Южного Урала от известного историка и любимого всеми преподавателя. Многим своим студентам-историкам он запомнился как прекрасный лектор, постоянно работавший над собой скрупулезный ученый-исследователь, как прекрасный методист исторического образования, умный, внимательный и требовательный педагог, живой и общительный человек. Все выпускники исторического факультета вправе гордиться тем, что слушали его блестящие лекции, посещали учебные семинары под его руководством, имели возможность общаться с ним не только как с выдающимся ученым и педагогом, но и как с коллегой, старшим другом и товарищем.

Он был удивительно заботлив и терпелив к своим ученикам, коллегам и товарищам, но взыскателен к себе, требователен и самокритичен. Он всегда был занят – преподавательской работой в университете, исследовательской – в архивах Москвы, Ленинграда (затем и Санкт-Петербурга), Уфы, республики и административных центров соседних регионов, общественной – на радио и в телевидении, в школах и гимназиях, музеях и праздниках родословных (шежере-байрам). Несмотря на такой напряженный и насыщенный график работы и жизни, Асфандияров всегда при встречах говорил, что не доволен собой, стал ленив и болезнен, ворчлив и конфликтен.

Как никто другой в профессии, в силу своих заслуг, многочисленных трудов и еще большего числа своих благодарных и как всегда дотошных читателей Асфандияров имел полное право почитать на лаврах, гордиться собой и своими трудами, самодовольно мурлыкать под свои изящные и мудрые усы, традиционно ворча об испорченном поколении молодых историков. Однако ни нарциссизм, ни гедонистический эгоизм не были свойственны великому ученому, в котором высокая требовательность к самому себе удивительным образом диссонировала с поразительной толерантностью в жизни.

К человеческим чертам характера окружающих его людей он относился с высокой долей уважения и признания их в качестве уникальных качеств каждого индивида.

Однако к собственному научному вкладу и взглядам своих учеников и коллег он мог быть очень требовательным, ставя строгие оценки себе и своим коллегам. При этом его строгость и критичность могла быть сохранена и пронесена если не через всю жизнь, то в течение довольно долгого времени. Как отметил на поминках в день похорон его школьный коллега-учитель и старый друг, если к кому он уже сформулировал свое отношение, то не менял его ни под чьим-либо воздействием.

Труды Асфандиярова по истории сел и деревень стали краеугольным камнем и большим стимулом для бурного расцвета исторического краеведения, коллективной и индивидуальной генеалогии представителей практически всех народов республики. Самое активное время его научного творчества началась с эпохи перестройки – бурного подъема национального (этнического) самосознания, возникновения и развития национальных организаций и движений. На волне такого подъема он начал заниматься изучением истории сел и деревень Башкирии, опубликовав первые книги в рамках данной тематики. Первый том «Истории сел и деревень Башкирской АССР» был издан в Башкирском книжном издательстве в 1990 г. [3].

В последующем история сел и деревень республики и башкирских населенных пунктов соседних регионов была изложена в крупной серии в количестве 10 книг. Массив изложенной в ней информации поражает воображение – в этих книгах изложена история населенных пунктов 41 района республики, тысяч населенных пунктов, десятков тысяч имен и фамилий, сотен выдающихся личностей – жителей сел и деревень нашего края, род их занятий и образ жизни и т.д. В своей серии ученый не ограничился описанием населенных пунктов только в нынешних границах республики. Он изучил населенные пункты в границах исторического расселения башкир, которые исконно проживали ранее и продолжают жить и ныне в сопредельных территориях – субъектах Российской Федерации в современных границах: «История башкирских сел и деревень Пермской и Свердловской областей РФ» (1999 г.) и «История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей РФ» (2002 г.) [2; 13; 14].

На основе бурного роста интереса населения республики и прилегающих областей к собственным историческим корням правительством Республики Башкортостан в 2006 г. было принято постановление о ежегодном проведении «шежере байрамы» [20].

Данное решение также стало одним из мощных факторов роста популярности трудов по истории сел и деревень А.З. Асфандиярова, побудившего издательство «Китап» выпустить отдельное цельное издание всех ранее опубликованных книг автора [10].

Указанные книги автора пользуются большой популярностью и спросом среди населения, они вышли значительными для постсоветского времени тиражами, находятся во всех массовых библиотеках, учебных заведениях, музеях, домашних библиотеках населения республики, прилегающих районов, в крупных городах, где действуют башкирские (и татарские) общественные организации и центры. Эти книги также размещены в открытом доступе на многих исторических, краеведческих сайтах, сайтах администраций районов, отдельных населенных пунктов, предприятий, государственных и общественных организаций, средств массовой информации и т. д.

Конечно, труды Асфандиярова по истории сел и деревень исторической территории расселения башкирского народа в прошлом способствовали не только росту современного этнического и культурного самосознания башкир и других народов республики, но и стали одним из факторов многочисленных дискуссий в литературе среди историков и в особенности краеведов, в значительной степени стремящихся конструировать местные истории в пользу своих локальных общин. Однако данное обстоятельство показывает, что, если работы ученого стимулируют всплеск развития локальных историй и дискуссий об истории, происхождении, этничности, демографии, это значит, что они попали «в точку», написаны не только на актуальные научные темы, но и затрагивают общественно-значимые проблемы.

Асфандияров оказал большое влияние на развитие башкирской археологии, положив начало своему вкладу в развитие данного направления исторической науки еще в 1970-е гг. Тогда во 2-м выпуске «Южного археологического сборника» были опубликованы подготовленные Асфандияровым к изданию ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности населения, его социальном и экономическом развитии в середине XIX в. [17]. Данная публикация сыграла большую роль в стимулировании исследований истории, археологии, демографии и этнографии, прежде всего башкир, в период кантонного управления.

В этом же направлении исследований Асфандиярова находится и сборник документов, опубликованный в соавторстве с историками Ю.М. Абсалямовым и М.И. Родновым [18]. Хотя в названии работы в главный объект исследования выведены «западные башкиры», под

ними авторы рассматривали «многонациональное население главным образом Западного и Северо-Западного Башкортостана» и потому, как указывается во введении к работе, «сборник оказался шире своего названия» [18, с. 4].

В вступительной статье к данному изданию при анализе факторов демографического развития башкир и других народов Башкортостана в XIX – начале XX в. Асфандияров не ограничился анализом только признака «крови и почвы» (как известно, основы примордиалистского анализа этничности) в этнической истории башкир и других народов региона, уделив много внимания военно-политическим, социально-экономическим и иным факторам, оказавшим влияние на этническое развитие региона. Так, анализируя проблему демографического скачка башкирского населения между ревизией 1850 г. и переписью 1897 г., автор пишет: «За 1850–1897 гг. при 1,4–1,6 % годового прироста численность башкир в Уфимской, Оренбургской, Пермской, Самарской и Вятской губерниях составила бы ко времени Всероссийской переписи около 1 млн. человек. Резкое увеличение численности башкир произошло из-за включения в их состав более 300 тыс. тептярей и мишарей. В 1897 г. тептярей было 56 тыс., а в 1850 г. – 262 тыс., а мишарей соответственно 26 тыс. и 100 тыс.» [18, с. 34]. Известно, что в составе тептярей были не только башкиры, мишари и татары, строй языка которых близок к башкирскому, но и чувашаи, язык которых относится к болгарской подгруппе тюркских языков и достаточно далек от диалектов башкирского, а также народы финно-угорской языковой семьи – мордва, марийцы и удмурты со своими локальными этнографическими групповыми особенностями. Тем самым, в качестве важных факторов, способствовавших процессам абсорбции и интеграции в составе башкирского народа представителей тептярей, мишарей, татар и ряда других народов региона, происходившим в течение второй половины XIX в., сыграли социальные факторы, а также принадлежность в прошлом наравне с башкирами к служилым сословиям региона.

Стремление Асфандиярова к публикации источников исходило от его собственного отношения к ним как к основе всего исторического исследования. Своих студентов он учил относиться к источникам с уважением, но всегда призывал подвергать их двойной или даже тройной, перекрестной, проверке, и лишь только затем полагаться на их данные. На эту сторону творчества ученого обращают внимание практически все исследователи в своих публикациях о знаменитом ученом. Такой подход Р.Г. Буканова называет «духом позитивизма, требующего от ученого максимально точного воспроизведения

исторических фактов по архивным источникам» [15; с. 50]. Б.А. Азнабаев также отмечает приверженность ученого к следованию данным источника: «Строгость и точность в изложении полученных фактов историк рассматривал в качестве главного условия объективности знания о прошлом» [1; с. 72].

Большинство исследований А.З. Асфандиярова посвящено истории, однако в списке опубликованных работ есть труды и по этнографии башкирского народа. Более того, первые его значительные труды были написаны именно в рамках этнографии в ее классической советской интерпретации. К их числу, прежде всего, относятся статьи по проблемам семьи, семейно-имущественных отношений башкир, их хозяйству, социальной организации дореволюционного башкирского общества. [5; 8]. Позднее исследования ученого приобрели вид отдельных учебных и научных публикаций – учебного пособия, посвященного институтам семьи и брака башкир в XVIII – первой половине XIX в. [12], и монографии по той же проблеме [6]. По структуре обе работы почти идентичны и состоят из следующих разделов: расселение и численность башкир; формы семьи; экзогамия и эндогамия; формы брака; формы развода; положение женщины в семье и обществе. В последнее издание работы был также включен новый раздел – имущественные права членов семьи, основанные как на исламском, так и на обычном праве башкир.

Большой интерес представляет вклад ученого в разработку концепции о происхождении и сущности такой категории населения дореволюционной Башкирии, как тептяри. Как известно, история формирования и развития, этнический состав данной группы до сих пор остается открытой и дискуссионной проблемой в историографии. Асфандияров стал автором и основоположником одной из существующих и фактически доминирующих научных концепций о тептярях. Вкратце суть его рассуждений заключается в следующем: тептяри – социальное сословие, имевшее распространение исключительно на территории исторического расселения башкир; они произошли в результате вытеснения из башкирской общины обедневших башкир, что преимущественно (но не автоматически) вело к потере ими вотчинного земельного права и статуса башкирского сословия. Данный процесс, по мнению ученого, получил отражение и в самом термине тепляр: «по-башкирски – типтәр, от слова тибеу, тибелеу, типтереу, типтер, типтәр», – утверждает Асфандияров [6, с. 33]. Затем по мере распространения стихийной и правительственной колонизации Башкирии группа тептярей стала пополняться представителями народов Поволжья. Через анализ социального и

экономического фактора ученый пришел к формулированию концепции о тептярях как об отдельной сословной группе населения Башкирии, сформировавшейся на основе социально-экономических факторов и просуществовавшей вплоть до 1926 г.

Помимо тептярской темы, Асфандияров много внимания уделил также другим проблемам, традиционно являющимся предметом этнографических исследований башкир. В их числе: семья и семейно-брачные отношения, экзогамия и эндогамия, левират и сорорат, социальные группы башкирского общества – тарханы, различные категории чиновников башкирских кантонов и юрт в период кантонного управления и др.

Башкирским тарханам Асфандияров посвятил отдельную книгу, что является чуть ли не единственным таким исследованием в современной историографии [7]. Тема тарханов в творчестве ученого возникла из пристального интереса к военной службе башкир, в которой тарханы сыграли одну из главных ролей. Вообще, тема военной организации и военной службы башкир была одной из центральных в творческой биографии Асфандиярова. Фактически с этой темы было начато его научное творчество – в 1969 г. была защищена кандидатская диссертация, посвященная системе кантонного управления в Башкирии [3]. Позже, уже в зрелом возрасте, Асфандияров вновь, уже на более высоком уровне, с привлечением более широкого круга источников издал новую книгу о кантонном периоде в истории башкир и мишарей [11].

Наибольшим вкладом в развитие истории башкир и исторического Башкортостана в целом стали две важнейшие работы, одна из которых была авторской, во второй он выступил в качестве одного из редакторов отдельного тома. Первая работа стала фактическим подведением итогов его огромных исследований по истории башкир и исторической Башкирии в составе России до середины XIX в. [4]. Вторая крупная работа – участие в качестве одного из ответственных редакторов в подготовке к изданию 4-го тома «Истории башкирского народа» [19].

А.З. Асфандияров – уникальный историк, старательно оттачивавший отдельные выражения и целые пласты научного текста. Его тексты удивительно сдержанны и компактны, можно сказать, что даже немного скупы на слово, но зато они фактически очень точны, стилистически и литературно грамотны. «Визитной карточкой» практически все работ А. З. Асфандиярова, отличающих их от других авторов, является чрезвычайная насыщенность информацией:

архивной, статистической, литературной, исторической, этнографической и т. д.

Другим украшением работ Асфандиярова является богатый народный фольклор, усыпанный в его текстах в виде монет на хакал (нагрудник) у башкирских женщин. Ученый проявил себя прекрасным специалистом по устному народному творчеству башкир – на все случаи жизни у него припасены множество поговорок, байтов, пословиц и т. д. Особенно это касается его этнографических работ, или работ, содержащих этнографические сюжеты. Например, такие поговорки и пословицы, как «алыстан ат алма, якындан кәләш алма (издалека не бери лошадь, поблизости не бери невесту)», «ете атага еткәс, кыз бауыры алышына (дойдя до 7 колена [отца], девушка становится чужой)» [6, с. 29] и др., свидетельствуют о его глубоком знании и прекрасном понимании сути и содержания башкирского устного народного творчества.

Последние годы жизни ученого стали наиболее плодотворными в его многогранном научном творчестве. В период 2001–2011 гг. он выпустил целую серию крупных исследований, посвященных различным проблемам истории и этнографии башкирского народа, исторической Башкирии в целом в составе России, а также периоду кантонного управления и др. В совокупности все труды А.З. Асфандиярова стали новым большим научным вкладом в развитие исторической науки в Башкортостане.

Литература и источники

1. Азнабаев Б.А. Путь историка: веки исследований Анвара Асфандиярова // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2014. Т. 19. № 4. С. 71–75.
2. Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа: Китап, 2009. 600 с.
3. Асфандияров А.З. Башкирия в период кантонного управления (1798–1865 гг.): дис.... канд. ист. наук. Уфа, 1969. 333 с.
4. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
5. Асфандияров А.З. Башкирская семья в конце XVIII – первой половине XIX в. // История СССР. 1984. № 4. С. 150–161.
6. Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 1997. 104 с.
7. Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с.
8. Асфандияров А.З. Брак и развод у башкир в XVIII – первой половине XIX в. // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма: сб. науч. тр. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С. 137–146.

9. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкирской АССР. Справочная книга: В 3 кн. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990–1993.
10. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
11. Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798-1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. 256 с.
12. Асфандияров А.З. Семья и брак у башкир в XVIII – первой половине XIX в. Учебное пособие. Уфа: Башк. ун-т, 1989. 88 с.
13. Асфандияров А.З., Асфандиярова К.М. История башкирских сел Пермской и Свердловской областей. Кн. 8. Уфа: Китап, 1999. 256 с.
14. Асфандияров А.З., Асфандиярова К.М. История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации. Кн. 10. Уфа: Китап, 2002. 192 с.
15. Буканова Р.Г. Позитивизм ученого А.З. Асфандиярова в исследовании истории Башкортостана (к 80-летию со дня рождения) // Проблемы востоковедения. 2014. № 2 (64). С. 49–52.
16. Бурангулов Б.В. Вклад видного ученого А.З. Асфандиярова в изучение истории Башкортостана // Социально-экономическая и военная история Башкортостана (вторая половина XVI-XXI вв.): Материалы Всероссийской конференции, г. Уфа, 25 апреля 2017 г. Уфа: Педкнига, 2017. С. 12–17.
17. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. / Подгот. к публ. А.З. Асфандияров // Южноуральский археографический сборник / БФАН СССР. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 196–342.
18. Западные башкиры по переписям 1795-1917 гг. / сост. А.З. Асфандияров, Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов: сб. док. Уфа: Китап, 2001. 712 с.
19. История башкирского народа. В 7 т. / Глав. ред. М.М. Кульшарипов. Т. 4: [С конца XVIII в. до начала Русско-японской войны] / ред.: А.З. Асфандияров, Ю.М. Абсалямов, Р.Н. Рахимов, Ф.Г. Хисамитдинова. СПб.: Наука, 2011. 398 с.
20. Постановление правительства Республики Башкортостан «О проведении народного праздника «Шежере байрамы» в Республике Башкортостан» от 10 мая 2006 г. № 121 // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 19 июня 2006 г. № 12 (234). С. 793.
21. Тухватуллин Р.Р., Шагапова Г.Р. А.З. Асфандияров и развитие этнографии башкир // Проблемы востоковедения. 2020. № 2 (88). С. 41–47.

© Шаяхметов Ф.Ф., 2024

Шумилов Е.Н.
канд. ист. наук
Россия, Пермь

Shumilov E.N.
c. of. h. s.
Russia, Perm

ТЕРЮХАНЕ: КТО ОНИ?

Аннотация: Статья посвящена проблеме идентификации терюхан – этнографической группы русского этноса Нижегородской области, которую исследователи часто называют обрусевшей мордвой. На основании обширных источников автор показывает ошибочность данной точки зрения, не игнорируя при этом участие мордвы-эрзя в сложении терюхан. На своеобразие терюхан также оказало влияние длительное пребывание их в стадии язычества. Отличительные особенности данной этнографической группы окончательно исчезли в первые десятилетия XX в.

Ключевые слова: Нижегородская область, терюхане, идентификация, история, современность.

TERYUKHANE: WHO ARE THEY?

Abstract. The article is devoted to the problem of identification of Teryukhans – an ethnographic group of the Russian ethnos of the Nizhny Novgorod region, which researchers often call Russified Mordvins. Based on extensive sources, the author shows the fallacy of this point of view, without ignoring the participation of the Mordvins-Erzya in the addition of teryukhans. The originality of the Teryukhans was also influenced by their long stay in the stage of paganism. The distinctive features of this ethnographic group finally disappeared in the first decades of the XX century.

Keywords: Nizhny Novgorod region, teryukhane, identification, history, modernity.

В последнее время этнографическая группа русского этноса терюхане, компактно проживающая в Нижегородской области по речкам, притокам Озерки и Сечуги (Сечуги), впадающим в Кудьму, правый приток Волги, привлекает к себе пристальное

внимание со стороны историков, археологов, антропологов, этнографов. С одной стороны, исследователи отмечают близость терюхан к мордве, с другой стороны – их специфическую особенность, сближающую с русскими.

Рассмотрим данную проблему с точки зрения разных специалистов. Обследование потомков терюхан, проведенное антропологами, показало явную близость терюхан к мордве-эрзи. Следующим по степени близости оказалось население Верхневолжья. Кроме того, среди терюхан была выделена особая группа, исторической родиной которой было Суздальское Ополе. На основании этого исследователи пришли к выводу, что терюхане появились в результате смешения пришлого русскоязычного населения с эрзянами [6, с. 20 – 27].

В 1927–1928 гг. этнографы М.Т. Маркелов и С.П. Толстов, изучив материальную и духовную культуру терюхан, отметили, что в ней хорошо видна «двойственность этнического типа терюхан», сложившаяся из мордовских и русских элементов. Однако в материальной и духовной культуре преобладали всё же севернорусские элементы [16, с. 104–123].

О языке терюхан известно из сообщения нижегородского епископа Димитрия Сеченова (1743 г.). Согласно ему, они «мордвою никогда не бывали и мордовскаго языка не знали и не знают, а говорят как суздальские и ярославские мужики» [5, л. 79 – 79 (об.)]. Более того, в середине XVIII в. на вопрос нижегородского губернатора, знают ли они свой язык, терюхане отвечали: «Деды и отцы наши мордовского языка не знали, и мы не знаем, говорим исстари по-русски...» [1, л. 12].

С терюханами исследователи отождествляют Пургасову Русь, существовавшую на мордовской земле с 20-х годов XIII в. [6, с. 20–27]. Данные антропологии и язык прямо указывают на исходную область русов, создавших Пургасову Русь: Суздальское Ополе. В 20-е годы XIII в. здесь произошло важное событие: массовый исход населения, оставившего в период с конца X в. более 7 тысяч курганных погребений по обряду ингумации. Курганники-русы переселенные из Южного Приладжья, представляли собой военизированное общество, занимавшее сбором пушной дани с финноязычного населения Северо-Восточной Европы. По мнению археолога Н.А. Макарова, «в Суздальском Ополе была сосредоточена значительная часть социальной верхушки Северо-Восточной Руси, наделенная административными функциями и составлявшая основную военную силу». Значительная часть дружинников проживала в сельской местности и «судя по археологическим данным, это

достаточно широкий социальный слой, состоятельный, но не отделенный жесткими барьерами от остальной части общества» [15, с. 19–26]. При этом они, как и меря, являлись язычниками.

Активными проводниками христианской веры в Северо-Восточной Европе были владими́ро-суздальские князья. Особо религиозным рвением отличался Ярослав Владимирович. Именно в период его правления в Суздальском Ополе исчезли курганные погребения. Одновременно на мордовских землях появляется Пургасова Русь, хоронившая покойных в курганах. Очевидно, вместе с русами-язычниками ушла в мордовские леса и меря. Этим можно объяснить стремительное исчезновение мери в Ополе. После ухода воинов-язычников в Владимиро-Суздальской земле произошла кардинальная смена населения. «Краниологическими изысканиями выявлен «парадоксальный факт» – между антропологическим строением средневекового населения Северо-Восточной Руси, восстанавливаемым по скелетным остаткам в курганах XI–XIII вв., и современным русским населением тех же территорий отсутствует преемственность» [23, с. 402].

О существовании Пургасовой Руси известно из Лаврентьевской летописи. В ней под 1228 г. указано: «Муромский князь Гюрги Давыдович вшед в землю Мордовскую, Пургасову волость пожгоша жита и потравиша, и скот избиша, полон послаша назад...» [22, с. 428–429]. В апреле следующего года Пургасова Русь нанесла ответный удар по Нижнему Новгороду, основанному в 1221 г. великим князем владимирским Юрием Всеволодовичем: «...придоша Мордва с Пургасом к Новугороду... и зажегше монастырь Св. Богородици и церковь...» [21, с. 312–313]. Примечательно, что объектом погрома русов-язычников Пургаса стали монастырь и церковь.

В последующие века письменных сообщений о Пургасовой Руси нет. Но данные археологии свидетельствуют о том, что русы продолжали жить здесь и позднее. При этом русские и эрзянские селища располагались попарно. Естественно, что в таких условиях межэтнические русско-эрзянские контакты могли быть более чем активными [12, с. 23–34].

Русы продолжали участвовать в боевых действиях. На это указывает Старосельский терюханский могильник второй половины XIII–XIV вв., где был погребен убитый воин-всадник. В урочище Князь близ деревни Малое Терюшево, по рассказам стариков, хоронили в давние времена только богатых. По этому поводу говорили: «пора уж готовиться на Князь» [10, с. 117–120].

Возможно, что русы могли бы полностью слиться с мордвой и утратить язык. Но в 1341 г. было образовано Нижегородское великое княжество. При князе Константине Васильевиче в нем началось летописание. Из «Нижегородского летописца» известно, что данный князь повелел селиться русским людям «по Кудме, и на мордовских селищах, где кто ни похочет» [20, с. 2–3]. Видимо, именно тогда на кудьминской земле появилось селение Дальнее Константиново (Ближнее расположено близ Нижнего Новгорода) и «поле Константиново»: эти топонимы связывают с именем князя. Если судить по расселению терюхан в более позднее время, можно отметить, что новые поселенцы в бассейне реки Кудьмы селились не внутри терюханской земли, а вблизи ее, охватив терюхан полукольцом. В 1549 г. казанские мурзы совершили набег на муромские земли, но были разбиты войсками московского царя за рекой Кудьмой на «поле Константиновом» [28].

После покорения Казани Иваном Грозным кудьминские земли вошли в состав Русского государства. Население получило льготы, а после окончания их срока в 1588 г. была проведена перепись населения. Из нее мы узнаем названия терюханских деревень Бакшеево, Борцово, Татарское, Сескино и других, с. Большое Тепелево. В них насчитывалось тогда 76 дворов и еще было 12 пустых дворовых мест. Терюхане получили статус дворянских крестьян, тогда как мордва считалась ясачной. Они занимались земледелием и бортничеством, поставляя рожь, овес и мед к царскому двору. Этим терюхане отличались от мордвы, платившей ясак только медом. Примечательно, что наряду с русскими церковными и языческими именами в форме Исачко, Васька, Сенька, Корнилко, Ивашко, Кирилко, Михалко, Малко, Воинко, у них были имена типа Немусак, Удемш, Орземас, Валгаман [7, с. 5–76].

К 1612 г. уже существовала Терюшевская дворянская волость (названа по селению Терюшево; от него же и наименование терюхане). В дозорной книге 1613 г. указаны те же селения терюхан, что и в 1588 г.: Старое Сескино, Новое Сескино, Татарское, Новое Борцово, Старое Борцово, Бакшеево, Малое Терюшево, Старое Терюшево, Новое Тепелево, Сарадон, Кужедом и пустошь Старое Тепелево. Интересен факт: Кужедом – это бывшее «большое село Тепелевское» [14, с. 20–21, 81–85]. Иными словами, единственная церковь, существовавшая у терюхан, исчезла.

В 1634 г. близ селений терюхан нижегородским дворянином П.А. Глядковым был основан Оранский Богородицкий мужской монастырь. С самого своего начала монастырь стал подвергаться

нападениям со стороны терюхан, которые считали, что монастырский храм был построен в их бортевом лесу. Они направили челобитную царю Михаилу Федоровичу. Царь предписал вернуть землю прежним владельцам, но местные власти послали ему опровержение. После чего царь был уже на стороне монастыря. Споры затянулись на многие годы. В 1664 г. в ответ на просьбы монахов новый царь Алексей Михайлович приказал отмежевать для монастыря не только лес, но и пашни и прочие угодья местных жителей. Взбешенные терюхане в 1665 г. убили ставшего к тому времени схимонахом П.А. Глядкава [8, с. 392–395].

Согласно переписи 1646–1648 гг. в жизни терюхан произошли заметные изменения: появились два новых села: Терюшево и Новое Покровское или починок Борисов (позднее с. Борисово), а число деревень существенно выросло. Многие из них именовались как «деревня новый починок»: Суровиха, Учеватиха, Мирша, Льготка, Зубаниха, Лапшиха, Кривуша, Вышка и др. Практически все их названия были русские. Можно с уверенностью утверждать, что именно в первой половине XVII в. сформировался основной массив терюханских деревень, который в последующее время только дополнялся [4].

В 1685 г. в Россию приехал царь имеретинский Арчил с царевичем Александром. В следующем году Петр I предоставил в их личное пользование нижегородские «...дворцовые волости Терюшевская, Белгородская и Лысковская с принадлежащими к ним селами, деревнями и крестьянами» [9, с. 203–222]. Так в одночасье терюхане из дворцовых крестьян превратились в помещичьих. И, тем не менее, в этот период население Терюшевской волости продолжало оставаться языческим. Об этом свидетельствует грамота 1686 г. [18].

По данным переписи 1722–1723 гг. в Терюшевской волости насчитывалось 766 дворов. Наиболее крупным населенным пунктом было с. Терюшево, где находился центр имения грузинских князей и жили их дворовые люди – 118 дворов. Также многолюдны были деревни Бакшеево (71 двор) и Малое Терюшево (42 двора) [19]. По сравнению с 1588 г. число дворов увеличилось в 10 раз.

В 1743 г. управляющий имением грузинских князей писал, что жители Терюшевской волости (в XVIII в. она часто именовалась пятиной) «христианской веры принять не желают, и хотят от того оставив дома свои зажигать и бегать, или самим всем погореть без остатка». Более того, терюхане подали прошение хозяину, в котором писали: «мы ... молимся по своей мордовской вере в полях и лесах, и христианской принять не желаем» [27]. Упорство терюхан

в сохранении языческой веры, при наличии в селениях церквей, существенно отличало их от мордвы, принявшей православную веру без особых эксцессов.

В мае того же 1743 г. через Терюшевскую волость проезжал нижегородский епископ Дмитрий Сеченов. Увидев на кладбище языческие надмогильные срубы, он повелел их уничтожить, что вызвало недовольство крестьян [5, л. 79–79 (об.)]. Вспыхнуло восстание, которое возглавил житель Большого Сескино Несмийн Кривой. Повстанцы нанесли поражение царским войскам, но 26 ноября 1743 г. были разбиты. Их руководители отправились на пожизненную каторгу. В общей сложности были наказаны 282 чел. Отдельные очаги восстания сохранялись вплоть до 1745 г. [2, л. 264–265].

Период толерантного отношения церкви к терюханам закончился. Теперь церковники решили ломать терюхан «через колено», используя административный ресурс. В 1744 г. в челобитной, адресованной императрице Анне Иоанновне, выборные деревень Терюшевской волости Данила и Живайка Цанаевы от имени всей волости просили не подвергать их насильственному крещению, отозвать из волости епископа Нижегородского Дмитрия, который с попами и солдатами не желавших креститься арестовывал, держал их в кандалах и колодках, бил мучительно, привязав к столбам, а в купель окунал связанными и кресты надевал на связанных. Несмотря на жалобы принудительное крещение продолжалось [2, л. 468].

XVIII в. прошел под знаком роста числа церквей на терюханской земле. К 1716–1717 гг. они были в сс. Тепелево, Теплое, Суровиха, Борисово, Богоявленское, Терюшево, к 1720 г. – в сс. Кирилово и Гремячево, Поляна тож, к 1740 г. – в новокрещенном с. Сивуха (Сиуха), к 1762 г. – в с. Арманиха, к 1777 г. – в с. Маргуши [3]. Это говорит о постепенном укреплении позиции православной веры среди терюхан.

И, тем не менее, бунтарский языческий дух не был выбит из терюхан окончательно. Об этом свидетельствуют события 1808–1810 гг. Тогда в Терюшевской волости объявился «пророк» Кузька – крестьянин деревни Большое Сескино Кузьма Алексеев. Он прославился своими радикальными взглядами на православную веру и крепостное право, которые представляли собой своеобразное «двоеверие»: смесь элементов православия и язычества. Местные крестьяне, иронически относившиеся к данному учению, шутливо называли Кузьму Алексеева «Кузька-Бог». Кузьма Алексеев обрел немногочисленных последователей, с которыми был арестован и отправлен в сибирскую ссылку [24, с. 124–145].

Надо сказать, что на терюханской земле в 1712–1713 гг. уже была одна оригинальная личность – беглый мелкопоместный дворянин Угличского уезда Андрей Иванов сын Крекшин, бывший наемным работником у местных крестьян. Крекшин заявил, что он – «царевич Алексей, сын императора Петра I». Но на его слова терюхане не повелись и выдали как бродягу властям [11, с. 177–179].

После 1789 г. имение грузинских князей начало дробиться. В результате населенный пункт мог принадлежать сразу нескольким помещикам. В частности, деревню Берсениха делили четыре помещика, селения Большое Терюшево, Лапшиха, Лом, Инютино, Борцово, Муравыха – три помещика и т. д. [25, с. 107–121].

В 1859 г. в первый и последний раз были опубликованы официальные сведения о числе терюханских селений и общей численности терюхан. Тогда в Нижегородском уезде значились терюханскими 43 населенных пункта, в которых проживали 25317 чел., населявших 4133 двора. По сравнению с 1722–1723 гг. число дворов терюхан выросло почти в 5,4 раз. Наиболее крупными населенными пунктами были: Борисово – 1429 чел., Большое Терюшево – 1147, Богоявленское – 954, Инютино – 947 и Романиха (Арманиха) – 934 чел. [17, с. XXVIII–XXIX]. В реалии численность терюхан была занижена. В список терюханских селений не попали: Сарлей (ранее Новое Борцово), Кудрино, Кужутки, Румстиха и другие селения, которые в разных источниках считались терюханскими.

К 1 января 1910 г. терюханские селения делились между семью волостями Нижегородского уезда. В 43 селениях насчитывалось 7169 дворов. За истекшие 50 лет их число выросло в 1,7 раз. Наиболее крупными по числу дворов были Тепелево (297), Борисово (295), Большое Терюшево (266), Березники (266), Суроватиха (264), Малое Сескино (261), Борцово (258), Арманиха (256), Мигалиха (253) [25, с. 107–121].

Последняя информация о терюханах относится к 1928 г., когда их обследовали этнографы. Они отметили, что терюхане проживали, тогда как минимум в 27 селениях Нижегородского уезда, в том числе в тех, которые в 1859 г. не были включены в список терюханских деревень [16, с. 104–123]. Ученые зафиксировали последнюю стадию существования терюхан, как обособленной этнографической группы. Спецификой бывших терюханских деревень был стабильный рост численности населения и многолюдность. Для терюхан не был характерен выход на хутора. Новых селений было не так много. Один населенный пункт – Вшивка – в 1925 г. получил новое название – Новая Владимировка. Войны и голод 1921–1922 гг. способствовали

тому, что к 1926 г. число дворов в ряде селений (Богоявленское, Лапшиха, Малое Сескино, Мигалиха, Арманыха, Сарадон, Тепелево, Теплое, Учеватиха) сократилось по сравнению с 1910 г. В Борцово оно осталось на прежнем уровне, а в населенных пунктах Арапиха, Бакшеево, Большое Сескино, Льготка, Макраша, Надеждино, Большое Терюшево заметно выросло. В 1926 г. наиболее крупными селениями терюхан были сс. Большое Терюшево (1383 жит.), Суrowатиха (1283 жит.), Тепелево (1200 жит.). Основная масса терюхан концентрировалась в Дальнеконстантиновском районе. Примечательно, что в районном центре Дальнее Константиново тогда жило лишь 1250 чел. [26, с. 32–33].

В советский период истории терюханское своеобразие практически исчезло: они уже ничем принципиально не отличались от остальных русских. В целом можно сказать, что терюхан, несмотря на мордово-эрзянское наследие и то, что они прежде часто ассоциировали себя мордвой, нельзя считать таковыми. Это была специфическая этническая группа русских. Для потомков терюхан слово «мордвин» является до сих пор обидным и унижительным прозвищем [13].

До начала XXI в. дожили почти все бывшие терюханские селения. В этом заключается кардинальное отличие их от чисто русских деревень, где в советский период истории исчезли целые волости. Правда, существенно обезлюдели и терюханские селения, но по причинам общероссийского характера. В целом с 1939 по 2020 г. Дальнеконстантиновский район потерял 38,4 тыс.: его население уменьшилось с 58,8 до 20,4 тыс. [29].

К сожалению, «жестокий» XXI в. добрался и до населенных пунктов бывших терюхан: они тоже стали исчезать. Так, между 2002 и 2010 гг. прекратила свое существование деревня Учеватиха. Совсем мало осталось жителей в селениях Белая Поляна, Бересниха, Большое Терюшево, Гремячая Поляна, Льготка, Макраша, Ольгино, Надеждино и Тепло-Троицкое. Свои позиции по данным переписи 2010 г. пока сохраняют сс. Богоявление (944 жит.), Муравыха (773 жит.), Тепелево (647 жит.), Татарское (583 жит.), Инютино (510 жит.) [30]. В ходе переписи 2002 г. принадлежность к терюханам указали 15 чел. [31]. Но это, скорее всего, лишь дань исторической памяти.

Литература и источники

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 805. Л. 12.
2. РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 805.
3. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 279; Оп. 2. Д. 1950; ЦАНО. Ф. 570. Оп. 552. Д. 418; Оп. 553. Д. 23; Оп. 554. Д. 77; Оп. 555. Д. 66, 79.
4. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 296.

5. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
6. Абрамов В.К. К вопросу об антропологическом типе мордвы-терюхан: материалы X Международного конгресса финно-угроведов: археология, антропология и история. Йошкар-Ола, 2008. Ч. 4.
7. Анпилов Г.Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). Москва, МГУ. 1977.
8. Брызгалова А.А., Ныркова М.А., Кудрина А.А. История изначалия Оранского мужского монастыря // Молодой ученый. 2015. Т. 14 (94).
9. Бутков П.Г. О духовном завещании Имеретийского Царя Арчила. Северный Архив, 1824. Ч. XII.
10. Втюрина К.Н., Четвертаков Е.В. Пример раневой баллистики по данным Старосельского терюханского могильника // Археология евразийских степей (Казань). 2019. № 5.
11. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I (по материалам Преображенского приказа). Москва, 1957.
12. Грибов Н.Н. Русские и мордва в XIII–XV вв.: расселенческий аспект взаимодействия (по данным археологии) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2020. № 4 (60).
13. Девуцын В.А., Карабельников Д.В. К вопросу об этнической принадлежности терюхан в контексте особенностей местной разговорной речи // Поволжские финны на перекрестке эпох. Нижний Новгород: Новая гуманистическая культура, 2019.
14. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: сборник статей, сообщений, описей дел и документов. Нижний Новгород, 1905. Т. 6. Отд. 3.
15. Макаров Н.А. Суздальские древности и проблемы становления Северо-Восточной Руси // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. Москва, 2008.
16. Маркелов М.Т., Толстов С.П. К истории терюханской народной культуры (предварительное сообщение) // Этнография. 1928. № 2. Кн. 6.
17. Нижегородская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года. Санкт-Петербург, 1863.
18. Нижегородские губернские ведомости. 1848. № 46.
19. Нижегородские епархиальные ведомости. 1902. № 11.
20. Нижегородский летописец / работа А.С. Гациского. Нижний Новгород: типография губернского правления, 1886.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Ленинград, 1926–1928.
22. Русские летописи. Т. 12. Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001.
23. Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. Москва, 2005.
24. Снежневский В.И. Кузьма, пророк мордвы-терюхан // Исторический вестник. 1892. Т. 50.
25. Список населенных мест Нижегородской губернии. Нижний Новгород. Типо-Литография «Нижегородское Печатное Дело», 1911.

26. Статистический справочник по Нижегородскому округу (районный разрез). Нижний Новгород: Государственное издательство: Нижегородское краевое отделение, 1930.

27. Титов А.А. Терюшевский бунт // Русское обозрение. 1893. № 8 – 10.

28. <https://nn.mk.ru>korabl-plyvushhiy-iz-proshlogo> (дата обращения: 13 октября 2023)

29. <ru.wikipedia.org>Дальнеконстантиновский район> (дата обращения: 13 октября 2023)

30. [ru.wikipedia.org>Населённые пункты Нижегородской области в районах \(от А до К\) \(дата обращения: 13 октября 2023\)](ru.wikipedia.org>Населённые пункты Нижегородской области в районах (от А до К) (дата обращения: 13 октября 2023))

31. perepis2002.ru>ct/doc/descript_00.doc (дата обращения: 13 октября 2023)

© Шумилов Е.Н., 2024

МОЛОДЕЖНЫЙ КОНВЕНТ

УДК 93/94

Алпеев А.А.
студент
Россия, Курск, КГМУ

Alpeev A.A.
student
Russia, Kursk, KSMU

ОТ СТУДЕНТА ДО ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ ЖИЗНИ И.Г. КОЦЮБИНСКОГО

Аннотация: в статье представлена реконструкция научной биографии выдающегося преподавателя-практикующего врача И.Г. Коцюбинского, влияние которого на развитие медицинской науки в Курской области и за ее пределами не просто сохраняется в XXI в., но становится более заметным.

Ключевые слова: И.Г. Коцюбинский, медицина, биография, Курская область.

FROM STUDENT TO DEPARTMENT HEAD: PROFESSIONAL TRAJECTORY OF I.G.'S LIFE KOTSUBINSKY

Abstract. Reconstruction of the scientific biography of the outstanding teacher-practicing physician I.G. Kotsyubinsky is presented in the article. His influence on the development of medical science in the Kursk region and beyond not only remains in the 21st century, but becomes more noticeable.

Keywords: I.G. Kotsyubinsky, medicine, biography, Kursk region.

Игорь Георгиевич Коцюбинский родился 14 апреля 1912 г. в семье юриста в городе Пермь. Детство мальчика было тяжелым. После смерти отца в 1922 г. и болезни матери был отдан в детский дом в Иркутске, потом вторым мужем матери был взят на воспитание. По окончании средней школы работал в качестве шофера вплоть до поступления в институт.

В 1935 г. Игорь Георгиевич начинает работу в Курском трампарке в качестве шофера автобуса. В этом же году в городе начинает свою работу медицинский институт, куда и поступает будущий хирург. Закончив ВУЗ с отличием в 1940 г., Коцюбинский остается в клинической ординатуре при Лор-кафедре, но уже в марте 1941 г. был призван в армию в качестве начальника санитарной службы. Игорь Георгиевич пройдет всю войну, побывает в плену и станет ведущим хирургом госпиталя, а в июне 1946 г. демобилизован в звании майора медицинской службы. За время службы в армии он получил несколько наград: Орден «Красной Звезды», медаль «За победу над Германией».

По возвращении в Курск закончил клиническую ординатуру госпитальной хирургии, затем остался на ней в качестве ассистента. В характеристике на клинического ординатора Игоря Георгиевича Коцюбинского написано: «Свободно оперирует не только в области средней, но и во многих разделах большой хирургии». Уже в это время он активно занимался научной работой и заканчивал написание диссертации «Клинико-морфологическая характеристика острых разлитых перитонитов». Сфера интересов Игоря Георгиевича не заканчивалась на медицине. В 1949 г. он закончил Вечерний университет марксизма-ленинизма и на протяжении всей своей жизни повышал идейно-политический уровень.

После защиты кандидатской был избран на должность доцента кафедры в 1959 г. В 1963/1964 учебному году Коцюбинский занимал

пост в.р.и.о. заведующего кафедрой Общей хирургии. Свои обязанности Игорь Георгиевич выполнил добросовестно, за что ему и была объявлена благодарность. Вернувшись на прежнее место, читал курс военно-полевой хирургии. В 1966 г. Коцюбинский получает высшую государственную награду – орден Ленина. В 1969 г. Игорь Георгиевич получает назначение на должность заведующего кафедрой общей хирургии. В следующем году им защищена докторская диссертация на тему «Сравнительная характеристика аллопластических методов закрытия обширных дефектов брюшной и грудной стенок», после чего был утвержден в звании профессора. Коцюбинский успешно руководил кафедрой до 1 июля 1977 г., когда Игорь Георгиевич написал заявление в связи с выходом на пенсию.

За свою жизнь этот выдающийся человек написал около 46 научных работ. Сложно найти область хирургии, которая не поддалась Коцюбинскому. Он владел техникой нейрохирургических, торакальных, абдоминальных, травматологических оперативных вмешательств. На протяжении всей трудовой деятельности он пользовался авторитетом среди пациентов, студентов, преподавателей.

Литература и источники

1. Коцюбинский Игорь Георгиевич // <https://poisk.re/person/political/2663608>
2. Лазаренко В.А. Курский государственный медицинский университет: прошлое и настоящее // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 97–102.
3. Кравцова Е.С. Участие студентов и сотрудников Курского медицинского института в Великой Отечественной войне // Проблемы изучения военной истории: сб. ст. Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара, 2015. С. 184–185.

© Алпеев А.А., 2024

Батталов Р.Р.
студент
Россия, Уфа, УУНГТ
научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Хазиев Р.А.

Battalov R.R.
student
Russia, Ufa, UUST
scientific supervisor – d. of h. s., professor Khaziev R.A.

МЕЛКОРОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В УФЕ ЭПОХИ НЭПА

Аннотация: в статье рассмотрены особенности мелкорозничной торговли в столице БАССР – Уфе периода НЭПа. Определены предпосылки для развития частного предпринимательства в рассматриваемый период. Рассмотрены примеры организации малого бизнеса в Уфе и проблемы, с которыми столкнулись «советские предприниматели». На основе приведенных примеров проведен анализ развития мелкорозничной торговли в Уфе в годы НЭПа.

Ключевые слова: Новая экономическая политика, БАССР, Уфа, торговые операции в 1921–1928 гг., мелкорозничная торговля, частная торговля, коммерциализация народного хозяйства.

SMALL RETAIL TRADE IN UFA DURING NEP

Abstract. The article examines the features of small-scale retail trade in the capital of the BASSR - Ufa during the NEP period. The prerequisites for the development of private entrepreneurship in the period under review have been identified. Examples of small business organization in Ufa and the problems faced by «Soviet entrepreneurs» are considered. Based on these examples, an analysis of the development of small-scale retail trade in Ufa during the years of the NEP was carried out.

Keywords: NEP, BASSR, Ufa, trade operations, 1921–1928, small-scale trade, private trade, commercialization of the national economy.

Период Новой экономической политики представляет собой важный этап в истории СССР. НЭП был введен в замещение военного коммунизма и внес существенные изменения в экономическую жизнедеятельность страны. Народное хозяйство советского

государства стало более разнообразным и было представлено легально действующим частным капиталом в Центре и на местах [6].

НЭП оказал значительное воздействие на советское общество, помог справиться с кризисом, возникшим вследствие Первой мировой войны и Гражданской войны. В начале 1920-х гг. советское государство столкнулось с серьезными трудностями в обеспечении населения товарами и услугами, что вызывало резкое недовольство населения. Главной целью НЭПа стало восстановление экономики, которая была подорвана военным коммунизмом. Советскому правительству, для решения острого хозяйственного кризиса, вынужденно пришлось на время заморозить систему командного администрирования экономики и допустить «частника» к торговле и производственной деятельности. Предпринимательская деятельность, которая ранее искоренялась, стала легально функционировать при государственном регулировании торговли [2].

Предприниматели достаточно быстро восстановили товарообмен между различными регионами СССР, что было сложной задачей для неэффективной государственной бюрократии. В этой ситуации мобильная и децентрализованная розничная торговля значительно лучше отвечала потребностям покупателей. Даже продукция, производимая государственными предприятиями, стала распространяться через частных торговцев. В период Новой экономической политики начала активно развиваться мелкорозничная торговля как в БАССР, так и в Уфе [5].

Актуальность данной темы обусловлена тем, что опыт Башкирии, и в том числе Уфы 1920-х гг. представляет значительный интерес, так как он позволяет рассмотреть особенности функционирования многоукладной экономики в ситуации, когда сбалансировано учитывались интересы государства, кооперативных организаций и частного советского бизнеса.

В первую очередь, процесс коммерциализации народного хозяйства периода НЭПа способствовал развитию мелкорозничной торговли. Среди первооткрывателей частного предпринимательства, которые «открыли» свое дело «с начала Новой экономической политики» в Уфе, стоит отметить Федора Ивановича Колбенева. Он начал свой бизнес в местном Гостином дворе, где торговал изделиями из кожи. Не стремясь стать крупным предпринимателем, Колбенов проводил торговый оборот в размере до 6 тысяч рублей в месяц. Его магазин располагался в центре Уфы, и он предпочитал поддерживать стабильное материальное положение, обеспечивая беззаботное существование своей семьи.

Братья Сергей и Николай Слободские также были среди первых, кто начал свой бизнес в Уфе в 1922 г. Впоследствии бизнес полностью перешел в собственность Сергея Слободского. Работая «исключительно на кредитах», он смог развить товарооборот своей фирмы до 24 тысяч рублей к середине 1925 г. Слободский славился своей честностью и часто получал товары от фирм в Москве и отделений Госторга «под честное слово». С другой стороны, Степан Федорович Савельев, бывший владелец магазина готовой одежды и обуви до революции, в 1923 г. решил начать собственное дело. Впрочем, он оставался осторожным предпринимателем и не вкладывал большие суммы в свой бизнес. Его стартовый капитал составлял всего 600 рублей, и к концу 1925 г. его месячный оборот не превышал 1000 рублей.

Наконец, фармацевт Наум Аронович Хопянов начал свой бизнес в Уфе, открыв фирму по производству товаров, таких как крем для обуви, синька, чернила и штемпельная краска. Его продукция, благодаря высокому качеству и качественному сырью, которое он приобретал в Москве, пользовалась популярностью и была востребована как государственными, так и частными организациями, а также отдельными лицами [1].

Один из предпринимателей, выделяющихся среди местных частников, был искусный мастер по бондарному делу по имени Искандер Исмаилович Курамшин. Несмотря на многочисленные проверки, он смог устоять и продолжать свой бизнес вплоть до конца 1920-х гг. Курамшин являлся высокопрофессиональным специалистом, приобретавшим опыт в изготовлении бондарных чанов и бочек в различных странах, включая Францию, Англию и Америку, с 1904 по 1913 г. Он мог значительно расширить свое производство, но избегал этого, опасаясь высоких налогов и государственных сборов. Курамшин поддерживал ограниченный годовой оборот в размере не более 40 000 рублей и предпочитал проводить сделки за наличный расчет, чтобы избежать навязывания налоговых платежей. Его финансовая стратегия включала предпочтение частных займов и недоверие к Обществу взаимного кредита (ОВК), которое постоянно предоставляло информацию о ссудах, взятых предпринимателями для поддержания своих дел.

Другой предприниматель, Павел Артемьевич Петросян, начал свой бизнес, изготавливая обувь без официальных разрешений еще в 1918 г. Он смог легализовать свой бизнес после начала НЭПа и начал производить чукьяки на заказ, которые были востребованы кооперативами. Этот бизнес оказался очень прибыльным, и Петросян

стал одним из высокооплачиваемых заемщиков, получая кредиты от ОВК. Однако муниципализация его дома в апреле 1927 г. снизила его кредитный рейтинг в четыре раза, и его бизнес столкнулся с финансовыми трудностями.

Иван Банников из Уфы также аккуратно развивал свой бизнес, преимущественно в торговле кожаными изделиями. Несмотря на то, что его бизнес считался кредитоспособным, он предпочитал хранить небольшой запас товаров в своем магазине (не более 600–800 рублей) и был насторожен к советской власти, внимательно следя за ее политикой в отношении частных предпринимателей. Все описанные случаи успешного выживания и иногда даже роста бизнеса в 1926–1927 гг. представляют собой редкие исключения из общего правила угасания эпохи нэпманов в конце 1920-х гг. Многие частные предприниматели не смогли сохранить свои предприятия и столкнулись с трудностями. Наиболее распространенными в 1928–1929 гг. были истории с трагическими последствиями: многие предприниматели разорались и даже попадали в тюрьму, если не могли закрыть свой бизнес "мирно". Этот период был свидетелем завершения Новой экономической политики (НЭП) и ужесточения антинэпманских мер и репрессий со стороны советской власти. Частные предприниматели столкнулись с давлением, угрозами и конфискацией имущества [4, с. 94, 137].

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что в конце 1920-х гг. бизнесмены, несмотря на стремление развивать бизнес, не выдерживали карательного налогообложения и социального давления со стороны властей, несли крупные финансовые потери и закрывали бизнес. Это был период перехода к более жесткому контролю со стороны советской власти, когда предпринимательская деятельность стала «объектом внимания правоохранительных органов» [3, с. 60].

Таким образом, на примере коммерческой деятельности предпринимателей Уфы можно сделать вывод, что представители частного капитала искренне верили в экономическую мудрость государства, несмотря на все административные ограничения, которые сдерживали размах деловой активности «красных купцов». Однако их коммерческие планы разрушились, когда правительство в 1927 г. ввело драконовский закон об изъятии сверхприбыли, приравняв законопослушных частников к спекулянтам. Это был закон, который положил начало «удушению» частных предпринимателей в стране.

Литература и источники

1. Антошкин А.В. Особенности развития торговли Башкортостана в годы нэпа // Клио. 2010. № 1(48). С. 94–99.

2. Бахтин В.В. Государственное регулирование торговли в годы новой экономической политики // Евразийский форум. 2010. № 1 (2). 29–34.

3. Килин А.П. Частная торговля в годы нэпа: отечественная историография 1920–1980-х годов // Genesis: исторические исследования. 2021. № 9. 46–66.

4. Хазиев Р.А. Зигзаги «альтернативной экономики» на Урале в годы командного администрирования и нэпа: черный рынок – легальная коммерция «красных нуворишей». Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 155 с.

5. Хазиев Р. А. Бизнес-досье как исторический источник по изучению «красных купцов» БАССР эпохи НЭПа // Terra Bashkiria: новые источники по изучению башкир (к 100-летию создания научного общества по изучению Башкирии); материалы Всероссийской научно-практической конференции / ред. М.Н. Сулейманова. Уфа: Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан, 2023. С. 138–141.

6. Хазиев Р.А. «Капиталистическая» торговля на Урале в годы НЭПа // Национальные окраины Российской империи: этнополитическая и социально-экономическая история. III Асфандияровские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / ответ. ред. Р.Н. Рахимов. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. С. 114–117.

© Батталов Р.Р., 2024

УДК 93/94

Бахтиярова З.В.

студент

Россия, Уфа, УУНИТ

научный руководитель – д-р филос. наук, профессор Лукманова Р.Х.

Bakhtiyarova Z.V.

Student

Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – d. of ph. s., professor Lukmanova R.Kh.

БАШКИРСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОТ ОПЕРЫ АЛЬМУХАМЕТОВА ДО ЭТНОПОПМУЗЫКИ ЗАЙНЕТДИНА

Аннотация: башкирская народная музыка представляет собой культурное достижение, достойное изучения в России и на Западе. Профессиональное музыкальное искусство Башкортостана основано на богатой народной музыке и сформировалось в первой половине 20 века. Спустя целое столетие этническая музыка Башкортостана стала более разнообразной, но ее звучание и смысл не менее завораживают. Сегодня не только старшее поколение интересуется музыкой своей

родины, но и благодаря таким исполнителям, как Зайнетдин, молодежь также приобщается к музыкальной культуре.

Ключевые слова: башкирская культура, национальная опера, башкирский рэп, башкирский рок, этномузыка.

BASHKIR MUSICAL CULTURE: FROM ALMUKHAMEDOV'S OPERA TO ZAYNETDIN'S ETHNO-POP MUSIC

Abstract. Bashkir folk music represents a cultural achievement worthy of study in Russia and the West. The professional musical art of Bashkortostan is based on rich folk music and was formed in the first half of the 20th century. A whole century later, the ethnic music of Bashkortostan has become more diverse, but its sound and meaning are no less fascinating. Today, not only the older generation is interested in the music of their homeland, but thanks to performers such as Zaynetdin, young people are also becoming familiar with the musical culture.

Keywords: Bashkir culture, national opera, Bashkir rap, Bashkir rock, ethnomusic.

Башкирская национальная музыка является уникальным наследием башкирского народа. Она сформировалась на почве устного народного творчества, объединенного с традиционными мелодиями. Основным источником музыки являются народные музыкальные инструменты: курай, думбра, кубыз/варган. Они создают самобытность и неповторимость мелодий. Сами песни издревле слагались поэтами – сэсэнами. Несмотря на то, что башкирская национальная музыка имеет некоторую схожесть с музыкой других кочевых народов, все же она оригинальна [2].

До начала XX в. башкирская музыка оставалась на стадии устного музыкально-поэтического творчества. С 1920-х гг. башкирская национальная культура начала новый виток формирования: происходит становление профессиональной музыки, которое включает в себя открытие специальных профессиональных музыкальных школ. Этот этап прочно сплетен с именами Г.С. Альмухаметова, Ю.М. Исянбаева, С.Х. Габяши, А.С. Ключарева, И.В. Салтыкова. Они поставили в основу своей работы накопление и исследование народного поэтично–музыкального искусства. Их работы в области музыкального башкирского фольклора в 1920-е годы имели огромное значение в становлении музыкальных профессиональных жанров [4].

Башкирская опера сформировалась как самостоятельный жанр в 1940-е гг. Но более ранние попытки предпринимаются еще в 1920-х гг.

В 1925 г. в Казани представляют оперу «Сания», а в 1930 г. – «Эшсе» («Рабочий») по одноименной поэме М. Гафури. Над произведениями работало знаменитое трио: башкир Г.С. Альмухаметов, русский В.И. Виноградов и татарин С.Х. Габяши. Это событие принято считать отправной точкой в формировании профессиональной башкирской музыки, хотя на территории нашей республики эти оперы исполнялись только в виде отрывков на сборных концертах. До премьеры оперы «Накмар», которая ознаменует новый период в развитии оперного искусства в республике, пройдет еще почти двадцать лет, насыщенных музыкальными экспериментами и поисками оригинальных идей.

В своем становлении башкирская опера опиралась на народное музыкальное творчество, на традиции русской классической музыки и опыт современного искусства. Прообразами первых башкирских опер были музыкальные спектакли, включавшие большое количество фольклорно-этнографических картин и воскрешающие на сцене обряды, легенды и сюжетно-поэтическую основу народных песен.

В 1934 г. башкирский писатель Сагит Мифтахов написал драму «Накмар» о становлении колхозов в молодой республике. На ее основе в 1939 г. был создан первый вариант оперы. Музыка к ней написал М.М. Валеев, оркестром руководил дирижер П.М. Славинский, режиссером был Б.Г. Имашев, художником по костюмам стала М. Беспалова, балетмейстером являлся Ф.А. Гаскаров и хормейстерами О.М. Райцын и Н.А. Болотов. Премьера состоялась в Башкирском театре оперы и балета 3 февраля 1940 г. Ведущие партии премьерного спектакля исполняли ученики Альмухаметова: Бану Валеева, Хабир Галимов, Магафура Салигаскарова. Позже в 1941 г. композитор Н.И. Пейко переработает материал и представит свой вариант оперы под названием «Айхылу». Большое значение в материале будет играть народная мелодия «Хандугас». Эту партию талантливо исполнила Бану Валеева. Еще раз опера «Айхылу» будет переосмыслена в начале 1950-х гг.

Также стоит отметить, что в конце 30-х гг., перед завершением долгой работы по созданию Башкирского театра оперы и балета, в республику были приглашены многие талантливые композиторы, драматурги и другие специалисты для помощи в создании репертуара молодому театру. Среди них был и вышеупомянутый Пейко, а также А.А. Эйхенвальд. Антон Александрович, опытный композитор, написал музыку для оперы «Мэргэн». В основе сюжета башкирский эпос, записанный М.А. Бурангуловым в 1917 г. Он же написал либретто. Опера «Мэргэн» была включена в репертуар первого театрального сезона Башкирского театра оперы и балета весной 1939 г.

На афише она соседствовала с признанной классикой – оперой «Евгений Онегин». В годы Великой Отечественной войны в Уфу было эвакуировано много представителей творческой интеллигенции, которые оказывали влияние на развитие оперного искусства. В 1950-х гг. знаковой стала опера «Салават Юлаев» З.Г. Исмагилова (которую можно увидеть на сцене БГТОиБ и в настоящее время), а в 1960–1970-х гг. по роману «Иргиз» Хадии Давлетшиной была создана опера «Дауыл».

Стоит отметить, что современные композиторы продолжают традиции башкирской оперы, заложенные в XX в. Так, к 105-летию Мустая Карима на сцене БГТОиБ будет представлена опера Салавата Низаметдинова «В ночь лунного затмения». Премьера оперы была в 1996 г. и выдвигалась на соискание Государственной премии имени Салавата Юлаева. Однако стоит отметить, что при богатом наследии афиша сегодня не радуется изобилием башкирских произведений.

Новым импульсом для развития музыкальной культуры в Башкортостане стало создание в 1992 г. Национального симфонического оркестра, главным дирижером, которого стал — Тагир Таузахович Камалов. Первым башкирским композитором, работавшим в симфоническом жанре, был Р. Муртазин. Муртазин – видный представитель башкирской музыкальной культуры, который создал семь симфоний (1957–1993 гг.), две оперы: «Азат» (либретто Баязита Бикбая) «Дауыл» («Буря», либретто Р.С. Ямбулатовой по роману Хадии Давлетшиной «Иргиз», 1969 г.). Также он является автором оркестровых сочинений, камерно-инструментальных ансамблей и хоров. Им было создано больше 150 песен и романсов на стихи башкирских и русских поэтов. Муртазин обработал свыше 250 башкирских народных песен, и написал музыку к документальному кинофильму «Советская Башкирия» [5]. Музыка Муртазина отличается ярким национальным колоритом, использованием фольклорных элементов в сочетании с классическими жанрами. В его симфоническом и оперном творчестве главенствует историко–героическая тема. Удостоен Республиканской премии имени Салавата Юлаева в 1989 г. и награжден двумя орденами «Знак Почета» в 1955 и 1971 г., медалями «За оборону Москвы» и «За доблестный труд» и орденом Отечественной войны II степени.

Хоровая музыка в республике начала развиваться в 1920-е гг., когда в художественной самодеятельности стали появляться первые хоры. В их репертуаре в основном простые одноголосные и двухголосные народные мелодии, революционные и красноармейские песни. Некоторые образцы из большого количества написанных в те

годы песен сохранились до наших дней – «Косилка-молотилка» и др. [5]. Ранними примерами двухголосного хора являются «Сотканная шаль» Валеева, «Белая береза». В 1935–1938 гг. главное хоровое пение развивали русская и башкирская вокальные студии Башпрофсовета. В то время руководителем коллективов являлся А.Г. Тихомиров. Эти студии заложили основу профессионального хора Башкирской государственной филармонии и Башкирского театра оперы и балета.

Однако с началом Великой Отечественной войны работа филармонического хора была практически прекращена, и только в феврале 1944 г. в Башгосфилармонии был создан женский профессиональный хор, руководителем которого стал М.Я. Федотов. Но в 1954 г. перед Декадой башкирской литературы и искусства в Москве он был реорганизован, чтобы преобразовать в смешанный, а также изменен полностью репертуар. В 1956 г., чтобы сэкономить финансы для хористов филармонии, коллектив снова реорганизовывают и создают ансамбль песни и пляски, оправдывая это тем, что танцы оживляют хоровое пение.

В 1953–1960 гг. история башкирского хора связана с именем композитора хормейстера Ш.Ш. Ибрагимова. В эти годы он был руководителем Башрадиокомитета, а начиная с 1955 по 1958 гг. Башкирской государственной филармонии. В 1960-е гг. растет мастерство певцов-хористов. Повышается качество исполнения и значительно обогащается их репертуар. Своими умениями и качеством исполнения друг с другом соревнуются и профессиональные хоровые певцы, и певцы-любители. В репертуаре хора в 1950-е и 1960-е гг. важное место занимали народные песни, парады-гимны, посвященные трудовой и военной победе: «Песня молодых строителей» Рахимова, основанная на стихотворении Абдулхака Игебаева. Загиром Исмагиловым на стихи Нажиба Идельбая «Лети, мой гнедой» была создана песня, которая получила всесоюзную славу. Замечательным образцом национальной хоровой музыки являются «Стихи об Урале» композитора Раифа Габитова (народные слова), погибшего на войне. Осваивается большая форма: кантаты «Здравница» Хусаина Ахметова (стихи Ханифа Карима), «Башкортостан» Халика Заимова (стихи Баязита Бикбая) [6].

Самым впечатляющим музыкальным эпизодом в истории Уфы стал совместный концерт Государственной академической хоровой капеллы России и его художественного руководителя А.А. Юрлова, Народной хоровой капеллы профсоюзов, хора Уфимского училища искусств и БТОиБ в мае 1969 г. На этом концерте прозвучала «Патетическая оратория» и фрагменты сочинения Г.В. Свиридова

«Поэма памяти Сергея Есенина». В 1970 г. на сцену Башкирской филармонии под руководством Тагира Сайфуллина выходит коллектив башкирской государственной хоровой капеллы.

В начале 90-х гг. XX в. «Реквием» Дж. Верди, поставленный при участии Ирины Архиповой, Марии Биешу, дирижера Валерия Игнатьевича Платонова, был исполнен коллективом Государственной капеллы, симфоническим оркестром Театра оперы и балета, а также его солистами.

Современная музыка: рэп направление и башкирский рок. Сам рэп появился в США в 1970-е гг. Постепенно он начал проникать и в другие культуры, проникая в их структуру. Башкирская национальная музыка тоже не смогла остаться в стороне. В конце 1990-х башкирские певцы начинают изучать рэп. К 2000 г. он уже прочно укрепляется в башкирской музыкальной жизни.

Одним из самых ярких представителей рэпа начала нулевых является MC Баш (Загит Кунафин). Загита принято считать одним из основателей башкирской рэп-школы. Благодаря своим необычным экспериментам, он создал уникальную базу для рэпа на башкирском языке. Несмотря на то, что Уфу сейчас принято считать столицей современного русского рэпа благодаря таким скандально известным рэперам, как Morgenstern (Алишер Валеев), Face (Иван Дремин)¹ [11] и другим, рэперов исполняющих такую музыку на башкирском языке, очень мало. Самые яркие представители это: MC Баш (Загит Кунафин), RenaRNT (Ринат Нигматуллин), Finnix (Фин Юлдаш), Инсан (Ильнур Гайфуллин) [10].

Существует также такое явление музыкальной культуры, как башкирский рок. В 1990-е гг. были созданы несколько творческих коллективов, исполняющих рок на башкирском языке. Основателями башкирского рок-движения стала группа «Рух», руководителем и создателем которой является Газинур Биктимеров. Вслед за этим коллективом на башкирской эстраде также запылали звезды коллективов «Дервиш», «Ант», «КараванСарай» [9]. В начале 2000-х появились еще несколько групп, наиболее известная из них – «Бүреләр». Их песни «Башкорттарым», «Дәүер» стали хитами. Также одной из самых популярных этно-рок групп стал «Аргымак», руководителем которого является заслуженный артист РБ Ринат Рамазанов.

---

¹ Признаны иноагентами по ФЗ – № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14 июля 2022 г.

Благодаря уникальному фольклору и рок, и башкирский рэп имеют свое оригинальное звучание. Если их сравнивать с русским роком и русским рэпом, то башкирские версии сильно отличаются от своих музыкальных собратьев. Они очень близки к постфольклору, это связано с богатым национальным колоритом.

Современная этнопопмузыка. В последние годы в Башкортостане стала популярна этническая музыка, где переплетаются связи между народными песнями, традиционными музыкальными инструментами и танцами. Собрав все самое важное в народной музыке и придав ей современное звучание, многие исполнители народной музыки стали знаменитыми.

В Башкирии и за ее пределами самым известным представителем этнической музыки является заслуженный артист Республики Башкортостан, солист проекта этно-шоу «ZAINETDIN» Загир Зайнетдинов. Неудивительно, что Загир продвигает это музыкальное направление, ведь его любовь к музыке унаследована от отца. Отец Загира мечтал стать артистом и преподавал музыку в школе. Его дед был известным гармонистом, а бабушка пела и играла на кубызе и мандолине [8]. Сам Зайнетдин умеет играть на курае, нескольких разновидностях казахской домбры, русской жалейке, словацкой фуяре, армянском дудуке, турецкой зурне, британском тинвистле, флейте. Исполнитель собирает полные залы и выступает на крупнейших площадках страны.

Таким образом, в башкирской музыкальной культуре существует хорошо развитая традиция профессионального музыкально-поэтического творчества, отражающая историю, традиции, национальный дух башкирского народа через ритмы музыки и слова. Национальная музыка вобрала в себя различные жанры и стили: от народных песен и классической музыки до современных его интерпретаций в виде рока, рэпа, этнофолька и других. Она привлекает своей разнообразностью, уникальным звучанием, эмоциональностью, поражает своей глубиной и богатством. Башкирская культура по сей день является источником вдохновения и огромным кладом духовного развития для современных музыкантов.

Литература и источники

1. Аверьянова О. Всероссийскому хоровому обществу 65 лет. М., 2015.
2. Атанова Л. Музыкальная культура Башкортостана // Очерки по культуре народов Башкортостана. Уфа, 2014.
3. Башкорт халык йырлары, йыр-риуэйәтгәре= Башкирские народные песни, песни-предания =Bashkort Folk Songs, Songs-Legends / авт.-сост. Ф.А. Надршина. Уфа: Китап, 1997. 288 с.

4. Гарбузов Н. Зонная природа музыкального слуха. М.; Л., 2018.
5. Хасаншин А. Татаро-башкирская музыкальная культура XVI – начала XXI вв.: между фольклоризацией и пространством города. // конференция «Ладовые коммуникации в евразийском музыкальном пространстве (Казань, 10 сентября 2013).
6. Фоменков М. К истории развития хорового искусства в Башкирии в первые годы Советской власти // Вопросы истории башкирской музыкальной культуры. Уфа, 2020.
7. Фоменков М. Народная песня и развитие хорового искусства в Башкирии //Музыка композиторов Башкирской АССР (СССР) и округа Галле (ГДР). Уфа, 1990.
8. Человек-оркестр-солист этно-шоу ZAINETDIN [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YFBUGQp9UWVKIfVt> (дата обращения: 28.11.2023)
9. Легенды башкирского рока «Рух» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gumilev-center.ru/legendy-bashkirskogo-roka-tvorchestvo-gruppy-ruk/> (дата обращения 23.12.2023)
10. Уфимские рэперы: история, личности [Электронный ресурс]. URL: <https://mkset.ru/news/2017-08-18/ufimskiy-rep-istoriya-yarkie-lichnosti-i-natsionalnye-osobennosti-1839005> (дата обращения: 10.12.2023)
11. Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 N 255-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения: 12.12.2023)

© Бахтиярова З.В., 2024

УДК 930

Богословский Н.С.
аспирант

Россия, Уфа, УУНТ

научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Рахимов Р.Н.

Bogoslovsky N. S.
postgraduate student
Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Rakhimov R.N.

ДРУЖИНЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: в статье анализируются комплексы отечественных историографических источников, посвящённых российскому государственному ополчению периода Первой мировой войны. Выявляются публикации, освещающие участие в Великой войне

уфимских дружин ополчения. Приводятся мнения различных современных исследователей. Формулируется вывод о необходимости дополнительного изучения заявленной темы.

Ключевые слова: дружины, государственное ополчение, ратники, Первая мировая война, Уфимская губерния, ратники, историография.

SQUADS OF THE RUSSIAN STATE MILITIA DURING THE FIRST WORLD WAR IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article analyzes the complexes of the latest domestic historiographical sources devoted to the Russian state militia of the First World War. The publications covering the participation in the Great War of Ufa militiamen are identified. Opinions of various modern researchers are given. The conclusion about the need for additional study of the stated topic is formulated.

Keywords: squads, state militia, warriors, World War I, Ufa province, warriors, historiography.

Первая мировая война (1914–1918 гг.) потребовала мобилизации огромной части российского социума. Уже в первые месяцы боевых действий вместе с полками второй очереди в российском тылу началось формирование дружин государственного ополчения. Они комплектовались людьми, служившими в армии, но перечисленными в запас, годными к службе, но получившими льготы по семейному положению (ратники 1-го разряда) и негодными к военной службе по состоянию здоровья либо единственными сыновьями в семье (ратники 2-го разряда). Ополченцы строили и ремонтировали дороги и мосты, конвоировали пленных, несли караульную службу в полосе расположения армии и в тылу. Некоторые дружины, включая несколько уфимских, приняли непосредственное участие в столкновениях с противником на передовой – например, 283-я и 284-я дружины в составе 48-й ополченской бригады 9-го ополченского корпуса [10, с. 55–57]. Большинство дружин впоследствии вошли в состав пехотных полков дивизий 3-й очереди. Эти процессы, наглядно демонстрирующие гражданскую солидарность российского общества, требуют скрупулезного научного анализа и изучения [13].

В российской историографии существует множество публикаций, затрагивающих проблему участия в Первой мировой войне ополченских дружин. Одной из первых стала статья генерала от инфантерии В.Н. Клембовского, участника Первой мировой войны [6]. Он оценивает ополчение как в целом малоэффективный боевой

элемент, подчёркивает недостатки в подготовке ратников к воинской службе и отмечает слабость ополченского командования и вооружения [6, с. 9–10].

Более подробно роль ополчения в войне раскрывается другим её участником, генералом Н.Н. Головиным [1]. В его фундаментальном труде было проанализировано законодательство Российской империи, в том числе предписания, касающиеся ополчения: особенностей его призыва и формирования, льгот, отсрочек, задействования в тылу и на передовой. Головин также раскрывает трудности в подготовке ратников, обращает внимание на недостатки командного состава ополчения, выделяет ошибки в российских законах, обусловившие недостаточно эффективное применение ополчения российским командованием [1, с. 21–30].

Вслед за В.Н. Клембовским и Н.Н. Головиным современный историк С.Ю. Окунев в параграфе своей диссертации также подчёркивает ошибки и просчёты командования в военной и психологической подготовке ополченцев – как до войны, так и в ходе боевых действий [8, с. 16].

С мнениями Клембовского, Головина и Окунева в целом соглашается исследователь Д.С. Злобин [5]. Он анализирует действия ополченских дружин на территории Урала и выявляет динамику их деятельности на протяжении войны, а также на примере 694-й дружины демонстрирует роль ратников как в наведении порядка в тылу (1914–1915 гг.), так и в революционных действиях (1917 г.) [5, с. 170–171]. По мнению Злобина, решение военного командования о привлечении ратников к участию в боевых действиях следует считать ошибочным [5, с. 172].

В отечественной научно-исследовательской литературе существуют иные точки зрения. Достаточно подробное освещение в историографии получила деятельность костромских дружин государственного ополчения благодаря историку и краеведу А.И. Григорову. Он посвятил костромским ратникам статью [4] и монографию [3], снабжённую обширным архивным материалом. Григоров приводит сведения о каждой дружине и подчёркивает неоднозначность роли ополченцев в Первой мировой войне, революции 1917 г. и Гражданской войне (1918–1920 гг.). Как отмечает исследователь, многие ратники костромских дружин показали себя во время войны с лучшей стороны [3, с. 5].

К такому же выводу приходит историк Р.Н. Рахимов, посвятивший ряд статей уфимским дружинам государственного ополчения [10, 11, 12]. Как указывает исследователь, множество

ратников из Уфимской губернии заслужили в боях награды несмотря на то, что ополчение изначально не было предназначено для участия в военных столкновениях на передовой [10, с. 154; 11, с. 55–56]. Рахимов также отмечает позитивную роль ополченцев в решении тыловых задач, таких, как строительство, ремонт, охрана важных логистических объектов и военнопленных [12, с. 123]. В целом историк считает, что уфимским ополченцам вплоть до развала армии в 1917 г. были присущи стойкость и героизм.

М.В. Оськин в статье, посвящённой российскому государственному ополчению, поддерживает мнение о стойкости ратников и описывает их превращение в регулярных солдат, происходившие по ходу Первой мировой войны [9]. Как указывает историк, к концу войны более 90 % российской пехоты составляли бывшие ополченцы, сыгравшие ключевую роль, как в военных действиях, так и в революционных событиях 1917 г. [9, с. 151]. Такая позиция несколько отличается от распространёвшейся в некоторых отечественных публикациях точки зрения на ополчение как слабую боевую единицу.

Участие в Первой мировой войне сибирского ополчения (ратники из Иркутской и Тобольской губерний) в некоторой степени отражено в коллективной монографии под авторством Ю.П. Горелова., О.В. Гусевой, И.А. Еремина, Н.Д. Ростова и книге М.В. Шиловского [2, 13]. В данных работах произведён подробный анализ мобилизационных мероприятий во время Первой мировой войны на территории Сибири. Авторы считают, что мобилизацию в Сибири (в том числе – ополчения) можно считать успешной, невзирая на многие трудности, которыми она сопровождалась [2, с. 14; 14, с. 21]. В публикациях отмечена проблема нехватки врачей как на этапе призыва и сбора запасных, так и на фронте в полках 2-й очереди и ополченских дружинах [2, с. 12; 14, с. 34]. Также подчёркивается проблема широко распространённого дезертирства и низкого боевого духа многих мобилизованных [2, с. 16; 14, с. 29]. Необходимо отметить, что в данных работах проблема участия в Первой мировой войне ратников ополчения затрагивается лишь на отдельных страницах [2, с. 5–6; 14, с. 10–11]. По большому счёту, сибирские ополченцы остались вне поля внимания исследователей. Также в публикации П.А. Новикова [7] перечисляются сибирские дружины ополчения, и упоминается их участие в боевых действиях [7, с. 414], но ему не даётся хотя бы краткая характеристика.

Примечательно, что о стойкости и дисциплинированности ополченцев пишут историки, занимавшиеся непосредственно

исследованиями дружин на базе значительных комплексов архивных источников (А.И. Григоров, Р.Н. Рахимов, М.В. Оськин), в то время как учёные, пытавшиеся осветить проблему ополчения периода Первой мировой войны в целом, в ряду прочих (Н.Н. Головин, Д.С. Злобин, В.Н. Клембовский, С.Ю. Окунев) или отдельные её аспекты (Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов, а также М.В. Шиловский) свидетельствуют о низкой боеготовности и боевой эффективности мобилизованных (при этом в некоторых случаях неясно, о каких именно мобилизованных ведётся речь). Во многих трудах, посвящённых мобилизованным в период Первой мировой войны, ополчение просто упоминается без какой-либо характеристики его роли в военных действиях.

Таким образом, в отечественной историографии не существует единого мнения по данному вопросу, как и крупных публикаций, посвящённых государственному ополчению. Данная тема нуждается в дополнительной разработке.

Литература и источники

1. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский. М.: Куликово поле, 2001. 434 с.

2. Горелов Ю.П., Гусева О.В., Еремин И.А., Ростов Н.Д. Западная Сибирь в Первой мировой войне: монография. Барнаул: «Алтайский Дом Печати», 2014. Кн. 1. 38 с.

3. Григоров А.И. Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 годов: монография. М.: «Московский издательский дом», 2014. 376 с.

4. Григоров А.И. Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 гг. // Романовские чтения. История Российской государственности и династия Романовых: актуальные проблемы изучения. Кострома, 2008. С. 241–256.

5. Злобин Д.С. Государственное ополчение на Урале в годы Первой мировой войны // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 50. С. 166–173.

6. Клембовский В.Н. О дружинах государственного ополчения (По опыту войны) // Военное дело. 1918. № 19. С. 9–10

7. Новиков П.А. Сибирский военный округ в годы Первой мировой войны // Историко-экономический ежегодник. Иркутск: БГУЭП, 2014. С. 411–416.

8. Окунев С.Ю. Государственное ополчение в России в XIX в. – начале XX в.: автореф... дис. кан. ист. наук. СПб., 2005. 16 с.

9. Оськин М.В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 142–152.

10. Рахимов Р.Н. Ополченцы Златоуста в Первой мировой: Действия 283-й пешей Уфимской дружины государственного ополчения в 1914–1915 гг. // Во славу российского оружия: сборник материалов научно-практической конференции. Златоуст, 2010. С. 151–154.

11. Рахимов Р.Н. Дружины государственного ополчения Казанского военного округа в 1914–1915 годах: структура, вооружение, участие в войне // Война и оружие. Новые исследования и материалы. / науч. ред. С.В. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. IV. С. 51–57.

12. Рахимов Р.Н. Народ на войне: Уфимские дружины государственного ополчения в 1914–1917 гг. // Вестник военно-исторических исследований: Всероссийский сборник научных статей / под. ред. С.В. Белоусова, А.В. Комплеева. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. Вып. 6. С. 122–130.

13. Фролова И.В., Лукманова Р.Х., Фролов К.А. Солидарное общество: от истории - к современности // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4. С. 1013-1021.

14. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь: монография. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

© Богословский Н.С., 2024

УДК 93+394

Валеева А.Ф.
студент

Россия, Уфа, УУНиТ

научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Рахимов Р.Н.

Valeeva A.F.
student

Russia, Ufa, UUST,

scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Rakhimov R.N.

ПОКУШЕНИЯ НА АЛЕКСАНДРА II: ВЗГЛЯД ИЗ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация: в представленной статье автор анализирует известные одиннадцать покушений на Александра II и реакцию жителей Уфимской губернии на эти покушения. Население всех сословий губернии внимательно относилось к новостям по случаю покушений на царя, и при участии губернских структур проводила

верноподданнические мероприятия, для выражения сочувствия нелегкому положению Александра Николаевича.

Ключевые слова: Александр II, Уфимская губерния, покушения на царя, верноподданные, историческая память.

THE ASSASSINATION ATTEMPTS ON ALEXANDER II: A VIEW FROM THE UFA PROVINCE

Abstract. In the presented article, the author analyzes the well-known eleven attempts on Alexander II and the reaction of residents of the Ufa province to these attempts. The population of all estates of the province was attentive to the news on the occasion of the assassination attempts on the tsar, and with the participation of provincial structures held loyal events to express sympathy for the difficult situation of Alexander Nikolaevich.

Keywords: Alexander II, Ufa province, attempts on the tsar, loyal subjects, historical memory.

Во время правления Александра II были проведены широкомасштабные реформы, касающиеся устройства всей империи, в том числе крестьянская реформа, в результате которой было отменено крепостное право. Несмотря на то, что за эту заслугу императора называли «Освободителем», эпоха Александра II характеризовалась ростом общественного недовольства. Наряду с резким увеличением числа крестьянских восстаний, появилось много протестных групп среди интеллигенции и рабочих. Представители именно этих сословий были радикально настроены против личности и политики императора. Он был первой и самой желанной целью революционеров в Российской империи. За время правления на государя было совершено, по меньшей мере, одиннадцать известных покушений.

Уфимская губерния, будучи частью Российской империи, которую непосредственно коснулись реформы Александра Николаевича, и жители губернии внимательно следили за всем происходящим вокруг императора, особенно за тем, что касалось его жизни, поскольку в период относительного благополучия никто не ждет смерти правителя своего государства. Покушения на Александра II и его последующая смерть от рук террористов всколыхнули общественность Уфимской губернии, о чем подробнее будет рассказано в статье.

Первое покушение на жизнь Александра II произошло 4 апреля 1866 г. Оно было совершено уроженцем Саратовской губернии Дмитрием Каракозовым, когда император после прогулки со своим

племянником герцогом Лейхтенбергским и племянницей принцессой Баденской направлялся от ворот Летнего сада к своей карете. Каракозов был неподалеку и сделал выстрел в правителя почти в упор. Все могло кончиться для императора фатально, если бы не оказавшийся рядом шапочных дел мастер Осип Комиссаров, который инстинктивно ударил Каракозова по руке, в результате чего пуля пролетела мимо цели. Люди, стоящие вокруг, бросились на стрелявшего. Над нападавшим состоялся суд, который вынес решение казнить Каракозова путем повешения. 3 сентября 1866 г. приговор был приведен к исполнению.

Известие о покушении на жизнь императора всколыхнуло общество Уфимской губернии. В фондах Национального архива Республики Башкортостан хранятся переписки по этому случаю. В Санкт-Петербург из Уфимской губернии ежедневно высылались телеграммы со словами поддержки в адрес государя. Сохранены телеграммы непосредственно от уфимского губернатора Г.С. Аксакова (губернатор в 1865–1867 гг.), от уфимских чиновников всех ведомств в количестве 200 человек, от Уфимского губернского предводителя дворянства, Уфимского городского общества, от чиновников города Бирска, от жителей Стерлитамака и Мензелинска всех сословий, от купеческого и мещанского общества города Уфы, от крестьян Благовещенской волости, мусульман, евреев и других представителей губернии [1]. Императорская канцелярия не оставила без внимания ни одну подобную телеграмму и на каждое письмо был выслан ответ следующего содержания: «Государь император изволил благодарить за верноподданнические чувства» [1], что, несомненно, воодушевляло население и укрепляло веру в царя.

Помимо этого, на собрании мещанского и купеческого сословия города Уфы было принято решение «в виду улучшения участи бедных, беспомощных, дряхлых и сирот здешних горожан купеческого и мещанского сословия, открыть здесь немедленно общественную богадельню, которую в память событий наименовать «Александровской», с принятием в неё до 40 человек, с последующим увеличением числа призываемых». Для содержания богадельни на собрании было собрано 1260 рублей серебром [1, л. 25–28].

Покушение на личность императора не оставила равнодушным отдельных инициативных граждан. Так, в память чудного спасения монарха от злоумышленного покушения, проживающий в городе Златоусте мещанин Николай Семёнович Перепёлкин обратился к златоустовскому уездному исправнику с просьбой позволить ему поставить, в устроенную отставным мастеровым Яковом Ершовым

часовню, икону Святого Александра Невского, преподобного Иосифа, празднуемого 4 апреля и великомученика Феодора Стратилата, празднуемого 8 июня, в день, когда 29 лет назад Златоуст посетил, тогда ещё наследник, а ныне правящий император Александр II [1, л. 59–61].

Действительно, на вершине горы Амбарной, которую привыкли именовать Бутыловской, в 1866 г. отставной мастеровой Яков Ершов на свои средства соорудил каменную часовню во имя святого благоверного князя Александра Невского. Он сделал это в знак глубокой признательности и любви к монарху, из рук которого получил свободу, а также в память об избавлении государя от грозившей ему опасности при покушении 4 апреля 1866 г. Часовня была возведена на месте обветшавшей деревянной своей предшественницы, поставленной ранее в честь Александра II, любовавшегося красотами Златоуста с того самого места во время посещения завода. Однако в советское время часовня была разрушена до основания и восстановлена только в 2003 г.

Еще одно покушение было совершено в мае 1867 г., когда российский император прибыл с официальным визитом во Францию. 25 мая, когда после военного смотра на ипподроме он возвращался в открытой карете с детьми и французским императором Наполеоном III, молодой мужчина дважды выстрелил из пистолета в Александра. Один из офицеров охраны французского императора заметил в толпе человека с оружием и оттолкнул его руку, в результате чего пули попали в лошадь. Террористом оказался Антон Березовский - деятель польского национально-освободительного движения. Мотивом его действий было желание мести за подавление Россией польского восстания 1863 г. После задержания суд постановил отправить Березовского на пожизненную каторгу в Новую Каледонию. Впоследствии каторга была заменена пожизненной ссылкой. Оба покушения были описаны на страницах «Уфимских губернских ведомостей» в неофициальной части газеты.

Следующее покушение на императора было совершено Александром Соловьевым 2 апреля 1879 г. в 9 часов утра во время утренней прогулки государя около здания Штаба Петербургского военного округа. Несмотря на то, что террорист выстрелил пять раз, ни одна пуля не попала в цель. Существует мнение, что террорист просто плохо владел оружием и до покушения ни разу не пользовался им.

Весть о том, что после нападения Александр II остался целым и невредимым была получена губернатором Уфимской губернии В.Д. Левшиным (1876–1880 гг.) от министра внутренних дел

Л.С. Макова. Ночью эта новость была сообщена многим лицам, а утром 3 апреля стала известна всей Уфе. По этому случаю епископом Уфимским и Мензелинским Преосвященным Никанором было назначено архиерейское служение в Кафедральном соборе, куда собрались представители всех сословий города. После литургии прошло благодарственное молебствие с коленопреклонением о сохранении жизни, за здоровье и долголетие императора и всего Августейшего Дома. Из собора представители духовенства отправились в дом губернатора с просьбой послать императору телеграмму с выражением верноподданнических чувств, воодушевляющих все население города. Примеру духовенства последовали представители дворянства и городского общества [3, с. 124]. Помимо этого, город весь день был украшен флагами, и, по сообщениям из «Уфимских епархиальных ведомостей», все молились за царя и за Россию в ожидании дальнейших более подробных известий [3, с. 125].

В ноябре 1879 г. на Александра II было предпринято очередное покушение. Летом 1879 г. была создана организация «Народная воля», отколовшаяся от революционного общества «Земли и воли». Основной целью организации стало убийство царя. Террористы планировали осуществить свою цель путем подрыва поезда, на котором царь со своей семьей должен был возвращаться с отдыха в Крыму. В ходе реализации этого покушения было предпринято три попытки. Первая группа действовала близ Одессы. Здесь народоволец Михаил Фроленко устроился железнодорожным сторожем в 14 км от города. Поначалу все шло по плану, удалось заложить мину и не вызвать подозрений со стороны властей. Но затем план подрыва здесь провалился, когда царский поезд изменил маршрут, поехав через Александровск. У народовольцев был предусмотрен такой вариант и потому в начале ноября 1879 г. в Александровск приехал, представляясь купцом Черемисовым, народоволец Андрей Желябов. Он заложил под железной дорогой мину, но к счастью для царя, она не сработала. После двух неудач надежда была только на третью группу во главе с Софьей Перовской, задачей которой было заложить бомбу на Рогожско-Симоновой заставе, рядом с Москвой. Заговорщикам удалось установить бомбу. Они знали, что царский поезд состоит из двух составов, в одном из которых находится Александр II, а во втором его багаж. Состав с багажом на полчаса опережает состав с царем, но судьба хранила императора: в Харькове один из паровозов багажного состава сломался и первым пустили царский поезд. Заговорщики не знали об этом и пропустили первый состав, взорвав

мину в тот момент, когда над ней проезжал четвертый вагон второго состава. Таким образом, очередное покушение на императора провалилось.

Новость об этом покушении на Александра II облетела всю империю. В Уфе известие было получено в ночь с 22 на 23 ноября. 23 ноября 1879 г. в Уфимском кафедральном соборе было произведено благодарственное молебствие о сохранении жизни государя [5, с. 617]. Примечательно, что на этот день было запланировано открытие богадельни, в память о спасении жизни императора после апрельского покушения. Молебствие при открытии богадельни прошло сразу после молебствий о сохранении жизни императора [5, с. 620].

Ещё одно покушение на царя и членов императорской семьи было предпринято 5 февраля 1880 г. Реализацию плана поручили новому народовольцу, крестьянину Степану Халтурину, который устроился в Зимней дворец для проведения ремонтных работ. В роли столяра днем он облицовывал стены винного погреба, а ночью ходил к своим коллегам, которые передавали ему мешки с динамитом. Взрывчатка маскировалась среди строительных материалов. На 5 февраля во дворце был назначен торжественный ужин с присутствием членом царской семьи. Взрыв был назначен на 18:20, когда, предположительно, Александр II должен был быть в столовой. Однако, планам заговорщиков не было суждено реализоваться, поскольку поезд принца Гессенского, члена императорской фамилии, опоздал на полчаса и сдвинул время торжественного ужина. В итоге взрыв прозвучал, но никто из высокопоставленных особ не пострадал.

В телеграмме, направленной на имя уфимского губернатора, сообщалось, что взрыв пороха во дворце коснулся только караула, было убито 8 и ранено 45 человек [6, с. 121]. По случаю спасения жизни императора от очередной опасности, в Кафедральном соборе Уфы 11 февраля было совершено благодарственное молебствие, ставшее традиционным из-за частых покушений на императорскую особу.

Последнее, и на сей раз удачное для террористов, покушение на императора Александра II было совершено 1 марта 1881 г. После неудавшегося покушения в Зимнем дворце народовольцы стали основательно готовиться к очередной попытке. Государь же после этого стал редко покидать дворец, регулярно выезжая только на смену караула в Михайловском манеже. Этим обстоятельством и решили воспользоваться заговорщики.

1 марта 1881 г. в Санкт-Петербурге на берегу Екатерининского канала в карету Александра II, который поприбывав на разводе

караулов и выпив чаю у своей кузины, возвращался обратно в Зимний дворец, была брошена бомба. Царь не пострадал, но кучер и мальчик-прохожий были убиты. Государь вышел из кареты, чтобы узнать, в чем дело и в этот момент, не замеченный охраной, революционер Гриневицкий кинул в ноги царю вторую бомбу. Александр II был тяжело ранен и через некоторое время скончался во дворце.

Телеграмма от министра внутренних дел на имя уфимского губернатора П.П. Шрамченко (1880–1881 гг.) о нападении и смерти императора была доставлена в ночь с 1 на 2 марта. По случаю скорбной кончины Александра II и торжественного вступления на престол Александра Александровича, губернатор объявил, что жителям всех сословий города Уфы, а также начальствам отдельных ведомств и всем служащим необходимо явиться в Кафедральный собор и в свои приходские церкви для слушания панихиды по скончавшемуся государю и для принесения верноподданнической присяги его сыну – будущему императору Александру III, и внуку – Николаю Александровичу. Представители мусульманской веры должны были совершить те же действия, но по обрядам их вероисповедания, в мечетях во главе с муфтием Салимгареем Тевкелевым. Жители других населенных пунктов губернии совершали аналогичные действия [7, с. 176].

2 марта 1881 г. в 8 часов утра по соглашению между гражданскими чиновниками и духовными лицами, 12 отдельных ударов большого колокола с колокольни Уфимского кафедрального собора известили население Уфы о произошедшем печальном событии. В 9 утра удары большого колокола стали призывать всех на всенародную молитву. По свидетельствам очевидцев, в девять с небольшим часов, когда архиерей прибыл для богослужения, обширный соборный храм был полностью наполнен людьми. После начала богослужения молящихся оказалось так много, что не все начальствующие лица смогли попасть внутрь. Большое количество народа стояло и вне храма. По окончании панихиды, архиерей звучным голосом произнес вместе со всеми присутствующими верноподданническую присягу [8, с. 176–179].

В этот же день в Уфимском кафедральном соборе уфимским епископом Никанором и другими лицами Уфимского духовного ведомства была учинена верноподданническая присяга. По этому случаю, на имя обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева была отправлена телеграмма с заявлением, что они готовы отдать жизнь ради императора Александра Александровича

и его наследника Николая Александровича и что они просят донести выражение верноподданнических чувств до нового царя [7, с. 172].

Следует отметить, что верноподданническая присяга в Кафедральном соборе была совершена не только духовными лицами. 2 марта присяжные листы лежали в разных пунктах обширного соборного храма для собирания подписей. Народ подходил к ним для подписи до позднего вечера. Тоже самое происходило во всех городских церквях и мечетях. Известно, что литургия и панихида в Уфимской губернии были совершены по случаю перенесения тела Александра II из Зимнего дворца в Петропавловский собор, в 9-й, 20-й и 40-й день после кончины императора, а также в день погребения [7, с. 182–184].

Покушения на императоров в России, а тем более их убийство с помощью террора было исключением из правила. Правители чаще становились жертвами дворцовых заговоров и переворотов, поэтому террористические акты на Александра II вызвали такой ужас, в том числе и в провинциальной Уфимской губернии. Учитывая, что государь считался помазанником Божьим, сердцевиной и прирожденным главой русского народа, покушения подвергали горестному раздумью и изумлению всю губернию и Россию в целом. Причина этих событий виделась, для скорбящих по царю, в мировой чуме нравственного саморазложения и общественного разрушения, которое можно исправить воспитанием [4, с. 580–581]. Как покажет история, воспитать народ, любящий и берегущий своего правителя, Российской империи не удалось, что привело к её скорому краху.

Мероприятия по случаю переживания неоднократных злодейских посягательств на жизнь Александра II были характерны для всей Российской империи, потому что государь считался благодушным, гуманным, благодетельным и по широте преобразований достойный стоять в одном ряду с Петром I и Екатериной II. Однако отличительной чертой Уфимской губернии является единение на одном территориальном пространстве двух миров – православного и мусульманского. Это единение хорошо прослеживается в коммеморативных практиках и, в частности, в рассматриваемых нами реакциях на покушения на жизнь императора.

В целом, торжественные мероприятия по случаю кончины Александра II и восшествия на престол Александра III прошли в Уфимской губернии со всеми почестями и вниманием к личности и деятельности покойного императора. Общее количество уфимцев, пришедших на прощание с правителем и принятия верноподданнической присяги будущему правителю, составило

несколько тысяч. Все мероприятия прошли без провокационных выступлений или волнений.

Искренне переживая за жизнь Александра II и горестно скорбя о его кончине, жители города Уфы даже не могли представить, что всего через несколько десятилетий, их потомки будут жить на улицах, которые будут носить имена революционеров, покушавшихся на жизнь императора – Софьи Перовской и Степана Халтурина. В этом состоят парадоксы исторической памяти, требующие научного изучения и осмысления [2].

Литература и источники

1. НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 592. 87 л.
2. Фролова И.В., Уразова А.И. Политика памяти и историческая наука: научные итоги года, посвященного столетию Республики Башкортостан//Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 1019-1031.
3. Уфимские епархиальные ведомости. 1879. № 4. С. 124–125.
4. Уфимские епархиальные ведомости. 1879. № 19. С. 580–582.
5. Уфимские епархиальные ведомости. 1879. № 20. С. 617–628.
6. Уфимские епархиальные ведомости. 1880. № 4. С. 121.
7. Уфимские епархиальные ведомости. 1881. № 6. С. 171–200.

© Валеева А.Ф., 2024

УДК 94(470)«1941–1945»

Васильев М.С.

аспирант

Россия, Уфа, УУНИТ

научный руководитель – д-р ист. наук, проф. Хазиев Р.А.

Vasilyev M.S.

postgraduate student

Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – d. of h. s., professor Khaziev R.A.

НОВЕЙШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ АГИТАЦИОННО–ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЕ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье рассматриваются новейшие работы российских исследователей, посвящённые изучению темы пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: агитация, пропаганда, Великая Отечественная война, историография, современная отечественная историография.

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ABOUT AGITATION AND PROPAGANDA WORK AT THE FRONT AND IN THE REAR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article examines the latest works of Russian researchers devoted to the study of the topic of propaganda and agitation during the Great Patriotic War.

Keywords: agitation, propaganda, Great Patriotic War, historiography, modern Russian historiography.

В современной отечественной историографии, наряду с активно разрабатываемыми вопросами, посвященными героям фронта, труженикам тыла, тыловой повседневности [8–10], важное место отводится изучению такой актуальной теме как политическая пропаганда и агитация в годы Великой Отечественной войны.

Публикация Бочкаревой А.С. посвящена рассмотрению символов, которые использовались в годы Великой Отечественной войны. Исследователь выделяет наиболее яркие политические символы – символы–идеи, символы–действия (ритуалы), символы–объекты, символы–персоны и символы звуки, отличавшиеся своей яркостью, динамичностью, агитационным отображением в лозунгах, плакатах, листовках и др. Бочкарева А.С. отмечает, что наглядная агитация и пропаганда нашли отражение в нескольких сюжетных мотивах: «В атаку!» (изображались техника, герои войны, истории России, полководцы, бойцы РККА); народного ополчения, когда присутствовали параллели с историческими событиями и личностями, к примеру ополчением Минина и Пожарского или именитыми полководцами прошлого; фигура женщины, которая заменила ушедшего на фронт мужчину; «Все для фронта, все для победы!», утверждавшая идею самоотверженного труда в тылу и др. [3, с. 75–78].

Война для органов агитпропа актуализировала еще одну важную задачу – борьбу с вражеской пропагандой и «работу» с войсками и населением противника. Эта тема активно изучается в современной отечественной историографии Волокитиной Т. В., Касюк А. Я. и др. 25 июня Политбюро ЦК партии утвердило состав Бюро военно-политической пропаганды, которое занималось пропагандой и контрпропагандой среди войск и населения противника. Это направление в годы Великой Отечественной войны именовалось «специальной пропагандой» [4, с. 328]. Уже 23 июня Главное Политуправление Красной Армии (ГлавПУРККА) приказало создавать газеты на языках противников, которых к апрелю 1942 г.

насчитывалось 17, включая один журнал. В дальнейшем упор делался на оперативно проще и быстрее издаваемые листовки, поскольку они оказывали больший пропагандистский эффект [5, с. 117–118].

Туржанов Е.К. и Мамонтова М.А. значительное внимание уделили деятельности органов специальной пропаганды – Главного Политуправления Красной Армии (ГлавПУРККА), Главного Политуправления РККФ и Советского информационного бюро, деятельность которых была направлена на «работу» с населением вражеских и нейтральных стран с целью формирования общественного мнения, нацеленного на борьбу с фашизмом. Также органы спецпропаганды непосредственно работали с вражескими солдатами для разрушения морали и боевого духа. Туржанов и Мамонтова делают вывод, что органам агитации и пропаганды удалось в сложнейших условиях построить свою работу и довольно эффективно бороться с врагом и пропагандой противника [7, с. 136–137].

Н.С. Бойко, Р.Р. Сейтумеров рассматривают разнообразные методы агитационно-пропагандистской деятельности по патриотическому воспитанию молодежи. Особое внимание авторы уделяют работе Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ), который активно проводил агитацию среди различных слоев населения, также вел антифашистскую пропаганду. Формы работы были в основном устные – беседы, читки периодической печати, которые ежедневно проводились на предприятиях и в учебных заведениях. Важной формой агитации в тылу было побуждение людей к активной работе на оборонных предприятиях, на транспорте, в сельском хозяйстве, что находило практическую реализацию в расширении социалистического соревнования, повышении трудовой и производственной дисциплины. Политическое, идеологическое и культурное просвещение и агитация велись не только с помощью устных средств, но также с использованием наглядных средств и, конечно, печати. Это разнообразные политические митинги, встречи с участниками войны, комсомольские собрания, выступления агитационных бригад, издание листовок, стенгазеты и др. [2, с. 102–104].

К.А. Юдин в статье акцентирует внимание на анализе кино как эффективного средства агитации и пропаганды, отмечает, что кинополитика государства, рассчитанная на долговременный курс, формировала трансцендированный курс, возвышавшийся над суровой военной повседневностью [11, с. 85–88]. Бимбасов Р.Г. обращается к вопросу об организации в годы Великой Отечественной войны устной агитации и пропаганды. Она, помимо идеологической, играла

важнейшую практическую роль по информированию населения относительно использования средств противохимической, противовоздушной обороны; оказания первой медицинской помощи; распознавания самолетов противника и т. д. [1, с. 365–372]. Эволюцию образа врага в агитации и пропаганде результативно изучают Киселева Т.В. и Улизко П.В., отмечая, что на долгие годы после окончания Великой Отечественной войны слово немец и враг были синонимами в представлении населения не только СССР, но и ряда других стран, которые были оккупированы немецкими войсками [6, с. 112–115].

Таким образом, тема пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны является одной из важных в отечественной историографии, о чем свидетельствует появление значительного числа новейших работ. Следует отметить, что в новейших публикациях преимущественно затрагиваются вопросы в общегосударственном масштабе, что актуализирует научную необходимость рассмотрения данной темы в разрезе крупных регионов, одним из которых была БАССР.

Литература и источники

1. Бимбасов Р.Г. Организация устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 361–373.

2. Бойко Н.С., Сейтумеров Р.Р. Агитационно–пропагандистская деятельность как средство патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны // Проблемы патриотического воспитания студенческой молодежи России в условиях обострения глобальной политической ситуации: Сборник научных трудов Всероссийской заочной научно–практической конференции. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2021. С. 101–105.

3. Бочкарева А.С. Политические символы–идеи периода Великой Отечественной войны в СССР // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". 2015. № 7. С. 74–83.

4. Волокитина Т.В. «Перо приравнено к штыку!». Советская печатная пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Славяне и Россия. 2014. № 1. С. 328–360.

5. Касюк А.Я. Пропагандистское оружие Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 2 (839). С. 116–132.

6. Киселева Т.В., Улизко П.В. Эволюция образа врага в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны // Военный академический журнал. 2021. № 1 (29). С. 110–118.

7. Туржанов Е.К., Мамонтова М.А. Органы партийно–государственной и специальной пропаганды на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Омские социально–гуманитарные чтения – 2023: Материалы XVI Международной научно–практической конференции / Отв. редактор Л.А. Кудринская. Омск: Омский государственный технический университет, 2023. С. 135–137.

8. Хазиев Р.А. Подвиги легендарных лётчиков-асов в годы Великой Отечественной войны // Советская авиация в годы Великой Отечественной войны: история в лицах. К 100-летию дважды Героя Советского Союза Мусы Гареева. Материалы Всероссийской научно–практической конференции / ред. Р.Н. Рахимов, Э.Ю. Шиляев. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. С. 79–82.

9. Хазиев Р.А., Хазиева, М.А. Научно–технические разработки периода Великой Отечественной войны в мультимедийной экспозиции уфимского Исторического парка «Россия – Моя история» // Уфа университетская: тренды развития науки и технологий в новейшей России. Материалы Всероссийской научно–практической конференции / ответ. ред. Р.Р. Газизов, И.В. Фролова. Уфа: ООО «Книга-принт», 2023. С. 76–80.

10. Хазиев Р.А. Нормированное распределение продовольствия и борьба с нелегальным оборотом продуктов в годы Великой Отечественной войны // Вклад Башкортостана в Великую Победу: Материалы Международного научно–практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / отв. ред. Р.Н. Рахимов. Уфа: Книга-Принт, 2020. Т. 1. С.118–121.

11. Юдин К.А. Советская кинополитика накануне и в период Великой Отечественной войны: проблемы периодизации и имагогическо–идеологических ориентиров // На пути к гражданскому обществу. 2021. № 3(43). С. 80–91.

© Васильев М.С., 2024

Гильмутдинова Р.Ш.
студент
Россия, Уфа, УУНИТ
научный руководитель – д-р филос. наук, профессор Лукманова Р.Х.

Gilmutdinova R.Sh.
student
Russia, Ufa, UUST
scientific supervisor – d. of ph. s., professor Lukmanova R.Kh.

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА
ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА В КАРТИНАХ В.Г. ПЕРОВА «СУД
ПУГАЧЕВА» И С.В. ГЕРАСИМОВА «ВОССТАНИЕ ПУГАЧЕВА»**

Аннотация: в данной статье автором проводится художественная интерпретация образа Емельяна Пугачева в двух полярных трактовках, характерных для отечественной историографии в эпоху позднеимперской России и в период 1940–1950-х гг. в СССР, имеющих тенденцию к созданию скорее отрицательного и скорее положительного образов соответственно. Данные тенденции, помимо историографии, получили подтверждение в картинах российских и советских художников двух данных периодов. Для анализа выбраны наиболее знаковые и известные работы по данной теме в рамках каждого периода: картина В.Г. Перова «Суд Пугачева» как пример трактовки образа Пугачева в позднеимперской России и картина С.В. Герасимова «Восстание Пугачева» – как пример трактовки послевоенного советского периода.

Ключевые слова: образ Емельяна Пугачева, художественная интерпретация, визуальный образ в истории.

**ARTISTIC INTERPRETATION OF THE IMAGE OF
YEMELYAN PUGACHEV IN THE PAINTINGS BY V.G. PEROV
«PUGACHEV'S TRIAL» AND S.V. GERASIMOV «PUGACHEV'S
UPRISING»**

Abstract. In this article, the author conducts an artistic interpretation of the image of Yemelyan Pugachev in two polar interpretations characteristic of Russian historiography in the era of late imperial Russia and in the period of the 1940s-1950s in the USSR, which tend to create rather negative and

rather positive images, respectively. These trends, in addition to historiography, were confirmed in the paintings of Russian and Soviet artists of these two periods. The most significant and well-known works on this topic within each period are selected for analysis: V.G. Perov's painting «Pugachev's Trial» as an example of the interpretation of Pugachev's image in late Imperial Russia and S.V. Gerasimov's painting «Pugachev's Uprising» as an example of the interpretation of the post-war Soviet period.

Keywords: the image of Yemelyan Pugachev, artistic interpretation, visual image in history.

Интерес к образу Емельяна Пугачева – предводителя народного восстания 1773–1775 гг., часто называемого также Крестьянской войной – в современных условиях продолжает оставаться актуальным для отечественной историографии, вызван целым комплексом факторов. Во многом данный интерес на протяжении более чем двух столетий продолжал оставаться чрезвычайно тенденциозным явлением и зависел в большей степени не от воли и точки зрения исследователя, а от политической конъюнктуры. Так, подавляющее большинство работ, созданных отечественными историками в дореволюционный период, содержали резко негативные оценки личности и действий Пугачева, что было оправдано характером его выступлений как «бунтовщика», а также вождя и активного вдохновителя народных выступлений против монархии в России в 1773–1775 гг., наиболее известных как Крестьянская война [3, с. 19–22].

Данная тенденция получила противоположное по своему вектору, но также имеющее определенную идеологическую подоплеку продолжение в отечественной историографии советского периода. В отличие от дореволюционной, советская историография содержала преимущественно положительные оценки деятельности Пугачева как в некотором роде стоявшего у истоков того движения, которое в России завершилось революционными событиями 1917 г., что способствовало формированию в большей степени позитивного его образа как олицетворения некоего стихийного протеста населения против внедряемых извне изменений в обществе, воплотившегося в идее «народного бунта» [2, с. 345–347].

Отражение обеих трактовок не ограничивалось исключительно рамками исторической науки, хотя и в значительной степени базировалось на них. Так, одним из относительно свободных от прямого контроля способов отражения социального отношения к тому или иному явлению, событию или личности является искусство. В его границах наиболее удобным для сопоставления или анализа

исследователем основных тенденций выступает изобразительное искусство, в котором формируемый визуальный образ становится своего рода «индикатором» отношения к рассматриваемому объекту.

Стоит отметить, что в работах художников в имперский период отечественной истории обращение к тематике народного восстания на конкретных примерах российского прошлого, в особенности к теме «пугачевщины», является достаточно редким явлением, и потому наличие данных работ особенно ценно для исследователя. Это намеренное «умолчание» в искусстве вызвано прямым распоряжением со стороны правящего режима, поскольку Екатерина II с 1775 г. запретила даже упоминать о восстании, а особым указом Правящего Сената предписывалось даже переименовать места, по которым прошла пугачевщина, например, реку Яик и Яицкий городок «для предания всего случившегося вечному забвению» [8, с. 111].

Однако со 2 пол. XIX в. данный сюжет начинает находить место в работах художников, особенно не являющихся приверженцами академической школы и не столь сильно связанных в выборе тематики своих произведений, например, в работах т.н. «передвижников». В частности, один из первых крупных визуальных образов Пугачева нашел отражение в работах В.Г. Перова.

В 1870-х гг., как следует из его переписки с женой, Перов задумывает триптих: «Восстание», «Помещики и крестьяне», «Суд Пугачева». Позднее он много читал о Пугачеве, ездил на Волгу и Урал, зарисовывал местные типы. Однако из всего замысла удалось осуществить только последнюю часть. В первоначальном эскизе к «Суду Пугачева» (написанном в 1873 г.) Перов изобразил среди вечернего деревенского пейзажа вооруженных повстанцев во главе с самим Пугачевым, образ которого был представлен в довольно величественном ключе и без резко отрицательных элементов в образе. На данном эскизе был изображен реально существовавший дом, принадлежавший казаку Ситникову, расположенный в Бердской слободе близ Оренбурга и называвшийся самим Пугачевым «Золотой палатой» [7, с. 42].

Однако в 1874 г. Перов, возможно, не решившись осуществить первоначальный замысел, создал второй эскиз, изображающий пугачевцев на фоне бушующего пожара в полуразрушенной крепости и сцену переписки дворян Пугачеву. В данной версии главным героем картины стал немолодой дворянин со связанными руками, который, несмотря на угрозу расправы, отказывается признать самозванца государем Петром III. Этот эскиз лег в основу картины «Суд Пугачева», написанной в 1875 г. [4, с. 63].

Таким образом, очевидно, что художник отошел от первоначального замысла, ограничившись изображением только сцены суда, более нейтральной по сюжету и позволяющей продемонстрировать отрицательные черты образа Пугачева. В условиях существования правящей монархии в России данная трактовка образа «бунтовщика и разбойника», предводителя антиправительственного восстания могла стоить Перову довольно дорого, и, по всей видимости, в данном случае изначально расположенный к персонажу положительным образом и сохранивший свое мнение в дальнейшем художник был вынужден пойти на сделку с творческой совестью.

В 1879 г. появился еще один вариант картины под названием «Пугачевский бунт». Здесь образ Пугачева предстает более значительным — в лже-Петре III чувствуется человек большой воли, ума и темперамента. Предводителю восстания противопоставлена гордая, властная помещица, с гневом вззирающая на «Емельку», которая изображена скорее в негативном ключе: очевидно, что образ Пугачева в восприятии художника остается при всей неоднозначности скорее положительным [6, с. 83–89].

Для изобразительного искусства советского периода характерна трактовка образа Пугачева уже в практически однозначно положительном ключе. Среди таких работ, например, можно выделить картины представителя соцреализма С.В. Герасимова, первого главы Академии искусств СССР. Еще в 1927 г. Герасимов написал портрет «Пугачевец», который сам описывал как образ «русского мужика, восставшего против рабства». Кроме того, в 1941–1943 гг. Герасимов написал целую серию этюдов, акварелей, рисунков, таких как «Оренбургская степь», «Илецкая защита», «Метель под Оренбургом», «Берды», «Закат», «Оренбург», «Чкалов», «Бузулук», ставшие эскизами к будущему полотну «Восстание Пугачева».

Картина изображает торжественный момент вступления Пугачева в крепость и его встречу с народом [1, с. 188]. Полотно заслуживает особого внимания и тем, что автор изображает Пугачева в единстве с народом и не как крестьянского царя, принимающего поклонение или творящего суд над врагами, как в работе Перова, а как бесстрашного воина, идущего вместе со своим войском трудным и кровавым путем войны за народную правду: бок о бок с ним изображены другие предводители и рядовые участники движения нарисованные художником также тонко и психологически проникновенно: по всей видимости, в случае с Герасимовым мы не наблюдаем, как у Перова, заметного конфликта между официальной общепринятой позицией

по отношению к изображаемому явлению, и личными представлениями художника. Вообще же сегодня среди исследователей растет интерес к смысловой интерпретации визуальных образов, позволяющих по-новому взглянуть на страницы нашей истории [5].

Таким образом, мы можем наблюдать, как в зависимости от политической конъюнктуры и господствующей как в официальной историографии (на примере сравнения ситуации в позднеимперской России в последней трети XIX в. и в период 1940–1950-х гг. в послевоенном Советском Союзе), так и, на основе ее заключений, в изобразительном искусстве тенденции образ одного и того же события, явления или конкретного человека (в т.ч. и столь противоречивой и сложной в целом личности, как Емельян Пугачев) может быть представлен с прямо противоположных точек зрения, с акцентом как на отрицательные, так и положительные его характеристики.

Литература и источники

1. Герасимов А.М. Восстание Пугачева [Репродукция с картины] // А.М. Герасимов. Жизнь художника. М.: Издательство Академии художеств СССР, 1963.
2. Касьянова К. Особенности русского национального характера. М.: Молодая гвардия, 1993. 353 с.
3. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панях В.М. Пугачев и пугачевцы. / Академия наук СССР. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. 186 с.
4. Перов В.Г. Суд Пугачева [Репродукция с картины] // В.Г. Перов. Каталог. М.: Советский художник, 1988. С. 63.
5. Рахимов Р.Н., Азнабаев Б.А., Фролова И.В. Образ всадника в лучах солнца: геральдические кейсы Башкортостана и Тувы//Новые исследования Тувы. 2022. № 3. С. 226-240.
6. Шамагонов Н.Н. Емельян Пугачев – разрушитель или герой? // Человек и закон. 1991. №3–4. С. 80-89.
7. Щербаков А.Ю. Емельян Пугачев. Изнанка Золотого века / А.Ю. Щербаков. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 396 с.
8. Царь и царство в русском общественном сознании / отв. ред. А.А. Горский. М.: ИРИ РАН, 1999. 189 с.

© Гильмутдинова Р.Ш., 2024

Горохова Е.В.
студент
Россия, Уфа, УУНиТ
научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Сулейманова М.Н.

Gorokhova E.V.
student
Russia, Ufa, UUST
scientific supervisor – c. of. h.s., associate professor Suleymanova M.N.

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ БЕЛОРУСАМИ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В XIX–XX ВВ.

Аннотация: белорусский народ начал активное переселение на территорию Башкортостана во второй половине XIX в. после проведения реформы освобождения крестьян. На рубеже веков, затем в начале XX в. начинается вторая волна переселения, связанная со столыпинской реформой, а затем начавшимися Первой Мировой и Гражданской войнами. Первые переселенцы успешно адаптировались и остались проживать в регионе, закрепившись в качестве умелых земледельцев, разводя скот и занимаясь традиционными ремеслами.

Ключевые слова: белорусы, Республика Башкортостан, этнос, регион.

ON THE ISSUE OF SETTLEMENT OF THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN BY BELARUSIANS IN THE XIX-XX CENTURIES

Abstract. The Belarusian people began active resettlement to the territory of Bashkortostan in the second half of the XIX century after the reform of the liberation of peasants. At the turn of the century, then at the beginning of the 20th century, the second wave of resettlement began, associated with the Stolypin reform, and then the outbreak of the First World War and the Civil War. The first settlers successfully adapted and stayed in the region, establishing themselves as skilled farmers, raising livestock and practicing traditional crafts.

Keywords: Belarusians, Republic of Bashkortostan, ethnos, region.

Республика Башкортостан по разным данным занимает 2–3 места по количеству народов, проживающих в регионе, среди всех субъектов

Российской Федерации, а именно – 131 представитель различных национальностей [1, с. 84–86]. Интересно отметить, что подавляющее большинство – русские, которые каждую перепись населения достигают отметки 35–45 % от общего количества, если рассматривать показатели за 100 лет (с 1920 по 2020 гг.). Традиционно далее идут башкиры и татары, чуваша, марийцы, мордва, белорусы и другие. Особый интерес вызывает процесс оформления этнической мозаики региона, к которому часто обращаются исследователи [2].

По данным переписи населения республики от 1920 г., белорусы составляли 21187 человек при общем количестве 1807480 человек, затем 18283 чел. к 1926 г., а спустя 10 лет 23761 чел., что демонстрирует активную динамику. Далее по данным 1959 г. – 20793 чел., в 1970 г. уже 17393 чел., однако в 1979 г. происходит небольшой прирост до 17985 чел., но к 1989 г. показатели опускаются вновь – 17038 чел., что иллюстрирует уже спад в количественном и процентном соотношениях. Причем общее количество населения региона увеличивается в 2,22 раза, достигнув свыше 4-х миллионов человек. Уже в XXI в. по данным переписи 2002 г. – 17117 человек, в 2010 г. – 11680 чел., в 2020 г. – 3753 чел. [1, с. 85].

С давних времен территория Республики Башкортостан привлекала миграционные потоки. В частности, первое массовое переселение белорусского народа относится ко второй половине XIX в. Причиной этому служит, в первую очередь, серьезная реформаторская политика императора Александра Освободителя, который, продолжив решение крестьянского вопроса после смерти Николая I, отменяет крепостную зависимость и указывает четкий порядок действий для бывших крепостных.

Подавляющее количество белорусов в это время – выходцы из современных Гродненской, Могилёвской и Минской губерний, то есть регионов восточной и центральной части страны. Согласно Всеобщей переписи населения, количество белорусов на территории Уфимской губернии в 1897 году достигло 505 человек, в соседней Оренбургской в 4 раза больше [5, с. 110]. Основной вид поселения – хутор, который состоял традиционно из 10-12 дворов. Причем белорусы селились не обособленно от других народов, а по соседству, в основном с близкими к ним по укладу жизни и языку – русскими и украинцами.

Второй этап массового переселения относится к периоду начала XX в., а именно 1912–1913 гг. В стране активно с 1906 г. велась аграрная реформа под руководством П.А. Столыпина, который разрушал принцип общинного землевладения, переселял крестьян на

отдаленные от столицы территории. Так, в Уфимском уезде увеличивается численность белорусов до 7,5 тыс. чел. [3, с. 18–19]

С началом Первой Мировой войны и параллельно начавшейся Гражданской войны 1917–1919 гг. переселение дало «новый скачок»: в 1920 г. на территории современного Башкортостана проживало свыше 21 тыс. человек, относивших себя к белорусам, что почти втрое превышало показатель 1913 г. Переселенцы главным образом осваивались рядом с теми, кто прибыл в губернию ранее, сформировав, тем самым, места компактного проживания.

Причем важно дополнить, что переселения белорусов не вызывали проблем у местного населения, а конфликты по национальному вопросу сводились к минимуму.

Белорусский язык входит в восточнославянскую языковую группу, в связи, с чем является наиболее близким к русскому и украинскому языкам. Письменность также заложена на основе кириллицы. Но отсутствие национальных школ, а также общий интерес к русификации и денационализации со стороны советской власти обусловили переход переселившихся белорусов на русский язык. В том числе сыграл роль фактор территориальной разобщенности, который снижал уровень национального самосознания, ускорял процессы ассимиляции. Постепенно белорусы отходили от употребления белорусского языка, особенно к 1970-м и 1980-м гг., в том числе от использования литературного языка, складывающегося с самого XIV в. на основе старобелорусского книжно-литературного языка и, так называемой, живой народной речи. Основная религия белорусов до настоящего времени – православие, лишь часть относит себя к католикам и еще меньшая к другим религиям или направлениям.

В начале XX в. традиционно основной отраслью хозяйственно-экономической деятельности белорусов Башкортостана (как и заселяющих малоземельную Белоруссию) являлось земледелие, при том, что скотоводство и различные промыслы также входили в хозяйственную жизнь, но, как и домашние ремесла, играли скорее вспомогательную роль.

Земли Башкортостана виделись весьма привлекательными: плодородные земли, богатые водные запасы, лесной массив, пшеница и ячмень, овес и рожь. Вскоре прижился и белорусский лен. Одновременно с земледельческими работами велось и скотоводство: крестьянские хозяйства заводили коров и лошадей, в юго-западных землях овец, в Приуралье – свиней. Если позволял размер хозяйства и уровень доходов, то характерно было заводить несколько голов крупного скота. Переселенцы также разводили пчел, добывали мед,

охотились и занимались рыбалкой в водоемах. В промысловой деятельности особо примечательно было изготовление бондарной посуды для личного пользования. Женщины часто занимались обработкой льна, ткали холсты. Обычным домашним занятием выступало создание традиционной одежды повседневного и праздничного характера. Для этого кроме льна выращивалась конопля, которую также прядли.

Говоря о первых белорусских селах на территории Уфимской губернии и после – Уфимского уезда, можно также отметить подавляющее количество однонациональных семей. Но довольно быстро увеличилось количество смешанных, в основном причиной служили межнациональные браки, преимущественно с русскими, которые были близки как по вере, так и по языку. Браки с башкирами и татарами также встречались, но реже [4].

Уже в наше время белорусы считаются «своим народом» для Республики Башкортостан, ведь несколько веков жизни бок о бок раскрыли все культурные и хозяйственно-экономические особенности с каждой стороны. Более того, активно поддерживается взаимодействие с белорусским народом, живущим в Белоруссии. Так, в соответствии с Государственной программой «Народы Башкортостана», по Указу Президента РБ «О создании историко-культурных центров народов Республики Башкортостан» в 2003 году был образован Белорусский историко-культурный центр «Балтика» в одноимённом селе Балтика, куда часто приглашаются белорусские гости региона. Белорусский историко-культурный центр призван, с одной стороны, стать важным фактором пробуждения национального самосознания белорусов Башкортостана, с другой - поднять моральный дух белорусского населения. Если земля башкир стала вторым домом для предков современных белорусов несколько веков назад, то нынешний Башкортостан для них – центр стабильности и согласия. О башкирских белорусах помнят и на их исторической родине. Особенно большую помощь оказывает Белорусское общество по этнокультурным связям с соотечественниками за рубежом в Минске.

Литература и источники

1. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4. [Электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.01.2024)

2. Региональное управление в России: исторический опыт и факторы современного развития: колл. монография /Фролова И.В., Азнабаев Б.А., Рахимов Р.Н., Уразова А.И., Шагапова Г.Р., Даутова Т.А., Товышева И.З., Дубинина Э.В., Гильмутдинова Р.А., Ханова И.М., Галимуллина Н.А., Игнатъева О.Н., Полянина О.А., Сизоненко З.Л., Юнусова А.Б., Рахматуллина З.Н., Даминдарова Ф.В., Исмагилова А.С. Уфа, 2020.

3. Свистун Н.В., Нурисламова Н.Ю. О прошлом и настоящем ради будущего: Сохранение и популяризация культурного наследия белорусов-переселенцев в Башкортостане. Ч. 1. Уфа: Самрау, 2021. 241 с.

4. Хуснутдинова Л.Г. К проблеме истории заселения белорусским народом республики Башкортостан // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-istorii-zaseleniya-belorusским-narodom-respubliki-bashkortostan> (дата обращения: 10.01.2024)

5. Хуснутдинова, Л.Г. Этносоциальные аспекты адаптации беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Башкортостан (19922007 гг.) / Л.Г. Хуснутдинова. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 188 с.

© Горохова Е.В., 2024

УДК 94.470

Гоффер П.С.
аспирант
Россия, Уфа, УУНиТ
научный руководитель – д-р. ист. наук, профессор Хазиев Р.А.

Goffer P.S.
postgraduate student
Russia, Ufa
scientific supervisor – d. of h. s., professor Khaziev R.A.

ТЕНЕВЫЕ СДЕЛКИ ПОДПОЛЬНЫХ ДЕЛЬЦОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ «ХРУЩЕВСКОГО РЕФОРМИЗМА»

Аннотация: в статье на основе анализа впервые вводимых в научный оборот различных архивных материалов раскрывается

теневая бизнес-деятельность дельцов эпохи Н.С. Хрущева в Ленинграде и Ленинградской области. Автором освещены ряд ключевых вопросов, позволяющих составить профиль подпольных предпринимателей, которые «сколачивали капиталы» в период хрущевской «оттепели».

Ключевые слова: «хрущевская оттепель», теневая экономика, подпольное производство, Ленинград, Ленинградская область.

SHADOW DEALS OF CLANDESTINE DEALERS OF THE LENINGRAD ECONOMIC REGION DURING THE YEARS OF «KHRUSHCHEV REFORMISM»

Abstract: The shadow business activities of businessmen of the era of N.S. Khrushchev in Leningrad and the Leningrad region is revealed in the article, based on the analysis of various archival materials introduced into scientific circulation for the first time. The author highlights a number of key issues that allow us to compile a profile of underground entrepreneurs who «amassed capital» during the period of Khrushchev «thaw».

Keywords: Khrushchev «thaw», black economy, underground production, Leningrad, Leningrad region.

В годы хрущевской «оттепели» одной из отличительных черт которой стала относительная либерализация социально-экономической жизни СССР, несмотря на ряд хозяйственных достижений [1], советское государство так и не смогло в полной мере решить ряд насущных вопросов, связанных с обеспечением населения – снабжение продовольствием и товарами. Вопреки официальной доктрине отмирания «пережитков капитализма», поле теневой экономики в условиях постсталинского «раскрепощения», когда миновала угроза за хозяйственные преступления поплатиться жизнью или на много лет попасть в Гулаг, существенно расширилось. Прежде всего, значительно вырос объем нелегальных операций, которые осуществляли спекулянты, расхитители госимущества с целью последующей перепродажи, растратчики и различного рода махинаторы [4; 5; 6; 7].

Значительное число неучтенных средств оседало «в карманах» спекулянтов, наладивших негласные контакты с хозяйствующими субъектами комиссионной торговли. Тем более, что Министерство торговли СССР и Центросоюз разрешали расчеты наличными деньгами с колхозами и колхозниками за сданные ими продукты на комиссию. Поскольку многие горкоопторги Ленобласти и Ленинграда принимали

продукты от любого гражданина, именующего себя колхозником, то нередко за сданную сельхозпродукцию выплачивали не аванс, а всю сумму денег по «приемной стоимости». Такой незамысловатый прием позволял «барыгам» в больших размерах и без труда сбывать в горкоопторги продукты, скупленные ими по низкой цене явно для «спекулятивной наживы» [3, л. 5].

Осенью 1955 г. в Белоруссии были задержаны четыре спекулянта из Ленинграда, которые намеривались с выгодой для себя продать около 4 тыс. килограммов фруктов, заработав на данной сделке 22 200 рублей, учитывая, что, отпускная цена машины «Победа была около 16 тыс. рублей. В ходе оперативно проведенного расследования удалось установить, что такие операции «дельцы» совершали не впервые. На их счету были и другие «махинации», удачно провернув которые, удавалось благодаря наличию своих людей в Ленинградском горкоопторге «выручать за раз» до 20000 рублей [3, л. 5].

Организованные хищения совершали заготовители сельпо и заготконтор райпотребсоюзов Ленобласти, преимущественно необоснованно манипулируя скидками на влажность, засоренность, усушку продуктов, принятых на комиссию, не отражая скидки в приемных документах [3, л. 6]. Типичной была ситуация, когда в Ленинградском горкоопторге принимая порой сотни тонн сельхозпродукции длительного хранения, несколько тонн обязательно оказывалось «засорено», «излишне влажным», однако в приемных документах об этом не указывалось, что позволяло негласно «делать деньги». [3, л. 6–7].

Подпольные коммерсанты, специализировавшиеся на поставках сельхозпродукции Ленгоркоопторгу, покупаемой по бросовым ценам в сельской местности, устанавливали «деловые отношения» с председателями колхозов. Тайный тандем спекулянтов и председателей колхозов позволял поставить на поток получение отличного качества сельхозпродукции, которую «за мзду» сельхозпроизводители списывали как не кондиционную. На «списанную» продукцию составлялись поддельные накладные, позволявшие официально сдавать «неучтенку» в Ленгоркоопторг. Подобного рода схемы позволяли, утаивая десятки тонн сельхозпродукции, получать сотни тысяч теневых рублей [3, л. 7].

В целях усиления борьбы с злоупотреблениями в торговле Министерство внутренних дел СССР предложило местным органам Госторгинспекции систематически проводить совместно с общественным контролем профсоюзов массовые проверки торговой сети в городах и сельской местности по вопросам соблюдения правил

торговли и розничных цен. Однако, несмотря на ряд позитивных изменений, выраженных, в частности, в снижении за девять месяцев 1955 г. в Ленобласти и Ленинграде растрат и хищений на 10,7 млн. руб. в сравнении с тем же периодом прошлого года [2, л. 88] экономические преступления не сокращались, а продолжали увеличиваться.

Таким образом, дефицит товаров и скудность ассортимента, рост потребительского спроса, наличие у населения денег и невозможность их «отovarить», привели к появлению инициативных «теневых дельцов», которые, преступая закон, извлекали собственную выгоду. Государство боролось с теневыми дельцами, но до конца справиться с ними не могло. Нехватка товаров приводила к созданию преступных групп, состоящих из торговых работников, организовывавших каналы, по которым похищенные с государственных предприятий товары реализовывались через торговую сеть, принося подпольным дельцам большие доходы.

Литература и источники

1. Лившиц С.А. Некоторые социально-экономические аспекты деятельности СССР в первой четверти второй половины XX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2. С. 27–29.
2. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 20. Д. 119.
3. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 150.
4. Хазиев Р.А. «Вторая экономика» эпохи «хрущевской оттепели» в БАССР // Вестник Удмуртского Университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. Вып. 1. С. 198–207.
5. Хазиев Р. А. Практики теневого обогащения в БАССР периода «хрущевской оттепели» // Российский гуманитарный журнал. 2023. Том 12. № 6. С. 351–358.
6. Хазиев Р.А., Хазиева М.А. Теневые доходы «подпольных богатых» в БАССР периода хрущевских реформ // Российский гуманитарный журнал. 2022. Т. 11. № 6. С. 491–497.
7. Хазиев Р.А. «Паразитическо-теневые элементы» периода «хрущевской оттепели» // Российский гуманитарный журнал. 2022. Том 11. № 4. С. 306–314.

© Гоффер П.С., 2024

Зиннурова Д.Д.

студент

Россия, Уфа, УУНИТ

научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Р.А. Хазиев

Zinnurova D.D.

Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – d. of h. s., professor Khaziev R.A.

УЧАСТИЕ СОЛДАТ-МУСУЛЬМАН В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УФИМСКОГО ГАРНИЗОНА В 1917 г.

Аннотация: в статье анализируется представительство солдат-мусульман в составе Уфимского гарнизона, а также влияние национальных меньшинств на революционные события, происходившие в Уфе в 1917 г.

Ключевые слова: солдаты-мусульмане, войсковое формирование, национальные части, Уфимский гарнизон, запасной пехотный полк.

PARTICIPATION OF MUSLIM SOLDIERS IN THE ORGANIZATIONAL ACTIVITIES OF THE UFA GARRISON IN 1917

Abstract. The article analyzes the representation of Muslim soldiers in the Ufa garrison, as well as the influence of national minorities on the revolutionary events that took place in Ufa in the second half of 1917.

Keywords: muslim soldiers, military formation, national units, Ufa garrison, reserve infantry regiment.

В России, после февраля 1917 г., революционные процессы развивались стремительно, что в итоге привело не только к большевизации страны, но и положило начало национально-государственному строительству в рамках советского выбора [7–8]. Свержение монархии, демократизация общества, весенние и летние кризисы Временного правительства – события этого года лавинообразно накрывали всю страну, включая провинциальные города. Город Уфу, как и многие другие города, не обошли стороной революционные потрясения, став важным этапом в развитии как самого города, так и его населения.

Со второй половины 1917 г. в Уфе участились погромы, в которых все чаще принимали участие деморализованные военнослужащие Уфимского гарнизона, вступавшие в конфликт

с милицией. Однако такое явление было повсеместным для большинства городов России, в которых квартировали войсковые части. Что было особенным в гарнизоне города Уфы, как национальной окраины, так это его многонациональность. «Национализация армии» и связанные с ней формирования национальных армейских частей вызывало ряд осложнений для системы управления армией [6, с. 63].

Отечественные исследователи сходятся на мнении о том, что город Уфа был одним из важнейших политических форпостов российских мусульман, о чем говорят события 1917 г. [1, с. 1252]. При этом важной составляющей Уфы было то, что около половины всей численности войск Уфимского гарнизона составляли солдаты-мусульмане – башкиры и татары [4, с. 151–152]. Следовательно, солдаты-мусульмане имели весомое влияние на организацию сосредоточенных в городе военных сил, особенно после распространения Приказа Петроградского совета № 1.

В Уфе, по инициативе Казанского мусульманского военного комитета, в середине марта 1917 г. был создан мусульманский отдел Военной организации. Он был призван удовлетворить культурно-просветительские и религиозные нужды военных [2, с. 139]. Предполагалось, что созданное подразделение будет отвечать культурно-просветительским целям и задачам, тем самым осуществляя провозглашенный в результате свершившейся Февральской революции принцип демократизма.

21 марта 1917 г. Губернский комитет обратился к начальнику Уфимского гарнизона, в котором попросил разрешить солдатам посещение лекций на татарском языке. Слушатели должны были развивать «чувства воинского долга и ответственности за судьбу Родины» [5, л. 19]. Примечательно, что помещение для устройства бесед было отведено в здании «чайной-аудитории Попечительства трезвости на Верхнеторговой площади» [5, л. 20].

В Уфе, после новостей о погроме в Белебее, в начале мая 1917 года было сформировано бюро солдат-мусульман, которое помимо организации культурно-просветительных мероприятий, было также призвано подготовить солдат-мусульман к выборам в Учредительное собрание во имя поддержания нового строя и укрепления свободы [2, с. 145–146]. Кроме того, бюро занималось тем, что устанавливало связь с военнотружущими-мусульманами на фронте, а также постоянно контактировало со Всероссийским мусульманским съездом. Так, 24 мая 1917 г. бюро отправило приглашение в Уфимский гарнизон для совершения в пятницу, через два дня, на Ивановской площади (ныне

ул. Карла Маркса, перед входом в парк им. И. Якутова) «молебствия и выслушивания доклада делегатов, возвратившихся со Всероссийского мусульманского съезда» [5, л. 202].

26 мая 1917 г. на собрании под лозунгом «Да здравствует организованный солдат-мусульманин!», оглашаемых на русском и татарском языках, собрались 8 тыс. человек, среди которых не меньше половины были освобожденные от занятий солдаты и офицеры-мусульмане Уфимского гарнизона [2, с. 151]. После оркестрового шествия 144-го запасного пехотного полка началось собрание, на котором были выслушаны возвратившиеся из Москвы с Всероссийского мусульманского съезда прапорщик Г. Ибрагимов и солдат Резяпов. В ходе их докладов выяснилось, что необходимо защищать общегосударственные интересы, а не ограничиваться узконациональными вопросами [2, с. 156]. В такой обстановке мусульманское бюро с его узкоспециализированными культурными функциями, было не в состоянии справиться с поставленными задачами. Потому было принято решение о создании самостоятельно организации солдат-мусульман Уфимского гарнизона – Мусульманского военного Совета. С 30 мая 1917 г. в Уфимском гарнизоне стали формироваться мусульманские роты, а 12 июня 1917 г. по городу прошли «мусульманские батальоны» [6, с. 70].

28 августа 1917 г. в городе праздновался день культурно-национальной автономии для мусульман. В шествии с оркестром солдаты-мусульмане шли со своими национальными флагами, а поскольку одна из маршевых рот шла с винтовками, то Исполнительный комитет разъяснял, чтобы «никто в этом шествии не находил противного революции и русской демократии» [2, с. 184]. 4 октября 1917 г. по всей стране прошел «день солдата-мусульманина» [6, с. 70].

К осени 1917 г. остро возникла потребность в командных кадрах для солдат-мусульман. 18 октября Военная секция Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов просила командующего Казанским военным округом прислать офицеров-мусульман, сообщая, что в «гарнизоне солдат-мусульман более половины, но нет достаточного командного мусульманского состава» и что «благодаря незнанию мусульманами русского языка происходят между русским командным составом крупные недоразумения» [2, с. 216]. В ноябре на основе 144-го запасного пехотного полка в Уфе был сформирован 2-й Мусульманский запасный полк. Кроме Уфы мусульманские полки создавались в Белебее, Казани и Оренбурге. Все они стали

участниками политической борьбы на местах, фактором силы для противостояния большевикам [3, с. 431].

Таким образом, к концу октября 1917 г. Уфимский гарнизон состоял из достаточно числа солдат-мусульман, которые в условиях революционизации страны стремились отстаивать свои национальные интересы. С одной стороны, это послужило размыванию общегосударственных целей и как следствие вело к развалу армии. С другой стороны – народы национальных регионов, включая солдат-мусульман Уфимского гарнизона, получили возможность к национально-общественному самовыражению.

Литература и источники

1. Азаматова Г.Б., Роднов М.И., Фархшатов М.Н. Уфа – культурный центр мусульман Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: становление, развитие, наследие // *Oriental Studies*. 2020. № 13 (5). С. 1243–1255.

2. Башкирия в 1917 году. Сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов [и др.]. Уфа: Китап, 2017. 664 с.

3. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) М.: Социально-политическая мысль, 2004. 600 с.

4. Исхаков С.М. Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы и документы к 100-летию создания совета рабочих и солдатских депутатов / автор-сост. Г.В. Мордвинцев. Уфа: информреклама, 2017. 726 с. // *Исторический вестник*. 2017. Т. 21, № 168. С. 150–153.

5. НА РБ. Ф. Р-3. О. 1. Д. 37. Л. 19–20, 202.

6. Рахимов Р.Н. Между национальной идеей и политикой: развал Уфимского гарнизона в 1917 году // *Война и оружие*. Новые исследования и материалы. СПб., 2017. Ч. 3. С. 63–75.

© Зиннурова Д.Д., 2024

УДК 947(470.57)

Кильдигушева З.Р.

студент

Россия, Уфа, УУНИТ

научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Шайхисламов Р.Б.

Kildigusheva Z.R.

student

Russia, Ufa. UUST

scientific supervisor – d. of h. s., professor Shaikhislamov R.B.

АКУШЕРЫ БАШКИРО-МЕЩЕРЯКСКОГО ВОЙСКА

Аннотация: в статье рассматривается организация медицинского обслуживания в середине XIX в. Башкиро-мещеряцкого войска,

являвшееся одним из ключевых элементов обеспечения боеспособности национального формирования Русской императорской армии.

Ключевые слова: Башкиро-мещерякское войско, ассигнования, казначейство, медицина и здравоохранение, Медико-хирургическая академия.

EXPERIMENTAL-TRACOLOGICAL METHOD IN THE STUDY OF ARCHAEOLOGICAL FINDS MADE OF STONE IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The organization of medical care in the mid-19th century for the Bashkir-Meshcheryak army is examined in the article. It was one of the key elements in ensuring the combat effectiveness of the national formation of the Russian Imperial Army.

Keywords: Bashkir-Meshcheryak army, appropriations, treasury, medicine and healthcare, Medical-Surgical Academy.

История, становление и развитие медицины и здравоохранения в Оренбургской губернии в XVIII–XIX вв. были отражены в работах дореволюционных и советских исследователей — таких как В.М. Черемшанский, Д.П. Никольский, В.А. Скачилов и др. [1]

Одним из первых, кто комплексно изучил развитие медицинской службы, вопросы подготовки квалифицированных врачей, фельдшеров и акушеров для Башкиро-мещерякского войска, был известный ученый, профессор Анвар Закирович Асфандияров [2, с. 91-93]. Благодаря его трудам стали известны не только имена первых врачей, лекарей, фельдшеров и также акушеров из башкир и мишарей.

В данной статье на основе выявленных в архиве материалов приводится список первых акушеров Башкиро-мещерякского войска. Одним из важных вопросов в обеспечении боеспособности башкиро-мещерякского войска была организация медицинского обслуживания. Тяжелая линейно-сторожевая служба и участие в военных походах, быстрое распространение инфекционных болезней требовало от командования серьезного отношения к данному вопросу. Как известно, в Оренбургской губернии был довольно широко распространен сифилис, местное население состояло в основном из мусульман. Женщины-мусульманки отказывались от помощи медиков-мужчин. Таким образом, женщин нужно было наличие специальных врачей работать должны были повивальные бабки. Правление Башкирского

войска направляло в Петербург своих стипендианток с тем, чтобы они потом работали в красе.

В 1854 г. Военное министерство сочло необходимым «...для прекращения дальнейшего развития сифилитической болезни в Башкиро-мещерякском войске, в учреждаемые в кантонах этого войска женские больницы определить 10 повивальных бабок Санкт-Петербургского воспитательного дома, но предварительно прикомандировать их к отделению Обуховской больницы, где пользовались женщины одержимые сифилисом, и там под руководством опытных врачей занимать их некоторое время практическим пользованием больных, чтобы их ознакомить с различными видами болезни и способами ее лечения». Хотя это предложение было отклонено, вместе с тем Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору графу Перовскому было предложено открыть в разряде крестьянских учениц Повивального института несколько вакансий пансионеров Башкирского войска «...с целью приготовить из них опытных повивальных бабок для исключительной службы в кантонах и эти вакансии, в виду большой пользы, замещать туземками Башкирского войска» [3, с. 98]

В 13 июля 1858 г. в Повивальном институте при Санкт-Петербургском родовспомогательном заведении на основании высочайшее утверждения было издано правило «об определении в Башкирское войско повивальных бабок положено иметь 10 вакансий, для чего и отпускается в распоряжение управления башкирами 717 руб. 84/4 коп. или на каждую по 71 руб.43 коп. Сумма эта должна оставлена в распоряжении генерал-губернатора, так как больницы башкирские находятся в двух только подчиненных ему губерниях, а вакансии по сношению с начальниками губерний, впоследствии же времени когда будут открыты и в других губерниях больницы, может быть распределена между подлежащими губерниями. В настоящее время в 10 вакансии свободны, а потому вся сумма ассигнованная в этом году на этот предмет, на основании правил о составлении и исполнении должно быть передана в казначейство» [4, с. 194 об]

В 1850 г. в гражданском ведомстве числилось 13 акушеров. В Башкирском войске служили акушерки – башкирки Кайдафа Тасигмуллина (Красноуфимский уезд), Гульгамира Абделляпарова (Мензелинский уезд), и Хуснибанат Абдельманафова (Уфимский уезд). Они окончили в 1864 г. Повивальный институт при Санкт-Петербургском родовспомогательном институте за счет 10 вакансий войска. [5, с. 361]

В архивных документах «Дело о назначении в Башкирское войско повивальная бабок» [6] дает возможность установить фамилии одних из первых акушеров – башкирок, и куда они были распределены: «Предназначенные на службу в Башкирское войско повивальные бабки 22 февраля 1865 г., они находились в прикомандировании Калинкинской больницы для практических занятий в распознавании и лечение сифилитической болезни у женщин, окончили свои занятия и потому что могут быть отправлены ко месту назначения Военно-Медицинский Департамент определил Абдулменяфову и Таслимуллину в Башкирское управление младшими повивальными бабками, с жалованьем по 100 рублей, на основании 4 пункта Высочайшие утвержденного 13 июля 1858 г. положения Военного Совета. А Абдулзепарова тоже Управление сверхштатного младшую повивальную бабкой без жалованья, впредь до открытия вакансии. Ко сему департаменте присовокупил, что им сообщено главному интендантскому Управлению об отпуске этим трем повивальным бабкам, под собственные их расписки, в войнах прогонных денег от С. Петербурга до г. Оренбурга из оклада 100 руб. сер. В год, по 50 руб. каждой, а вычетом из них 10 % в инвалидный капитал по 45 р. Всего 135 руб.» [7, с. 21].

Выдали прогонные деньги «От города С. Петербурга до города Оренбурга определенной на службу в Башкирское управление повивального бабкого Хуснубанат Абдулменяфовой с будущим из почтовых давать по 2 лошади с проводником, за указные прогоны без содержания дана в Петербург 15 февраля 1865 год» [8, с. 7].

4 марта 1865 г. приказам генерал-губернатора А.П. Безака: «младшие повивальные бабки выпущенные из Калинкинской больницы на служебную в Башкирское управление назначены девица Таслимуллина – в 5 Красно-Уфимский кантон (3 участок), Абдулзепарова – в 9 Белебеевский кантон (5 участок), Абдулменяфова – в 6 Бирский кантон (4 участок)» [9, с.19].

14 июня этого года были выделены «на прогоны денег 2 лошади от Бирска Таслимуллиной до г. Красноуфимска по числу 427, верст 21 руб 35 коп; Абдулзепаровой до г. Белебеевск по числу 273 верст 13 руб 65 коп и употребленные на уплату на телеграмму в г. Оренбург 3 руб, всего 38 руб. сер» [10, с. 51об].

В 1862 г. стипендиатка Башкирского войска В.А. Кашеварова, окончив в Санкт-Петербурге сифилидологические курсы при Калинкинской больнице, получила назначение – повивальной бабкой Башкирского казачьего войска. В 1863 г. она добилась по ходатайству оренбургского генерал-губернатора Безака разрешения военного

министра Д.А. Милютина прикомандировать ее в порядке исключения к Медико-хирургической академии в качестве вольнослушательницы [11, с. 98]. За назначенную ей стипендию – 28 руб. в месяц – взято обязательство отработать 6 лет в Башкирии [12, с. 65–71]. В.А. Кашеварова вспоминает: «...Я по воле и непосредственному распоряжению г. военного министра, в следствии ходатайства генерала Безака, была допущена к слушанию полного курса медицинских наук в... Медико-хирургической академии. Это было сделано с той целью, чтобы я, изучив медицину в тех размерах, в каких она изучена бывает выходящими из академии врачами, могла заменить врача в Оренбургском крае, где, как известно, башкирские женщины, по своим религиозным обычаям, ни в каком случае не допускают к себе врача мужчину и таким образом в болезнях остаются беспомощными. Местное начальство радушно отнеслось к этой страждущей беспомощной массе женщин и в лице генерала Безака стало просить военного министра допустить в академию женщину-акушерку, которая пожелала бы получить полное медицинское образование, и дать ей из сумм башкирского войска стипендию» [13, с. 98].

Нужно отметить, что первыми медиками из башкир стали оспопрививатели. Согласно указу 1811 г. Военного министерства кантонные начальники ежегодно стали направлять к уездным врачам по одному юноше от каждой команды для обучения искусству оспопрививания. Обучение фельдшеров для войска началось в конце 20-х гг. XIX в. по приказу военного губернатора по одному подростку от 16 кантонов было устроено в школу фельдшеров при Оренбургском военном госпитале. А появление первых башкирских врачей относится к началу 40-х годов. [14, с. 361].

Таким образом, в 40-х гг. XIX в. все башкирские и мишарские кантоны были разделены на четыре медицинских участка. К каждому из них прикреплялись оспопрививатели, фельдшеры во главе с одним участковым врачом. Постепенно в башкирском войске организовывалась постоянная медицинская помощь создавались больницы. Так, первая стационарная больница была открыта в д. Исянгулово Оренбургского уезда. В разных кантонах открыли пять временных больниц, работавших в течение летнего сезона. Больницы были рассчитаны на 140 кроватей. Там работали, кроме врачей, фельдшеров и повивальные бабки (акушерки) из башкирок, окончившие до 1864 г. Повивальный институт при Санкт-Петербургском родовспомогательном институте. Этот институт в 1862 г. окончила башкирская стипендиантка – первая в России женщина-доктор медицины В.А. Кашеварова – Руднева [14, с. 65–76].

Литература и источники

1. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственностатистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. Никольский Д.П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. Скачилов В.А. Люди подвига и долга. 2-е издание, исправ. и доп. Уфа, 1979.
2. Асфандияров А.З. Первые медики из башкир // Агидель, 1967. №4. С.91–93. (на башкирском языке). Он же: Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа. 2005.
3. Абашин В.Г., Цвелев Ю.В. К истории организации акушерской помощи в русской армии. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-organizatsii-akusherskoj-pomoschi-v-russkoj-armii/viewer/> (дата обращения: 12.01.2024).
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13028. Л. 194об.
5. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 1. Уфа, 2004. С. 361
6. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 12595.
7. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 12595. Л. 21.
8. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 12595. Л. 7.
9. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. д. 12595. Л. 19.
10. НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 12595. Л. 51 об.
11. Абашин В.Г., Цвелев Ю.В. К истории организации акушерской помощи в русской армии, стр.98 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-organizatsii-akusherskoj-pomoschi-v-russkoj-armii/viewer/> (дата обращения: 12.01.2024).
12. Скачилов В.А. Башкирская стипендиантка // Поиски и находки. Уфа.1984. С. 65–76.
13. Абашин В.Г., Цвелев Ю.В. К истории организации акушерской помощи в русской армии. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-organizatsii-akusherskoj-pomoschi-v-russkoj-armii/viewer/> (дата обращения: 12.01.2024).
14. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. 1. Уфа, 2004.

© Кильдигушева З.Р., 2024

УДК 396+070

Коваленко Е.С., Малинкина И.А

студенты

Россия, Уфа, УУНиТ

научный руководитель – д-р филос. наук, профессор Лукманова Р.Х.

Kovalenko E.S., Malinkina I.A.

Students

Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – d. of ph. s., professor Lukmanova R.Kh.

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «БАШКОРТОСТАН КЫЗЫ» В 1970-е гг.

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению образа советской женщины 1970-х гг. на материалах литературно-

художественного журнала «Башкортостан кызы». Через призму содержания журнала исследуются представления об общественной роли женщины, а также основные ожидания советской власти в отношении поведения, интересов и внешнего вида женщин

Ключевые слова: женский журнал, образ советской женщины, советская пресса, «Башкортостан кызы».

THE IMAGE OF A SOVIET WOMAN ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «BASHKORTOSTAN KYZY» IN THE 1970s.

Abstract. This article is devoted to the consideration of the image of a Soviet woman of the 1970s based on the materials of the literary and artistic magazine «Bashkortostan kyzy». Through the prism of the magazine's content, ideas about the social role of women are explored, as well as the basic expectations of the Soviet government regarding the behavior, interests and appearance of women.

Keywords: women's magazine, image of a Soviet woman, Soviet press, «Bashkortostan kyzy».

В 1970-х гг. в Советском Союзе нарастают тенденции социокультурных изменений. В этот период женщины становятся активными участницами социально-политической жизни, что соответствовало мировым трендам и отражалось в периодической печати [1]. Рассмотрение образа советской женщины в журнале «Башкортостан кызы» имеет актуальное значение в контексте исследования воздействия советской идеологии на формирование роли женщины в советском обществе. Анализ материалов указанного журнала позволит выделить основные требования и пожелания советской власти к поведению, интересам и внешнему виду женщин.

Одним из наиболее ярких источников, раскрывающих особенности жизни женщин того периода, является литературно-художественный журнал для женщин на башкирском языке – «Башкортостан кызы» («Дочь Башкортостана»). Разбор женских образов со страниц этого журнала помогает проследить, какие ценности и ожидания транслировались в общество через периодическую печать, и как они отражались на восприятии женщин.

В Советском Союзе средства массовой информации, включая печатные издания, служили для формирования взглядов, образцов поведения и культурных норм. Пропагандистские стереотипы создавали образ советской женщины, работающей и одновременно занимающейся домашними обязанностями, образ «труженицы и

матери». Оценки образов женщин в журналах указывают на расхождение с заданными и желаемыми нормами, подразумевая сохранение бытовых, семейных и традиционно патриархальных стереотипов. Советские женские журналы, в том числе и «Башкортостан кызы», активно формировали и транслировали женский образ.

Журнал «Башкортостан кызы» по содержанию схож с другими советскими женскими журналами, например, с всесоюзным журналом «Работница». В «Башкортостан кызы» выделяются рубрики, посвященные материнству, рабочим будням, партийным делам, спортивным достижениям и детскому творчеству. В отдельных выпусках встречаются стихотворения, рассказы, рецепты различных блюд. Рубрик, посвященных модным тенденциям, относительно немного. Встречаются советы по уходу за собой, рекомендации по созданию причесок, примеры гимнастических упражнений. В номерах есть вставки эскизов, рисунков и выкроек. Также несмотря на то, что журнал выпускался на башкирском языке, национальный колорит в иллюстративных материалах отсутствует. Редакторами журнала были в основном женщины, однако мужчины также являлись авторами многих статей, в том числе и посвященных уходу за внешностью.

Выпуски журнала под номером три ежегодно содержали поздравления с женским праздником – 8 марта. Поздравления включали в себя призывы к самоотверженному труду и пожелания крепкой семейной жизни. Часто в них содержались поздравления мам детьми рисунками, стихами или рассказами, что подчеркивало семейную направленность журнала.

Женской внешности в «Башкортостан кызы» посвящены небольшие заметки, например, советы по уходу за руками, в частности о том, как делать маникюр [2]. Помимо ухода за руками можно встретить статьи об уходе за волосами. Например, в одной из статей утверждалось, что нужно мыть волосы теплой, мягкой водой, нельзя использовать хозяйственное мыло, так как оно приводит к раздражению кожи головы. Автор статьи также отмечал полезность расчесывания волос – это хороший массаж кожи головы. Затем идут рекомендации по уходу за кожей [3]. Специалисты в основном рекомендовали использовать домашние средства, что наилучшим образом соответствовало стремлению к экономии и идеалу естественности [4]. В отличие от ухода за внешностью, статей с рекомендациями различных причесок и укладок волос мало, а те, что продемонстрированы на страницах – явно не подходят

для ежедневного ношения – они слишком непросты в исполнении для советской труженицы [5].

В журнале присутствуют немногочисленные фотоматериалы, на большинстве из которых изображены женщины в рабочем пространстве. Повседневные, а тем более фотографии в модных образах практически отсутствуют, что может свидетельствовать о представлении женщины, в первую очередь, как работницы, а не индивидуальности. На обложках «Башкортостан кызы» в большинстве случаев также изображены женщины на рабочем месте, реже - фотографии детей и городских пейзажей.

Обращаясь к представлению одежды, можно отметить, что в женских журналах, исключением из которых не стал и «Башкортостан кызы», регулярно размещались эскизы, наборы выкроек, чтобы женщины могли самостоятельно сшить или связать одежду. Кроме того, в каждом выпуске журнала были бесплатные вложения в виде выкроек разных фасонов жилетов, сарафанов, и платьев, которые отличались простотой в исполнении. Присутствовали творческие фотоматериалы в виде демонстрации рукоделий мастериц, в которых преобладал национальный колорит, передаваемый через орнаментный узор [6]. Стоит отметить градацию перехода актуальности статей в рубрике о внешности в выпусках журнала за 1970-е гг. Если в начале десятилетия статьи были посвящены уходу за внешностью (руками, волосами), полезным советам о здоровье, то к концу десятилетия на страницах преобладают модные образы. Данный переход связан с развитием легкой промышленности, вследствие чего материалы для шитья стали доступней и разнообразней.

Было ли вообще место модным тенденциям в советской идеологии? Модная одежда демонстрировалась на подиумах и на страницах журналов. А в обычной жизни советской женщине было не до изысков: если костюм, то по двум критериям – строгость и простота. Повседневная одежда должна быть удобной и практичной. Журнал «Башкортостан кызы», в сравнении с всесоюзным модным журналом «Журнал мод», большее внимание уделял именно практичной одежде, которую можно было сшить самостоятельно.

Обращаясь к рубрикам журнала о партийных делах, подвигах трудящихся женских коллективов в сочетании со статьями о воспитании детей и уходе за собой, можно также сделать вывод, что женщина рассматривалась как ответственная участница общественной жизни, но при этом была обязана заботиться о своей внешности и семье. Важным аспектом формирования образа советской женщины

было стремление соответствовать определенным нормам поведения и внешнего вида. Таким образом, журнал «Башкортостан кызы», помимо образа ухаживающей за собой женщины и любящей матери, формирует образ работницы, которая каждый день, помимо семейной жизни, вершит трудовой подвиг.

Таким образом, «Башкортостан кызы» демонстрирует образ скромной, ухоженной, трудолюбивой женщины, активно участвующей в общественной и политической жизни государства, а также уделяющей много времени и сил семье. Этот образ должен был подчеркнуть место и главную роль женщины в советском обществе.

Литература и источники

1. Бадурдинов Р.М., Фролова И.В. Женщины в мировом политическом процессе: акторы, субъекты, агенты, участники? // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 3 (141). С. 133-136.
2. Смольникова В. Не забывай об этом // Башкортостан кызы. 1970. № 12. С. 23.
3. Гумеров В. Не интересуйся ложной красотой // Башкортостан кызы. 1970. № 3. С. 22.
4. Гилежев Э. Волосы – гордость женщины // Башкортостан кызы. 1972. № 9. С. 21.
5. Кабакова В. Прически // Башкортостан кызы. 1973. № 3. С. 13.
6. Работы художника-модельера Р. Богомазовой // Башкортостан кызы. 1978. № 3. С. 12.

© Коваленко Е.С., Малинкина И.А., 2024

УДК 94:353(470.57) 1953/1964

Магадеев А.Р.
аспирант
Россия, Уфа, УУНИТ
научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Хазиев Р.А.

Magadeev A.R.
postgraduate student
Russia, Ufa, UUST
scientific supervisor – d. of h. s., professor Khaziev R.A.

ЖИЛИЩНАЯ РЕФОРМА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В БАССР ПЕРИОДА «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

Аннотация: в данной статье анализируется реализация одного из масштабных проектов эпохи «хрущевского реформизма – жилищной

программы в БАССР, проводившейся советским государством со второй половины 1950-х до середины 1960-х гг. В результате проводимой реформы значительно был увеличен жилой фонд республики, что существенно позволило сократить дефицит жилья и улучшить уровень жизни населения республики.

Ключевые слова: Жилищная реформа, БАССР, жилищное строительство, жилой фонд, хрущевская «оттепель».

HOUSING REFORM AND ITS IMPLEMENTATION IN THE BASSR DURING THE «KHRUSHCHEV THAW»

Abstract. This article analyzes the implementation of one of the large-scale projects of the era of “Khrushchev reformism” - the housing program in the BASSR, carried out by the Soviet state from the second half of the 1950s to the mid-1960s. As a result of the ongoing reform, the housing stock of the republic was significantly increased, which significantly reduced the housing shortage and improved the standard of living of the population of the republic.

Keywords: housing reform, BASSR, housing construction, housing stock, Khrushchev's «thaw»

Жилищная реформа, проводившаяся в БАССР в эпоху «хрущевской оттепели», была одним из самых значимых социально-экономических достижений постсталинского времени, но в рамках которого, помимо явного хозяйственного прогресса страны, стала укореняться, в том числе и в республике, теневая экономика [10–11].

Что касается собственно жилищной реформы, то начавшееся как по всей стране, так и в БАССР возведение домов, было частью глобальной программы, в ходе реализации которой планировалось существенно улучшить жилищно-бытовые условия населения. Благодаря реформе началось активное строительство «домов-хрущевок», в которых выдерживался принцип: отдельная квартира для семьи. К середине 1950-х гг. из-за стремительно происходившего процесса урбанизации, в городах страны остро возник дефицит жилья. Стоит отметить, что БАССР в послевоенный период отставала от общесоюзного уровня в обеспечении жильем «трудящихся».

Столица БАССР – Уфа, в начале 1950-х гг., в результате быстрого развития промышленности в регионе, стала крупным административным и культурным центром не только республики, но и уральского региона. Население Уфы, благодаря развитию промышленного потенциала города, с середины 1940-х гг. до конца

1953 г. увеличилось почти в 2 раза. В связи с этим возникла острая нехватка жилья. Также в летние месяцы возникали частые перебои в подаче воды в г. Уфу и Черниковск. В целях улучшения жилищно-коммунального, а также бытового обслуживания населения, Совет Министров Башкирской АССР и Обком КПСС подготовил проект Постановления Совета Министров СССР «О мерах помощи городскому хозяйству города Уфы», согласно которому предполагалось в течении 1954–1955 гг. произвести работы по развитию водопровода, канализации, строительству детских лечебных учреждений, а также жилищному строительству [1, с. 89]. Также предусматривалось в 1954–1956 гг. строительство в Уфе 214 тыс. кв. м. жилой площади для рабочих ИТР и служащих промышленных предприятий. В частности, только Министерство авиационной промышленности СССР за счет средств Уфимского горисполкома обзавано было в 1954–1955 гг. построить жилой 48 квартирный дом для учителей г. Уфы. Министерству металлургической промышленности СССР вменялось построить в Уфе (1954–1956 гг.) жилые дома площадью 10000 кв. м. для рабочих и служащих завода горного оборудования и треста «Башзолото» [2, с. 92].

В Башкирской АССР, с момента начала жилищной реформы из местного бюджета на развитие жилищно-коммунального хозяйства было выделено 13 578 тыс. руб. В целом, с 1955 по 1964 г. капиталовложения в жилищно-коммунальное строительство увеличились по Южному Уралу в 1,4 раза, а в Башкирской АССР в 1,5 раза. Строительные организации республики в пятой пятилетке построили 2343 тыс. кв. м. жилья. На 1 человека в 1955 г. в республике приходилось 4 кв. м. жилья. Всего на Южном Урале, включая БАССР, за годы пятой пятилетки было введено в эксплуатацию 8046 тыс. кв. м. общей площади домов, или 7,9 % от общего показателя по РСФСР (101,4 млн. кв. м). Такие темпы строительства были на тот момент достаточно высокими [7, с. 221].

Реализация жилищной реформы привела к тому, что только жилой фонд Уфы увеличился в 3 раза. Темпы роста жилищного строительства столицы республики значительно опережали темпы многих городов страны. Если в 1945 г. на одного жителя Уфы приходилось 3,1 кв. м жилой площади, то в 1958 г. – 4 кв. м, а в 1960 г. в целом по республике 5,6 кв. м. В г. Кумертау за 11 месяцев 1957 г. выполнен план по жилищному строительству на 112,7 %, до конца года город введено 1800 кв. м. жилой площади сверх плана [8, с. 445]. На Южном Урале в 1956–1965 гг. всего введено в действие 33 419,7 тыс. кв. м. общей площади жилых домов, из них в

Оренбургской области – 26,9%, в Челябинской – 48,8 % и в БАССР – 24,3 % [12, с. 67]

Несмотря на положительные сдвиги, в конце 1950-х гг. техническое состояние жилого фонда Уфы было еще неудовлетворительным, из общего количества домов, подлежащих капитально – восстановительному ремонту, 30% являлись аварийными. Так, в Уфе на 1957 г. было выделено всего лишь 38,4 млн. рублей, в том числе 10,03 млн. рублей на жилищное строительство и оборудование гостиниц. Явное недофинансирование сказывалось на темпах строительства жилья. Например, из 9 объектов более или менее удовлетворительными темпами строились несколько домов [3, с. 1]. В связи с этим исполком Уфимского городского совета наметив ряд организационных мероприятий по улучшению эксплуатации и сохранению жилого фонда, принял решение создать на базе существующих мелких ремонтных организаций единый строительный трест «Горремстройтрест» по ремонту жилого фонда, школ, больниц [4, с. 1].

За годы пятой – седьмой пятилеток в республике широко развернулось индивидуальное строительство в городах, поселках и сельской местности, что позволило возвести 12 459,4 тыс. кв. м общей площади жилья. В суммарном выражении в БАССР к 1961 г. было введено в строй 10 261 жилых домов, но уже через год только 9012. В целом, с 1961 по 1965 г. по РСФСР плановые показатели строительства индивидуального жилья населением сократились в 2,4 раза. Снижался и план ввода жилья. Истощение финансовых и производственных ресурсов не позволяло выдерживать высокие темпы жилищного строительства. Одним из способов решения жилищной проблемы стало проведение капитального и текущего ремонтов существующего жилого фонда. Если в 1953 г. на ремонт жилого фонда в БАССР было выделено 6000 тыс. руб., то к 1959 г. эта сумма возросла почти в 2,5 раза и составила 14 700 тыс. руб. Также в ходе жилищной реформы Башкирии за 1959 г. было отремонтировано 502 дома, из них 105 в Уфе [9, с. 164].

В результате проверки, проведенной министерством коммунального хозяйства РСФСР, были выявлено, что в Уфе застройка в ряде случаев была осуществлена неудовлетворительно. Жилищное строительство в Уфе осуществлялось по устаревшим типовым проектам. Совет Министров Башкирской АССР постановлением от 14 декабря 1957 года разрешил применять для строительства в 1958 году устаревшие неэкономические типовые проекты жилых

домов, не вошедшие в рекомендованный Госстроем СССР перечень типовых проектов [5, с. 7].

Совет Министров Башкирской АССР и Уфимский горисполком не принимали действенных мер и к прекращению самовольного строительства; не следили за качеством строительных работ и периодически допускали ввод в эксплуатацию жилых зданий с большим количеством недоделок. В связи с этим Совет Министров РСФСР своим постановлением обязал Совет Министров Башкирской АССР рассмотреть на заседании Совета Министров записку Министерства коммунального хозяйства РСФСР о крупных недостатках в застройке в планировке г. Уфы и разработать необходимые мероприятия по этому вопросу [6, с. 17].

Таким образом, реализация в БАССР (1950-е – начало 1960-х гг.) жилищной реформы, хотя и находилась постоянно в поле зрения центральных и местных органов власти, темпы жилищного строительства значительно отставали от потребностей населения. Кроме того, выявлялись серьезные нарушения, связанные с вводом в эксплуатацию жилых домов со значительным числом недостатков, с целью «вовремя и в срок» отрапортовать «наверх» об успешно выполненном плановом задании. Однако, несмотря на сложности, трудности и издержки, благодаря увеличению производства строительных материалов и развитию строительной индустрии жилой фонд в БАССР был существенно увеличен. В ходе жилищной реформы удалось снять накопившееся в обществе социальное напряжение, однако проблема обеспечения населения жильем по-прежнему оставалась до конца не решенной.

Литература и источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 259. О. 1. Д. 2640. Л. 89.
2. ГА РФ. Ф. 259. О. 42. Д. 1002. Л. 92.
3. ГА РФ. Ф. 314. О. 3. Д. 3158. Л. 1.
4. ГА РФ. Ф. 314. О. 3. Д. 2239. Л. 3.
5. ГА РФ. Ф. 259. О. 42. Д. 1002. Л. 7.
6. ГА РФ. Ф. 259. О. 42. Д. 1002. Л. 17.
7. Народное хозяйство Башкирской АССР за 70 лет: стат. сб. Уфа, 1989. 175 с.
8. История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1976. 608 с.
9. Леонтьева Е.А. Решение жилищной проблемы на Южном Урале в 1953–1964 гг. // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2012. № 4 (4). С. 34–42.
10. Хазиев Р.А. «Вторая экономика» эпохи «хрущевской оттепели» в БАССР // Вестник Удмуртского Университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. вып. 1. С. 198–207.

11. Хазиев Р.А., Хазиева М.А. Теневые доходы «подпольных богатых» в БАССР периода хрущевских реформ // Российский гуманитарный журнал. 2022. Том 11. № 6. С. 491–497.

12. Хайруллина Р.М. Организация жилищного и культурно-бытового строительства методом народной стройки на примере Южного Урала в конце 1950-х гг. // Особенности духовно-нравственного формирования личности в современных условиях. Волгоград, 2009. С. 66–72.

© Магадеев А.Р., 2024

УДК 930.253

Салимова Г.А.

студент

Россия, Уфа, УУНиТ

научный руководитель – д-р филос. наук, профессор Фролова И.В.

Salimova G.A.

student

Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – d. of ph. s., professor Frolova I.V.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ АРХИВОВ
В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ АРХИВОВ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

Аннотация: муниципальные архивы являются базой для реконструкции культурного и исторического наследия Российской Федерации. Их ресурсы можно использовать при изучении исторических событий, политических процессов и социокультурной жизни отдельных регионов. В статье представлен обзор историографии муниципальных архивов Российской Федерации и Республики Башкортостан, дана оценка возможности их использования в научных исследованиях.

Ключевые слова: муниципальный архив, историческая реконструкция, архивы Башкортостана, научные исследования

**USE OF MUNICIPAL ARCHIVES IN SCIENTIFIC RESEARCH
(BASED ON THE EXAMPLE OF MUNICIPAL ARCHIVES OF THE
REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)**

Abstract. Municipal archives are the basis for the reconstruction of the cultural and historical heritage of the Russian Federation. Their resources

can be used in the study of historical events, political processes and socio-cultural life of individual regions. The article provides an overview of the historiography of municipal archives of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan, and assesses the possibility of their use in scientific research.

Keywords: municipal archive, historical reconstruction, archives of Bashkortostan, scientific research.

Открытая архивная политика предоставляет историкам широкие возможности археографических исследований и публикации исторических источников. Документы архивного фонда Республики Башкортостан – а в настоящее время общий объем республиканского архивного фонда составляет свыше 7 млн. единиц хранения – активно вводятся в общественный и научный оборот учеными, краеведами, архивистами не только нашей республики, но и других регионов России.

Муниципальные архивы являются одним из источников для реконструкции культурного и исторического наследия Российской Федерации, поскольку содержат информацию не только о функционировании муниципальных органов власти, но и о широком круге проблем, в решении которых они были задействованы [10].

Историографию представленной темы можно поделить на ряд направлений. Отдельным направлением исследований являются собственно муниципальные архивы России. В частности, Б.В. Альбрехт рассматривает роль и место муниципальных архивов на современном этапе развития архивного дела в Российской Федерации [2, с. 210]. А.Н. Артизов, В.В. Горковенко, П.М. Петров, А.А. Глазырина, В.Э. Виноградова, С.М. Муромцева, Р.Ф.Пантюхина и др. обращаются к современному состоянию, проблемам и перспективам развития муниципальных архивов России [3], Е.В. Алексеева рассматривает организацию архивного дела в Российской Федерации сквозь призму региональных и муниципальных архивов [4]. История и правовые основы существования государственных, муниципальных и ведомственных архивов рассматриваются Н.Ю. Востриковой и С.В. Мосолкиным [9]. Организацию работы с особо ценными истопниками в муниципальных архивах изучает С.И. Грабова [12]. Актуальной проблемой, к которой обращается Е.Г. Герман, является хранение в муниципальных архивах современных цифровых фотодокументов, обладающих значительным информационным потенциалом. Проблемы комплектования муниципальных архивов на основе формирования списков

организаций – их источников – в современных условиях ставит в своей статье Г.В. Скорочкина [6, с. 13]. Комплектование муниципального архива документами по личному составу ликвидированных предприятий становится предметом исследовательского интереса В.А. Василенко [7].

Ресурсы муниципальных архивов как источники для исторической реконструкции анализируются в ряде работ российских исследователей. В частности, архив как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки рассматривается в статье Е.А. Воронцовой [8]. Такие авторы, как З.В. Козлова, М.Р. Абдуллина исследуют муниципальные архивы как центры сохранения и использования информационных ресурсов по истории поселений [13]. Муниципальные архивы позволяют реконструировать социальную историю города, о чем пишет в своей статье А.К. Макарова [16, с. 2].

Немало сделано и учеными нашей республики для изучения муниципальных архивов. Серия работ, посвященных архивному делу в нашей республике, вышла из-под пера И.Г. Асфандияровой [5]. Значительный вклад в изучение архивной службы в регионе внес А.А. Хисматуллин [19]. Историю архивного дела реконструирует в своих работах Б.В. Бурангулов, обращающийся, в том числе, к научному и практическому использованию архивных фондов. В его трудах отражена история архивной службы в БАССР, в том числе – становление и деятельность кантонных архивов Башкирской АССР в 1920-е гг. [6]. Следует особо отметить, что Б.В. Бурангулов обращается и к наследию муниципальных архивов: в частности, одна из его статей посвящена хранению фондов архивного отдела администрации муниципального района Татышлинский район Республики Башкортостан. Современную оценку эффективности деятельности муниципальных архивов республики на основе интегральных показателей дает в своей статье И.З. Фаткуллин [18]. С.У. Низамутдинова в ряде статей анализирует муниципальные архивы Республики Башкортостан. Общая информация о состоянии муниципальных архивов Республики Башкортостан содержится в справочнике, составителем которого является уже упоминавшаяся С.У. Низамутдинова [14]. Значимость ресурсов муниципальных архивов для исторической реконструкции подчеркивают в своих работах А.Б. Юнусова и Ю.М. Абсалямов [1]. Несмотря на вышесказанное, потенциал муниципальных архивов для реконструкции локальной истории используется далеко не полностью, что актуализирует необходимость обращения к данной теме.

Еще в начале развития архивной отрасли Башкирии после революций сотрудники Башархива проводили работу по сбору архивных документов правительств 1918 – начала 1919 гг., что сейчас является очень ценным источником по истории Республики Башкортостан. Сотрудники отправлялись в командировки в Оренбургский, Самарский, Челябинский, Пермский и Екатеринбургский губернские архивы для того, чтобы найти важнейшие документы, касающиеся истории Башкирии. В эти годы, несмотря на непостоянство политической обстановки, были заложены основы для формирования башкирского архивного фонда.

Исследования Б.В. Бурангулова подчеркивают важность доступа к архивным материалам для реконструкции прошлого и формирования исторического научного знания. Однако возможности и ресурсы муниципальных архивов Башкортостана могут быть недостаточно известными для исследователей и образовательных учреждений. Существует потребность в подробной информации о доступности и содержании архивных фондов, условиях и процедурах доступа к ним, возможностях использования архивных материалов в научных и образовательных целях. Это поможет научным работникам и преподавателям принять более осознанные решения относительно использования этих архивов в своей работе.

Также большинство существующих исследований на данную тему сфокусировано на историческом аспекте использования муниципальных архивов Башкортостана. В то же время муниципальные архивы могут быть ценным источником информации для исследований и обучения по различным научным дисциплинам, таким как антропология, социология, география; они имеют большое значение для экономических исследований. Так, например, использовать архивные документы можно для прогнозирования и планирования экономического развития муниципального образования; научных и прикладных исследований; оптимизации производственных и технологических процессов. В частности, экономические материалы проектируемой железнодорожной линии Оренбург–Уфа–Кунгур от 1913 г. были использованы для исследования А.Р. Батыршина «Железные дороги Южного Урала во второй половине XIX в.: к постановке проблемы».

Из доступных сегодня к изучению можно выделить те описи дел и документы, которые связаны с организацией культурной деятельности района. Одним из таких мероприятий можно назвать проект «Развитие национальной спортивной борьбы куреш в Альшеевском районе на 2008–2012 годы», для реализации программы которого были включены

проекты юридических лиц Альшеевского района Республики по направлениям охраны правопорядка, здравоохранения, торговли, транспорту и т.д.

В связи с развитием информационных и коммуникационных технологий, важно обратить внимание на сетевую доступность муниципальных архивов. Приведенный ранее пример использования документов муниципальных архивов в экономических целях основан на изучении материалов, к которым есть сетевой доступ. Ограниченная доступность архивов в электронном или цифровом формате может препятствовать их использованию в научных исследованиях.

Использование муниципальных архивов в научных целях может способствовать укреплению партнерских отношений между муниципальными архивами Башкортостана и научным сообществом, что может помочь улучшить доступ и условия использования архивных фондов для научных исследований. Сегодня не только материалы архивов, но и имеющаяся литература указывает на потенциал муниципальных учреждений в качестве источника информации для исследований и обучения, а также на важность осуществления исследований в данной области в конкретном регионе. Кроме того, специфика формирования муниципальных архивов Республики Башкортостан и их материалы неразрывно связаны с важными историческими событиями, связанные не только с отдельным регионом, но и со страной в целом.

Литература и источники

1. Абсалямов Ю.М., Юнусова А.Б. История России в современных документальных изданиях в Республике Башкортостан // Археография Южного Урала: 75 послевоенных лет в истории России. Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 15 ноября 2019 г. / под ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа: Мир печати, 2019.
2. Альбрехт Б.В. Роль и место муниципальных архивов на современном этапе развития архивного дела в Российской Федерации // Вестник архивиста. 2007. № 3. С. 210–212.
3. Артизов А.Н., Горковенко В.В., Петров П.М., Глазырина А.А., Виноградова В.Э., Муромцева С.М., Пантюхина Р.Ф., Капустин А.А. Муниципальные архивы России: современное состояние, проблемы, перспективы развития // Отечественные архивы. 2013. № 3. С. 60–79; Алексеева Е.В. Организация архивного фонда Российской Федерации: региональные архивы и муниципальные архивы // Делопроизводство. 2010. № 1. С. 95–103.
4. Асфандиярова, И.Г., Низамутдинова, С.У. Из истории архивного строительства в Республике Башкортостан // Археография Южного Урала. – Уфа, 2002. – С. 9–26.

5. Бурангулов Б.В. Становление и деятельность кантонных архивов Башкирской АССР в 1920-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (т.1). С. 11–14.

6. Василенко В.А. Комплектование муниципального архива документами по личному составу ликвидированных предприятий// Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В четырех томах: материалы. ФГБОУ ВПО "Иркутский государственный университет". 2011. С. 215-220.

7. Воронцова Е.А. Архив как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки// Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. Москва, 2017. С. 81-101.

8. Вострикова Н.Ю., Мосолкин С.В. Государственные, муниципальные и ведомственные архивы: история и современные правовые основы. Учебное пособие к изучению дисциплин «Архивное право», «Государственные, муниципальные и ведомственные архивы» / Саратов, 2015.

9. Газизова Л.И., Дорожкин Ю.Н., Фролова И.В. Муниципальные органы власти в Приволжском федеральном округе Российской Федерации// Власть. 2014. № 8. С. 131-138.

10. Герман Е.Г. Современные цифровые фотодокументы в муниципальных архивах: комплектование и информационный потенциал// Документальное наследие и историческая наука. Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет, Уральский гуманитарный институт. 2020. С. 459-463.

11. Грабова С.И. Организация работы с особо ценными документами в муниципальных архивах// Россия и мир: история и современность. тезисы I всероссийской конференции студентов и молодых ученых. 2013. С. 104-105.

12. Козлова З.В., Абдуллина М.Р. Муниципальные архивы как центр сохранения и использования информационных ресурсов по истории поселений // Отечественные архивы. 2005. № 5.

13. Низамутдинова С.У. Муниципальные архивы Республики Башкортостан. Уфа, 2009.

14. Скорочкина Г.В. Формирование списков организаций - источников комплектования государственных и муниципальных архивов в современных условиях: проблемы и решения//Отечественные архивы. 2022. № 5. С. 12-20.

15. Макарова А.К. Фонды муниципальных архивов как источник информации о социальной жизни граждан на примере ретроспективных документов г. Магнитогорска // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2016. Т. 7. № 2.

16. Скорочкина Г.В. Формирование списков организаций - источников комплектования государственных и муниципальных архивов в современных условиях: проблемы и решения // Отечественные архивы. 2022. № 5. С. 12–20.

17. Фаткуллин И.З. Республика Башкортостан: оценка эффективности муниципальных архивов на основе интегральных показателей// Вестник ВНИИДАД. 2022. № 1. С. 88-91.

18. Хисматуллин, А.А. Архивная служба в Республике Башкортостан. Хроника создания // Археография Южного Урала. – Уфа, 2002. – С. 3–9

© Салимова Г.А., 2024

УДК 94 (47)

Суфиянова Д.М.

студент

Россия, Уфа, УУНиТ

научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Рахимов Р.Н.

Sufiyanova D.M.

student

Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Rakhimov R.N.

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК СОВЕТСКОГО ИНЖЕНЕРА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО СОВЕТСКО-КУБИНСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

Аннотация: на основании записей дневника Мухамедова В.А., работавшего инженером-конструктором на Кубе в 1976–1979 гг. анализируется вклад советских людей в советско-кубинское сотрудничество. Данные дневника позволяют отследить деятельность советских гражданских специалистов на Кубе, их жизнь и быт, так как именно в условиях заграницы в полной мере проявляются черты советского человека и советского уклада жизни.

Ключевые слова: советско-кубинские отношения, личный дневник, повседневность

PERSONAL DIARY OF A SOVIET ENGINEER AS A HISTORICAL SOURCE ON SOVIET-CUBAN RELATIONS

Abstract. Based on the diary entries of V.A. Mukhamedov, who worked as a design engineer in Cuba in 1976-1979, the contribution of Soviet people to Soviet-Cuban cooperation is analysed. The diary notes make it possible to trace the activities of Soviet civilian specialists in Cuba, their life and everyday life, as it is in the conditions abroad that the features of the Soviet man and the Soviet way of life are fully manifested.

Keywords: Soviet-Cuban relations, personal diary, everyday life

Несмотря на то, что политика Советского Союза на Кубе в годы Холодной войны вызывает большой интерес среди историков, культура и быт советских представительств на Острове пока не удостоиваются достаточному вниманию. Гражданские и военные специалисты, а также их семьи, представляли государство, и на их плечи ложилась ответственность не только за исполнение обязательств по договору, но и за престиж страны. Отбор проводился строго: профессионализм, членство в партии, рекомендации партбюро, утверждение вышестоящими организациями.

В личном архиве Э.Ю. Шилиева хранится «дневник», документ личного происхождения, который во время своей командировки на Кубу вёл советский инженер. Мухамедов Виль Абдурахманович заключил контракт с Минтрансстрой в 1973 г. и был командирован в Кубу в качестве инженера-конструктора мостов в 1976 г. По приезду он начинает вести дневник, в котором фиксирует свою ежедневную рутину. Записи отличаются краткостью, сухостью, безэмоциональностью. Можно было бы предположить, что цель ведения дневника связана с получением психотерапевтического эффекта, однако же, автор не делится своими размышлениями, только фиксирует происходящие события. Благодаря этим записям можно восстановить повседневность советских гражданских специалистов на Кубе, а также определить их роль, как участников международных отношений.

Дневник Мухамедова представляет собой обычную тетрадь на 96 листов. Куплена ещё до полёта в Кубу в СССР. На это указывает маркировка на обложке тетради. Первые записи сделаны уже в Кубе: адреса Консульства, гостиниц и ГКЭС, имена и номера сотрудников, а также план на день. Автором пронумерованы первые 51 лист. Ежедневные записи упорядочены и содержатся со 2 по 50 лист. Обложки и листы сзади исписаны номерами, адресами, расчетами. Также в тетради выделены страницы для записей слов из разговорника [1, л. 70, 78 об, 90], лекций по географии и истории Кубы [1, л. 74 об. 76], а также заданий по проектированию [1, л. 71–73]. Для записей используются синяя, черная, зелёная ручки и простой карандаш. Большая часть записей сделана простым карандашом, важные заметки подчеркиваются или записываются чёрной ручкой. Например, выделена черной ручкой дата 13 июля и подчеркнуты слова «Приехали дети» [1, л. 13 об.]. Почерк «беглый», небольшой размер букв, то соединены между собой, то нет, одинаковой величины, округлые,

нажим сильный, строки ровные, лёгкий наклон вправо, поля узкие, на первом обороте листа их нет. Ежедневные записи короткие, содержат много сокращений как профессиональных, так и бытовых. С 18 апреля 1978 г. для названия дней недели используется испанский язык [1, л. 22 об]. Присутствуют схематичные рисунки мостов [1, л. 11 об, л. 45 об., л. 46, об].

Советский образ жизни на фоне кубинской действительности проявлялся наиболее ярко. Работа на Кубе и в других странах третьего мира считались весьма престижными и судили немалые выгоды. Виль Абдурахманович записывает зарплату по контрактным условиям: в расчетных долларах США он, как главный инженер получал 660. Большую часть полученных денег переводили в чеки, которые во время отпуска, или по возвращении в Советский Союз, тратились в магазинах «Берёзка». Семья инженера во время отпуска смогла себе позволить холодильник, часы Orient, джинсы и туфли по две пары.

Несмотря на хорошее вознаграждение, бюджет советских представительств был небольшим и требовал жесткой экономии. На страницах дневника содержатся сведения о полученных чеках, тратах, необходимых сбережениях. Ежемесячно он записывает потраченную сумму и планирует расходы на следующий месяц. Например, из запланированных 474,4 песо, автор отдавал 20 % или же 95 песо в Союз. Из оставшейся суммы в 380 песо 246 переводил в чеки, 19 песо взносы в профсоюз, 30 квартира. Траты также составляли еда, газета, кино. Оставшаяся сумма обязательно откладывалась в сбережения [1, л. 80 об].

Служба за рубежом, как говорилось выше, хорошо оплачивалась. Однако же, несмотря на доступность дефицитных товаров, советские люди стремились отложить как можно больше денег, ограничивая себя в расходах. Порой приходилось голодать: «Эле было плохо после голодовки, отлеживались, кушали, днем прогулялись» [1, л. 13]. Был и другой способ экономии – сбор ракушек: «Ездили за ракушками – altura. Неплохой улов – ракушки развертки, бомбочки, усики» [1, л. 23 об]. Из них делали сувениры, или же просто продавали коллекционерам.

Условия жизни советских специалистов в Кубе были в большинстве своём вполне комфортными и оснащенными всем необходимым. По приезде в Гавану оформлялись в двух гостиницах. В отелях Lido, Linkoln, Bristol останавливались на первое время, на короткий срок от двух недель до месяца, постоянным жильем для специалистов и их семей, где те жили годами в течение всего срока контракта были отели Focsa, Sierra Maestra. Таким образом, в первый

день пребывания в Гаване, Виль Абдурахманович и его жена заселились в гостиницы Бристоль и Сьерра Маэстро. Через 20 дней им была предложена квартира, но они отказались из-за отсутствия жилищных условий [1, л. 4 об]. 10 января они переехали в Сьерру-Маэстро, отметив это новосельем с друзьями [1, л. 6 об]. Отель представлял собой жилой комплекс с апартаментами квартирнго типа, на территории был свой бассейн, магазины, медицинская и другие социальные службы. Таким образом, советские специалисты могли не покидать пределы отеля без необходимости. Свой выходной день автор описывает так: «Купались. Хорошо отдохнули – играл в волейбол на площадке Сьерры Маэстры» [1, л. 7 об].

Особое место в жизни советских граждан занимала партийная работа. Участие в собраниях было обязательным. В дневнике содержатся большое количество записей о партийных делах, подготовке докладов, стендов и т.д. В мае 1978 г. Виллю Мухамедову были переданы партийные дела группы «Дорожников», то есть его выбрали секретарем парторганизации, что является признаком большого доверия. После этого появляются записи о проведенных им семинаров и подготовке отчетов для партийного собрания.

Проблемой для советских специалистов был непривычный жаркий, влажный климат. А также связанные с ним недомогания. 28 августа 1978 г. заболел сын автора Марат, температура поднялась до 40 градусов, родители предположили лихорадку Денге, однако к обеду температура спала и болезнь осталась неизвестной. Сам автор периодически болел простудой. Положение семьи облегчалось тем, что жена автора, Эля, работала в поликлинике.

Однако же в целом, жизнь советских людей была та же, что и в Советском Союзе. Свободное время проводили на свежем воздухе, купаясь в море, играя в волейбол, или совершая пешие прогулки. Также ходили, друг другу в гости, играли в шахматы, настольный теннис. Ещё одним любимым занятием был просмотр кинофильмов. Кинотеатр находился в Сьерре Маэстре, но автор пишет, что смотреть кино ходили и в ГКЭС.

Виль Абдурахманович уделял много времени своим детям. Каждый день он занимался со своим сыном подготовкой к урокам по геометрии, алгебре и физике: «Были дома, смотрели телевизор, занимались с Маратом» [1, л. 16 об]. Родители следили за поведением детей: «Разговор с детьми о хороших взаимоотношениях» [1, л. 20 об].

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы. Как правило, за рубеж в 1960–1980-е гг. отправляли специалистов, обладающие высоким уровнем профессионализма,

занимающихся партийной работой и искренне верующих в советскую идеологию. Отправляясь на Кубу, они исполняли свой интернациональный долг, помогая строить социализм. При этом работа за границей помогала существенно подняться в материальном и карьерном плане.

Нахождение на Кубе было зачастую тяжелым опытом, однако именно в незнакомых условиях ярко проявились черты советского человека и его образа жизни. «Советьикос» демонстрировали сплоченность и взаимопомощь, отзывчивость и трудолюбие, таким образом, поднимая авторитет Советского Союза в глазах местного населения. Заметим, что не только Куба, но и СССР предстает в глазах иностранных специалистов, писателей и путешественников с новой для нас стороны, что может быть поэтным для будущих кросс-культурных исследований [2].

Литература и источники

1. Дневник Мухамедова В.А. // Личн. собр. Шиляева Э.Ю.
2. Фролова И.В. «Путешествия в СССР»: советский утопический проект глазами западных писателей// 1917 год в судьбах народов России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ответственный редактор Фролова И.В., 2017. С. 267-271.

© Суфиянова Д.М., 2024

УДК 94 (470) «1920–1930»

Телямбетов А.И.

студент

Россия, Уфа, УУНТ

научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Хазиев Р.А.

Telyambetov A.I.

Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – d. of h. s., professor Khaziev R.A.

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ БАССР В 1920–1930-х гг.

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные новейшие публикации отечественных ученых, в которых нашли отражение

вопросы, посвященные рассмотрению повседневной жизни городского населения БАССР в 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: города БАССР, НЭП, социалистическая индустриализация, современная отечественная историография, история повседневности.

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE DAILY LIFE OF CITY RESIDENTS OF BASSR IN THE 1920–1930s.

Abstract. Some of the latest publications of domestic scientists about questions devoted to the consideration of the daily life of the urban population of the BASSR in the 1920-1930s are examined in the article.

Keywords: cities of the BASSR, NEP, socialist industrialization, modern domestic historiography, history of everyday life.

Период социалистической модернизации, пришедший на смену Новой экономической политике, придавшей мощный импульс хозяйственному возрождению нашей республики [5–7], положил начало существенной корректировке повседневной жизни городского населения БАССР. Анализ новейших трудов отечественных историков, специализирующихся по вопросам истории повседневности эпохи НЭПа и периода советской индустриализации, позволяет сформировать целостное представление о времени социализма с «человеческим лицом» и возвратившегося в начале 1930-х гг. жесткого командного администрирования.

Ерменкина Е.В. в работе «Социальный облик городов Башкирской АССР в годы новой экономической политики (1921–1928 гг.)» достаточно детально рассмотрела общие вопросы социальной структуры городского населения региона в преддверии сталинской модернизации страны. Исследование автора позволяет выявить причины значительного изменения социального состава городского населения БАССР накануне индустриализации, когда в городах республики виду увеличения емкости рынка труда времен нэпа, заметно выросла численность рабочих и служащих, которые смогли устроиться на государственные, частные и кооперативные предприятия. Однако, произошедшая стратификация городского населения БАССР привела к обострению «жилищного вопроса», что частично стало компенсироваться индивидуальным строительством [2, с. 24].

Антошкин А.В. в статье «Продовольственное снабжение рабочих и служащих Башкирии в 1930–1934 гг.» достаточно подробно

рассмотрел вопросы об обеспечении продовольствием рабочих и служащих БАССР в условиях разворачивающегося процесса проведения форсированной индустриализации. Автор подчеркивает, что в республике был проведен комплекс мероприятий, в рамках которых была активизирована деятельность государственных и кооперативных организаций по обеспечению продовольствием рабочих и служащих ведущих промышленных предприятий края [1, с. 73].

Мубаракшин А.Н., Леонова Т.А. в работе «История повседневной жизни населения 1920–1930 гг. Уфы на примере экспозиций национального музея Республики Башкортостан», обратили внимание на культурно-национальную повседневную жизнь уфимцев. Авторы, отмечая, что в эпоху сталинской модернизации хотя и происходил процесс унификации всех сторон жизни советских людей, но город Уфа был одним из уникальных примеров, когда в быту городских жителей наблюдалось сочетание «старого и нового», когда у многих уфимцев даже несмотря на политику государственного атеизма, хранились иконы, кресты, Библия и Коран. Многие носили тюбетейку, имели курай и гармошку, башкирский словарь и т. д. [3, с. 611].

Сулейманова Р.Н., тщательно проанализировав развитие профессионально-технического образования в Башкирии, пришла к выводу, что становление и развитие профессионально-технического образования в целях подготовки специалистов для ведущих отраслей народного хозяйства республики рассматриваемой эпохи, оказало позитивное влияние на состояние и развитие экономики региона [4, с. 53]. Чишкова А.Ф. в публикации «Темпы урбанизации населения Башкортостана в 1919–1939 гг. (по материалам переписей населения)» отмечает, что во второй половине 1920-х гг. в связи с усилением огромных миграционных потоков, вызванных оттоком сельского населения в города, на территории Башкирии резко вырос уровень урбанизации, хотя ранее эти показатели были одними из самых низких по стране [8, с. 138].

Шаяхметова И.З. в статье «Жилищно-коммунальное строительство городов БАССР в 1919–1926 гг.» рассмотрев вопросы формирования особого типа жилища – советского общежития, обратила внимание на стихийный характер развития урбанизации в республике. Автор также сделала вывод о том, что основной проблемой для развития городов региона стал «жилищный вопрос», который периодически только обострялся, и несмотря на его попытки разрешить, по сути не был так и решен в полном объеме. Исследователь увидела причины провала государственной политики

в данной сфере в неэффективности системы управления жилищно-коммунальным хозяйством в БАССР и в дефиците денежных средств [9, с. 141].

Изучение отдельных новейших публикаций отечественных ученых, посвященных истории повседневной жизни городского населения БАССР в 1920–1930-е гг. позволяет сделать вывод о том, что российские историки проявляют значительный интерес к изучению истории повседневности разнообразных хозяйствующих субъектов Российской Федерации. Отечественные исследователи активно изучают различные вопросы, касающиеся демографии, «жилищного вопроса», социального облика городского населения и т.д. Анализ отдельных работ современных исследователей показывает, что история повседневной жизни городского населения БАССР 1920–1930-х гг. весьма актуальна, но требует дальнейшего всестороннего рассмотрения.

Литература и источники

1. Антошкин А.В. Продовольственное снабжение рабочих и служащих Башкирии в 1930–1934 гг. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 9. С. 73–78.

2. Ерменкин Е.В. Социальный облик городов Башкирской АССР в годы новой экономической политики (1921-1928гг.): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02. Уфа, 2012. 26 с.

3. Мубаракшин А.Н., Леонова, Т.А. История повседневной жизни населения 1920–1930 гг. Уфы на примере экспозиций национального музея Республики Башкортостан // Молодой ученый. 2014. № 6 (65). С. 609–611.

4. Сулейманова Р.Н. Развитие профессионально-технического образования в Башкирии: из истории // Общество: философия, история, культура. 2021. №2(82). С. 49–53.

5. Хазиев Р.А. Бизнес-досье как исторический источник по изучению «красных купцов» БАССР эпохи НЭПа // Terra Bashkiria: новые источники по изучению башкир (к 100-летию создания научного общества по изучению Башкирии) / ред. М. Н. Сулейманова. Уфа: Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан, 2023. С. 138–141.

6. Хазиев Р.А. Частный капитал в годы нэпа: характеристика делопроизводственных документов акционерных обществ // Вторые Асфандияровские чтения / отв. ред. Р.Х. Лукманова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 37–39.

7. Хазиев Р.А. Зигзаги «альтернативной экономики» на Урале в годы командного администрирования и нэпа: черный рынок – легальная коммерция «красных нуворишей». Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 50–96.

8. Чишкова А.Ф. Темпы урбанизации населения Башкортостана в 1919–1939 гг. (по материалам переписей населения) // Проблемы востоковедения. 2009. № 3 (45). С. 131–138.

9. Шаяхметова И.З. Жилищно-коммунальное строительство городов БАССР в 1919–1926 гг. // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2006. № 2. С. 136–143.

© Телямбетов А.И., 2024

УДК 94 (470) «1921–1928»

Трезе М.А.

студент

Россия, Уфа, УУНиТ

научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Хазиев Р.А.

Treze M.A.

student

Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – d. of h. s., professor Khaziev R.A.

НОВЕЙШАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПЕРИФЕРИИ

Аннотация: в данной публикации анализируется ряд новейших работ отечественных ученых, специализирующих по экономической истории России эпохи НЭПа в разрезе отдельных регионов.

Ключевые слова: НЭП, нэпманы, регионы РСФСР, экономическая история, восстановление народного хозяйства.

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE IMPLEMENTATION OF THE NEW ECONOMIC POLICY IN THE PERIPHERY

Abstract: some of the modern works by Russian scholars-specialists in the Russian economic history of the NEP-era on the periphery were analyzed in the article.

Keywords: NEP, Nepmen, regions of the RSFSR, economic history, restoration of the national economy.

Новая экономическая политика, реализуемая советским государством в 1920-е гг., является одной из актуальных тем новейшей отечественной историографии. Российские ученые изучают не только экономический сектор страны, но и социально-значимые в 1920-х гг. сферы советского общества. Рассмотрение данных вопросов

в региональном разрезе позволяет во всей полноте представить как протекавшие в эпоху нэпа сложнейшие социально-хозяйственные процессы, так и получить ответы на многие вопросы, возникающие у историков. Исследование НЭПа на региональной периферии является, по нашему мнению, значимым для отечественной историографии, так как позволяет актуализировать специфику реализации в 1920-х гг. нового советского экономического курса в системе координат Центр – регионы.

Суворова Л.Н., в своей работе «НЭП: анализ парадигм и парадоксов», подробно рассматривает все этапы историографии, обозначая и исследуя их плюсы и минусы. Автор отмечает, что новаторские работы, посвященные НЭПу, появились относительно недавно в связи с ограничениями доступа к архивным материалам. Проанализировав новую экономическую политику, автор делает акцент на необходимости НЭПа в социальном, экономическом и политическом аспектах, отмечая, что нэповская политика большевиков не явилась инструментом всеобщего улучшения экономического состояния страны. Автор особенно высоко оценивает роль нэпманов в хозяйственном развитии государства, подчеркивая, что это был первый случай, когда плановый социализм и капиталистические методы хозяйствования совместно взаимодействовали [1, с. 127].

Дроздков А.В., используя статистические данные об Алтае 1920-х гг., аргументировано доказывает значимость торгово-производственного сектора государства в условиях активизации частного капитала. Ядро государства составлял производственный сектор. Заводы, построенные до революции, сыграли ключевую роль в новой экономической политике [2, с. 63]. По мнению Яхутля Ю.А. рыночная модернизация эпохи новой экономической политики сыграла колоссальную роль в хозяйственном возрождении Дона и Кубани, что особенно проявилось в развитии экономических связей между местной промышленностью и сельским хозяйством. Автор указывает, что новая экономическая политика не являлась неким послаблением со стороны большевиков, а это был целенаправленный выбор, но советской властью он был сделан вынужденно. В работе реализуется идея, что простой мужик мог добиться многого, но на тот момент понятие «кулак» было еще не известно и большевики не могли предугадать, что экономический сектор может быть «шатким», когда новая элита наберет силу [3, с. 142].

Я.И. Фатьянов, в общем анализируя новую экономическую стратегию, сосредоточил внимание на анализе уникальных проявлений нэпа. Автор обращает внимание, что благодаря Новой экономической

политике советскому государству удалось в достаточно сжатые сроки добиться восстановления национальной экономики, что предопределило рост товарной массы, выгодно реализуемой на внутреннем рынке, учитывая покупательскую способность потребителей. Автор рассматривает производственно-хозяйственную и торговую деятельность предприятий частного, государственного и кооперативного секторов, с точки зрения эффективности их деятельности в условиях рыночной конкуренции [4, с. 126].

Диссертационное исследование Колгушовой Н.А. раскрывает личностный деловой потенциал «простых людей», которые не побоявшись заняться с началом нэпа предпринимательством, смогли успешно реализоваться, абсолютно честно сделать свои «состояния», осуществляя производственно-торговую деятельность, внося, тем самым, существенный вклад в развитие советского типа народного хозяйства страны [5, с. 7].

Важный вклад в изучение новой экономической политики уральского региона внес Р.А. Хазиев [6–9]. Автор, введя в оборот значительный массив архивных материалов, которые ранее не были предметом специального археографического анализа, реконструировал социально-хозяйственный облик региональных нэпманов. По мнению исследователя, нэпманов можно охарактеризовать не только, как предпринимателей, которые пытались извлекать свою выгоду, но и как бизнес-личностей, ориентированных на производственное созидание.

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что исследование Новой экономической политики на примере российских регионов [10–15], конечно, вносит весомый научно-историографический вклад в актуализацию различных социально-хозяйственных проявлений НЭПа. Проведенный краткий историографический анализ отдельных научных изданий позволяет сделать вывод о том, что имеется целый ряд проблем, которые требуют тщательного осмысления.

Литература и источники

1. Суворова Л.Н. НЭП: размышления о парадигмах и парадоксах // Вестник образовательного консорциума среднерусский университет. 2019. № 14. С. 125–127.
2. Дроздов А.В. Итоги новой экономической политики в современной отечественной историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4. С. 62–67.
3. Яхутль Ю.А. Проблемы рыночной модернизации в период новой экономической политики (1921–1929 гг.) (по материалам Дона и Кубани) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №.4. С. 139–145.

4. Фатьянов Я.И. «НЭП: основные преобразования и итоги // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. №7. С. 125–128.
5. Колгушова Н.А. Нэпманы в 1921–1929 годах: опыт социально-исторического анализа: По материалам Ярославской губернии: Автореф. дис. канд. ист. наук. Ярославль, 2006. С.15.
6. Хазиев Р.А. Зигзаги «альтернативной экономики» на Урале в годы командного администрирования и нэпа: черный рынок – легальная коммерция «красных нуворишей». Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 50–96.
7. Хазиев Р.А. Бизнес-досье как исторический источник по изучению «красных купцов» БАССР эпохи НЭПа // Terra Bashkiria: новые источники по изучению башкир (к 100-летию создания научного общества по изучению Башкирии) / ред. М. Н. Сулейманова. Уфа: Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан, 2023. С. 138–141.
8. Хазиев Р.А. «Капиталистическая» торговля на Урале в годы НЭПа // Национальные окраины Российской империи: этнополитическая и социально-экономическая история. III Асфандияровские чтения / ответ. ред. Р. Н. Рахимов. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. С. 114–117.
9. Хазиев Р.А. Частный капитал в годы нэпа: характеристика делопроизводственных документов акционерных обществ // Вторые Асфандияровские чтения / отв. ред. Р.Х. Лукманова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 37–39.
10. Зыкова Н.Л. Историография частной торговли в годы НЭПа в восточной Сибири: к проблеме изучения // Вестник КРАСГАУ. Красноярск, 2012. №10. С. 205–213.
11. Дашкин Р.А., Егоров Г.В., Сомов В.А. Проблемы НЭПа (1921-1929 гг.) в современной отечественной историографии // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. Волгоград, 2016. № 7. С. 146–151.
12. Яхутль Ю.А. Проблемы НЭПа в отечественной историографии // Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 1: Регионоведение: Философия, История, Социология, Юриспруденция, Политология, Культурология. Майкоп, 2011. № 1. С. 41–48.
13. Клёцкина О.Г. Новая экономическая политика: Некоторые аспекты современных научных исследований // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2021. Вып. 4. С. 764–766.
14. Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г., Кулакова Н.И. Частное предпринимательство в период нэпа (на материалах Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 4. С. 139–150.
15. Ягов О.В. Власть и кооперация Поволжья в условиях нэповского эксперимента (организационный аспект) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012 № 27. С. 1154–1157.

© Трезе М.А., 2024

УДК 93/94(100)

Шерман Е.К.
студент
Россия, Уфа, УУНиТ
научный руководитель – д-р филос. наук, профессор Лукманова Р.Х.

Sherman E.K.
student
Russia, Ufa, UUST
scientific supervisor – d. of ph. s., professor Lukmanova R.Kh.

НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УФИМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные направления деятельности Уфимского местного отделения Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны, включая массовое развертывание системы этапных лазаретов, направлявшихся в расположение действующих сил армии, организацию материальной помощи и сбор пожертвований в пользу раненых и искалеченных солдат, а также создание специальных курсов подготовки, в результате работы которых происходило постоянное пополнение штата сестер милосердия.

Ключевые слова: Уфимское местное отделение Российского общества Красного Креста, сбор пожертвований, военные лазареты, сестры милосердия, Первая мировая война, этапный лазарет.

THE FIELD OF ACTIVITY OF THE UFA LOCAL BRANCH OF THE RUSSIAN RED CROSS SOCIETY DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. This article examines the main activities of the Ufa local branch of the Russian Red Cross Society during the First World War, including the massive deployment of a system of staging hospitals sent to the location of the active forces of the army, the organization of material assistance and collection of donations in favor of wounded and crippled soldiers, as well as the creation of special training courses, as a result of which there was a constant replenishment of the staff of the sisters of mercy.

Keywords: Ufa local branch of the Russian Red Cross Society, collection of donations, military infirmaries, sisters of mercy, World War I, staging infirmary.

Основные направления деятельности Российского общества Красного Креста с момента его учреждения в 1867 г. и вплоть до революционных событий 1917 г. связаны с его активным участием в военных столкновениях данного периода, организацией санитарно-медицинской помощи как непосредственно на линиях фронтов, так и в тылу. В последнем случае огромную роль играли местные управления и комитеты Красного Креста, внесшие наибольший вклад в период Первой мировой войны. К этому времени Общество успело накопить богатый опыт работы оказанию эффективной помощи как раненым, искалеченным и больным военным, так и гражданскому населению, также страдавшему от военных событий [3, с. 59–62]. И сегодня для нас события тех далеких дней являют пример личной и гражданской солидарности [6].

К началу Первой мировой войны Российское общество Красного Креста как организация представляло собой полноценную централизованную систему, представленную на региональном уровне множеством подразделений. В их число к лету 1914 г. входили около 100 местных управлений с общим количеством членов в 39 тыс. человек (включая свыше 1 тыс. штатных врачей и 2,5 тыс. сестер милосердия, помимо находившихся в запасе 750 женщин и 1 тыс. сестер, который должны были закончить обучение при общинах в течение 1914 г.), а также 465 местных комитетов и 109 общин сестер милосердия, объединенных в сеть организации санитарно-медицинской помощи населению с единым руководящим органом во главе. Данным органом являлось Главное управление Красного Креста, ежегодно обновлявшееся по своему составу на основе выборов на общем собрании членов Общества. Кроме того, для окраинных районов страны существовала особая категория окружных управлений, являвшихся промежуточным звеном между Главным управлением и местными подразделениями.

Одно из первых окружных управлений было создано на Урале: до Уфы деятельность Общества добралась в 1870 г., когда было учреждено Уфимское местное губернское управление. Как и в других регионах, в данном управлении руководящие посты, как правило, занимали не профессиональные медицинские сотрудники, а чиновники высшего звена, имевшие наиболее существенный опыт административной работы. Вследствие этого с 1911 г. и на протяжении всех событий Первой мировой войны Уфимское отделение находилось под руководством губернатора И.П. Башилова.

В первые же дни войны (а конкретно с 14 июля 1914 г., т.е. еще до начала мобилизации русской армии) Общество Красного Креста

в России приступило к оказанию помощи военной администрации как посредством эвакуационно-лечебной деятельности, так и посредством снабжения мирного населения продовольствием и медикаментами, а также борьбой с эпидемическими заболеваниями. По своему роду деятельности Обществом также предпринимались меры по оказанию помощи семьям военнослужащих и русским военнопленным и, разумеется, реализация первоочередной задачи организации условий для лечения раненых и больных в прифронтовой и фронтовой зоне.

Согласно мобилизационному плану Общества, утвержденному еще в 1913 г., предполагалось в течение двух лет снарядить и отправить в зону военных действий 48 госпиталей по 200 коек, ориентированных на стационарное лечение больных, 37 этапных и 33 подвижных лазаретов на 50 коек, а также 10 передовых отрядов для доставки раненых с фронтовой линии в лазареты. Данный план оказался практически полностью реализован, невзирая на технические и финансовые трудности, с которыми Общество столкнулось в период войны: в течение 1914–1915 гг. на Юго-Западном фронте функционировали 19, на Западном – 21, на Северном – 20 и на Кавказском фронте – 13 этапных лазаретов [2, с. 3-8].

Свой вклад в деятельность Общества в годы Первой мировой войны внесло и Уфимское местное отделение. К 16 августа 1914 г. под руководством Попечительного совета Уфимской общины сестер милосердия был сформирован этапный лазарет на 50 кроватей со штатом, состоявшим из старшего врача, заведующего хозяйством, 6 сестер милосердия и 10 санитаров [1, с. 157–159]. Первоначально предполагалось, что данный лазарет будет размещен по месту своего формирования, для чего было специально оборудовано помещение в здании общины, однако после экстренного распоряжения Главного управления от 17 августа 1914 г. сформированный этапный лазарет был отправлен в расположение действующей армии. В 1915 г. он был переименован в Приамурский этапный лазарет по причине перевода его содержания на средства Приамурского комитета по сбору пожертвований. Все штатные сотрудники лазарета в ходе войны были удостоены наград за эффективную и самоотверженную работу. Согласно характеристикам особо уполномоченного представителя проверяющей комиссии самого Общества при 5-й армии от 25 февраля 1915 г. за № 2189, созданный в Уфе этапный лазарет проявил себя наилучшим образом, «когда зачастую приходилось работать под грохот орудий... и подавать помощь раненым, доставляемым прямо с поля сражения» [5, с. 239].

В помещении Уфимской общины сестер милосердия, которое предполагалось ранее отдать под данный лазарет, был размещен эвакуационный лазарет, начавший работу 29 августа 1914 г. Первоначально он был рассчитан на 25 коек, и Уфимским местным отделением Красного Креста для его расширения с сентября того же года был организован сбор пожертвований и материальной помощи, позволивший уже 6 ноября увеличить лазарет до 50 мест. С 18 ноября был открыт еще один лазарет на 50 коек в предоставленном Обществу купцом Кляузниковым доме, а 4 декабря начало работу отделение еще одного эвакуационного лазарета на 15 кроватей в здании Уфимского приюта алкоголиков [4, с. 102–103].

Кроме организации военных лазаретов, собранные Уфимским местным управлением пожертвования использовались для финансирования лечения больных, а также помощи их семьям. Существовала также система единовременных выплат из находившегося под руководством управления Губернского попечительного о больных и раненых воинах комитета семей военнослужащих, а также раненых и павших воинов и пособий искалеченным и тяжело раненым солдатам и офицерам посильную денежную помощь: так, за 1915 г. управлением была оказана материальная помощь 90 офицерам и 1688 солдатам (в размере от 30 до 100 и от 3 до 100 рублей соответственно) [1, с. 345].

Одновременно со сбором пожертвований и организацией материальной помощи Уфимское местное управление приняло участие в развернутой Обществом Красного Креста по всей стране программе открытия краткосрочных курсов для обучения младшего медицинского персонала (в первую очередь сестер милосердия военного времени). К февралю 1915 г. данные курсы позволили увеличить число сестер милосердия с 2,5 до 11 тыс. женщин, что позволяет судить о степени эффективности данной меры, принятой на вооружение Красным Крестом и обеспечивавший штат медицинских сотрудников в последующие годы. Кроме того, при Уфимской общине сестер милосердия была организована мастерская по изготовлению противогазовых повязок, обеспечивавших прямые поставки на фронт.

Однако затяжной характер войны и тенденции к возникновению кризисных явлений во всех сферах жизни Российского общества не могли не отразиться и на масштабах деятельности Красного Креста, как уже было продемонстрировано выше, во многом зависевшего от денежных пожертвований в его пользу. На примере Уфимского местного управления можно судить, что в 1914–1915 гг. данная динамика оставалась положительной: с начала мобилизации к 1 января

1915 г. было собрано почти 22 тыс. рублей, в течение последующего года – 26,8 тыс. рублей. По состоянию на 1 января 1916 г. в распоряжении Уфимского местного управления находилось 47 тыс. рублей при ежемесячных расходах на лечение и содержание находящихся в лазаретах и созданном на пожертвования жителей Белебеевского района в 1915 г. крупнейшем госпитале губернии военном госпитале (рассчитанном на 100 коек) – около 4 тыс. рублей [7, с. 19–20].

Тем не менее, согласно материалам журнала общего годовичного собрания членов Уфимского местного управления, капитал пожертвований к 1 января 1917 г. составил лишь чуть более 5 тыс. рублей, что было связано как с ростом численности больных и раненых и большими финансовыми затратами на содержание медучреждений, так и с уменьшением материального уровня жизни населения и постоянным повышением цен на товары первой необходимости, что, разумеется, сказывалось на существенном сокращении объемов пожертвований. Путем многочисленных ходатайств Уфимское управление смогло добиться от Главного управления пособие для содержания лазаретов в виде посуточной платы в размере 95 копеек за каждого пациента. Однако данного пособия оказалось недостаточно для обеспечения функционирования лазаретов: Уфимское управление сделало запрос о возможном закрытии одного из них для перераспределения, однако вследствие начала революционных событий в Петрограде вопрос остался нерешенным вплоть до ноября 1917 г., ознаменованного сменой правящего режима в стране и роспуском Уфимского управления.

Таким образом, в условиях военного времени Уфимское местное отделение Российского общества Красного Креста внесло посильный вклад в организацию помощи фронту, с целью чего в губернии удалось организовать широкий сбор пожертвований, доходы с которого шли на создание этапных и эвакуационных лазаретов и госпиталей, функционировавших как на прифронтовой линии, так и в тылу. Кроме того, Уфимское управление обеспечивало материально-финансовой помощью раненных и искалеченных солдат и офицеров в виде единовременных выплат, а находившаяся под его руководством Уфимская местная община сестер милосердия вела успешную экстренную подготовку сестер милосердия для расширения численности младшего медицинского персонала, в котором имела острая нужда на всех фронтах в ходе Первой мировой войны.

Литература и источники

1. Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов [и др.]. Уфа: Китап, 2014. 488 с.

2. Беляева М.В. Российское общество Красного Креста в истории России 1867–1921: автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / М.В. Беляева. Ставрополь, 2002. 22 с.

3. Егорышева И.В. Новые данные из истории Красного Креста в дореволюционной России / И.В. Егорышева // Советское здравоохранение. 1981. № 2. С. 59–62.

4. Именной список раненых и больных воинов, находящихся в госпиталях и лазаретах: по сведениям Справочного отдела Красного Креста. Петроград: Сельские Вести, 1916. 176 с.

5. Кантимирова Р.И. Деятельность Уфимского местного отделения Российского общества Красного Креста в период Первой мировой войны / Р.И. Кантимирова, О.С. Павлова // Научный диалог. 2020. № 12. С. 239–251.

6. Лукманова Р.Х., Фролова И.В. Основания социальной солидарности для современной России // Российский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 4. С. 221–228.

7. Олешкова А.М. Эволюция организации и деятельности Российского общества Красного Креста во второй пол. XIX в. – 1917 г. (на материалах Урала): автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / А.М. Олешкова. Екатеринбург, 2012. 30 с.

© Шерман Е.К., 2024

УДК 94 (470)

Хафизова З.А.

студент

Россия, Уфа, УУНиТ

научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Р. Р. Газизов

Khafizova Z.A.

student

Russia, Ufa, UUST

scientific supervisor – c. of h. s., associate professor Gazizov R.R.

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БУЛГАРСКОГО ЦАРСТВА И БАШКИР)

Аннотация: в данной статье рассмотрены перспективы использования искусственного интеллекта как источника информации для исторических исследований. Проблема достаточно актуальная, ведь в современном мире процесс трансформации исторических исследований приобретает новые черты. Историк уже на протяжении шести десятилетий использует цифровые технологии в своих исследованиях-пришло время обновлять инструментарий. Вступив в новейшую эру цифровых технологий, стоит задуматься над тем, как

использовать новые формы компьютерных технологий, таких как искусственный интеллект, например, в исторических исследованиях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, чат GPT, исторические исследования, Волжская Булгария, Южный Урал.

THE DIGITAL FUTURE OF HISTORY (ON THE EXAMPLE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE BULGARIAN KINGDOM AND BASHKIRS)

Abstract. This article discusses the prospects of using artificial intelligence as a source of information for historical research. The problem is quite urgent, because in the modern world the process of transformation of historical research acquires new features. The historian has been using digital technologies in his research for six decades-it's time to update the tools. Having entered the newest era of digital technologies, it is worth thinking about how to use new forms of computer technologies, such as artificial intelligence, for example, in historical research.

Keywords: artificial intelligence, GPT chat, historical research, Volga Bulgaria, Southern Urals

В данной статье рассмотрены перспективы использования искусственного интеллекта как источника информации для исторических исследований. Проблема достаточно актуальная, ведь в современном мире процесс трансформации исторических исследований приобретает новые черты. Историк уже на протяжении шести десятилетий использует цифровые технологии в своих исследованиях - пришло время обновлять инструментарий. Вступив в новейшую эру цифровых технологий, стоит задуматься над тем, как использовать новые формы компьютерных технологий, таких как искусственный интеллект, например, в исторических исследованиях.

Искусственный интеллект (ИИ) – это теория и методы создания компьютерных программ, способных выполнять когнитивную работу, выполняемую человеческим мозгом. В современном мире искусственный интеллект представлен в различных видах и формах. В данной статье будет рассмотрен такой ИИ как ChatGPT.

Generative Pretrained Transformer – генеративный предварительно обученный преобразователь – это многозадачный чат-бот на основе Искусственного Интеллекта, его раннюю демоверсию представила компания-разработчик OpenAI в ноябре 2022 г. Этот чат-бот – большая языковая модель, которая обучалась на огромном количестве данных и предсказывает следующее слово из серии слов. Для обучения модели

использовались самые разные источники, даже такие как обсуждения на Reddit, благодаря этому стиль ответов Chat GPT максимально приближен к человеческому. Интересно, что тот объем данных, на которых была обучена нейросеть ChatGPT (570 гигабайт текста!), позволил модели выполнять даже задачи, для которых она не была специально «запрограммирована». Более того, она превосходит некоторые специально обученные для этого модели. Чат-бот ChatGPT работает в формате диалогового окна. Интерфейс веб-страницы максимально прост и состоит только из поля для ввода запроса и окна, где будет отображаться ответ нейросети [2].

ChatGPT отвечает на любые вопросы, дает советы, генерирует контент (может написать эссе, доклад, стихотворение, кулинарный рецепт, составить программу тренировок), решает математические задачи, может написать код, дает прогнозы, генерирует аналитику [2].

Конкретно в исторических исследованиях чат можно использовать для получения исторической информации. Формулировка запроса может быть разной, но для более полного ответа лучше использовать утверждение, а не вопрос. Например, я задала такой запрос:

Роль Булгарского царства в истории башкирского народа

Ответ ChatGPT:

Булгарское царство оказало значительное влияние на историю башкирского народа. Булгары, принимая ислам, внесли значительный вклад в формирование исламской культуры среди башкирского народа. Они также оказали влияние на язык, традиции, и образ жизни башкирского народа... Таким образом, роль булгарского царства в истории башкир оказалась значительной, оставив след в их языке, культуре и образе жизни.

Полученный ответ достаточно общий и не несет в себе особой научной ценности. Поэтому, зацепившись за последнее предложение, сузим запрос.

Как булгарская культура повлияла на культуру башкир

Одним из ярких примеров влияния булгарской культуры на Южный Урал является народное искусство. Многие элементы булгарской культуры, такие как узоры, краски и орнаменты, были интегрированы в народное творчество. Например, в традиционных вышивках, росписи посуды, ковроткачестве и резьбе по дереву можно увидеть элементы булгарской культуры

Получив такой ответ, мы понимаем, что есть необходимость в выборе конкретного направления темы: узнаем более подробную информацию про узоры булгарской культуры.

Какие элементы узора характерны для болгарской культуры?

Булгарская культура ... имела свои характерные элементы узора, которые использовались в различных видах искусства, таких как вышивка, роспись, резьба по дереву и т.д.

Один из наиболее известных элементов болгарского узора - это геометрические фигуры, такие как круги, треугольники, ромбы, зигзаги, которые образуют различные узоры и композиции. Эти геометрические узоры часто были выполнены в разных цветах, таких как красный, синий, желтый, зеленый, черный, и могли создавать ощущение глубины и объемности. Таким образом, чат-бот может не выдать нужный нам ответ с первой попытки – тогда нужно попробовать перефразировать свой вопрос. Стоит обратить внимание и на то, что суть языковой модели в «додумывании», то есть попытке предсказать, что имел в виду пользователь. Именно поэтому чем конкретнее запрос – тем более релевантный будет результат. Тогда я сразу решила задавать конкретный вопрос с указанием места и времени:

Какие крепости были построены на южном Урале в IX–XII веках, во время существования Булгарского царства

– На южном Урале в IX–XII веках, во время существования Булгарского царства, было построено несколько крепостей, которые служили для защиты территории и контроля торговых путей. Некоторые из них включают:

Карагайская крепость – расположена на правом берегу реки Урал, вблизи села Карагай. Эта крепость была построена в X–XI веках и играла важную роль в защите границы Булгарского царства.

Крепость Карабулак – расположена на реке Юрюзань, недалеко от села Карабулак. Она была построена в X–XI веках и являлась одной из важнейших крепостей на южном Урале.

Как мы видим, чат-бот уже выдал полный и конкретизированный ответ. Проведя анализ заданных запросов, можно сделать вывод о важности умения правильно и конструктивно подбирать материал, с которым в дальнейшем будет работать Искусственный интеллект. Исследователю необходимо заранее подготовить репрезентативный материал, чтобы чат-бот искал в нужном для нас направлении. Например, мы можем предположить, что, говоря о взаимовлиянии булгарских племен и башкир, чат-бот использовал работу Асфандиярова А.З. «Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI–XIX в.)» [1, с. 278], которая изначально была внесена в базу данных чат-бота. Современному исследователю стоит обратить внимание на искусственный интеллект в качестве

инструментария исследования, которая в большей степени дополняет основную информацию, а не используется в качестве первоисточника. Также можно отметить быструю скорость предоставления информации- работа по поиску, хоть и дополнительной информации, упрощается-остается больше времени на аналитическую работу. Однако стоит быть аккуратным и задавать вопросы вдумчиво и правильно, иначе можно наткнуться на дезинформацию. Тогда придется перепроверять сведения, ведь чат-бот не предоставляет источники и литературу.

Из вышесказанного ясно, что на данный момент работа искусственного интеллекта в исторических исследованиях имеет как плюсы, так и минусы. Мы не знаем, что будет в будущем: заменит ли искусственный интеллект человека в исторических исследованиях. Но важно одно: сейчас человек и искусственный интеллект должны работать сообща.

Литература и источники

1. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI–XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.

2. Нейросеть ChatGPT в России: что умеет и как пользоваться? /Электронный ресурс URL: <https://rb.ru/analytics/all-about-chatgpt/> (дата обращения: 16.11.2023).

© Хафизова В.А., 2024

Список сокращений

- АССР – Автономная советская социалистическая республика
БАССР – Башкирская автономная советская социалистическая республика
в. – век
Вып. – выпуск
г. – год
гг. – годы
Д. – дело
д. – деревня
Кн. – книга
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
Л. – лист
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан
Оп. – опись
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
с. – село, страница
С. – страница
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
Т. – том
Ф. – фонд
Ч. – часть

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

**НАРОДЫ РОССИИ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ В ИМПЕРИЮ.
IV АСФАНДИЯРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(г. Уфа, 7 декабря 2023 года)*

Электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции*

Подписано к использованию 16.07.2024 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 6,17 Мб.
Заказ 97.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: ric-bdu@yandex.ru